

Л. И. Гинцберг

Ранняя история нацизма Борьба за власть

Введение

Эта книга посвящена предыстории установления гитлеровской диктатуры в Германии, которое произошло 30 января 1933 г. и имело тяжелейшие последствия для народов Европы и всего мира. Различные аспекты нацистского господства, катастрофические итоги их 12-летнего пребывания у власти хорошо изучены в исторической литературе; значительно хуже обстоит дело с периодом борьбы Гитлера и его приспешников за власть, который растянулся на целых 14 лет. Серьезных работ, опирающихся на архивные документы, которые позволяют познакомиться с подлинными мотивами, с механизмом тех или иных действий политических организаций и деятелей, у нас почти нет. Между тем исследование этого периода позволяет понять многое не только в механизме процесса подготовки и установления тоталитарного режима в его «классической» форме, но и более отчетливо представить себе происхождение тех или иных действий фашистского режима — проследить их корни и истоки.

И то, и другое, естественно, принадлежит истории. Вместе с тем не подлежит сомнению, что тема фашизма и, в частности, причин и обстоятельств того, как он пришел к власти, не целиком ушла в прошлое. Неофашистские силы, которые мечтают ныне о приходе к власти и готовятся к этому, существуют в разных странах. В некоторых из них они более активны, чем в других. Поучителен пример современной Германии, где фашистские тенденции могли быть, учитывая «традиции», наиболее значимыми. Однако это, как известно, не так. Во-первых, попытки последователей Гитлера устраивать бесчинства на улицах германских городов встречают жесткий отпор со стороны правоохранительных органов (в составе которых, что немаловажно, нет сочувствующих неонацистской проповеди). Во-вторых, и это не менее существенно, в ФРГ за прошедшие после разгрома германского фашизма десятилетия имела место значительная перестройка идеологии, в результате чего из сознания выросших за эти десятилетия поколений фашистские идеи практически вытравлены, и их носители составляют в Германии незначительное меньшинство. Немецкий народ в подавляющем большинстве осознал чудовищность преступлений, совершенных гитлеровским режимом.

Борьба Гитлера и его единомышленников за власть растянулась на 14 лет, т.е. у его противников было вполне достаточно времени, чтобы принять необходимые меры и преградить фашистской гидре путь в имперскую канцелярию. К величайшему сожалению, этого не произошло. Германские антифашисты не сумели осознать опасность, которую представляли собой коричневорубашечники. Германия была страной наиболее развитого в те времена рабочего движения, и немецкие пролетарии в своей массе до прихода Гитлера к власти были в подавляющем большинстве настроены антифашистски; тем не менее две основные рабочие партии — Социал-демократическая и Коммунистическая — были более враждебны друг к другу, чем каждая из них по отношению к фашизму. Урок, преподанный итогом длительной борьбы, происходившей в Германии 1920-х — начала 1930-х годов, был усвоен антифашистами других стран, но для Германии это уже не имело значения.

С тех пор прошло 70 лет, но знакомство с тем, как германский фашизм сумел пробраться к власти, представляет бесспорный интерес. В книге разоблачена среда, которая с самого начала симпатизировала нацистам и поддерживала их политически и материально, — промышленные и финансовые воротилы, раскрыта механика их действий, которые завершились приходом фашистов к власти. Главным, как видно из приводимых материалов, был при этом нажим на тогдашнего президента республики, кайзеровского фельдмаршала Гинденбурга и сговор покровителей нацизма с дворцовой камарильей. Хотя в течение 14 лет, предшествовавших известному финалу, было немало количество выступлений против фашистских бесчинств, в момент его прихода к власти сколько-нибудь активного противодействия это событие, изменившее судьбы Германии и других стран Европы, не встретило. Проблематика фашизма, его история всегда принадлежали к темам, вызывавшим пристальный интерес широкого круга читателей. Предлагаемая вниманию читателей книга принадлежит к этому же кругу, но посвящена той его стороне, которая наименее изучена в отечественной литературе.

Глава 1.

Детище германской военщины (Мюнхен, 1919 г.)

Германский фашизм возник в первые месяцы 1919 г., но прийти к власти сумел только 14 лет спустя. Все эти годы он вел ожесточенную борьбу против демократического режима Веймарской республики, установившегося в Германии после Ноябрьской революции 1918 г., происшедшей

непосредственно после поражения Германии в Первой мировой войне.

Поражение и его последствия — Версальский и другие мирные договоры, навязанные Германии и поставившие ее в весьма тяжелое положение и в экономическом плане, и во внешнеполитической области, были той почвой, на которой выросли первые побеги национал-социализма и которая оставалась едва ли не главной причиной пропагандистских успехов гитлеровцев во все последующие годы борьбы за власть.

В течение четырнадцатилетнего пути к власти германские фашисты меняли тактику борьбы — от ставки на насильственный захват ее и попытки осуществить это намерение на практике (мюнхенский «пивной путч» 1923 г.) до участия в выборах и в работе парламентов разного уровня, что отнюдь не значит, что гитлеровцы пришли к власти в результате победы на выборах, как полагают люди, не знающие существа дела. В действительности на выборах в рейхстаг, происходивших примерно за 3 месяца до 30 января 1933 г., они потеряли 2 млн голосов и сумели прийти к власти лишь в результате дворцовой интриги, задуманной и осуществленной верхушкой крупного капитала и военщины. Что же касается участия нацистов в парламентах, то для них это было лишь дополнительным средством завоевания власти, после чего любые представительные учреждения были фактически упразднены. С самого первого дня существования главной целью национал-социалистической партии была ликвидация демократического строя и замена его диктатурой, в системе которой едва ли не важнейшую роль должны были играть органы подавления. Подобные режимы существовали в Италии (еще за 10 с лишним лет до установления гитлеровской диктатуры) и ряде других стран. Аналогичная модель власти господствовала, хотя и с другой идеологией и иной направленностью, в Советской России. Эта идеология, как мы увидим, постоянно была объектом ожесточенных нападков со стороны германских фашистов. Ликвидацию влияния марксистского учения в Германии Гитлер и его приспешники с самого начала рассматривали как первостепенную цель. Социальная борьба в стране должна была быть заменена сплочением населения, независимо от классовой принадлежности, для борьбы против других стран и народов, существование которых якобы лишает немцев возможности нормального существования. Лживая политическая пропаганда гитлеровцев, как мы увидим, по своим масштабам и изощренности превосходила все, что имело место в истории. И тем не менее при таком размахе оболванивания населения нацистам потребовалось 14 лет, чтобы добиться своих целей; даже при том, что правящие круги относились к нацистской партии достаточно лояльно, хотя Гитлер и его сторонники ни на одном этапе истории нацистского движения не скрывали своих целей, своего намерения уничтожить Веймарскую республику, провозглашенную в 1919 г. на обломках кайзеровской империи.

Для того чтобы понять причины возникновения фашистского движения, надо хорошо изучить обстановку, в которой оказалась Германия после поражения в Первой мировой войне. Страна находилась в войне более 4-х лет, она боролась с коалицией, в которую, кроме ряда второстепенных государств, входили такие великие державы, как Великобритания, Франция и Россия, а с 1917 г. и США. Шансы одолеть их всех были незначительны, однако Германские войска в ходе военных действий добились ряда выдающихся успехов, а после выхода революционной России из войны и оккупации значительных ее территорий могло показаться, что чаша весов склоняется на сторону Германии. Но это было не так: преобладание материальных ресурсов и воинских контингентов Антанты должно было привести ее к победе, что и произошло в начале ноября 1918 г. Непосредственным последствием этого события явилась революция в Германии, покончившая с кайзеровским режимом и провозгласившая демократическую республику.

Воздействие поражения на значительные слои немецкого населения трудно переоценить. Значительные людские жертвы, понесенные в ходе четырехлетней войны, когда германские войска не раз, казалось, были весьма близки к победе, суровые лишения населения в годы единоборства с остальным миром и многие другие утраты и страдания — все это оказалось напрасным. Признать, что поражение было неизбежно и отражало реальное соотношение сил воюющих сторон, германские националисты, воспитанные на гимне «Германия превыше всего!», не могли. И сразу же возникла легенда об «ударе ножом в спину», якобы нанесенном воюющей армии тылом. Главными виновниками поражения объявлялись социалисты, которые в действительности по воле своих лидеров поддерживали военные усилия правящих кругов на протяжении всей войны. В ходе революции они, чтобы предотвратить развитие событий по российскому образцу, взяли власть в свои руки, за что получили от «патриотов» клеймо «ноябрьские преступники», оставшееся за ними (и другими демократически настроенными политическими деятелями) на долгие годы.

Но то, что произошло в дальнейшем, еще более осложнило внутривосточную обстановку и значительно умножило ряды недовольных положением, в котором оказалась Германия. Речь идет о Версальском и других мирных договорах, которые подвели итог Первой мировой войне. Победители навязали бывшим противникам, прежде всего Германии, тяжелейшие условия мира, выполнение которых было практически невозможно экономически, а политические статьи ставили Германию и ее союзников в униженное положение. Люди, которые сформулировали эти условия, не учитывали последствий подобного диктата. Одно из них касалось военнослужащих, которые оставались за бортом новой армии (рейхсвера), которая по Версальскому договору должна была насчитывать лишь 100 тыс. чел. — вместо миллионного войска кайзеровских времен. Отсюда многочисленные легальные и полуполуправильные формирования, располагавшие оружием и оказывавшие давление на политическую обстановку в ряде германских земель (провинций), в первую очередь Баварии. Все эти люди были настроены однозначно реакционно и составили едва ли не важнейший контингент возникших в это время фашистских организаций. Из их рядов формировались наемные убийцы, несшие смерть неугодным им политическим деятелям. Жертвами их стали — первый глава послереволюционного правительства Баварии К. Эйсер, М. Эрцбергер, «повинному» в том, что в ноябре 1918 г. он подписал перемирие с державами Антанты, положившее конец войне, затеянной и проигранной германскими империалистами, В. Ратенау, «вина» которого заключалась в том, что он, будучи министром иностранных дел, заключил Рапалльский договор с Советской Россией, что знаменовало собой чрезвычайно важный для тогдашней Германии прорыв блокады, возведенной вокруг этой страны Антантой. Некоторые из убийц, которым удалось избежать суда, как мы увидим, находили прибежище в Баварии, свободно разгуливая по улицам Мюнхена. Почти все они находились на военной службе и представляли собой контингент тех людей, которые прошли 4 года войны.

Первая мировая война предварила появление фашизма не только в связи с поражением Германии, о чем уже шла речь выше. Это была невиданная в течение ряда веков по длительности и жесточести бойня, повлекшая за собой не только огромные жертвы, но, что не менее важно, одичание. Известно, что именно германская армия прибегла к использованию ядовитых газов, от чего Антанта до того воздерживалась, хотя те имелись на вооружении.

Война подобного масштаба, как Первая мировая, привела к тому, что убийство стало привычным, рутинным делом. Без преувеличения можно сказать, что люди, прошедшие 3–4 года в окопах, яростно ненавидевшие противника, привыкшие к ежедневной гибели товарищей, могли утратить представление о том, что человеческая жизнь представляет собой какую-либо ценность. С подобными представлениями ветераны войны возвращались на родину, и, естественно, они представляли собой наилучший контингент для фашистских организаций, члены которых не останавливались ни перед чем, чтобы устранить тех, кто препятствовал приходу Гитлера к власти. Отсюда и зверства фашистов, которые происходили не только сразу после войны, но и значительно позднее — «традиции», сложившиеся под влиянием войны, были очень живучи. Так, уже в 1932 г., за несколько месяцев до прихода к власти, пятеро штурмовиков расправились с рабочим в Восточной Пруссии на глазах его матери, умолявшей их пощадить сына.

В рассматриваемый период — после Ноябрьской революции 1918 г. — у власти находились социал-демократы, что вызывало острую ненависть реакционеров всех мастей, стремившаяся восстановить прежние порядки полуабсолютистского строя. Среди организаций подобного толка были «Германский орден» и ассоциированное с ним общество «Туле», располагавшие значительными средствами, но чужавшиеся широкой известности и по этой причине построенные на манер масонских лож. Глава последнего барон Зеботтендорф уже 9 ноября 1918 г. (т.е. в день самой революции) созвал собрание и в своей речи назвал подлинными виновниками случившегося евреев, целью которых было нанести ущерб германцам. На следующий день Зеботтендорф организовал «Боевой Союз» общества «Туле». На средства последней готовились контрреволюционные выступления; первое из них состоялось уже 4 декабря, но закончилось провалом. В Баварии в конце 1918 — начале 1919 г. нарастали противоположные настроения, что в начале апреля привело к провозглашению Советской республики. Зеботтендорфа в это время в Мюнхене уже не было: усыновленный бароном деятель, один из основоположников германского фашизма, оказался проходивцем, занимавшимся преступными финансовыми махинациями, и во избежание ареста он вынужден был покинуть Германию (куда сумел вернуться лишь после прихода нацистов к власти в 1933 г.).

В материалах, касающихся этих месяцев, уже встречаются имена будущих деятелей германского фашизма: Харрер, ставший вскоре заместителем председателя нацистской партии, Г. Федер, в последующем ее главный теоретик в области экономики, Г. Франк, наиболее видный фашистский специалист в юридической области, казненный в 1946 г. по приговору Международного трибунала и др. Сама же партия, получившая наименование «Германской рабочей партии», была создана 5 января 1919 г. рабочим железнодорожных мастерских Мюнхена А. Дрекслером. Название организации было выбрано далеко не случайно и вероятно подсказано Дрекслеру кем-то, понимавшем, что нельзя добиться успеха, не оторвав из-под влияния марксистов хотя бы часть рабочего класса и не склонив ее на свою сторону. Естественно, подобная задача была не по плечу кучке реакционеров, пускай даже пролетариев по социальной принадлежности, но совершенно несведущих в политике, не имевших никакой поддержки со стороны влиятельных сил, заинтересованных в ликвидации последствий революции и уничтожении «ноябрьских преступников». Планам Дрекслера и его сообщников навряд ли удалось бы осуществиться; но развитие событий в Баварии пошло по совершенно непредсказуемому пути: там решительно активизировались левые силы, что в немалой степени было ответом на наглое убийство главы республиканского правительства К. Эйслера. Это привело в начале апреля 1919 г. к провозглашению в Баварии Советской республики.

Перспективы подобной акции практически были равны нулю. Бавария представляла собой небольшой островок во враждебном море. С чисто военной стороны положение Баварской советской республики тоже было с самого начала безнадежным, ибо в руках властей, помимо регулярных частей, еще далеко не полностью демобилизованных, находилось множество всякого рода добровольческих соединений и частей гражданской обороны, настроенных в своей массе чрезвычайно реакционно. В этом смысле основное значение имели сообщения из Советской России, в которых зачастую преувеличивались негативные процессы, имевшие там место, публиковались статистические данные, не соответствовавшие действительности, и т.д. Но если даже эти сведения не искажали действительность, то они никак не могли вдохновить немцев на то, чтобы повторить российский эксперимент, ибо ничего хорошего, во всяком случае в обозримом будущем, он не сулил. То, что было более или менее достоверно известно на этот счет, могло вызывать у преобладающих слоев населения лишь опасения по отношению к советской власти в Баварии, чем и воспользовались власти — баварские и берлинские. Уже к 1 мая 1919 г. они покончили с Советской властью в Мюнхене.

Но влияние, которое оказало это событие на значительные слои населения Баварии, было значительным. Страх перед возможным повторением революции стал немаловажным фактором политической жизни; он облегчил путь нацистской партии к власти.

Сам факт прихода коммунистов к власти именно в Баварии — не самой развитой в те времена в экономическом отношении земле — трудно объяснить. В других землях, прежде всего в наибольшей из них — Пруссии, — рабочее движение было гораздо более развито, в ней находилась столица страны — Берлин. Но вперед вышла Бавария, и причина этого заключалась, по-видимому, в том, что к весне 1919 г. в Мюнхене оказалась группа талантливых организаторов, которые, несмотря на присутствие здесь ультрареакционных военных кругов, использовали ситуацию для захвата власти. Но добиться большего революционеры не смогли: для этого условий не было.

В те недели, когда в Мюнхене господствовали коммунисты, реакционеры ушли в подполье, ожидая помощи извне. А после 1 мая их члены активно сотрудничали с полицией и участвовали в расправе над революционерами.

Среди этих добровольных помощников был и ефрейтор Гитлер, который продолжал служить в армии. Во время Советской власти в Баварии он затаился, стремясь не попадаться на глаза и не обнаруживать свои настроения, которые характеризовались жгучей ненавистью не только к власти коммунистов, но и к республиканскому строю, к демократии вообще. Но в тот момент Гитлер был никому неизвестен, являясь слушателем курсов, организованных мюнхенским командованием для военнослужащих, которым предстояла вскоре демобилизация.

Что касается «Германской рабочей партии», то она влачила жалкое существование — и не только в дни Советской республики, когда ее участники боялись даже встречаться друг с другом, но и в более благоприятной обстановке. Число ее членов исчислялось несколькими десятками, да и те встречались в задних комнатах третьеразрядных пивных. Партия не располагала не только печатным органом, но и какими-либо техническими средствами для пропаганды своих идей. В книге «Майн

камф» Гитлер в целях саморекламы описал незавидное положение, в котором находилась «Германская рабочая партия» в первые месяцы своего существования. Он хотел подчеркнуть свои заслуги в активизации ее деятельности. Но Гитлер умалчивает о том, что он пришел в рабочую партию и вступил в нее не по собственной инициативе, а выполняя задание военного командования, которое решило взять ее под свою опеку.

Тем не менее значительная роль Гитлера в становлении и развитии германского фашизма чрезвычайно велика и, рассматривая эту тему, необходимо обратиться к его биографии.

По национальности Гитлер не был немцем — он был австрийцем и являлся гражданином тогдашней Австро-Венгрии. Отец Гитлера был мелким таможенным служащим, семья жила преимущественно в маленьких городках, расположенных на границе. Отец женился третьим браком на своей племяннице, которая была моложе его на 23 года; этот факт в сочетании с близким родством родителей оказал, как можно полагать, негативное влияние на сына, определив некоторые черты его характера, которые никак нельзя признать нормальными. Учился он сначала в деревнях, где жили родители, затем в Линце. Учился плохо и школьный курс так и не закончил. Покинув реальное училище, в котором он обучался, Гитлер в течение многих месяцев оставался безработным, хотя матери (отца уже не было в живых) было трудно подымать двух детей. Так продолжалось два года, после чего Гитлер отправился в Вену. Там он изучал рисунок и рассчитывал поступить в Академию художеств. В 1907 г. он держал экзамен в Академию и провалился. В экзаменационном протоколе было сказано: «Адольф Гитлер. Несколько рисунков головы признаны неудовлетворительными». Удар был сокрушительный, но будущий фюрер, веривший в свое художественное дарование, повторил свою попытку, но на этот раз он не был даже допущен к экзаменам. Ректор Академии, к которому Гитлер обратился за разъяснениями, посоветовал ему податься в архитектурный институт, но от этого пришлось отказаться (отсутствовал аттестат об окончании школы).

В 1909–1913 гг. Гитлер жил в Вене. У него не было никакой профессии и никакой постоянной работы, да он и не стремился к этому, пробавляясь случайными заработками. Некоторое время трудился на стройке, но товарищи невзлюбили его и угрожали сбросить с лесов. Изготавливал рисунки, на которых изображал архитектурные достопримечательности Вены; они были выполнены в сугубо копиистской манере с тщательно выписанными узорами и виньетками. Кроме того, он пробавлялся также рисунками для рекламы; объекты были самые разные: от мягкой мебели до бриллиантина для волос и присыпки от пота. Своими рисунками Гитлер иногда торговал и сам, но чаще сбывал их при чьем-либо посредничестве. Однажды произошел скандал. Будущий фюрер договорился с одним из знакомых по мужскому общежитию, где он тогда проживал, что тот продаст рисунки по определенной цене. Но очевидно, приятель не сумел продать по условленной цене и сбыв рисунки по более низкой. Гитлер возмутился и обратился в полицию, что закончилось для посредника наказанием.

Условия жизни будущего нациста №1 в Вене были очень неблагоприятны. Своего постоянного жилья у него не было, и большей частью в австрийской столице он жил в мужском общежитии. Фактически это была ночлежка. Впоследствии Гитлер не любил вспоминать об этом времени и со своими бывшими соседями по мужскому общежитию практически не поддерживал отношений. Он игнорировал их также, как и своих бывших школьных учителей, которые знали его как нерадивого ученика.

За годы, проведенные в Вене, в основном сложилось мировоззрение Гитлера. Он не чувствовал себя австрийцем, а только немцем. Все немецкое боготворил. Одна из главных причин нелюбви к своей родине заключалась в том, что Австро-Венгрия была многонациональным государством, в котором значительную роль играли другие народы, в том числе славянские — предмет ненависти с малых лет. По той же причине Гитлер недолго любил Вену, и это отношение к австрийской столице осталось у него навсегда.

В годы жизни в Вене полностью сформировались антисемитские настроения Гитлера. Можно полагать, что настроения такого рода начали складываться у Гитлера еще до того, как он обосновался в Вене, но именно там антисемитизм Гитлера принял те формы, которые известны нам по позднейшим событиям. Вена была международной столицей, здесь было много людей самых разных национальностей, в том числе евреев, которых в деревнях, да и в Линце было очень мало или не было вовсе. Они выглядели и вели себя иначе, чем представители коренной национальности, и это не нравилось Гитлеру. Но дело не только и не столько в этом. Вена была одним из главных центров антисемитизма в Европе. Одним из лидеров антисемитских сил был мэр Вены Люэгер, взгляды

которого были в общем умеренными. Но в Вене орудовал другой деятель: Шенерер, гораздо более непримиримый, пропагандировавший антисемитизм не на религиозной почве, а на расовой основе, что придавало ему гораздо большую остроту. Именно этот вариант воспринял Гитлер, положив его в основу идеологии германского фашизма. В «Майн кампф» Гитлер отмечал, что антисемитом он стал в Вене.

Одним из главных источников антисемитизма будущего фюрера стали произведения Рихарда Вагнера, с которыми он познакомился в Вене. Сочинения Вагнера — и музыкальные, и литературные — стали спутниками всей жизни Гитлера. Что касается опер Вагнера, то они импонировали Гитлеру не столько музыкой, в которой он не слишком разбирался и не мог оценить ее сильные и слабые стороны (а они, несомненно, имелись, и главная из них — растянутость, когда сильные куски соседствуют с откровенно слабыми), сколько их содержанием. А содержание призвано было воспеть германское средневековье и было основано на преданиях и сказаниях, имевших целью вызывать чувства национального превосходства немцев, прежде всего военного, над их соперниками. Любовь к Вагнеру, который импонировал ему прежде всего идейно, Гитлер сохранил на всю жизнь, и она была подкреплена дружескими отношениями с потомками композитора — его сыном и женой последнего, которая стала одной из первых единомышленниц фюрера и покровительниц его движения.

В мае 1913 г. пребывание Гитлера в Вене закончилось. Он покинул австрийскую столицу не столько, как можно подумать, из стремления жить в Германии, сколько по другим соображениям. Он не желал быть призванным в австро-венгерскую армию, в немалой степени состоявшую из ненавистных Гитлеру представителей славянских народов и других нацменьшинств, не пользовавшихся его симпатиями. Переселившись в Германию, он мог рассчитывать попасть в ряды германской армии, состоявшей из чистокровных арийцев. Международная обстановка была весьма напряженной, на Балканах уже шли бои — предвестники Первой мировой войны, и расчет Гитлера в общем оказался верным. Правда, его бегство из Австро-Венгрии не осталось незамеченным, и спустя некоторое время — в январе 1914 г. — представители австрийских военных властей появились в Мюнхене, где обосновался Гитлер, и потребовали от него объяснений. Будущий фюрер прибег к привычной лжи, вполне обоснованно опасаясь серьезного наказания за дезертирство. Он подал в магистрат Линца пространное объяснение своего поведения в вопросе о воинской обязанности, полное слезливых извинений и заканчивавшееся словами: «Я всегда достойно берег свое имя, совершенно безупречен перед законом и чист перед своей совестью».

Гитлеру на протяжении всей жизни везло в отношениях с властями. Ему пришлось отправиться в Зальцбург для прохождения призывной комиссии, но он был признан негодным к несению военной службы (спустя полгода началась мировая война и Гитлер добровольно вступил в ряды германской армии, для которой оказался вполне пригоден).

Для Гитлера война была как манна небесная. Даже если отвлечься от псевдопатриотической стороны вопроса — для таких субъектов, как Гитлер, человека без профессии, без стабильного заработка, без жилья, война была наилучшим решением всех проблем. Сохранилась фотография, сделанная в Мюнхене в день объявления Первой мировой войны; на ней одна из центральных площадей, вся запруженная людьми, среди которых находился и Гитлер. Выражение лица — ликующее: он, как и большинство соотечественников, пришедших сюда в патриотическом подъеме, не сомневался в скорой победе; мало кто из них мог представить себе, что война продолжится более 4 лет и закончится поражением Германии и последующими бедами и злоключениями.

Что касается Гитлера, то война сняла с него все заботы о хлебе насущном, о жилье, об одежде и т.п. Все это предоставлялось государством, сопровождаясь, правда, определенными неудобствами и опасностями. Гитлер не участвовал непосредственно в сражениях, ибо выполнял обязанности связного, передававшего в подразделения приказы командования части в случае, если другие средства связи выходили из строя. Тем не менее он был награжден двумя орденами — Железными крестами I и II степени (первый из них Гитлер носил все последующие годы). После того как Гитлер стал рейхсканцлером, начали распространяться рассказы о его военных подвигах — будто он взял в плен несколько десятков вражеских солдат. О достоверности подобных рассказов можно судить и потому, что в одних случаях «его» пленными являлись французы, в других англичане. Вполне же достоверным фактом было то, что будущий фюрер за 4 с лишним года военной службы дослужился лишь до звания ефрейтора. Как свидетельствуют документы, вопрос о производстве Гитлера в офицеры рассматривался, однако прошение было отклонено, ибо у него не было необходимых

командирских качеств. То обстоятельство, что Гитлер не стал офицером, в период, когда Гитлер боролся за власть, было для него весьма неприятным фактом (особенно, когда рядом с ним появился Г. Геринг, весьма популярный ас времен войны, что автоматически обеспечивало ему доступ в любые круги общества).

Поражение в войне и Ноябрьскую революцию Гитлер воспринял как огромное личное несчастье. В этот момент он находился в госпитале после отравления газами (в книге «Майн кампф» он утверждает, что даже потерял на время зрение, но это выдумка), и там у него зародилась жгучая ненависть к тем, кто, по его мнению, были виновниками случившегося — к «ноябрьским преступникам» — марксистам и евреям. То, что произошло в начале ноября 1918г., было прямым следствием порочной политики правящих кругов, их авантюризма в ведении войны, исход которой можно было предвидеть задолго до ее окончания. Основы мировоззрения ефрейтора Гитлера, заложенные в годы пребывания его в Вене и усилившиеся в годы войны в результате поражения, воспринятого предельно искаженно, в конце 1918 г. и в течение 1919 г. породили чудовищно искаженную систему взглядов, в которой все было поставлено с ног на голову. Таковую личность, как Гитлер, следовало бы изолировать, не предоставлять ему возможность воздействовать на людей, переживавших, вероятно, наибольший стресс в своей жизни. Но этого сделано не было. Наоборот, как мы увидим, были созданы практически все условия, чтобы Гитлер, у которого оказался незаурядный ораторский талант, мог развернуть чудовищную по масштабам пропагандистскую кампанию, основанную на ненависти ко всему прогрессивному, на вражде к народам других стран. В стремлении к реализации этой программы Гитлер сумел опереться на военное командование Баварии и в немалой степени на ее политическое руководство.

Это произошло не сразу. Конец 1918 и начало 1919 г. ефрейтор провел в казарме, как и другие военнослужащие, ожидая демобилизации. Все начало меняться после подавления Советской республики в Мюнхене. Гитлер предложил военному командованию свои услуги для поиска коммунистов. Эти услуги привлекли интерес некоторых чинов мюнхенского командования к ефрейтору. Одним из этих людей был майор Майр, возглавлявший отдел, который занимался идеологической обработкой солдат в связи с предстоявшей демобилизацией. Майр, впрочем, как и другие офицеры, был настроен предельно реакционно и реваншистски. Как видно из документов, Майр, занимая официальный пост, был единомышленником руководителей антиреспубликанского заговора, сделавших в марте 1920 г. попытку государственного переворота (она провалилась благодаря сплоченному выступлению рабочего класса, поднявшегося на всеобщую забастовку). Майр организовал «переподготовку» всех, кто подлежал демобилизации, для чего привлек политических деятелей, университетских профессоров, офицеров, придерживавшихся особенно реакционных взглядов, и т.д. В числе слушателей был и Гитлер. До тех пор он в политике не участвовал: не выступал перед большой аудиторией. На курсах, организованных Майром, у Гитлера впервые проявились ораторские способности, и организаторы оценили это, тем более что направленность его высказываний чрезвычайно импонировала им. Поэтому уже в следующем курсе «лекций», которые проводило военное командование, Гитлер из слушателя превратился в преподавателя. Майр вообще приблизил его к себе; так, он поручил Гитлеру составить ответ на письмо, в котором содержалась просьба охарактеризовать ситуацию, сложившуюся в Германии после поражения в войне. Тот написал пространный ответ, изложив свои взгляды на положение Германии, и в числе других тем затронул «еврейский вопрос», впервые сформулировав свою программу, как полное «очищение» Германии от евреев. (Этот документ, впрочем, аналогично всем другим, вышедшим из-под его пера, пестрит орфографическими ошибками и другими языковыми погрешностями.)

Помимо Майра, у Гитлера появился еще один покровитель в штабе баварского командования. Это был капитан Э. Рем, который распоряжался вооружением регулярных частей, а позднее, когда добровольческие соединения и части гражданской обороны были по требованию Антанты распущены, то и их оружием (в том числе и артиллерийскими орудиями). Рем быстро усвоил ультранационалистические взгляды и стал незаменимым опекуном национал-социалистической партии. Это в конечном счете стоило ему жизни. Он командовал штурмовыми отрядами НСДАП, и когда, уже после прихода к власти, между политическим руководством и командованием штурмовиков возникли разногласия, Гитлер приказал убить Рема и его единомышленников (это была известная «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г.).

Военное командование пристально следило за политической обстановкой в Мюнхене и во всей

Баварии. Политических организаций было здесь множество, примерно 50. Многие из них были малозначительны, число их членов не превышало десятка. Но Майр все-таки хотел иметь более или менее точную политическую карту Баварии и разослал в ряд организаций осведомителей. Существенный интерес Майра привлекла «Германская рабочая партия» — он понимал, что для реализации своих замыслов очень важно привлечь в ее ряды максимальное количество рабочих. Поэтому в сентябре 1919 г. Гитлер явился на собрание ГРП, чтобы получить представление о ее состоянии и возможностях. Впечатление Гитлера об увиденном и услышанном было неблагоприятным, ибо ему показались малоперспективными и обстановка захудалой пивной, в которой проходило собрание, и рассматривавшиеся вопросы, и содержание выступлений. Для председателя комитета партии — Дрекслера и его коллег появление нового человека, тем более посланца военных властей, было подарком, и они сразу же зачислили его в ряды своей организации. Гитлер, если верить ему, сначала отнесся к этому без энтузиазма, но затем — безусловно по настоянию военного ведомства — принял предложение. В данной связи необходимо отметить очередную ложь Гитлера: все последующие годы он утверждал, будто его членский билет нацистской партии был под №7. Но в действительности (хотя это была выдуманная цифра) в билете стоял №555: для солидности к подлинному номеру слева приписывалась цифра 5. Таким образом, на деле Гитлер был 55-м членом нацистской партии. Цифра 7 возникла потому, что он стал 7-м членом руководящего комитета партии (его ораторские данные были оценены, и Гитлеру было поручено возглавить пропагандистскую деятельность). После первого же его выступления, выдержанного в свойственной ему экзальтированной манере, Дрекслер сказал: «Теперь мы имеем парня со здоровенной глоткой!»

После появления Гитлера в партии число ее сторонников стало расти. В какой-то степени это было следствием его ораторских успехов, но немалое значение имел тот факт, что в нее вступили многие военнослужащие; некоторые из них были соседями Гитлера по казарме, но еще большее число, по-видимому, вступило в нацистскую организацию по прямому приказу командования.

В «Майн кампф» Гитлер подробно рассказывает, как и в каком направлении он изменил деятельность партии. Основная цель заключалась в том, чтобы изменить характер партии, покончить с келейностью, привлечь к ней внимание более широких слоев населения. Гитлер арендовал помещение для «конторы», достал подержанную машинку, приобрел и другие предметы, без которых было невозможно нормальное делопроизводство. Но главное было в том, что значительно участились собрания, сообщения о них загодя публиковались в газетах и появлялись на плакатах, которые отличались броскостью и обращали на себя внимание необычностью для того времени. Характер собраний также значительно изменился — из формальных, целью которых было обсуждение текущих дел, они все более превращались в митинги, где шла речь о животрепещущих вопросах политической жизни, а главным оратором все чаще становился Гитлер. Его талант площадного демагога привлекал все большее количество людей, которым нравилось, сидя за кружкой пива, слушать речи новоявленного вождя против вся и всех: евреев, коммунистов, «ноябрьских преступников», демократов и демократии. Все эти темы были близки германским военным кругам, настроенным крайне реакционно, именно они в начальный период существования нацизма являлись его главной опорой, не только в отборе реакционных, реваншистских идей, но и в чисто материальном отношении: наем помещений, объявления в газетах и изготовление плакатов требовали денег, и на первых порах, пока еще не были установлены прочные связи с состоятельными людьми — банкирами, промышленниками, крупными землевладельцами, средства предоставляли генералы. Нацистская партия была «раскручена» за счет налогоплательщиков, среди которых далеко не все придерживались взглядов, которые пропагандировали Гитлер и его единомышленники.

В более поздние времена основные средства, необходимые для нацистской агитации и пропаганды, которые никак не могли обеспечиваться членскими взносами (это постоянно утверждали фашистские главари), предоставлял крупный капитал. В первые же годы существования Германскую рабочую партию поддерживали лишь отдельные представители капитала, придерживавшиеся крайне реакционных взглядов и в кайзеровские времена поддерживавшие тогдашний оплот крайних устремлений, лелеявших планы ликвидации организованного рабочего движения, — Пангерманский союз. После ликвидации Советской республики в Баварии власть имущие почувствовали себя более уверенно и не видели настоятельной необходимости субсидировать нацистскую партию, малоизвестную и еще мало чем себя зарекомендовавшую. Известны имена тех, кто составлял исключение. Это, например, широко известный фабрикант роялей

Бехштейн, супруга которого была одной из самых ранних почитательниц Гитлера и покровительниц партии, и берлинский фабрикант Гансер, вступивший в нее едва ли не в 1919 г.

С помощью военных деятельность нацистской партии активизировалась, хотя и не в такой степени, как хотелось бы Гитлеру и группе активистов, сформировавшейся вокруг него. То были очень различные персоны, чаще всего не отягощенные особенным образованием, но зато, как правило, прошедшие войну и готовые на все в борьбе с противником, подлинным или мнимым. Они вместе с Гитлером составили руководящий костяк нацистской партии, хотя до середины 1921 г. им еще не удалось полностью взять в свои руки партийное управление. Но в течение 1919–1920 гг. вокруг Гитлера сложилась группа, которая несколько позднее вырвала из рук Дрекслера и его коллег руководство организацией.

Наиболее ценным из всех, кого Гитлер привлек в ряды нацистской партии, был Д.Экарт, писатель и переводчик (он перевел, в частности, «Пер Гюнта» Ибсена). Это был человек уже не первой молодости, весьма заметный в масштабах Мюнхена и имевший широкие связи за пределами города. Основой мировоззрения Экарта был неистовый антисемитизм; с конца 1918 г. он издавал листок, нечто вроде газеты, единственной целью которого было разжигание ненависти к евреям, как виновникам всех бед, постигших Германию. Экарт был известен также как страстный, даже на здешнем фоне, любитель пива и завсегдатай значных мест. Он был пациентом нервной клиники, а под конец жизни — стал морфинистом.

Экарт привел к Гитлеру другую колоритную личность, сыгравшую немаловажную роль в истории нацистской партии. То был А.Розенберг, в конце 1918 г. бежавший из России и обосновавшийся в Мюнхене. Розенберг был родом из Прибалтики, до Октябрьской революции входившей в состав России, и поэтому считался большим знатоком России (в 1913 г. он даже жил несколько месяцев в Москве). Для Гитлера это была находка, ибо антибольшевизм являлся одним из основных тезисов всех его выступлений. Розенберг представлял для нацистов ценность еще и потому, что он имел высшее образование; это в их рядах являлось редкостью и позволило Розенбергу выступать в качестве «мыслителя». С самого начала своей деятельности в Германии Розенберг был одним из главных и наиболее активных пропагандистов расизма; именно он начал распространять здесь «Протоколы сионских мудрецов». Так Гитлер получил дополнительный козырь в своей пропаганде. Мало кому известен факт (о нем шла речь в издании, вышедшем в годы гитлеровской диктатуры): дипломной работой Розенберга в Рижском высшем техническом училище был проект крематория; в этом безусловно есть нечто символическое — плодом «теоретической» деятельности Розенберга были 6 миллионов жертв Холокоста, не считая тех русских, которые были уничтожены в тот период, когда он был министром по делам оккупированных восточных территорий.

Несколько позднее в команду будущего фюрера вошел еще один выходец из Прибалтики — Шойбнер-Рихтер, ставший весьма приближенным к нему функционером партии. Он также выступал в качестве большого знатока России. Но ценность этого деятеля заключалась также в том, что он был ближе к белогвардейской эмиграции, чем Розенберг. А эта эмиграция, особенно на первых порах ее существования, представляла для Германской рабочей партии значительный интерес. Он заключался не столько в сведениях антисоветского характера, сколько в финансовых возможностях белой эмиграции, располагавшей не только валютой, но и драгоценностями, которыми владели великокняжеские семьи, сумевшие вывезти их в эмиграцию, и которые некоторой частью этого богатства готовы были поделиться с германскими фашистами, близкими им по духу.

Еще одной личностью, появившейся в окружении Гитлера, был Г.Эссер, журналист, обладавший не только острым пером, но и значительными ораторскими способностями. Эссер был политическим деятелем, который даже на фоне других функционеров высшего звена нацистской партии выделялся абсолютной беспринципностью и полным неприятием моральных ценностей. На жалобы потерпевших от Эссера коллег Гитлер, как и в других аналогичных случаях, отвечал, что Эссер, конечно, подлец, но он необходим партии. Позднее то же самое Гитлер сказал по поводу Рема, который, будучи гомосексуалистом, в те, гораздо более строгие, чем наши дни, времена наносил немалый ущерб НСДАП в глазах общественности.

Гитлер довольно уверенно усиливал свое влияние в руководстве Германской рабочей партии. Уже в декабре 1919 г. он предложил принять измененный устав, который предусматривал значительное усиление полномочий руководящего комитета. Утвердив новую редакцию устава тогда еще не удалось, но сопротивление, которое оказывали некоторые прежние руководители партии, в частности, заместитель Дрекслера Харрер, было постепенно сломлено. Вначале 1920г. Харрер

покинул партию. Принципы организации, заимствованные у «Германского ордена» с его традициями масонской ложи, препятствовали стремлению Гитлера и его единомышленников к максимальному расширению массовой базы движения, значительного увеличения числа его сторонников. При этом, как уже отмечалось, ставка была на завоевание возможно большего количества рабочих. Успехи в этом смысле до прихода Гитлера к власти были невелики: по данным за 1923 г. в нацистской партии было 9,5% необученных и 8,5% рабочих-специалистов. Намного больше был процент ремесленников и вообще представителей средних слоев, всегда составлявших главную базу сторонников фашистских движений. Классово сознательные рабочие, независимо от того, к какой из трех рабочих партий, существовавших в те годы в Германии, — Социал-демократической, Независимой социал-демократической и Коммунистической, — они принадлежали, не могли принять за чистую монету бессмысленный бред, ставивший с ног на голову все реальности экономической и политической жизни. Им было не по пути с фашистскими «социалистами», с их социализмом, который, по словам Гитлера, «можно будет найти только у арийских наций и рас» и «осуществить только в сочетании с национализмом и антисемитизмом». Рабочее движение в Германии возникло и превратилось в крупную организованную силу, базируясь на противоположных принципах — пролетарского интернационализма. «Рабочие относились к агитации (национал-социалистов), — пишет современный автор, исследовавший данный вопрос, — безразлично, более того, они оказывали нацистской партии все более сильное противодействие». Мы увидим это на конкретных примерах, но раскол в рядах рабочего класса, в рядах антифашистских сил в целом значительно снижал эффективность антифашистской борьбы.

В конце 1919— начале 1920 г. происходила разработка программы ГРП — до этого момента партия существовала без всякой программы. Кто был автором 25 пунктов этого документа, точно неизвестно, но некоторые данные позволяют полагать, что в разработке программы участвовали Дрекслер, Гитлер и Федер. Последнее безусловно, ибо в программу нацистской партии практически дословно вошла придуманная Федером и неоднократно изложенная им на различного рода форумах теория «процентного рабства», которая объявляла банковский процент причиной всех экономических неурядиц Германии (проистекавших на самом деле вследствие поражения в войне). Положение о процентном рабстве было непосредственно связано с антисемитскими устремлениями — Федер и другие нацисты утверждали, будто банкирами являются в Германии одни евреи, что, конечно, не соответствовало фактам. Программа содержала и другие пункты антисемитского характера; главное их отличие от разного рода антисемитских писаний и проектов прошлого заключалось в том, что эта программа базировалась на лживом представлении, будто евреи принадлежат к другой расе, если сравнивать их с немцами или другими арийскими народами, причем низшей. Фашисты, как делают антисемиты разных мастей и в наши дни, игнорировали очевидные и общеизвестные факты, начисто опровергавшие их бездоказательные утверждения и свидетельствовавшие об обратном (чтобы не утомлять читателя, назовем лишь А. Эйнштейна, хотя примеров десятки и сотни). До нацистов антисемитизм базировался на религиозной основе, что, как известно, тоже было опасно, но в гораздо меньшей степени, чем объявление-евреев чуждой расой. Программа Германской рабочей партии 1920 г. открыла собой путь, в конце которого был Холокост — преступление еще невиданного до тех пор масштаба.

Нацистская программа вскоре после принятия была объявлена неизменяемой, что в последующие годы доставило фашистским главарям немалые неудобства, когда они встали перед необходимостью отказаться от выполнения некоторых сделанных в программе обещаний, например, национализации крупных земельных владений и ряда других. Большая часть пунктов программы содержала требования реваншистского характера и вообще касалась национальных аспектов политики Германии. Это были пункты с 1-го по 8-й включительно, а также 22-й и 25-й. Они предусматривали ликвидацию Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров, возвращение Германии ее колоний, равноправие с другими великими державами (на деле имелось в виду добиться преобладания над всеми другими государствами), создание мощной армии, установление сильной власти (об ее форме — республиканской или монархической — не говорилось). Устанавливалось, что определять судьбы государства смогут только полноправные граждане, а таковыми будут считаться только лица со стопроцентной немецкой кровью, все остальные должны быть лишены гражданских прав.

Большинство пунктов программы являлось демагогическими обещаниями самым различным слоям общества, причем, чем меньше фашисты намеревались выполнять их, тем более шумный,

крикливый характер приобретала их пропаганда. Но если расплывчатый тезис о том, что общее благо выше личного, содержащийся в пункте 24, не принес с собой осложнений, то иначе было с такими статьями, как конфискация военных доходов, огосударствлением трестов, участием рабочих в прибылях крупных предприятий и другими, затрагивавшими интересы властимущих. Нацистским лидерам приходилось усиленно маневрировать и изворачиваться между их покровителями — магнатами капитала, крупными землевладельцами, без чьей поддержки самое существование фашистской партии было бы невозможно, и массами своих сторонников, принимавших ее программу за чистую монету. Неудивительно, что Геббельс однажды высказался так: «Лучше бы мы не имели никакого понятия об этих несчастных 25 пунктах».

Программа нацистской партии была принята 24 февраля 1920 г. В руководстве партии высказывались сомнения в целесообразности созыва собрания в этом зале — опасались, что собрать такое количество людей не удастся; но опасения оказались напрасными: пришли в большом количестве солдаты и офицеры (их «организовали» Майр и Рем), студенты (которые все годы борьбы нацистов за власть были в числе самых активных сторонников), приверженцы других (помимо ГРП) реакционных организаций, которых, как уже отмечалось, было множество. Кроме них, как выяснилось в ходе собрания, в зале оказалось и довольно много политических противников фашизма, представителей левых партий. Фашисты с самого начала ориентировались на террор против инакомыслящих, и впервые в более или менее крупных масштабах он был применен ими именно в ходе митинга 24 февраля 1920 г.

В этот день нацисты пустили в ход своих головорезов, которые беспощадно избивали всех, кто пытался выразить недоверие догмам фашизма. На собрании в числе других выступил вожак мюнхенских безработных Брайт, принадлежавший к Независимой социал-демократической партии. Он говорил о подлинной сущности политики фашистов, претендующих быть защитниками интересов рабочих. Другой оратор — Фрейберг, по-видимому, коммунист, обратился к присутствующим с призывом бороться за подлинную власть рабочего класса. Выступление Гитлера было встречено вовсе не единодушным одобрением, как он изобразил это в «Майн кампф». Автор полицейского донесения об этом митинге писал: «Часто шум был столь велик, что я ждал в любой момент начала потасовки». И она произошла. Нацистские молодчики, вооруженные кастетами, резиновыми дубинками и плетью, обрушились на находившихся в зале коммунистов и независимцев. Раздались выстрелы; один человек был тяжело ранен. Антифашисты прорвались наружу с возгласами: «Долой Гинденбурга, Людендорфа и националистов!»

После этого события пресса заговорила о дотоле безызвестной кучке реакционеров с необычным названием «рабочая партия». Мюнхенские газеты обратили на Гитлера и его компанию внимание лишь под впечатлением террористических «подвигов» нацистов. Между тем «25 пунктов» позволяли уяснить многое в намерениях главарей и покровителей нацизма. Однако в те годы, когда покончить с фашистской опасностью еще можно было без особых усилий, широкая общественность и власти не вели последовательной борьбы с этой серьезнейшей угрозой. Значительная часть земель, особенно после путча 8–9 ноября 1923 г. в Мюнхене (об этом ниже), запрещали эту партию, но проходило время, и гитлеровская организация вновь легализовалась, хотя в ее сущности, в ее идеологии ничего не менялось к лучшему, да и не могло измениться.

К весне 1920 г. наиболее реакционные круги германского империализма сочли обстановку уже созревшей для взятия власти. 13 марта они осуществили попытку переворота, известную как путч Каппа-Люттвица (по именам его руководителей): эта попытка потерпела провал, ибо ее вдохновители не имели необходимой поддержки. Всеобщая забастовка германского пролетариата, выступившего против реакции единым фронтом, вынудила путчистов капитулировать.

Баварские фашисты были, однако, уверены в успехе путча. По-видимому, по договоренности с военным командованием, Экарт после получения известия о перевороте самолетом отправился в Берлин, чтобы, находясь в гуще событий, получить необходимую информацию о событиях. Он взял с собой Гитлера, тогда еще почти неизвестного за пределами Мюнхена. Это свидетельствовало о доверии к последнему со стороны покровителей нацизма из штаба военного округа. Мюнхенским посланцам удалось добраться до Берлина лишь с большим трудом, причем им пришлось скрывать цель своего визита в столицу, чтобы избежать гнева рабочих. В Берлин представители баварского фашизма прибыли, когда путч был уже подавлен; они не увидели шествия через Бранденбургские ворота добровольческой «бригады Эрхардта», участники которой носили шлемы с изображением свастики — по всей вероятности впервые в столице (но, к прискорбию, не в последний раз). Но

определенную пользу Гитлер из этого вояжа все-таки извлек — при помощи Экарта он установил в столице связи, которые позднее оказались ценными для нацистской партии.

Что же касается баварской реакции, то для нее путч Каппа-Лютвица имел существенные последствия, не совпадавшие с теми, которые он вызвал в масштабе страны. Военное командование использовало сообщение о перевороте в Берлине, чтобы устранить от власти правительство социал-демократа Гофмана, и поставило во главе правительства реакционера, убежденного монархиста Кара, имя которого еще не раз будет фигурировать на страницах этой книги. В результате определенная обособленность политического развития по сравнению с его ходом в общегерманском масштабе после провала реакционного путча лишь усилилась. Бавария в дальнейшем еще более становится заповедником сил крайней реакции; естественно, что это было весьма благоприятно для баварского фашизма, в частности, благодаря тому, что сюда из других земель потянулись всякого рода вооруженные отряды, которым грозило запрещение (в том числе и «бригада Эрхардта»). Здесь их встречали на ура.

К апрелю 1920 г. относится новая попытка Гитлера и его окружения отеснить прежних руководителей. Он предложил создать исполнительный комитет из трех человек, который было бы проще прибрать к рукам. Но ни Дрекслер, ни другие не были склонны уйти в сторону. Более того, как явствует из записи в дневнике партии, Дрекслер намеревался предложить Гитлеру умерить свой пыл. Но Дрекслер был вполне уверен в незыблемости своего положения. Сохранилось его письмо Г.Федеру от 13 февраля 1921 г. Дрекслер признает Гитлера наиболее подходящей фигурой для поста председателя партии. «До тех пор, пока мы с Гитлером дополняем друг друга, до тех пор, пока я обладаю существенным влиянием и значительным числом сторонников, (для партии) нет никакой опасности». Дрекслер добавил: «Возможно, я слишком податлив, особенно по отношению к Гитлеру». Но это не озаботило Дрекслера, а зря — остались уже месяцы до того момента, когда Гитлер практически покончит с Дрекслером и его коллегами и узурпирует всю власть в партии.

Это произошло уже вскоре — летом 1921 г. Гитлер отправился тогда в Берлин, поездка эта была предпринята с откровенно провокационной целью. Дело заключалось во взаимоотношениях с другой фашистской организацией, действовавшей и в Баварии, и — в отличие от организации Дрекслера-Гитлера — также в Северной Германии. Это была т.н. Германская социалистическая партия (название еще более беспардонное, чем у ГРП). Группы этой партии имелись и в самом Мюнхене, и в Нюрнберге (здесь она возглавлялась тем самым Штрейхером, который позднее стал одним из приспешников Гитлера и за свои тяжкие преступления в 1946 г. был казнен по приговору Международного военного трибунала для немецких военных преступников). Но центр тяжести в ее деятельности лежал в Северной Германии, а руководящие органы находились сперва в Ганновере, а потом и в Берлине.

Между отдельными элементами крайней реакции происходила взаимная борьба за сторонников. Это определялось и тем, что несколько нацистских организаций делали ставку на сочетание национального и социального начал, а точнее — на переманивание сторонников у левых партий и замену классового сознания националистическим.

Первым председателем Германской социалистической партии был школьный учитель из Берлина Гольц (впоследствии он, как и большинство сторонников, примкнул к партии Гитлера и в 1928–1930 гг. даже был гауляйтером земли Бранденбург, но вынужден был оставить этот пост, ибо был привлечен к ответственности за преступления против нравственности и осужден на тюремное заключение).

Между обеими партиями, преследовавшими практически одни и те же цели, имелись довольно существенные различия в тактических и организационных вопросах. ГСП отличалась гораздо большей децентрализацией, что вытекало, прежде всего из значительной территориальной разбросанности ее местных групп. Руководители ГСП были более склонны к легальным методам, они высказывались, в частности, за участие в парламентской деятельности и стремились (хотя и безуспешно) добиться депутатских мандатов уже на первых выборах в общегерманский рейхстаг, состоявшийся в 1920 г.

От гитлеровской партии ГСП отличалась и большей приверженностью к социальной демагогии: это вызывалось спецификой северо-западных и центральных земель Германии с их преимущественно рабочим населением, настроенным в своей массе марксистски. Но и усиленная демагогия не приносила успеха, что видно, например, из отчета берлинской организации ГСП от 29 сентября 1920 г.: «Несмотря на то, что мы перед каждым своим собранием распространяли около 600 приглашений

— и в домах, населенных рабочими, и на различных предприятиях, леворадикальные рабочие никак не реагировали на эти приглашения». Демагогия проникла даже в документы, не предназначенные для распространения; так, познакомившись с Гитлером и Дрекслером (они впервые встретились на конференции немецко-фашистских партий Австрии, Германии и Чехословакии в августе 1920 г. в Зальцбурге), председатель ГСП Бруннер писал одному из своих единомышленников: «Гитлер и Дрекслер сразу же произвели на меня впечатление коварных людей, которые могут пойти в услужение к пангерманским капиталистам». Следует иметь в виду, что для широкой общественности Пангерманский союз был в то время понятием настолько одиозным, что сведения о связях с ним могли сослужить неплохую службу в борьбе против конкурента.

Конференции типа зальцбургской созывались периодически, инициатива принадлежала здесь австрийским фашистам, и координационный центр находился в Австрии. Координация была, конечно, весьма условной, но в те годы (когда активность нацистской партии еще не развернулась в полной степени) видимость ее еще могла сохраняться. В стремлении притушить соперничество двух фашистских организаций в Германии зальцбургская конференция приняла решение о разделе «сфер влияния» между ними по линии реки Майн. Соглашение было достигнуто с большим трудом, но, как и всякая договоренность между фашистами, могла быть только кратковременной тактической мерой. И первыми соглашение о разграничении начали нарушать нацисты, создавшие свою группу в Дортмунде, на промышленном западе страны; главарем фашистов здесь стал чиновник почтового ведомства Онезорге (в годы Второй мировой войны он, будучи министром почт гитлеровской Германии, руководил работами по расщеплению атомного ядра, но ни этот ветеран нацизма, ни другие главари германского фашизма не сумели осмыслить значения атомного оружия). В первое время нацисты почти не проявляли себя в Дортмунде. Попытки выдать себя за «рабочую партию» не имели успеха; даже буржуазные газеты характеризовали НСДАП, как представительницу крайне правого направления.

В июле 1921 г. нацистская группа возникла в Ганновере; то была первая нацистская организация в Северной Германии. Ганновер стал центром, откуда щупальца Гитлера протянулись в другие близлежащие города — Брауншвейг, Вольфенбютель, Магдебург и др. Наиболее перспективной из них оказалась группа, созданная в старинном университетском городе Геттингене; как и в Мюнхене, студенчество и здесь оказалось одним из социальных слоев, наиболее подверженных фашистской проповеди, прежде всего ее шовинистически-реваншистской составляющей. В первой половине 1922 г. нацистская группа возникла и в Гамбурге — одном из важнейших центров Германии.

Соперничество с ГСП было одной из причин изменения названия партии Дрекслера—Гитлера, происшедшего в апреле 1920 г. В новом названии фигурировала едва ли не главная приманка, на которую должны были клонуть недостаточно устойчивые в понимании своих интересов трудящиеся, — слово социализм. С тех пор партия стала называться Национал-социалистической рабочей (общепринятое сокращение по первым буквам немецкого названия — НСДАП). Не чего общего с социализмом, как его понимали миллионы людей и в Германии, и в других странах, фашистский социализм не имел, а рабочие в составе этой партии, как уже отмечалось, составляли незначительное меньшинство. Но понятие социализм было популярно в среде трудящихся, и фашисты подхватили его, вкладывая в него смысл, ничего общего не имевший с подлинным содержанием этого термина. Это заимствование — один из примеров подражания политическим противникам — коммунистам, которое касалось разных сторон деятельности НСДАП, в наибольшей степени ее пропаганды (об этом ниже).

В борьбе двух фашистских организаций, о которой шла речь выше, преимущество, как казалось, складывалось в пользу НСДАП, действовавшей более активно. Но все же к лету 1921 г. для нее подспудно возникла угроза в виде объединения обеих партий с перенесением центра новой организации в Берлин. Эти планы исходили от руководства ГСП. Бруннер и его единомышленники рассчитывали посредством слияния значительно ослабить удельный вес руководящей группы НСДАП, что было бы неизбежно, если бы она очутилась в непривычных условиях Берлина. Естественно, что это не могло нравиться самим главарям НСДАП, тем, кто стоял за их спиной, т.е. прежде всего баварским военным. О том, что последние были весьма удовлетворены успехами НСДАП, свидетельствует письмо майора Майра одному из недавних главарей путча в Берлине Каппу от 24 сентября 1920 г.: «Национальная рабочая партия (так Майр именовал НСДАП. — Л.Г.) должна составить основу для мощного ударного отряда, на который мы уповаем. Программа этой партии

еще несколько беспомощна и, возможно, в ней есть пробелы. Мы дополним ее. Верно лишь, что под этим знаменем мы завоевали уже немало сторонников. Уже с июля прошлого года я стремлюсь усилить движение В мюнхенской группе мы имеем свыше 2 тыс. членов, в то время как летом 1919 г. не было и 100». С единомышленником-заговорщиком Майр мог быть до конца откровенным. Но любопытна дальнейшая судьба этого человека. К концу 20-х годов он разочаровался в нацизме и сблизился с социал-демократами, а после прихода своего выкорыша к власти попал в концлагерь, где и умер. Конечно, такая судьба не типична для тех, кто выпестовал нацистскую партию и привел ее к власти, но нечто символическое в ней есть.

В ответ на предложение об объединении с ГСП, полученное от руководителя «межгосударственной канцелярии» фашистских партий Германии, Австрии и Чехословакии В. Рилия, председатель НСДАП Дрекслер в январе 1921 г. ответил отказом. Аргументация была при этом двоякой: во-первых, «к нам как раз сейчас поступают из множества городов Северной Германии просьбы о присоединении, создании местных групп и распространении наших идей; во-вторых, объединение с ГСП невозможно без того, чтобы перенять ее руководство или по меньшей мере часть его». А это НСДАП отвергала.

Эта точка зрения не была для Дрекслера категорической. В отличие от него непримиримую позицию в данном вопросе занял Гитлер, и это вытекало не только из его гораздо большей близости к военным кругам Баварии, не склонным отдавать в чужие руки свое детище, которое могло стать в дальнейшем ударным отрядом против республики. Объединение с ГСП явно привело бы к оттеснению Гитлера от руководства партией, а он уже добился в этом смысле многого. И ввиду того, что всякое объединение неизбежно ставит вопрос о руководстве заново, он был принципиальным противником слияния с родственными организациями. «Только сумасброду, — писал Гитлер несколько позднее, — принадлежит точка зрения, согласно которой из двух калек можно создать одного здорового». И в этом случае, и во всех последующих тактика фюрера основывалась на временном блокировании с единомышленниками из других организаций, когда это было выгодно нацистам, а затем на беспощадном подавлении последних и принятии их членов в свои ряды в индивидуальном порядке.

В истории германского фашизма эпизод с несостоявшимся объединением НСДАП с ГСП сыграл немаловажную роль, дав толчок к существенным изменениям в руководстве нацистской партии. По-видимому, под нажимом австрийских «координаторов», не понимавших, почему одни фашисты не могут сговориться с другими, переговоры об объединении продолжались. В марте 1921 г. Дрекслер принял участие в съезде ГСП, единогласно высказавшемся за слияние с НСДАП; об этом появились сообщения в печати. Среди сторонников НСДАП многие тоже полагали, что следует объединиться, упорное сопротивление Гитлера идее объединения было им непонятно. Главным пунктом разногласий в ходе переговоров был вопрос о местопребывании руководства объединенной партии; Дрекслер и его коллеги то соглашались, то отказывались. Уступчивая, по мнению Гитлера, позиция лидеров НСДАП, которые участвовали в переговорах, вызывала с его стороны форменную ярость, и он не раз величал Дрекслера идиотом и подлым псом.

В июне 1921г. Гитлер, как уже отмечалось, в очередной раз отправился в Берлин. Он посещал столицу сравнительно часто, перед этим он был в Берлине в декабре 1920 г., а его спутником являлся Г. Эссер. Тогда Гитлер вез с собой рекомендательное письмо полицей-президента Мюнхена Пенера, который являлся едва ли не наиболее последовательным покровителем нацизма среди высокопоставленных чинов Баварии. Вместе с начальником политической полиции Фриком (в будущем многолетним министром внутренних дел гитлеровской Германии) Пенер делал все от него зависящее, чтобы убрать все препятствия с пути нацистов. Письмо Пенера было адресовано председателю Пангерманского союза Классу, имевшему широчайшие связи в реакционных кругах столицы (подозрения Бруннера о контактах Гитлера с Пангерманским союзом, как видим, были небезосновательны), и банкиру Бангу. Пенер писал, в частности: «Человек, который передаст Вам это письмо, г-н Гитлер, знаком Вам в связи с пребыванием в Мюнхене. Он является организатором, агитатором и оратором известной в Баварии НСДАП. Собрания, на которых он выступает, всегда переполнены. Г-н Гитлер, как он заявил мне, готов, если получит необходимую финансовую помощь, развернуть соответствующую деятельность и в Северной Германии. Я горячо рекомендую Вам г-на Гитлера и уверен, что он окажет Вам первоклассные услуги».

Можно не сомневаться, что материальная помощь была оказана. Поездка в Берлин в июне 1921 г. преследовала в общем аналогичные цели. На сей раз ему навряд ли удалось добиться многого, ибо

будущему фюреру пришлось спешно прервать свое пребывание в столице, т. к. возникла реальная угроза потерять свое положение в НСДАП. Но Гитлер предвидел нечто подобное и выжидал развитие событий в Баварии.

А там было достигнуто соглашение, что переговоры двух фашистских партий будут продолжены 11 июля в Аугсбурге; похоже было, что не за горами и объединение. Уже это подействовало на Гитлера, как красная тряпка на быка. Но доброжелатели сообщили ему и другое: у него появился в собственной партии серьезный конкурент, некий Дикель, действовавший в упомянутом Аугсбурге, но в отсутствие Гитлера дважды выступавший в Мюнхене и очень понравившийся некоторым членам руководства, в частности второму председателю Кернеру. Неудивительно, что Гитлер, не заезжая в Мюнхен, прямо из Берлина помчался в Аугсбург, где начались переговоры представителей двух партий, в ходе которых со стороны ГСП было, в частности, предложено пересмотреть программу партии и принять новое название. В ответ Гитлер покинул Аугсбург и, вернувшись в Мюнхен, объявил о своем выходе из НСДАП.

Можно не сомневаться, что со стороны Гитлера все это было хорошо рассчитанной игрой, имевшей замыслом добиться давней цели — перехода в его руки всей полноты власти в партии. Опираясь на своих покровителей в штабе военного округа и среди «столпов общества», у которых нацисты уже имели влиятельных доброжелателей, Гитлер стремился запугать Дрекслера и других членов руководящего комитета НСДАП, опасавшихся ухода с Гитлером еще и многих сторонников. Они также боялись его мести — и как показали события последующих лет, не без оснований (известно, что в июне 1934 г., например, нацистская верхушка одновременно с уничтожением ряда высших командиров штурмовых отрядов «ликвидировала» значительное число разных лиц, в том числе многих ветеранов нацизма, которые в свое время, иногда за 10–15 лет до того, снискали неудовольствие фюрера или кого-либо из его приближенных).

В заявлении, опубликованном после своего театрального жеста, Гитлер обвинял руководство партии в «полном отходе от тактических принципов движения», утверждал, что оно отказалось от положений о неучастии в парламентах, от неизменности программы и уставного положения о местонахождении партийного центра. Дрекслер почти сразу же пошел на попятную и предложил в качестве посредника Экарта, что позволило Гитлеру сформулировать жесткие условия своего возвращения. Они предусматривали передачу ему председательского поста и диктаторских полномочий для формирования нового руководящего комитета, подтверждение того, что партия будет управляться только из Мюнхена, что ее программа и название в ближайшие шесть лет не будут изменены. Один из пунктов содержал запрет попыток объединения с ГСП, другой — отказ от участия в следующем съезде немецко-фашистских организаций трех стран, намеченном на август 1921 г. Дрекслер и другие приняли ультиматум, но на этом конфликт еще не кончился.

За несколько дней до общего собрания, которое должно было рассмотреть положение, в Мюнхене появилась листовка под заголовком «Адольф Гитлер — предатель?» (см. Приложения), содержавшая резкую критику действий недавнего осведомителя рейхсвера, безудержно рвавшегося к власти в партии. Он изображался как страдающий манией величия демагог, который стремится увести партию с намеченного пути. Членов НСДАП призывали противостоять этим попыткам, не дать ввести себя в заблуждение. Как выяснилось впоследствии, листовку сочинили сотрудники «Фелькишер беобахтер» — тогда уже органа партии, а одним из ее авторов был редактор газеты Эреншпергер. В листовке затрагивался, в частности, щекотливый для Гитлера вопрос о средствах, на которые он существует, и отмечалось, что он «всегда приходит в ярость», когда кто-либо касается этого вопроса. Имелись в виду связи в «фешенебельном обществе», о которых нацистские главари всячески стремились помалкивать.

Одно из обвинений против Гитлера, фигурировавших в листовке, заключалось в том, что он активно выдвигает Эссера: «Гитлер приблизил к себе этого человека, чтобы осуществить свои темные планы... Характерно, что он сам неоднократно заявлял при свидетелях: я знаю, что Эссер — подлец, но он останется до тех пор, пока будет нужен мне». Воодушевленный неожиданной поддержкой, Дрекслер воспрял духом и объявил об исключении Эссера и отставке второго председателя партии Кернера, близкого к Гитлеру. Он даже обратился за помощью к полиции, обвиняя своего соперника в приверженности к насильственным действиям, а себя изображая в качестве сторонника мирных методов политической борьбы. Здесь, в полиции, Дрекслер встретился с Эреншпергером, заявившим, что Гитлера окружают преступные элементы без определенных занятий; единственное их намерение — воровать и грабить.

Для полиции подобного рода факты не были новостью. Они часто приводились на страницах газет КПГ, НСДПГ и СДПГ. Новым было то, что они исходили от самих фашистов. Недовольные обратились, однако, не по адресу. Мюнхенская полиция, которой руководили в то время Пенер и Фрик, в последующем ставший одним из лидеров нацистской партии, а в годы фашистской диктатуры являвшийся министром внутренних дел, покровительствовала представителям крайней реакции (подробнее об этом см. ниже). Нацистам симпатизировали и многие рядовые чиновники полиции. Через посредство одного из них сторонникам Гитлера почти сразу же стало известно о действиях оппонентов в рядах партии. Попытки последних добиться разрешения на выпуск плаката, в котором, в частности, говорилось: «Нам не нужен король, а тем более тиран... Необходимо свергнуть тирана», были отклонены.

Объединенными усилиями покровители бывшего ефрейтора сумели подавить сопротивление (среди тех, кто возражал против установления диктатуры в партии, был даже управляющий делами НСДАП Шюсслер, считавшийся ставленником Гитлера), и на общем собрании, созванном 29 июля 1921 г., они добились решительных изменений в руководстве. Дрекслера удалось уломать, и собрание прошло, как «демонстрация единства» его с Гитлером, ставшим первым председателем партии с диктаторскими полномочиями; он объявлялся лицом, «стоящим над [руководящим] комитетом» НСДАП. Дрекслер занял пост «почетного председателя», который он должен был занимать... пожизненно, но существенной роли в партии больше уже не играл. Должность управляющего делами перешла от «мятежного» Шюсслера к приближенному Гитлера Амману. Эссер процветал, как и прежде, зато неугодный новому председателю Дикель был исключен.

Еще одним последствием этих событий был переход в руки Экарта руководящей роли в редакции «Фелькишер беобахтер». Новоявленный фюрер решил поставить во главе газеты, в редакции которой обнаружили «нежелательные» элементы, преданного себе человека. На Экарта можно было вполне положиться, но его образ жизни и алкогольные наклонности исключали любую систематическую деятельность, ввиду чего, писал А. Розенберг, «я с самого начала часто вынужден был замещать его».

Об объединении с ГСП после лета 1921 г. больше не было и речи. С течением времени отмеченные выше преимущества НСДАП сказывались все более определенно; следствием этого был переход к ней ряда местных организаций ГСП — и на севере страны и, что в тот период было для нацистов особенно важно, в самой Баварии. Осенью 1922 г. к НСДАП присоединились Штрейхер и его сторонники, в результате чего резко усилились ее позиции в Нюрнберге, в дальнейшем — одним из ее основных оплотов.

Убийство Ратенау летом 1922 г. и другие подлые террористические акты фашистских убийц вызвали со стороны властей Пруссии и ряда других земель более жесткие меры против организаций крайне правого лагеря.

Фашистский террор был не новым явлением, он сопутствовал нацистской партии с первого дня существования как неотъемлемое свойство, вытекавшее из ее главного назначения — расправиться с организованным рабочим движением. Помимо того, нацисты видели в терроре средство приобретения популярности. Расправа с несогласными осуществлялась во все возрастающих масштабах не только на митингах самой НСДАП, которые в те времена еще посещались многими пролетариями, придерживавшимися противоположных взглядов и выражавшими их выкриками, а иногда и выступлениями в прениях (выше приводился пример этого — митинг 24 февраля 1920 г.). Нацисты все чаще появлялись группами на собраниях Коммунистической и Социал-демократической партий, либерально-буржуазной Демократической партии с единственной целью срывать эти собрания и запугивать политических противников. Верховодили актами насилия прямые выходцы из преступного мира, которых было немало и в самой нацистской партии, и особенно среди тех, кому было поручено «охранять порядок» на фашистских собраниях.

Таков был, например, У. Граф, по профессии мясник, по призванию громила; этот боксер-любитель являлся личным телохранителем фюрера (позднее он стал одним из трех членов высшего органа НСДАП по расследованию внутрипартийных конфликтов). Еще одним «достойным» представителем фашистских «стражей порядка» был бывший торговец лошадьми Х. Вебер, одно время подвизавшийся также как «вышибала» во второразрядном мюнхенском ресторане; он не уступал Экарту в качестве бражника. Подобные элементы послужили тем материалом, из которого сформировались первые отряды фашистских штурмовиков.

«Теоретически» же развернутый террор обосновал Гитлер. «Не так давно я узнал, — заявил он

в ноябре 1921 г., — что о НСДАП говорят, как о грубой, жестокой, не гнушающейся ничем банде. Это невероятно радует меня, ибо благодаря этому моя партия станет известна и ее будут бояться». По другому поводу он выразил надежду на пришествие диктатора, готового в случае необходимости шагать по морю крови, по полям, усыпанным трупами (говоря о таком «пришельце», Гитлер на деле имел в виду себя и только себя).

Но до определенного момента фашистский террор еще не стал организованной системой, еще не приобрел особого органа, чьей специальной функцией было физическое уничтожение политических противников. Такая организация возникла осенью 1921 г., т.е. тоже была одним из прямых последствий смены руководства партией. Из разрозненных групп «наблюдающих за порядком» на нацистских собраниях (они существовали с 1920 г.), были созданы штурмовые отряды (СА), подчиненные единому командованию. Первым командиром СА стал бывший офицер Клинка, один из главарей террористической организации «Консул», на счету которой было множество тяжких преступлений, в том числе убийство Эрцбергера и Ратенау. Клинка был «человеком Эрхардта», в то время, пожалуй, наиболее заметной личности в лагере крайней реакции, располагавшей значительными средствами и необходимыми кадрами. По мере ухудшения для них условий в большинстве земель, они все более сосредоточивались в Баварии, выжидая благоприятной обстановки для нанесения нового удара по республике («бригада Эрхардта» была одной из основных сил, на которые опирались путчисты Капп и Лютвиц). «Одалживая» НСДАП Клинку и предоставляя ей средства на содержание СА, Эрхардт полагал, что сумеет поставить ее под свое влияние; это не оправдалось, ибо нацистские главари, использовав помощь Эрхардта, сумели не допустить опеки со стороны кругов, стоявших за ним, и уже спустя год освободились от Клинки.

Характер, который фашистские руководители намеревались придать штурмовым отрядам, отчетливо выражен уже в первых распоряжениях и инструкциях, в закрытых выступлениях нацистских лидеров. Из этих документов видно, что на деле речь шла вовсе не о «защите» нацистских митингов от «постороннего вмешательства», как без устали твердили фашисты. Главной задачей штурмовиков должен быть срыв собраний других партий и организаций. Одна из нацистских инструкций предусматривала следующее: «Необходимо мешать выступлениям антинациональных ораторов, проповедников мира и им подобных таким образом, чтобы у них полностью пропала охота продолжать свою деятельность». При этом, как уже отмечалось в другой связи, не следовало гнушаться никакими средствами.

Нацисты не были оригинальны; достаточно познакомиться с уставом организации Эрхардта, уже более опытной в политическом разбое. В ее уставе говорилось, в частности: «В бригаду принимаются только те, кто не имеет никаких внутренних сомнений... кто достаточно жесток, чтобы действовать, не останавливаясь ни перед чем... В качестве командиров могут быть использованы лишь офицеры, имеющие опыт уличных боев против восставших масс... Не вести переговоры, а стрелять и безжалостно приказывать».

Штурмовикам настоятельно рекомендовалось обзаводиться резиновыми дубинками и кастетами. Но этим дело не ограничивалось: члены СА имели и использовали против «несогласных» огнестрельное оружие. Уже в первом приказе по СА говорилось о необходимости «действовать наступательно» и о том, что штурмовые отряды призваны быть «носителями военной идеи». Неудивительно, что вскоре установилось регулярное сотрудничество между СА и рейхсвером. С начала 1922 г. мюнхенские штурмовики обучались стрельбе на армейском полигоне. Хотя подобные акции осуществлялись в глубокой тайне, некоторые сведения все же стали известны общественности, как и случаи участия отдельных солдат и полицейских в разбойной деятельности СА, причем не только в пределах Мюнхена, но и «на выездах» в другие города. Подобные налеты, ставшие в дальнейшем одним из излюбленных приемов в нацистской системе расправ с политическими противниками, в 1921–1922 гг. только начали входить в практику. Необходимый транспорт чаще всего обеспечивал Рем, и, хотя соответствующие сведения проникали в печать, никаких последствий это не имело.

Создание СА привело к значительной эскалации террора в Мюнхене и других городах Баварии. Штурмовики начали со срыва собрания мюнхенских пацифистов, затем силой добились роспуска собрания членов научно-религиозного общества, помешали основанию организации республиканского шувбунда и т.п. Особенно широкий резонанс приобрели разбойничьи действия СА 14 сентября 1921г. на митинге баварской националистической организации «Королевская партия». Здесь штурмовики, предводимые нацистскими главарями, не одобрявшими сепаратистских

настроений баварских монархистов, распоясались полностью. Ораторам не только мешали говорить выкриками, что было обычным явлением в нацистской практике, но и избивали, а председатель «Королевской партии» Баллерштед был сброшен с эстрады и получил тяжелое ранение в голову.

Эти примеры свидетельствуют о том, что фашистский террор был направлен отнюдь не только против марксистов, а вообще против всех неугодных, включая сюда организации или лица правого лагеря, расходившиеся с нацистами во взглядах на тактико-политические вопросы. Но именно это выступление навлекло на фашистов репрессии: ряд участников налета, совершенного 14 сентября, был привлечен к суду. Власти, не принимавшие никаких мер во всех остальных случаях, ибо нацистские бесчинства касались рабочих организаций или демократически настроенных лиц, взяли под защиту баварских монархистов, будучи сами верноподданными дома Виттельсбахов, что не очень и скрывали. Гитлер, Эссер и Кернер получили по три месяца тюрьмы (можно упомянуть в этой связи, что Кернер, числившийся вторым председателем НСДАП, незадолго до того ночью напал на одного из депутатов баварского ландтага от Социал-демократической партии Германии). Фашистские главари отсидели только месяц, и то после долгих проволочек, лишь летом следующего года. Но Баллерштед, из-за которого им пришлось понести столь суровое наказание, не был забыт: спустя 13 лет, в «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г., его, подобно многим другим, «проштрафившимся» перед нацистами, нашли и убили фашистские убийцы.

Повторяем, суд над фашистами был в тогдашних условиях Баварии явлением исключительным. И земельное правительство, и еще в большей мере полицей-президиум Мюнхена благоволили к фашистам. Фрик, руководивший тогда политическим отделом мюнхенской полиции, в 1924 г. в качестве одного из подсудимых на процессе о «пивном путче» признал: «Мы (он и Пенер. — Л.Г.) понимали, что национал-социалистическое движение, тогда еще незначительное (в 1919–1920 гг. было очень легко подавить его), не должно быть уничтожено. Мы обдуманно не сделали этого, ибо видели в нем зародыш обновления Германии». Фрик сформулировал здесь то соображение, с которым мы уже неоднократно встречались в высказываниях других фашистов: он с Пенером «с самого начала были убеждены, что это движение способно привести рабочих в национальный лагерь».

Даже вюртембергский посланник в Мюнхене Мозер в одном из отчетов своему правительству, датированном августом 1921 г., отмечал: «Неизвестно, какие надежды возлагает на него (т.е. на Гитлера, которого посланник характеризовал как «патологическую личность». — Л. Г.) правительство, тем не менее бросается в глаза мягкость полиции по отношению к крикливым плакатам этой партии». Дело доходило до того, что фашистов знакомили в полицей-президиуме с секретными документами. Сообщения об этом публиковала социал-демократическая «Мюнхенер пост», часто выступавшая с подобными разоблачениями и тем самым снискавшая бешеную ненависть нацистов. На общем собрании партии в январе 1922 г. ораторы изошрялись в нападках на эту газету до тех пор, пока аудитория не начала вопить: «Разгромим там все дотла!» До поры до времени нацисты ограничивались битьем зеркальных витрин в редакции «Мюнхенер пост», но во время «пивного путча» 1923 г. они все же осуществили свои намерения в отношении социал-демократического органа (см. гл. 2).

Фашисты охотно прибегали к запугиванию, и в атмосфере почти полной безнаказанности они подчас добивались своих целей. Одна из буржуазных мюнхенских газет, «Байер курир», получила письмо, полное угроз такого рода: «Вы, господа, будете уничтожены, как собаки! Мечь, кровавая мечь!» И если на коммунистов и многих социалистов такого рода методы не действовали, то представители других социальных сил, хотя и возмущавшиеся деятельностью фашистов, не обладали необходимым мужеством.

1922 год принес новую форму пропаганды фашистских идей и умножил число приверженцев крайней реакции, сторонники которой не скрывали своих планов свержения республики. Это были так называемые германские дни, периодически организовывавшиеся в разных городах, преимущественно на юге страны. На подобные сборища съезжались политические деятели правой ориентации, противники буржуазно-демократического строя, отставные военные, мечтавшие о реванше на Востоке. Большинство из них были генералы без армий, не представлявшие никого, кроме самих себя и горстки единомышленников. Иное дело — такие деятели, как Эрхардт и главари других военизированных союзов и объединений, за которыми стояла военная сила. Неудивительно, что центром каждого из этих «Германских дней» являлся смотр-парад реакционных отрядов, проходивших перед своими командирами в строю, демонстрирующих военную выправку, столь

близкую сердцам германских милитаристов.

На этих смотрах, например в Нюрнберге, где в октябре 1922 г. состоялся наиболее массовый из них (для тех лет), появлялись и главари НСДАП. Они заводили важные для себя знакомства, Гитлер демонстрировал здесь свои ораторские способности, о которых многие из высокопоставленных участников, приехавших с разных концов страны, еще не имели представления. И хотя штурмовые отряды НСДАП ни численностью, ни обмундированием никак не выделялись среди им подобных формирований, они по существу отличались от них. Дело в том, что военизированные союзы не имели прямого выхода в политическую систему, тогда как СА были частью и орудием политической партии — НСДАП, что расширяло их возможности.

Националистическая пропаганда, инициаторы которой использовали в своих целях плачевное социальное положение в послевоенной Германии, велась повсеместно. Но наибольший размах «Германские дни» неспроста приобрели в Баварии, где в них нередко участвовали и представители местных властей, а также офицеры рейхсвера. Большое значение придавалось каждый раз не просто обеспечению массовости подобных «дней», чтобы на них помимо населения города, где они проходили, участвовали и жители других земель. Германские дни были, таким образом, своего рода репетициями переброски крупных людских масс на более или менее значительные расстояния, что было одним из неотъемлемых компонентов успеха любого переворота. А именно это и являлось постоянной целью лагеря крайней реакции, хотя среди его лидеров не было единства насчет момента переворота и лидеров, которые должны были стать во главе его, и т.п. Известно позднейшее высказывание Гитлера, что в течение 1918–1923 гг. он преследовал лишь одну цель — подготовку путча.

Националистическая шумиха, подогревавшаяся «Германскими днями», импонировала многим обывателям из мелкобуржуазной среды, которых особенно привлекала показная сторона этих сборищ — обилие высокопоставленных военных, освящение знамен, молебны с участием многих тысяч человек. Что касается рабочего населения, то оно было настроено резко против подобных затей. Примером могут служить события, развернувшиеся в октябре 1922 г. в Кобурге, центре герцогства (являвшегося частью Баварии), правитель которого был настроен профашистски, но местные рабочие партии имели крепкие позиции. Чтобы помочь своим сторонникам, мюнхенские фашисты организовали очередной «Германский день» в Кобурге, взяв за образец уже проходившие ранее. Однако это мероприятие имело дополнительную цель — спровоцировать рабочих на открытое столкновение, показать, «как надо держать сброд в руках». Характерно, что мюнхенские железнодорожники отказались вести поезд с фашистами, но последние повели состав самостоятельно и взяли при этом заложников из числа рабочих, — железнодорожникам пришлось сдаться. Когда в ноябре того же года нацисты попытались организовать аналогичную вылазку в Регенсбург, это им уже не удалось.

В Кобург отправилось 800 штурмовиков, возглавляемых практически всеми лидерами НСДАП. Двухдневное пребывание мюнхенских фашистов в этом городе было цепью схваток с рабочими, вызывавшихся наглыми провокациями штурмовиков. Неудивительно, что, когда они появлялись на улицах, вслед им, даже по их собственному признанию, неслись возмущенные крики: «Убийцы!», «Бандиты!», «Разбойники!», «Предатели!». Население в своей массе было настроено так, что «гости» были бы точно разгромлены и выкинуты за пределы Кобурга, если бы не вмешательство полиции. Как пишет один из участников «похода» на Кобург, «большая часть их (полицейских. — Л.Г.) стала на нашу сторону, и мы одержали верх». При попустительстве полиции фашисты нанесли серьезные повреждения помещениям рабочих организаций. Эти события стали предметом острых дебатов в баварском ландтаге, но фашистов взял под защиту лидер Баварской народной партии Ф. Шефер (в послевоенные годы ближайший сотрудник Аденауэра, длительное время занимавший пост министра финансов ФРГ); он заявил, что нацисты лишь несколько больше, чем следовало, использовали свое физическое превосходство, и требовал наказания железнодорожников, отказывавшихся вести поезд.

В ряде других земель обстановка, казалось, более благоприятствовала противникам фашизма. Так, в Геппингене (Вюртемберг), где нацисты в декабре 1922 г. пытались повторить свой кобургский «успех», их ожидала неудача. Фашистский митинг был сорван возмущенными рабочими, а применение нацистами огнестрельного оружия вызвало соответствующий отпор со стороны пролетариев Геппингена. В таких случаях на помощь фашистам приходили судьи. Нацистские провокаторы, орудовавшие в Геппингене, были оправданы, а их противники, вынужденные прибегнуть к самообороне, осуждены. Апелляция в имперский суд привела лишь к подтверждению

приговора. Примерно в то же время имперский суд рассматривал запрет нацистской партии, декретированный правительством Бадена в связи с систематической травлей этой партией еврейской части населения Германии, что противоречило республиканской конституции. Запрет был отменен, ибо, по мнению членов высшего судебного органа республики, только монархистских и антисемитских тенденций было недостаточно для закрытия партии.

И все же разнузданный характер деятельности нацистов и их единомышленников из других реакционных организаций, их непосредственные связи с такими преступлениями, как убийства Эрцбергера и Ратенау, вызвавшими невиданную по размаху волну протеста не только со стороны немецкого пролетариата, но и со стороны всех демократически настроенных слоев населения, побудили власти ряда земель к более категорическим действиям против НСДАП. Это обуславливалось и тем, что в течении 1922 г. нацисты усилили свою активность за пределами Баварии. Общественное мнение было резко настроено против фашизма, под каким бы названием он ни маскировался, и там, где социал-демократы находились у власти, они не могли, не учитывать эти настроения.

В ноябре 1922 г. НСДАП была запрещена в Пруссии, т.е. на значительной части Германии. За этим последовали запреты также в Гамбурге, Саксонии, Тюрингии, Мекленбург-Шверине. Несмотря на противодействие имперского суда, баденское правительство вновь распустило НСДАП. Его примеру в дальнейшем последовали Гессен, Брауншвейг, Шаумбург-Липпе. Но запрет не был всеобщим. Помимо Баварии, нацисты сохранили свободу деятельности в Вюртемберге (здесь они были с июля 1921 г.) и некоторых других местах. Но дело не только в этом: и в тех землях, где НСДАП была запрещена, власти смотрели сквозь пальцы на возникновение организаций, призванных заменить ее под формально другим названием, но выступавших примерно с тех же позиций. Наиболее заметной из них была так называемая «Партия свободы», созданная в декабре 1922 г. и объединившая правых реакционеров «прежнего образца», обозначаемых труднопереводимым немецким термином фёлькише¹. Достаточно сказать, что такой «специалист» в этой области, как генерал Людендорф, в ответ на вопрос, каково содержание слова фёлькише, ответил: «Я должен признаться, что не могу дать необходимого объяснения». В другой раз Людендорф заявил: «Понять, что такое фёлькише, можно только сердцем, но оно не у каждого есть». Главным оплотом этой партии был Мекленбург, но она распространилась по всей Северной Германии.

Хотя НСДАП рекомендовала своим сторонникам на время запрета присоединиться к «Партии свободы» и между обеими организациями было даже заключено соответствующее соглашение, они отличались друг от друга. Руководители последней, являвшиеся главным образом выходцами из аристократической Национальной партии, гораздо осторожнее пользовались социальной демагогией и даже на словах не претендовали на завоевание рабочих; в организационном отношении эта партия походила на свою предшественницу — ГСП и значительно уступала НСДАП. Пока последняя вынуждена была считаться с запретами, введенными в большинстве земель, ее руководители изображали лояльность по отношению к «Партии свободы». Но когда НСДАП (в 1925 г.) получила возможность действовать на территории всей страны, с внешней солидарностью было покончено и между обеими партиями вспыхнула борьба не на жизнь, а на смерть.

В самой же Баварии положение НСДАП с осени 1922 г. даже стало улучшаться по сравнению с предшествующими месяцами. Причин было две. С одной стороны, обострились отношения между баварским и имперским правительствами. Это был результат отказа первого признавать и применять на территории Баварии закон о защите республики, принятый в связи с убийством Ратенау и другими террористическими актами правых. С другой стороны, что было, пожалуй, еще важнее в глазах баварских правителей, акции нацистов существенно повысились благодаря победе итальянских фашистов и их приходу к власти. Нацисты почувствовали себя гораздо увереннее, и уже в начале ноября Гитлер заявил, что итальянские фашисты подали им пример. Касаясь, спустя 20 лет, значения итальянских событий для судеб нацизма, он говорил: «Уже самый факт, что такое возможно, дал импульс нашему развитию». Это проявилось, по словам Гитлера, в том, что он вскоре впервые был принят баварским министром внутренних дел Швейером (и дал ему обещание никогда, не устраивать

¹ Das Volk, das Volker (нем.) — народ, die Volkerschaft — народность. Вероятно, volkische — народнический, националистический — Прим. ред.

путч!). Через несколько дней после этой встречи Швейер, выступая в ландтаге, отметил активизацию нацистов под влиянием успеха их единомышленников в Италии. Он не соглашался с утверждением депутатов левых партий, что деятельность НСДАП представляет серьезную опасность для республики. Швейер говорил, что Бавария не имеет оснований пойти по стопам Пруссии; баварское правительство полагает, что нацистская партия должна освободиться от некоторых нежелательных, сопровождающих ее деятельность явлений. Сущность же НСДАП — и это выступало еще более откровенно в документах, не подлежащих огласке, — вполне устраивала тех, кто стоял в те годы у власти в Баварии.

Действия итальянских фашистов привлекли внимание руководителей НСДАП, конечно, еще до «похода на Рим». Одно из свидетельств этого — воспоминания К. Людеке, личности весьма сомнительной, но в мюнхенские годы находившейся в центре событий. Это был международный авантюрист, располагавший средствами и связями в других странах, в частности в США. Примкнув в 1922 г. к НСДАП, он предложил свои услуги в качестве агента по зарубежным контактам. Людеке впервые посетил Рим ранней осенью 1922 г., еще до взятия фашистами власти. Он встретился с Муссолини, который, по его словам, в это время даже не знал имени Гитлера и, по-видимому, не проявил к НСДАП интереса. Нацистский же главарь весьма заинтересовался тем, что сообщил ему Людеке после своей поездки. Особенное его внимание привлекли факты, свидетельствовавшие о том, что Муссолини бросил открытый вызов правительству, находившемуся у власти. То же касалось и «опыта» итальянских фашистов, в частности отрядов чернорубашечников при подавлении забастовок.

Аналогичные свидетельства имеются и в других источниках, более достоверных, ибо это данные документального характера. Так, о большой заинтересованности нацистских лидеров в налаживании связей с итальянскими фашистами сообщил Муссолини в своем донесении от 17 ноября 1922 г. делегат Италии в межсоюзной рейнской комиссии Тедадьди, встречавшийся с Гитлером. Последний изъявил желание установить по возможности непосредственный контакт с дуче, «чтобы получить от него установки и советы относительно методов, которыми следует руководствоваться». Нельзя отрицать, что этот документ, отражающий сравнительное значение итальянского и германского фашизма на очень ранней стадии их истории, весьма любопытен. Он свидетельствует о приниженном, заискивающем положении последнего, ожидавшего директив от своих более удачливых единомышленников. Итальянские фашисты на первых порах довольно презрительно относились к своим немецким собратьям, разделенным на несколько конкурирующих между собой организаций и к тому же именно в это время подвергавшимся на большей части территории Германии репрессиям.

По мере того, как росла скандальная известность фашистской организации, ее собрания становились все более многочисленными. Это навело устроителей на мысль установить входную плату. И все же она лишь частично покрывала расходы на аренду помещений, широковещательную рекламу, многочисленные внешние атрибуты. Для всего этого нужны были значительные средства, и вдумчивые наблюдатели уже очень рано поняли, что нацистская партия не может существовать и вести свою пропаганду только на членские взносы и редкие пожертвования. Необходимы были крупные субсидии состоятельных людей. Такие покровители нашлись только в мюнхенском «высшем свете», т. е. поняли, что нацистская партия может сослужить господствующему классу хорошую службу — направить против демократии трудящиеся массы.

Одним из первых приметил Гитлера мюнхенский фабрикант и издатель Брукман, который ввел его в «общество» и познакомил с представителями своего круга. Жена же Брукмана, еще более неистовая поклонница будущего фюрера, дарила Гитлеру ценные вещи. В числе ранних покровителей нацистской партии находился и крупный торговец писчебумажными товарами Фолль, в доме которого Гитлер также встречался с влиятельными и состоятельными людьми. Щедро субсидировал баварских фашистов помещик и владелец пивоваренных заводов С. Экарт (однофамилец нацистского идеолога). Следует назвать в этой связи и известную семью промышленников Маффай из Мюнхена, химического фабриканта А. Пича, А. Гранделя, завод которого был расположен в Аугсбурге, но который делал для нацистов больше, чем многие их доброжелатели в самом Мюнхене.

Конечно, изучение связей фашистской партии с этими кругами связано с чрезвычайными трудностями, соответствующие документы, а количество их вообще минимально, в подавляющем большинстве были уничтожены в последующие годы — в период после фашистского путча 1923 г.,

особенно же в преддверии разгрома гитлеровской Германии, а также в первое время после ее капитуляции. И все же ряд фактов уже в 20-е годы стал достоянием истории; это произошло в связи с судебным процессом по делу участников «пивного путча» и с заседаниями созданного баварским ландтагом комитета по расследованию деятельности нацистской партии. Различные сведения о поддержке и финансировании ее промышленниками и аграриями проникали и до 1923 г. в печать, и хотя не все они одинаково достоверны, последующие события вполне подтвердили справедливость обвинений в поддержке фашизма, выдвинутых против представителей крупной буржуазии и крупного землевладения. «Денежные средства для ее организации в массовых масштабах текут к фашистской армии от тяжелой промышленности и аграриев», — писал в самом начале 1923 г. социал-демократ П. Кампфмейер в одной из первых работ о германском фашизме.

К этому моменту в связи с неуклонным обострением обстановки в стране, развитием инфляции и резким ухудшением положения трудящихся покровительство нацистам перестало быть делом отдельных лиц и начало приобретать организованный характер. Союз баварских промышленников в этих условиях никак не мог остаться в стороне. Из показаний одного из руководителей этой организации, Ауста, данных в ходе следствия по делу о «пивном путче», известно, что он и его коллеги во главе с Г. Куло сначала пригласили Гитлера для беседы в узком кругу. Они интересовались целями фашистской партии в экономической области, «еще не опубликованными в то время» (это неверно — уже были обнародованы известные «25 пунктов»), но сильные мира сего хотели получить от Гитлера заверения, что эту программу не следует принимать всерьез). Затем беседа повторилась с несколько более широким составом участников, после чего было уже созвано многолюдное собрание в мюнхенском купеческом клубе, где Гитлер сделал доклад, который промышленники приняли с большим воодушевлением. Состоялся сбор средств, и, хотя Ауст стремился создать впечатление, что это была единовременная акция, можно не сомневаться и в дальнейшем финансировании фашистов Союзом баварских промышленников. Именно для этого руководители и изучали цели нацистской партии, приглашая к себе Гитлера.

Что же касается тех представителей делового мира, которые лично не участвовали во встречах с фашистскими руководителями и не посещали нацистские мероприятия, то к ним был обращен меморандум Гитлера, относящийся к октябрю 1922 г. Целью этого документа было привлечение средств, причем необходимая сумма была указана с предельной точностью — 53 млн марок (16 млн на нужды центрального органа партии, 10 млн на расширение иных форм пропаганды и 27 млн на развертывание штурмовых отрядов). Отмечая, что НСДАП существует уже три года, Гитлер напоминал ее главную цель: «уничтожение и искоренение марксистского мировоззрения» (в действительности цели фашистов не ограничивались этим, но нацистский фюрер знал, что именно так можно вызвать расположение крупных буржуа). Если НСДАП не получит средств, борьба против марксизма, предостерегал Гитлер, затянется и займет десятилетия. Кроме того, борьба не выйдет за пределы Баварии (одно из ранних свидетельств того, что нацисты не намеревались ограничить свою деятельность провинциальными рамками). Чтобы быть более понятным в экономическом плане, Гитлер говорил, что речь идет о смехотворной сумме, «если иметь в виду дело, значение которого так велико для будущего нашего отечества... Если нацистскому движению суждено добиться хотя бы малейшего успеха в борьбе за судьбы Германии, то результат этого, выраженный в цифрах, в сотни тысяч раз превысит сумму, о которой идет сейчас речь».

Известны и другие, более поздние документы, свидетельствующие о том, что нацисты предлагали свои услуги воротилам промышленности и банков, и требовали взамен более или менее крупные средства. Но данный документ, едва ли не первый такого рода, предельно красноречив. Его отличает понимание психологии тех, кому он собственно адресован: мотив «выгодного» вложения денег не только декларируется, но и конкретизируется на примере, который являлся в тот момент политическим событием № 1: «Итальянский фашизм спас итальянскому государству миллиарды в золоте». Нацисты, таким образом, стремились использовать успех своих единомышленников в Италии не только пропагандистски, но и извлекая из него прямые материальные выгоды.

Мы не знаем, каковы были конкретные результаты данного обращения, но о том, что нацисты располагали значительными суммами, свидетельствует (среди прочих доказательств, главным из которых является постоянное расширение активности НСДАП во всех направлениях), в частности, запись в дневнике вюртембергского посланника в Мюнхене, сделанная в ноябре 1922 г. после беседы с главой баварского правительства Книллингом: «Ему непонятно, откуда у партии (НСДАП. — Л.Г.) так много денег; она блестяще финансируется. Гитлер разъезжает повсюду в автомашине (тогда это

средство передвижения еще отнюдь не было массовым. — Л.Г.) и уже неоднократно получал в свое распоряжение специальные поезда».

В этом смысле очень любопытно письмо Д. Экарта, направленное им в августе 1922 г. одному из лиц, игравших важнейшую роль в субсидировании нацистской партии крупной промышленностью, Э. Гансеру, служившему в электротехническом концерне Сименса в Берлине. В письме идет речь о том, что Экарт не в состоянии возместить взятые незадолго до того у Аммана 20 тыс. марок, ибо 2 тыс. из них отдал некой фрау Фогль, 5 тыс. «почетному председателю» партии Дрекслеру, который обещал взамен ценные бумаги и т.д., а 10 тыс. оставил себе и значительную часть этого уже израсходовал. Экарт спрашивает, как быть, и, выражая предположение, что необходимая сумма имеется в кассе газеты «Фелькишер беобахтер» (главным редактором которой он числился), сообщает, что в течение месяца надеется получить от своих должников 50 тыс. марок. Вместе с тем Экарт пишет: «Но необходимо, чтобы Берлин, наконец, появился на арене».

Контекст, в котором сделано это замечание, не оставляет сомнений, что Берлин здесь выступает как источник материальных средств. Контакты фашистов с деловым миром ограничивались Баварией лишь на самой ранней стадии существования НСДАП. Со временем устанавливаются связи с рядом промышленников в Вюртемберге, Саксонии (здесь главную роль играл фабрикант Мучман из Плауэна, позднее ставший даже гауляйтером НСДАП) и т.д. Но наибольший интерес для нацистов, безусловно, представляла столица, и этот интерес, если иметь в виду реакционеров-монополистов, стал обоюдным, когда последние узнали, что в Мюнхене как на дрожжах растет фашистская организация с многообещающей программой и фанатичным лидером, собирающим многотысячные митинги.

Одним из первых приверженцев нацизма в Берлине стал владелец широко известной фабрики роялей и фортепиано Бехштейн, располагавший разнообразными связями.

Зимой Бехштейн предпочитал жить в Баварии, где в Берхтесгадене у него был дом. Как и в случае с Брукманами, горячей сторонницей Гитлера была жена фабриканта, дарившая Гитлеру дорогостоящие произведения искусства, которые фашисты в то время отнюдь не коллекционировали, а за неимением свободных средств — немедленно превращали в «чистую монету». Дамы Бехштейн и Брукман — две представительницы «высшего света» были не единственными особами, оказывавшими существенную поддержку фашистскому движению.

Как ни заманчиво было для нацистов приобретение таких богатых сторонников, как Бехштейн или владелец кофейной фабрики в Берлине Р. Франк, они понимали, что определяющее значение для судеб германского фашизма могут иметь лишь симпатии столпов тяжелой промышленности. С целью привлечения этих влиятельных людей на сторону нацистов Гитлер неоднократно посещал Берлин, расширяя там свои контакты при деятельном участии Экарта, Гансера и других доброжелателей.

На деле фашисты собирались оказывать услуги не пан-германцам, которые должны были сыграть только роль посредников, а магнатам капитала. Одним из них был, например, А. Гугенберг, в недавнем прошлом генеральный директор фирмы Круппа, а в начале 20-х годов владелец концерна, объединявшего различные средства массовой информации. Он сыграл важную роль в приходе фашистов к власти в 1933 г. Сведения о том, что Гугенберг финансирует НСДАП, появились в печати уже в 1922 г. Об этом говорил в ноябре 1922 г. В. Пик, выступая в прусском ландтаге. К тому же времени относится и переход на сторону фашизма владельца старейшей паровозостроительной фирмы, расположенной в Берлине, Э. Борзига, который одновременно возглавлял Всегерманский союз работодателей, Союз металлопромышленников Германии и ряд других предпринимательских объединений. Это было следствием бурной деятельности в пользу нацистов, развернутой Э. Гансером. В результате его стараний Гитлер весной 1922 г. был приглашен выступить в берлинском «Национальном клубе 1919 г.», членами которого являлись магнаты промышленности и сельского хозяйства, титулованные особы, генералы, известные университетские профессора.

Гитлер не впервые встречался с представителями германских монополий. Уже зимой 1921–1922 гг. он держал речь перед некоторыми из них. Но то был узкий круг, в то время как 29 мая 1922 г. Гитлера явились слушать «сливки» капиталистического Берлина. Через некоторое время последовало новое выступление. Очевидно те, кто присутствовал на первом докладе, так информировали о нем других представителей делового мира, что последним также захотелось послушать мюнхенского гостя. Среди них и находился Борзиг, получивший информацию о первом выступлении Гитлера от своего помощника Детерта. О дальнейшем мы знаем из датированного октябрём 1937 г. письма

Детерта сыну Борзига (Борзиг-старший к тому времени уже умер): «Это выступление так захватило Вашего отца, что он поручил мне связаться с А. Гитлером лично, без посредников и поговорить с ним насчет того, как и какими средствами можно распространить на Северную Германию, в частности на Берлин, это движение, имевшее тогда опору почти только исключительно в Южной Германии». Мы знаем, что в 1922 г. реализовать этот план не удалось. Но Борзиг сделал все от него зависящее, чтобы поддержать НСДАП: он собрал своих ближайших единомышленников, являвшихся до того приверженцами Национальной партии, и убеждал их в целесообразности присоединиться к фашистскому движению. Кроме того, он организовал сбор средств для нацистской партии, которые были переданы ей через Пенера. Как сообщал Детерт, Гитлер был весьма обрадован поддержкой со стороны Борзига. Все это подтверждается документально письмом Детерта сыну Борзига: «Ваш отец был безусловно одним из первых, кто здесь, в Берлине, установил связи с нашим фюрером и поддержал его движение значительными средствами».

В финансировании НСДАП участвовал и магнат №1 (для того времени) автомобильной промышленности Германии Даймлер. Осенью 1923 г. контакт с НСДАП установил один из самых могущественных монополистов Рура Ф. Тиссен. Он дал нацистам 100 тыс. золотых марок, о чем рассказал в своей книге «Я платил Гитлеру» (книга была издана в Швейцарии после бегства Тиссена из гитлеровской Германии). Значение этого подарка трудно переоценить, ибо он был сделан во время гиперинфляции, когда бумажная марка опустилась до стоимости бумаги, на которой она была напечатана. В своей книге Тиссен сообщил также, что и другой супермагнат той эпохи Стиннес также поддерживал Гитлера материально.

Председатель комиссии баварского ландтага, расследовавшей деятельность организаций и лиц, поддерживавших НСДАП на ее пути к путчу, В.Хегнер (после Второй мировой войны премьер-министр Баварии) писал: «Крупная промышленность финансировала фашистское движение, ибо видела в Гитлере «сокрушителя марксизма». Она солидаризировалась с экономическими целями Гитлера, в то время как против экономических целей свободных профсоюзов вела острейшую классовую борьбу».

От финансирования нацизма не отказывались и крупные землевладельцы, которые пренебрегли пунктом программы НСДАП, предусматривавшим конфискацию латифундий, — принц Аренберг, граф Бер, герцог Кобургский, барон фон Тюркгейм и др.

Средства поступали в кассу НСДАП из нескольких стран, в том числе из Швейцарии, Венгрии, Португалии и др. Но гораздо более существенна была поддержка из США. Здесь главным доброжелателем был весьма популярный в то время «автомобильный король» Генри Форд. С нацистами его роднил яростный антисемитизм, который исповедовал Форд. Он был в этом смысле весьма активен и, располагая огромными средствами, делал все, чтобы обратить в свою веру соотечественников. Форд издал антисемитское сочинение, озаглавленное «Международный еврей», материалы такого рода имелись и в другой его книге — мемуарах «Моя жизнь». Но Форд и этим не ограничился: в газете, которую он издавал в Дирборне, систематически публиковались статьи антисемитского содержания.

Идеологическая близость Гитлера и Форда была для современников очевидна. Известно, что в кабинете фюрера в «Коричневом доме» висел большой портрет его американского единомышленника. В начале 20-х годов установились и непосредственные связи. Один вариант их связан с именем Э. Ханфштенгля, германо-американца, который, оказавшись в Мюнхене, стал поклонником, а затем и приближенным Гитлера, его связным с США, в первую очередь с американскими кругами. Интересно, что и позднее дружба с Гитлером, в течение ряда лет весьма тесная — после провала «пивного путча» 1923 г. Гитлер скрывался на вилле Ханфштенгля, — закончилась разрывом.

Другой канал связи с США осуществлялся К. Людеке, выполнявшим задания Гитлера по связям с зарубежьем (финал их взаимоотношений был таким же, и в 30-е годы Людеке издал книгу, в которой рассказал о своих поездках, совершавшихся по заданию Гитлера). В 1923 г. он ездил в США для встречи с Фордом и другими американскими доброжелателями нацизма.

Здесь надо сказать, что сведения о деятельности Гитлера уже в течение некоторого времени появлялись на страницах американских (и английских) газет. Интерес к этой фигуре проявили и власти США. В ноябре 1922 г. посольство США в Германии командировало одного из своих сотрудников по фамилии Смит в Мюнхен для встречи с Гитлером и выяснения «из первых рук» целей и намерений нацистской партии. Смит составил подробное донесение о своей поездке,

датированное 25 ноября 1922 г. Гитлер произвел на американского дипломата очень сильное впечатление: «Не подлежит сомнению, что эта личность — один из важнейших факторов, содействующих успеху партии... Способность его воздействовать на широкие массы просто удивительна. В частной беседе Гитлер в момент откровенности производил весьма глубокое впечатление на нейтрального слушателя своей фанатичностью». Как видно, американец подпал под влияние гитлеровской демагогии, подобно многим рядовым немцам, побывавшим на нацистских собраниях. Но это суждение было предназначено не для личного употребления, а для ориентации государства. Кстати сказать, именно мистер Смит «свел» Ханфштенгля с Гитлером. Он порекомендовал тому побывать на митинге, где Гитлер будет выступать, после чего Ханфштенгль стал горячим поклонником Гитлера (через некоторое время Ханфштенглю было доверено отвечать за все связи НСДАП с прессой).

Людеке отправился в США после провала мюнхенского путча 8–9 ноября 1923 г.; в этот момент нужда в средствах была для нацистов особенно велика — от них отвернулась большая часть покровителей, остальные стали значительно менее щедры. Людеке, прибыв в США, связался с Фордом, и тот пригласил его на беседу. За те несколько дней, которые прошли между телефонным разговором и днем, на который Людеке был приглашен на беседу, он узнал, что в США прибыл с визитом сын Р. Вагнера с женой (которая являлась убежденной сторонницей Гитлера и его идей). Людеке связался с ними, и они посетили Форда. Едва ли не важнейшей темой разговора была материальная помощь НСДАП со стороны Форда. Можно не сомневаться, что она была оказана, но каков был размер этой помощи, сказать нельзя. Форд владел автомобильными заводами в Германии и сказал своим немецким посетителям, что деньги для НСДАП будут выплачены из выручки за автомашины, которые производились на этих предприятиях (очевидно, из соображений оперативности). О сотрудничестве НСДАП с Фордом, которого нацисты высоко ценили и за его книгу «Международный еврей», и за материальную поддержку, речь шла в материалах комиссии баварского ландтага по расследованию преступлений нацистской партии. Там отмечалось, в частности, что гитлеровцы намеревались пригласить Форда в Мюнхен и встретить его как короля.

Существенным финансовым источником нацизма на ранней стадии его развития была белогвардейская эмиграция, стремившаяся использовать немецкую реакцию как силу, способную помочь российской контрреволюции в ее борьбе против советской власти в России. Основные связи нацистов с белогвардейской верхушкой шли через одного из близких помощников Гитлера, беглеца из Прибалтики Шойбнер-Рихтера, близкого к герцогу Кобургскому и бывшей герцогине Кобургской — жене великого князя Кирилла, в недалеком будущем провозглашенного «претендентом на русский престол». Герцог первым из немецких титулованных особ (в дальнейшем его примеру последовали многие другие) стал активным приверженцем фашизма. Контрагентом Шойбнер-Рихтера был в данном случае бывший русский генерал Бискупский, человек из близкого окружения Кирилла.

Шойбнер был связан также с Врангелем. Заинтересовав группу южногерманских промышленников, он в 1920 г. даже ездил в Крым, но надежды, возлагавшиеся немецкими реакционерами на «черного барона», провалились в самый короткий срок. Тесные контакты существовали с украинской белогвардейской эмиграцией (в первую очередь со Скоропадским, давним германским ставленником на Украине). В качестве связного со стороны украинских националистов выступал «канцлер» бывшего гетмана Полтавец фон (!) Острианица. 20 апреля 1923 г. он писал Гитлеру, что «Украинское национальное казачье объединение» присоединяется к программе и целям национал-социализма, в связи с чем местонахождением организации избран Мюнхен. Полтавец добавлял, что весной на Украине ожидаются волнения — даже слушок об этом должен был понравиться его немецким единомышленникам. Действительно, письмо вызвало в окружении фюрера большой интерес, о чем свидетельствуют многочисленные пометки и подчеркивания.

Подобные контакты имели для нацистов, нуждавшихся тогда в любой поддержке, большое значение. Много позднее, уже во время Второй мировой войны, фюрер, напомнив о роли русских контрреволюционных эмигрантов в становлении фашистского движения, сказал, что ранний «Фелькишер беобахтер» следовало бы правильнее называть «Мюнхенер беобахтер» (балтийское издание). Это влияние было одной из причин — наряду с противоположностью мировоззрений и др. — непримиримой враждебности нацизма по отношению к Советской России.

Но значение Шойбнер-Рихтера для НСДАП далеко не ограничивалось этой стороной дела. Он располагал широкими связями с представителями самых разных прослоек германского

истеблишмента — промышленниками, дворянами, католическим духовенством и т.д. Заслугой Шойбнер-Рихтера было, в частности, то, что он свел Гитлера с генералом Людендорфом, едва ли не главным кумиром германской военщины. После провала путча Каппа Людендорф вынужден был убраться из Берлина и обосноваться в Мюнхене, где почувствовал себя гораздо вольготнее и где скоро оказался в центре заговоров, которые имели целью ликвидацию республиканского строя. Гитлер относился к Людендорфу с нескрываемым подобострашием, впрочем, как и мог относиться рядовой ефрейтор к генералу, который в последние годы войны фактически являлся главнокомандующим германской армии. Фюрер величал Людендорфа «Ваше превосходительство» и смотрел ему в рот. Спустя годы, когда их пути разошлись, от прежнего подобострашия не осталось и следа.

Что же касается Шойбнер-Рихтера, то некоторые историки НСДАП считают, что именно он, особенно в 1923 г., был главным политическим стратегом нацистской партии. О том, как оценивал Шойбнер-Рихтера сам Гитлер, свидетельствуют его слова, сказанные вдове Шойбнер-Рихтера (погибшего во время мюнхенского путча 1923 г.), что ее муж «открыл мне все двери».

Выше не раз упоминалась «Фёлькишер беобахтер», но еще не было сказано, как она стала органом НСДАП. Эта газетка, первоначально называвшаяся «Мюнхенер беобахтер», всегда была рупором крайне реакционных сил баварской столицы; одно время она была наиболее близка к ГСП, соперничавшей с нацистами, и позволяла себе не во всем соглашаться с ними. Это еще более усиливало стремление руководителей НСДАП завладеть газетой, тем более что своего органа у них в течение 1919–1920 гг. не было. Но для этого нужны были деньги и немалые — ее цена равнялась 120 тыс. марок, помимо того, «Фёлькишер беобахтер» имела на 250 тыс. марок долгов. Как видно из позднейшего нацистского издания — биографии генерала фон Эппа, необходимость в собственной газете определялась, в частности, тем, что фашистские плакаты, расклеивавшиеся большей частью ночью, к утру уже уничтожались противниками или поверх наклеивались новые.

В конце 1920 г., когда нацистское руководство узнало, что газета продается, Гитлер немедленно отправился к Г. Гранделю в Аугсбург, и тот выложил половину суммы, которую следовало уплатить сразу же. Как писал Грандель, в период фашистской диктатуры он сделал это, «ибо партия не располагала средствами». Да и могла ли весьма немногочисленная тогда организация, если бы она ориентировалась на членские взносы, и думать о подобных суммах? Другие 60 тыс. марок дал генерал фон Эпп. В 1922 г., когда сведения об этой операции проникли в печать и стали предметом обсуждения в рейхстаге, он утверждал, что деньги принадлежали лично ему. Демократически же настроенные депутаты и журналисты доказывали, что 60 тыс. марок, благодаря которым нацисты сумели получить в свои руки новое мощное пропагандистское орудие, Эпп взял из военной казны. Вероятнее всего, это было именно так. В дальнейшем фашисты выплатили долг (любопытно, что одним из прежних совладельцев «Фёлькишер беобахтер» являлся Г. Федер, который исправно получал с родной партии все причитавшиеся ему деньги). Крупная промышленность (и другие доброжелатели из числа власть имущих) все более щедро субсидировали нацистскую партию, о чем говорит и тот факт, что газета, выходившая в 1921–1922 гг. трижды в неделю, с начала 1923 г. превратилась в ежедневный орган, что, естественно, требовало новых значительных «пожертвований».

Редактором «Фёлькишер беобахтер» вскоре после перехода в руки нацистов стал Д. Экарт, его помощником — Розенберг. Уже одно это в достаточной мере характеризовало облик фашистской газеты. Постепенно руководство все более переходило к Розенбергу, это он объяснял неспособностью Экарта к труду. Для Экарта, пишет Розенберг, труд являлся мучением. Но можно полагать, что дело было не только в этом: Экарт уже сделал для НСДАП все, что мог, а быстрое ухудшение здоровья лишало его в глазах нацистов ценности. Весной 1923 г. он и формально был заменен Розенбергом.

Весьма характерна для нравов, царивших в нацистской партии, судьба Дрекслера, основавшего нацистскую партию. Он сильно недооценил Гитлера, за что в июле 1921 г., как уже говорилось, поплатился председательским креслом. Но в принятом тогда уставе партии он сумел закрепить за собой важные позиции. Так, он получил пожизненный титул почетного председателя, ему предоставлялось право контроля за деятельностью 1-го председателя, т.е. Гитлера. В случае, если в ней, по мнению Дрекслера, появляются нежелательные тенденции, он должен был поставить данный вопрос на заседании руководящего комитета. Нечего говорить, что в действительности все это оставалось на бумаге; Гитлер не простил Дрекслеру обращение в полицию в 1921 г. и не собирался

ни с кем делить власть. Он продолжал отзываться о том весьма презрительно. Дрекслер ряд лет оставался депутатом, а затем исчез с арены.

Выше уже приводились примеры отпора, который противники нацизма оказывали фашистской угрозе. Отпор этот в первые годы существования фашистских организаций сводился преимущественно к борьбе против террора, при помощи которого реакционные банды стремились запугать своих противников. Террор этот с наибольшей силой свирепствовал в Баварии.

Баварский пролетариат был обескровлен подавлением Советской республики и последовавшими вслед за этим репрессиями. Но и в этих условиях рабочие в своей массе отвергали попытки фашистов проникнуть в их ряды при помощи обмана и демагогии, в то же время не давая себя запугать вероломными нападениями нацистских молодчиков.

Даже полицейские отчеты о фашистских сборищах, авторы которых в целом сочувствовали устроителям, содержат немало свидетельств открытого отпора, оказывавшегося нацистам. Так, на митинге, состоявшемся 6 июля 1920 г., несколько человек, как и 24 февраля, энергично разоблачали псевдорбочий характер нацистской пропаганды. Представитель КПП Винтерштайгер раскрыл фашистский обман насчет «производительного» капитала, который нацисты стремятся вывести из-под удара трудящихся. Винтерштайгера поддержали Шленк, входивший в НСДПГ (подавляющее большинство которой вскоре объединилось с КПП), и член Коммунистической рабочей партии Германии (немногочисленной организации, отколовшейся от КПП вследствие «непримиримой левизны» ее лидеров) Бранц. В полицейском отчете о собрании 15 мая 1920 г. говорится, что «немногочисленные рабочие, присутствовавшие здесь, отзывались о рассуждениях оратора, Гитлера, с руганью». Один выступавший охарактеризовал НСДАП как прожженную банду обманщиков. На митинге 25 августа участник прений, по убеждениям социалист (он, однако, не входил в какую-либо партию), заявил, что НСДАП не имеет никакого права называть себя социалистической партией.

Но действительность сопротивления фашизму снижалась не только откровенным поощрением реакционеров всех мастей (их покровитель Кар в 1921–1922 г. стоял во главе земельного правительства), но и отсутствием единства рабочих партий. Правда, в отдельных случаях, когда чаша терпения, как говорится, переполнялась, такое единство складывалось, несмотря ни на какие разногласия. Так было, например, в июне 1921 г. после убийства фашистами председателя фракции НСДПГ в баварском ландтаге К. Гарайса, известного своими смелыми выступлениями против нацистов. В знак протеста против нового преступления реакции по всей Баварии была проведена трехдневная забастовка, в которой сплоченным фронтом выступили члены и приверженцы всех существовавших тогда рабочих партий — КПП, НДПГ и СДПГ. С большими трудностями фашисты сталкивались в промышленно развитых районах страны. Так, их попытка созвать собрание в Дортмунде (это было вскоре после убийства Ратенау) вызвала подлинную бурю возмущения. Нацисты были вынуждены отменить митинг. Усилиями рабочих были сорваны попытки сторонников НСДАП создать группу этой партии в Эссене (август 1922 г.). Орган КПП Рурской области «Рур-эхо» призвал всех рабочих к бдительности в отношении национал-социалистов. «Рабочие!! — говорилось в обращении. — Смотрите в оба!! Под именем «Национал-социалистической рабочей партии» реакция пытается ныне привлечь под свои знамена бездумных последователей, чтобы использовать их в интересах старых обанкротившихся сил фёлькише».

Нацисты не могли на многое рассчитывать также в Саксонии, где первая группа НСДАП появилась в городе Цвикау в октябре 1921 г. и где в качестве главного лица выступал фабрикант Мучман, что навряд ли могло создать новой организации популярность. То же относится к Тюрингии, которая наряду с Саксонией являлась в эти годы одной из основных цитаделей левых сил. Так, например, когда фашисты в марте 1922 г. вознамерились провести в Готе «Германский день», рабочие партии выступили единым фронтом против замыслов реакции. В совместном воззвании они заявили: «Реакционные банды все смелее поднимают голову, они все более нагло провоцируют рабочих».

Пролетарии, покажите, что вы сплочены, когда надо защищать жизненные интересы рабочего класса против черной реакции и угнетения».

Многочисленные свидетельства враждебности со стороны рабочего класса имеются и в фашистских источниках. Бывший нацистский гауляйтер Швабии К. Валь сообщает в своих воспоминаниях о том, что в Аугсбурге (Бавария) нередки были случаи срыва собраний НСДАП. Это удавалось противникам, пишет он, в частности, потому, что «они целыми коллективами предприятий заполняли залы задолго до начала собрания». Гитлер любил выезжать на свою родину — в Австрию;

но и здесь его ожидали неприятности. Так, в Санкт-Пельтене, где он выступал в октябре 1920 г., молодые слушатели в столь резкой форме прерывали его, что будущему фюреру пришлось раньше времени оставить трибуну.

Сам он хорошо отдавал себе отчет в том, что на пути к поставленной цели фашистов ждут разочарования. Наглядное свидетельство этому — письмо Гитлера от 3 августа 1920 г. тогдашнему коменданту Мюнхена полковнику Хирлю, незадолго до того опубликовавшему газетную статью, где подчеркивалась настоятельная необходимость завоевать рабочих на сторону «национального дела». Гитлер писал Хирлю: «Ваша точка зрения, что наши собрания посещает слишком малое число промышленных рабочих, справедлива лишь частично. Мы сознаем трудности того, чтобы сразу же привлечь к себе рабочих, которые в немалой степени уже в течение десятилетий принадлежали к другим организациям». Предпосылкой для этого, объяснял он своему адресату, должны были стать крупные, массовые митинги, которые внушили бы уважение к новой партии. А это поставило нацистов перед необходимостью обратиться к средним слоям, которые были близки руководителям НСДАП, так как мыслили и чувствовали «национально» (точнее — националистически). Конечно, это было то, что французы называют «делать хорошую мину при плохой игре». Но данный документ (к тому же опубликованный во времена господства фашизма) примечателен, ибо в нем впервые содержится признание о ставке фашистского руководства на средние слои (хотя слова «рабочая» и «социалистическая» в названии партии сохранялись, а попытки привлечь пролетариев предпринимались вновь и вновь). В цитированном письме это изображается лишь как тактическое средство, позднее завоевание средних слоев станет достижимой и реальной целью, в отличие от привлечения рабочих.

Мы можем поэтому с полным правом отнести прежде всего к рабочему классу признания Гитлера насчет подлинного отношения населения к нацистам на первом этапе их деятельности. Так, в 1922 г. он говорил: «Три года проповедуем мы, подвергаясь со всех сторон ругани и поношению; одни осмеивают нас и потешаются над нами, другие проклинают, клеветуют». А спустя еще восемь лет, в начале 1930 г., он высказался еще определеннее: в первые годы своего существования фашизм был «наиболее ненавидимым движением, когда-либо существовавшим в Германии».

Одной из причин такой ненависти являлась позиция нацистов по отношению к Советской стране. Многие рабочие, независимо от того, принадлежали они к КПГ, НСДПГ или СДПГ, поддерживали Советскую Россию. Это ярко проявилось именно в 1920 г., когда развернулось идеологическое наступление нацизма. Нападение панской Польши на Советскую Россию вызвало гневный протест немецких рабочих; они наотрез отказались перевозить по германской территории грузы, прежде всего вооружение, которые Франция, бывшая в союзнических отношениях с Польшей, предназначала для польской армии. В подобной обстановке злобная клеветническая кампания, которую вели фашисты, стремясь отвратить от Советской страны симпатии германских рабочих, не могла принести успех. Тем не менее нацисты изо дня в день продолжали свои нападки. Фашисты ждали падения советской власти постоянно, но после начала советско-польской войны уже не сомневались, что Советская Россия обречена.

Не проходило ни одного фашистского митинга или сборища, не было ни одной листовки, опубликованной НСДАП, без яростных выпадов против Советской России, без измышлений относительно ее положения, жизни советских людей и т.п. Осенью 1920 г. нацисты, ссылаясь на отчет некоего английского посла, распространили клеветническую версию, будто «большевики продали бухарскому эмиру» (в другом варианте — Китаю)... 137 тыс. немецких и австрийских военнопленных; из них лишь 7 тыс. якобы сумели вернуться. Другая «информация» в том же духе: 3 тыс. военнопленных, стремившихся на родину, были утоплены в Неве. Подобную ложь фашисты преподносили тем, кого они пытались «обработать», и здесь уже проявился сформулированный Гитлером позднее пропагандистский «тезис» — чем невероятнее ложь, тем легче можно выдать ее за правду.

На митинге 13 августа 1920 г. Гитлер нагло утверждал, будто В.И. Ленин говорил, что Советы «изжили себя». Столь беззастенчивая ложь зачастую опровергалась здесь же, на месте, представителями КПГ, иногда НСДПГ, бравшими слово в прениях (пример тому уже приводился). И порой именно по вопросу о Советской России страсти накалялись до предела. Так было и в 1920 г., и в 1921 г., в момент голода в Поволжье, когда мировая демократическая общественность, в том числе в Германии, пришла на помощь голодающим. В это время немецкие фашисты категорически выступили против какой-либо помощи Советской России.

Если у трудящихся антисоветская пропаганда нацистов не могла рассчитывать на большой успех, то у буржуазии, а также среди известных прослоек мелкой буржуазии подобная пропаганда нередко находила отклик. С самого начала одним из главных идеологических лозунгов германского фашизма стала альтернатива «свастика или красная звезда». На деле в Германии тех лет имелись объективные условия для развития в направлении демократического строя, при котором трудящиеся располагали бы широкими правами, в определенной степени ограничивающими господство монополий. Фашисты ловко играли на страхе буржуазии перед социалистической революцией, но и в начале 20-х годов, и позднее соотношение сил складывалось в конечном счете не в пользу революционных пролетариев. «Оправдание» фашизма заключалось в стремлении определенных кругов крупного капитала покончить с демократией даже в ее буржуазной форме.

Для успешной борьбы против фашизма необходимо было разобраться в этом явлении, новом не только в условиях Германии, но и во всем мире. Правда, уже имелся определенный опыт деятельности фашистов в Италии, но, во-первых, весьма существенны были различия в условиях обеих стран, а, во-вторых, осмысление итальянского опыта фактически еще только начиналось. С самого начала у многих не было сомнений в том, что фашисты являются преторианской гвардией крупного капитала, призванной разгромить организованное рабочее движение, в том, что одно из основных их орудий — крайний национализм. Но до 1922 г. не было сколько-нибудь необходимой ясности насчет таких кардинальных для оценки фашизма и определения путей борьбы с ним свойств его, как социальная демагогия, способность привлекать значительное количество сторонников и т.п. То, что реакционная террористическая организация может иметь поддержку в массах, было необычным явлением в международной классовой борьбе.

Трудности установления этого были особенно велики в Германии. После нескольких лет кровопролитных классовых боев между революционным авангардом пролетариата и различными вооруженными формированиями реакции основной, если не единственной чертой их считался только белый террор. Эти корпуса и отряды, часть которых была организована такими социал-демократическими лидерами, как Носке, видели своего врага только и исключительно в коммунистах. На этом общем фоне появлению организаций «новой» формации — НСДАП и ей подобных, — чье острие было обращено и против других рабочих партий, в той или иной степени связанных с марксизмом, против сторонников буржуазно-парламентского строя, не придавали того значения, которого это событие заслуживало. Здесь сказалась и локальная ограниченность деятельности НСДАП в первые годы ее существования, а словам — «рабочая» и «социалистическая» в ее названии не придавали особого значения, отводили чисто служебную роль, тем более что и в прежние времена реакция предпринимала попытки проникнуть в ряды рабочего класса, создавая для этого специальные союзы. Термин «фашизм» подчас толковался расширительно и относился (и в это время, и в течение ряда последующих лет) ко всем социальным силам, отличительной особенностью которых было широкое применение террора против революционных трудящихся.

Но с накоплением опыта, и в пределах самой Германии и, что было не менее важно, в Италии, где и социальная направленность фашизма во второй половине 1922 г. уже не оставляли сомнений, противники его начали формулировать выводы, имевшие важное значение для существа и методов антифашистской борьбы. Здесь на первое место, безусловно, следует поставить ветерана революционного рабочего движения в Германии В. Пика. Выводы из событий осени 1922 г. он с чрезвычайной четкостью сформулировал в речи, произнесенной в прусском ландтаге 27 ноября и озаглавленной «Боритесь против фашизма — надежды международной реакции». Это — первый развернутый анализ характера и особенностей фашистского движения в Германии.

В. Пик на конкретных фактах показал, кому служат фашисты: «За этим движением стоит крупнопромышленный капитал, стремящийся в лице фашистского движения создать охранную организацию, чтобы подавить рабочий класс... Цель — при помощи кровавой бани ослабить его и сделать покорным воле тяжелой промышленности, всех этих Стиннесов, Клекнеров и Тиссенсов». Он не ограничился общими словами, а привел обширный материал, подтверждающий тесные связи между фашистами и целым рядом промышленных и банковских компаний, в том числе таких ведущих, как фирма братьев Рехлинг, электротехнический трест «Сименс-Гальске», трубопрокатный гигант Маннесмана, информационно-издательский концерн А. Гугенберга и др. В. Пик назвал в своей речи и Баварский союз промышленников, руководители которого, например Г. Куло, в это время еще изощрялись в негодующих опровержениях, но через год, в ходе следствия по делу о мюнхенском путче, как уже отмечалось, вынуждены были подтвердить, что разоблачения, с

которыми выступили антифашисты, были справедливы.

Весьма существенным моментом речи В. Пика была характеристика действительной направленности фашизма, скрытой за словесной шелухой. Он подчеркнул, что «это контрреволюционное движение активно выдвигает два лозунга: «Против большевизма» и «Против еврейства». Этими лозунгами стремятся, однако, ввести население в заблуждение относительно подлинных замыслов фашистского движения». А эти замыслы фашистов были с не меньшей остротой обращены против сторонников социал-демократии и против приверженцев буржуазной демократии, которую фашизм стремился полностью ликвидировать. О намерениях нацистских заправил свидетельствовали, среди многих других фактов, постоянные угрозы в адрес социал-демократической газеты «Мюнхенер пост», регулярно помещавшей на своих страницах материалы о «похождениях» фашистов, об их покровителях из лагеря крупного капитала, о роли, которую играл в фашистском движении генерал Людендорф, в 1920 г. обосновавшийся в Мюнхене, где подготовка контрреволюционного переворота зашла наиболее далеко.

В указанной речи подчеркивалась реальность угрозы выступления крайней реакции, срок которого был даже предварительно намечен на ноябрь 1922 г., но затем отложен.

Но предупреждая о растущей опасности в лице нового смертельного врага революционного движения, В. Пик всеми силами стремился вселить в германских рабочих веру в возможность справиться с фашизмом. Указывая на совсем свежие еще в те дни итальянские события, принесшие с собой поражение, он говорил: «Мы, демократы, хорошо видим разницу между итальянским фашизмом и его германской разновидностью. Мы знаем, что сторонникам Гитлера и Эрхардта будет не так легко расправиться с рабочим классом, как оказалось фашистам в Италии. Утверждая это, он имел в виду гораздо большую организованность германского пролетариата, более высокий уровень его классово сознательности, опыт в борьбе против реакции, причем опыт не прежних десятилетий, а двух-трехлетней давности; главным здесь были успешные единые действия рабочих против путча Каппа-Лютвица в 1920 г. Пик подчеркнул: «Чтобы действительно не позволить фашистскому движению осуществить кровавую баню, необходимо сплочение всего рабочего класса в общий фронт».

Причины того, что фашистские главари отказались от своего плана, заключались в разоблачениях, сделанных в рабочей печати, и отсутствии единства среди реакционных путчистов.

Как раз в те дни, когда В. Пик с парламентской трибуны заклеил фашизм, в Берлине заседал первый конгресс фабрично-заводских комитетов Германии. Здесь была принята специальная резолюция по вопросу о фашизме, в которой главное внимание уделялось деятельности национал-социалистической партии и предлагалось усилить отпор ей по всем линиям: «Оборона рабочего класса против фашизма не должна ограничиваться разъяснениями сущности фашистского движения. Рабочий класс не должен позволять, чтобы по его спине прогуливались дубинки». Речь шла, в частности, о создании специальных групп по охране рабочих собраний, вооружении отрядов пролетарской самообороны и т.д. Активизация борьбы против фашизма становилась, таким образом, насущной потребностью организованного рабочего движения.

Хотя бесспорным центром фашистского лагеря в тот период являлась Бавария, он, как мы уже знаем, стремился пустить корни и в других местностях, прежде всего близких территориально. Одной из них был Вюртемберг, и корреспонденция, помещенная в декабре 1922 г. в издании «Интернационале прессекорреспондентц», свидетельствует об определенных успехах, которых добились здесь фашисты, и о том, что рабочие лидеры пристально анализируют причины этих успехов. Автор корреспонденции не только констатировал, что невиданный размах пропаганды, которую проводят национал-социалисты, говорит о наличии у них мощных покровителей — крупных капиталистов. Он отмечал, что фашисты «превосходно умеют подлаживаться под умонастроения индифферентных и колеблющихся слоев мелкой буржуазии... При помощи демагогических лозунгов против крупного еврейского капитала, против спекуляции и махинаций они, к сожалению, находят отклик у разочарованных масс». Наиболее активные участники этого движения, показывал автор, это прежде всего представители средних слоев — торговцы, студенты, учителя, уволенные в отставку военнослужащие. Однако к ним присоединяются и отдельные рабочие.

Корреспонденция заканчивалась выводом, который свидетельствует о том, что автор уже тогда отдавал себе отчет в серьезной опасности фашизма: «Не следует закрывать глаза на то, что решительные действия [фашистов] направлены на объединение вокруг себя опасной для рабочего

класса массы приверженцев».

Существенным отличием от Италии было гораздо большее значение национального вопроса, созданное итогами Первой мировой войны. Это обстоятельство отмечалось уже в ранних публикациях по проблемам фашизма. «Национальная идея, — подчеркивалось в одном из материалов, — это реальность, значение которой увеличивается по мере того, как социальное угнетение умножается национальным... Крупная буржуазия всеми средствами стремится утвердить эту идеологию». Поэтому идеологическая борьба против фашизма приобретала все большую актуальность, и одним из важнейших, если не самым важным из вопросов, по которым необходимо было вести эту борьбу, являлся национальный вопрос, который крайние реакционеры всех мастей стремились превратить в свой козырь в борьбе за массы. Отмечая это, автор одной из публикаций писал: «Политическая борьба против фашизма неэффективна без сильнейшего акцентирования в нашей пропаганде национального момента». К сожалению, в начале 20-х годов среди революционных пролетариев имелась недооценка его значения.

В разоблачении фашизма определенную роль играли и некоторые социал-демократы, особенно представители НСДПГ. Выше уже шла речь о материалах газеты «Мюнхенер пост», о выступлениях в баварском ландтаге, требовавших личного мужества (вспомним пример Гарайса). Среди первых работ о сущности фашизма, где он был показан как детище крупного капитала, находилась уже неоднократно упоминавшаяся брошюра П. Кампфмейера. Но между позициями коммунистов и социал-демократов по отношению к фашизму имелись существенные различия, вытекавшие прежде всего из противоположной оценки буржуазного государства. Уже видя его содействие крайней реакции, лидеры СДПГ продолжали уповать на законность, давно попорченную правящими кругами. Когда весной 1922 г. демократическая общественность потребовала высылки Гитлера, видный деятель баварской социал-демократии Ауэр, настроенный безусловно антифашистски, на совещании у министра внутренних дел возражал против выдворения фашистского главаря, ибо это якобы «нарушило бы демократические принципы». В свете подобной политики разоблачения фашистских преступлений и справедливые оценки природы фашизма во многом теряли свое значение. Если подвести итог четырехлетнему существованию фашистского движения в Германии, можно констатировать, что на пороге острых социальных схваток, предстоявших в 1923 г., оно сумело достаточно прочно утвердиться в одном из районов страны, пустив в то же время ответвления и в другие местности. Несмотря на некоторые меры репрессивного характера, нигде не было сделано и попытки уничтожить фашизм, и поэтому он смог в дальнейшем превратиться из потенциальной в реальную опасность. Если в Пруссии и ряде других земель нацистская партия и аналогичные ей организации с конца 1922 — начала 1923 г. были запрещены (хотя их деятельность в каких-то формах и продолжалась), то положение в Баварии вызывало во всех демократически настроенных слоях населения растущую тревогу.

Журнал «Интернационале» в ряде статей анализировал две стороны борьбы против фашистского движения: отпор террористическим актам со стороны крайне правых и разоблачение их идеологии. Авторы подчеркивали, что в терроре заключена главная опасность фашизма для рабочего класса и организация действенного сопротивления ему — актуальнейшая задача. Фашистская угроза настоятельно побуждает осуществить на практике давнее требование о создании отрядов рабочей самообороны. Важно было, чтобы борьба против фашистского террора не носила исключительно оборонительного характера, как нередко бывало: «Если наши люди бывают биты, это не может повысить доверия к ним... Гораздо лучше, если дело обстоит наоборот».

Говоря о важности развенчания идеологических уловок, которые использует фашизм для обработки масс, журнал уже в начале февраля 1923 г. отмечал: «Каждый, кто ездит по Средней Германии, кто наблюдает за настроениями на рынках, на улицах, на железной дороге, знает, что это опасное движение уже сейчас очень сильно и с каждым днем охватывает новые круги, не останавливаясь и перед рабочим классом». До сих пор, указывал журнал, «нас еще мало чему научила победа фашизма в Италии. Для его германской разновидности характерно гораздо большее «дружелюбие» по отношению к рабочим. Необходимо всеми средствами убеждать сторонников этого движения — рабочих, что борьба национал-социалистов против крупного капитала распространяется только на сравнительно незначительные по своему удельному весу группы евреев-капиталистов, но не направлена против действительно господствующих капиталистов, таких, как Стайнес».

Важной вехой на пути совершенствования антифашистской борьбы стала международная

рабочая конференция, проходившая в марте 1923 г. во Франкфурте-на-Майне. Она приняла специальную резолюцию по этому вопросу, в которой, в частности, говорилось: «Необходимо внедрить в сознание рабочих, что их постигнет участь итальянского рабочего класса, если они посредством энергичной революционной борьбы не воспрепятствуют переходу менее классово сознательных элементов к фашизму». Конференция выступила с предложением создать в каждой стране, где существует подобная угроза, комитет по руководству борьбой против фашизма. Его задачи рисовались так: сбор фактов о фашистском движении; систематическое разъяснение классово враждебного характера фашизма; организация отпора путем образования рабочих сотен и их вооружения, а также создания контрольных комиссий, способных пресечь переброску фашистских банд и оружия для них, и т.п.

Эта резолюция, как отмечал в «Интернационале прессекорреспондент» В. Шульц из Гамбурга, имеет целью покончить с фашизмом, пока он не превратился в грозную опасность. Поставленные конференцией задачи, подчеркивал Шульц, имеют в первую очередь отношение к Германии.

Накануне Франкфуртской конференции конституировался Временный международный комитет борьбы против фашизма; его возглавила известная деятельница немецкого и международного рабочего движения К. Цеткин, пользовавшаяся популярностью среди всех прогрессивных людей. Временный комитет в своем обращении к другим рабочим организациям призвал к усилению борьбы против фашистской угрозы, к созданию для этой цели Постоянного комитета. В другом обращении Временный комитет подчеркивал необходимость немедленного создания комитетов антифашистской борьбы в каждой стране и развертывания их деятельности в прессе, на собраниях, в профсоюзах и на предприятиях.

Местопребыванием новой организации являлся Берлин, как и созданного несколько ранее (в январе) Международного фонда борьбы против фашизма, распределявшего собранные для этой цели средства среди организаций Италии, Германии и некоторых других стран. В работе Временного комитета и в деятельности Международного фонда германские антифашисты играли первостепенную роль. С 15 по 22 апреля во многих странах проходила неделя пропаганды против войны и фашизма. Исполбюро Профинтерна внесло на дело борьбы против фашизма 10 тыс. золотых руб. (что равнялось примерно 125 млн марок).

Понимание наиболее важных аспектов успеха борьбы против фашистской опасности в течение 1923 г. постоянно углублялось. Вот одно из свидетельств этого, почерпнутое из статьи, опубликованной в бюллетене «Коммунистиче партайкорреспондент»: «Чтобы... предотвратить переход мелкой буржуазии в лагерь контрреволюции и, следовательно, преодолеть фашизм политически, необходимы два условия: рабочий класс должен стать во главе национально-освободительной борьбы и активно отстаивать социальные интересы мелкой буржуазии в ее борьбе против крупного капитала». Осознание необходимости значительно большего внимания к нуждам средних слоев, в немалой степени связанное с усилившимися попытками фашизма, перетянуть их в лагерь буржуазии. Но далеко не все рабочие, видя засилье мелкобуржуазных элементов в рядах организаций крайней реакции, правильно оценивали подчиненную роль этих элементов по отношению к тем, кто действительно направлял политику НСДАП и родственных ей групп. И в коммунистической печати встречались выступления, в которых фашистское движение характеризовалось, как «бунт» мелкой буржуазии.

«Вплоть до сегодняшнего дня, — говорила К. Цеткин летом 1923 г., — существовала значительная неясность относительно фашизма. И не только среди широких масс пролетариев, но и среди революционного авангарда, среди коммунистов... Очевидно, однако, что мы тем скорее справимся с этим коварным врагом, чем яснее и точнее определим его существо и последствия».

К. Цеткин придавала большое значение доказательству тезиса, что существо фашизма отнюдь не сводится к террору, как полагали многие; за ним следуют широкие социальные слои, это, следовательно, социальное движение, с которым нельзя справиться только военными средствами, его необходимо победить также политически и идеологически. Вопрос в такой или близкой к ней форме уже ставился, но постановка его К. Цеткин отличалась значительно большей глубиной анализа и обоснованностью заключений. «Я придаю громаднейшее значение, — подчеркивала она, — сознательной и планомерной идеологической и политической борьбе за завоевание симпатий этих слоев населения (подпавших под влияние идей, пропагандируемых фашизмом. — Л.Г.), в том числе буржуазной интеллигенции». Эта задача, указала К. Цеткин, «требует видоизменения позиции или, вернее, более точной позиции в отношении определенных социальных явлений, свойственных по

существо фашизму, и, кроме того, величайшей активности».

К. Цеткин формулировала позиции КПП в вопросе о фашизме. Но в этой позиции были и слабости. Они вытекали из представления, что глубокое противоречие между классовой функцией фашизма и социальным составом его сторонников должно неминуемо привести к быстрому его разложению и упадку. В массовой базе фашизма якобы имелись такие «революционные» тенденции, которые могли заостриться против капитализма. Положение о том, что соответствующие элементы «должны втянуться в пролетарскую классовую борьбу против классового господства и эксплуататорской власти буржуазии», значительно упрощало ситуацию и трудность задачи, стоявшей перед организованным рабочим движением в борьбе против его злейшего врага. Как уже было к тому времени известно, этот враг был исключительно силен в идеологической обработке определенных социальных слоев с целью превращения их в опору буржуазного строя. Следует учесть, однако, что накопленный к тому моменту опыт еще не давал достаточных оснований для суждения о возможности преодоления фашистским движением противоречия, о котором шла речь выше.

Говоря о германском фашизме, мы оперировали большей частью баварским примером, на котором наиболее полно можно проследить характерные его черты. Но мы знаем вместе с тем, что с фашистским движением в том или ином виде сталкивались и жители многих других местностей Германии. Это относилось, в частности, к Верхней Силезии, где особенно остро проявлялось свойственное массовой борьбе германских трудящихся в 1923 г. сочетание классовых и национально-освободительных задач. На словах фашисты высказывались против «национального единения» в борьбе против оккупантов, на деле они являлись силой, которую предприниматели активно использовали против рабочих. Так, когда в начале марта обострился конфликт между верхнесилезскими шахтовладельцами и горняками, вызванный низким уровнем заработной платы, предприниматели стали создавать отряды из фашистских элементов, терроризировавшие рабочих. Конференция фабзавкомов и доверенных лиц решила организовать акции протеста против фашистских бесчинств и потребовала роспуска банд, действовавших в интересах капиталистов. После отказа последних вспыхнула забастовка, в которой приняли участие 40 тыс. рабочих; когда и она не возымела действия, началась подготовка ко всеобщей стачке. Лишь это заставило предпринимателей (одним из которых был известный покровитель фашистов Борзиг) принять требования рабочих.

Требования роспуска фашистских штрейкбрехерских организаций фигурировали и в политических программах массовой забастовки, охватившей всю Рурскую область в мае 1923 г. Количество участников этого крупнейшего выступления германского рабочего класса составило 380 тыс. человек. Сразу после начала забастовки фашистские элементы, как в Силезии, развернули провокационные действия и прямые нападения на рабочих. Так было, например, в Мюльгейме, Дортмунде, Гельзенкирхене, Эссене. Фашисты не скрывали, что они являются «принципиальными» противниками забастовок. В «Фёлькишер беобахтер» не раз проводилась «идея», будто «в нынешней политической ситуации забастовка — это удар по самому себе». Соответственно они и поступали, но получали решительный отпор со стороны пролетарских сотен и других отрядов самообороны, пресекавших, в частности, попытки мародерства и неоправданных ситуаций Столкновений с полицией.

Хотя майская стачка горняков и металлистов Рура по вине реформистских лидеров и в силу национального предательства германских капиталистов, обратившихся за помощью к оккупационным властям, закончилась компромиссом, значение ее было велико. Эти события свидетельствовали о радикализации рабочего класса, растущей массовости его действий. В ходе борьбы все большее внимание передовых рабочих привлекала фашистская опасность, которую обнаружили забастовки мая — июня 1923 г. Не случайно рабочие Берлина на своей первомайской демонстрации, собравшей 500 тыс. участников, везли макет виселицы, на которой болталось чучело Гитлера.

В борьбе против фашизма первостепенную роль призваны были сыграть пролетарские сотни, представлявшие собой высшую форму организованной рабочей самообороны; в их уставах и других документах отпор фашистским бандам фигурировал как задача № 1. Так, в членских билетах «Объединенных оборонительных отрядов Лейпцига» говорилось следующее: «Организация имеет целью разъяснить рабочим экономическую, политическую и военную опасность фашизма, крепить единый фронт пролетариата против фашизма... и отражать нападения фашистов».

Одними из первых создали у себя пролетарские сотни рабочие заводов Круппа в Эссене. Они потребовали от союза металлистов и от других профсоюзных организаций, а также от СДПГ проведения эффективной борьбы против фашистской угрозы. С этой целью предлагалось созвать специальную конференцию. В Хагене (Вестфалия) в феврале 1923 г. была проведена однодневная забастовка в знак протеста против террора; выдвигалось требование вооружения пролетарских сотен. В Дортмунде сотни оказали действенный отпор попыткам фашистов терроризировать рабочих; то же имело место в Гельзенкирхене и Бохуме.

Симптоматично, что там, где активность фашистов была невелика (Гамбург и Приморский район в целом, Магдебург-Ангальт, Гессен-Вальдек), пролетарские сотни в первой половине 1923 г. не получили большого распространения.

Возникавшие преимущественно с целью совместного отпора фашистским бесчинствам, пролетарские сотни были органами единого фронта: ведь террор нацистских штурмовиков и других фашистских молодчиков касался всех пролетариев, независимо от того, к какой партии они принадлежали. Создание отрядов, основанных на принципе единства, часто происходило именно после нападения фашистов на собрания социал-демократов, их клубы и т.д. Так было, например, в Эйленбурге и Гевельсберге. Политическими руководителями единых отрядов часто были коммунисты; техническая сторона дела обеспечивалась представителями социал-демократов. Но бывало и наоборот; так, в Цвикау — Плауэне, где окружное руководство пролетарскими сотнями состояло из четырех социал-демократов и трех коммунистов, оно возглавлялось известным деятелем левого крыла СДПГ Зейдевицем, а его заместителем являлся коммунист Грубе.

Для правящих кругов существование отрядов, символизовавших единство в борьбе с реакцией (а в отдельных случаях располагавших оружием), представлялось серьезной угрозой, тем более — в условиях непрерывного падения жизненного уровня миллионов людей в результате неуправляемой инфляции. Правящие круги нанесли ощутимый удар по рабочей самообороне: в середине мая 1923 г. министр внутренних дел Пруссии социал-демократ Зеверинг запретил деятельность пролетарских сотен. Тем самым они были поставлены вне закона на значительной части территории страны, не говоря уже о Баварии и некоторых мелких землях. Главным полем развертывания пролетарских сотен, нацеленных в первую очередь против фашистской опасности, стали Саксония, в правительстве которой решающую роль играли левые социал-демократы, а также Тюрингия, хотя здесь эти сотни по вине правых социал-демократов строились не на основе единства. В Баварии в течение некоторого времени существовали отряды самообороны, созданные социал-демократами.

В Саксонии соглашение между КППГ и левыми силами СДПГ, обусловившее образование в апреле 1923 г. правительства Цейгнера, предусматривало в качестве одного из главных пунктов совместную борьбу против фашистской опасности. Но правительство, подвергавшееся непрерывным атакам со стороны буржуазных партий и правых социал-демократов, не было последовательно в противодействии крайней реакции. Об этом среди других документов свидетельствует письмо земельного руководства КППГ организации СДПГ и правительству Саксонии от 18 июня. Содержавшиеся здесь предложения КППГ предусматривали, в частности, публикацию всех материалов о фашистском движении, находящихся в распоряжении правительства и партий, роспуск всех военных союзов и запрет проводить военизированные празднества, создание совместной самообороны там, где ее нет, а также совместных контрольных комиссий, особенно на железных дорогах, и т.д. Тем не менее в Саксонии удавалось создать такие условия, которые превратили ее в оплот революционного движения в общегерманском масштабе.

Одним из первых в Саксонии в борьбу вступили пролетарские сотни Хемница. 9 марта 1923 г. руководители рабочей самообороны узнали о намеченном на вечер собрании фашистов. По тревоге было поднято 10 сотен, занявших все входы на площадь, где был расположен ресторан, в котором фашисты намеревались провести свое собрание. Те скопились на близлежащих улицах, откуда пытались напасть на рабочих, но получили решительный отпор. Хемницкие антифашисты показали пример того, как надо пресекать активность фашистских молодчиков.

Трудящиеся Саксонии были очень обеспокоены развитием событий в соседней Баварии, и саксонские власти обращали на это внимание общегерманского правительства. Последнее письмом от 9 июня, вопреки фактам, отрицало, что фашисты диктуют свою волю правящим кругам Баварии. Ответом на этот лживый документ служил меморандум саксонского правительства, убедительно доказывавший, что в Баварии наблюдается засилье фашистов, чьи банды даже использовались

властями в качестве вспомогательной полиции. Это создавало реальную угрозу для трудящихся Саксонии.

Глава 2. Путь к «Пивному путчу»

История фашизма, в первую очередь германского, свидетельствует, что он умело паразитирует на недовольстве народных масс их положением и добивается наибольших успехов в сколачивании массовой базы именно в те моменты, когда это положение достигает критической точки. Так произошло в начале 30-х годов, в период мирового экономического кризиса, о чем будет подробно сказано ниже, но первый «пик» фашистского движения в Германии приходится на 1923 г., год крупных социальных потрясений в Германии, когда по существу вновь решался вопрос о дальнейших путях общественного развития страны. Эти потрясения были порождены сложным сплетением противоречий, вызванных как политикой правящих империалистических кругов Германии по отношению к бывшим противникам в Первой мировой войне, так и их политикой внутри страны.

Тесная связь тяжелого материального положения, в котором оказались весьма широкие массы, с резким обострением национального вопроса в результате оккупации Рурской области франко-бельгийскими войсками (об этом ниже) позволила фашистам завоевать на свою сторону множество новых сторонников. Социальная и особенно национальная демагогия, являющаяся отличительной чертой фашизма, создавала весьма благоприятные условия для привлечения на его сторону все новых и новых приверженцев.

Средние слои, особенно их «низы», оказались более других социальных прослоек подвержены фашистской пропаганде. На них чрезвычайно тяжело обрушились последствия войны и безудержной инфляции, в результате чего многие фактически остались без средств к существованию и вынуждены были начинать все сначала. Здесь фашистские разглагольствования на тему о «ноябрьских преступниках» и запугивания коммунизмом падали на благодатную почву. Концентрация производства и торговли изображалась как результат чьей-то злой воли, явление... которого будто бы можно было избежать. Особым успехом пользовалась в этой среде, с ее традиционными националистическими настроениями, пропаганда реваншизма, ловко игравшая на ущемленных Версальским договором национальных чувствах немцев. Нацисты вполне могли рассчитывать здесь и на успех своей антисемитской кампании, ибо городская мелкая буржуазия, не желая разобраться в существе дела, охотно воспринимала всякого рода небылицы насчет того, будто все крупные банки и универмаги находятся в руках капиталистов-евреев. Не случайно один из тогдашних нацистских лидеров, Динклаг, писал о необходимости сосредоточить все усилия «на мелких собственниках, являющихся наиболее энергичными противниками универмагов и потребительских кооперативов... на приказчиках, которые, будучи членами немецкого союза торговых служащих, уже сейчас настроены антисемитски».

Влиятельные адепты курса на устранение республиканского строя и насильственное подавление революционного движения, переживавшего подъем, имелись в правящих кругах.

Политический кризис назревал в Германии еще со второй половины 1922 г. Его причины были многообразны, но наиболее очевидным внешним их проявлением являлась борьба, связанная с обязательствами Германии по Версальскому договору, прежде всего с выплатой репарационных платежей. Хотя правящий класс был един в стремлении переложить все тяготы поражения на трудящиеся массы, между различными его группировками имелись существенные разногласия в вопросе о выполнении мирного договора. Группировка, находившаяся у власти до конца 1922 г., нередко саботируя репарационные платежи и поставки, в принципе придерживалась, однако, «политики выполнения»; ей противостояла другая, настаивавшая на отказе от любых платежей, чтобы спровоцировать открытый международный конфликт. Это была так называемая политика катастроф, одним из вдохновителей которой был владелец крупнейшей паровой компании Куно, ставший в конце ноября 1922 г. рейхсканцлером. Сторонники подобного курса рассчитывали на поддержку со стороны США и Англии, стремясь добиться более выгодных позиций на переговорах о создании мощного угольно-металлургического картеля, которые велись за кулисами между германскими и французскими монополистами.

Разногласия касались и внутренней политики: если первая группировка придерживалась

умеренного курса по отношению к рабочему движению, поддерживала буржуазно-демократический строй, то Куно и его покровители, наиболее важным из которых был «король» тяжелой индустрии Рура Г. Стиннес, намеревались дать пролетариату бой, чтобы лишить его социальных завоеваний, добытых годами напряженной борьбы, и установить в стране реакционный режим. В этом цели данной группировки во многом совпадали с замыслами многочисленных организаций крайне правого толка, хотя между теми и другими не было полного единства мнений ни относительно некоторых свойств антидемократического строя, ни относительно методов его установления.

Провокационная политика кабинета Куно, чей курс недвусмысленно диктовали монополии тяжелой промышленности, была как нельзя более на руку французским капиталистам. Саботаж репарационных платежей Германией они использовали для захвата наиболее развитых в индустриальном отношении западных районов ее как гарантии более выгодного для французских монополий распределения долей в планируемом картеле. После очередного срыва Германией платежей Франция совместно с Бельгией 11 января 1923 г. ввела войска в Рурскую область. Возник серьезный международный кризис, в Германии же сложилась чрезвычайно острая экономическая, а с течением времени и политическая ситуация.

Что касается международной стороны дела, то ни США, ни Англия, хотя их правящие круги были против дальнейшего ослабления Германии и усиления Франции, не предприняли ничего, чтобы затруднить положение Франции. Из всех государств тогдашнего мира лишь Советский Союз выступил с официальным протестом против французской агрессии. Внутри же страны подавляющее большинство буржуазных партий, а также социал-демократия объединились под лозунгом «пассивного сопротивления» оккупантам, лозунгом, который не мог принести успеха, ибо ограничивал цели сопротивления, а главное создавал ложную видимость общности интересов монополистов Рура (которые, как показал опыт, находили общий язык с французскими властями, представителями одного с ними класса) и эксплуатируемых ими трудящихся.

Влияние оккупации Рура на фашистское движение было поначалу неоднозначным. С одной стороны, она еще более усилила разброд между отдельными организациями крайне правого лагеря. Дело в том, что большинство их, в том числе «Партия свободы» (а значение ее в фашистском лагере возросло, ибо в этот момент она продолжала существовать легально, в то время как аналогичные нацистские организации были запрещены в значительной части страны), присоединилось к «пассивному сопротивлению», НСДАП же отвергла интеграцию в общий националистический фронт. Это было тем более неожиданно, что из всех ненавистников Франции национал-социалисты отличались наибольшей кровожадностью, от них исходили наиболее яростные призывы к «решительной» борьбе. «Пусть они только вторгнутся, — изо дня в день повторяли нацистские главари, — тогда еще более возрастет разжигаемая нами, национал-социалистами, воля к тому, чтобы разделаться с ними и порвать (Версальский договор) в клочки». На поверку выяснилось, что это — одни слова, и вместо призывов к отпору «исконному врагу» — Франции — фашисты вновь и вновь твердили о необходимости уничтожить «ноябрьских преступников» прежде, чем начинать борьбу против французских оккупантов. До этого какой-либо отпор в Руре якобы бессмыслен, так как французы-де находятся под тем же еврейским ярмом.

Эта позиция, кстати сказать, не мешала нацистам получать немалые суммы из общего фонда, предназначенного для сопротивления оккупации Рура. Фашисты охотно примазывались также к славе тех, кто оказывал не пассивный, а действенный отпор оккупантам. Некоторые из этих людей становились жертвами захватчиков; наибольшую известность из них приобрел лейтенант Л. Шлагетер, являвшийся участником партизанской борьбы и расстрелянный оккупантами. Хотя Шлагетер до начала рурских событий принадлежал к лагерю крайне правых (отметим, что аналогичных взглядов придерживались тогда и такие военнослужащие, как Б. Узе, Б. Ремер, Р. Шерингер и другие, позднее перешедшие на сторону демократов), нацисты не имели никаких оснований спекулировать на имени Шлагетера; известно, например, что неучастие НСДАП в объединенном фронте партий против оккупантов вызвало с его стороны недовольство.

Шлагетер приписывал это нежеланию перенести политический центр партии на север страны. Но такая точка зрения была не единственной. Весной 1923 г. появилось еще одно мнение, на первый взгляд весьма примитивное, но не беспочвенное: она объясняла позицию НСДАП тем, что ее лидеры подкуплены французским генеральным штабом. Именно в это время в Мюнхене начался судебный процесс над группой баварских политических деятелей правого лагеря по обвинению в государственной измене в пользу Франции. Главными обвиняемыми являлись некие Фукс и

Маххаус, теснейшим образом связанные не только с основными фигурами политического лагеря Баварии, но и с командирами военизированных формирований реакции, расположенных там. Некоторые из них выступали на процессе свидетелями, ибо считалось, что они приняли участие в заговоре (имевшем целью с помощью Франции и в ее интересах осуществить отделение Баварии от остальной Германии) только с целью его разоблачения. Прогрессивная общественность указывала, что если между этими лицами и обвиняемыми есть разница, то она минимальна. О политическом значении процесса Фукса — Маххауса будет еще сказано специально, сейчас же нас интересует судьба тех крупных средств, которые французский полковник Ришер вручал обвиняемым, а те в свою очередь главарям фашистских военизированных организаций. Величина переданных сумм по самым минимальным подсчетам составляла 70 млн марок, но не исключено, что она достигала 100 млн... Ко времени процесса от этих миллионов не осталось ни одного пфеннига, на вопросы же судей, куда подевались деньги, «свидетели» отвечали предельно лаконично: «Они были полностью использованы на национальные цели». Следовательно, на средства французской казны баварские фашисты вооружались для борьбы со своими политическими противниками внутри страны. Самоотстранение НСДАП от борьбы против оккупации Рура дает, таким образом, основания для размышлений и подозрений.

В первой половине 1923 г. все внимание нацистов было обращено на внутривнутриполитическое положение, резко обострившееся после франко-бельгийского вторжения. Оккупация Рура нанесла новый тяжелый удар экономике Германии, еще не успевшей перестроиться после потерь, вызванных Версальским договором. Непосредственным и чрезвычайно ощутимым последствием этого было ускорение обесценения германской валюты, начавшегося еще в предшествующем году, а в 1923 г. пошедшего невиданными до того темпами. В то время как крупные предприниматели, банкиры, биржевые спекулянты наживали крупные состояния (наибольшее из них сумел сколотить Стиннес), рабочие, служащие и представители различных мелкобуржуазных слоев города, имевшие небольшие сбережения, многочисленные пенсионеры — инвалиды войны и труда — неуклонно нищали.

В подобной обстановке фашисты чувствовали себя как рыба в воде, ибо могли выдвигать самые чудовищные по своей лживости объяснения причин создавшегося положения и такие же по своему характеру рецепты преодоления массовых бедствий, постигших страну. Но если в более или менее спокойной обстановке нацистская проповедь наталкивалась у многих на барьер элементарной логики (мы уже не говорим о тех, кто обладал определенным зарядом классовой сознательности, хотя бы в тех пределах, которые давала принадлежность к социал-демократии), то в 1923 г. не только немалое количество представителей мелкой буржуазии, но и отдельные прослойки пролетариата попросту теряли голову перед лицом видимого крушения привычных основ существования и становились жертвами фашистской пропаганды, как всегда сочетавшейся с жестоким террором.

Таким образом, хотя особая позиция, которую заняла НСДАП по отношению к «рурской войне», вначале несколько поколебала ее позиции, усилила рознь между отдельными составными частями лагеря крайней реакции, в последующие месяцы фашисты сумели наверстать упущенное, паразитируя на обнищании десятков миллионов немцев. Активность фашистов росла не только в Баварии, но даже в тех землях, где основные организации фашистского толка были запрещены: этому способствовали сама политическая атмосфера, существовавшая в большинстве земель, и связи, имевшиеся у представителей крайней реакции со всеми звеньями государственного аппарата.

На последние числа января нацисты назначили в Мюнхене свой съезд. Однако власти запретили фашистское собрание. В этом шаге, как можно полагать, проявилось недовольство противостоительным, по мнению баварского правительства, отношением лидеров НСДАП к оккупации Рура. В запрете могло сказаться и желание несколько поумерить гонор Гитлера и его организации, фактически ставших «государством в государстве». Но у них нашлись столь влиятельные покровители, что властям пришлось пойти на попятную. Одним из них был тогдашний регирунгс-президент Верхней Баварии (административной единицы, в которую входил и Мюнхен) Г. Кар, другим — капитан Рем. Благодаря их усилиям в дело вмешался командующий войсками рейхсвера в Баварии генерал ЛТоссов: он принял Гитлера, который (как это уже не раз было в прошлом) клятвенно обещал не прибегать к путчу. Спустя 4–5 дней Гитлер вновь пообещал это министру-президенту Баварии Книллингу и присутствовавшему при их разговоре промышленнику Шарреру, обильно субсидировавшему НСДАП. После этого нацистский съезд был разрешен.

Как видно из донесения представителя баварского правительства в Берлине, военные круги мотивировали свою позицию опасениями, будто в случае конфронтации с штурмовыми отрядами

НСДАП и другими военизированными формированиями войска не могут считаться вполне надежными. На деле, и об этом уже шла речь выше, влияние ультраправых на рейхсвер было определяющим и о конфронтации не могло быть и речи. Подобные разговоры лишь прикрывали недвусмысленный курс Лоссова и других баварских генералов, кровно заинтересованных в сотрудничестве рейхсвера с «патриотическими», как они их именовали, союзами.

Хорошо понимая это, нацисты торжествовали. Выступая на съезде НСДАП, Гитлер всячески обыгрывал отмену запрета, делая особенный упор на том, что съезд происходит в том же помещении, где за день до того должен был состояться митинг политических противников фашизма (по всей вероятности, социал-демократов), который власти так и не разрешили. «Говорят, — заявил он, — что мы хотим осуществить путч. Нет, у нас, национал-социалистов, нет необходимости устраивать путчи». Такого рода заверения (параллельно с угрозами «нанести в скором времени удар») не раз повторялись вплоть до 8 ноября 1923 г.

Январский успех фашистов был в определенной степени омрачен принятым 15 марта решением имперского суда по жалобе НСДАП, добивавшейся отмены запрета ее существования в Пруссии и ряде других земель. Суд отклонил жалобу и признал НСДАП партией, деятельность которой носит антигосударственный характер. Вскоре после этого нацистская партия была запрещена и в Гессене; но она беспрепятственно продолжала действовать в Баварии, как будто решения имперского суда не имели здесь никакой силы.

Но именно в то время, как высший судебный орган страны принимал решение о противозаконности нацистской организации, весьма высокопоставленные лица устанавливали прямые контакты с ее руководителями. Одним из них был не кто иной, как командующий рейхсвером Сект. Прибыв в Мюнхен, он встретился с главарем нацистов, и хотя встреча не принесла ощутимых результатов, последний произвел на генерала (которому в течение 1923 г. предстояло на некоторое время стать вершителем судеб страны) «сильное впечатление». В беседе с Сектом прозвучали типичные для фашистов откровения: «Мы позаботимся о том, чтобы нынешнее берлинское правительство висело на фонарях перед зданием рейхстага». Надо сказать, что по меньшей мере в одной своей части обещание это нацисты сдержали — они сожгли рейхстаг.

Характерны и аналогичные связи рейхсканцлера Куно. Он посетил Мюнхен несколько ранее, в феврале 1923 г., и также проявил интерес к нацистской партии. Один из спутников Куно беседовал с Гитлером и Ремом. А вернувшись в Берлин, Куно принял одного из наиболее активных деятелей германского фашизма — бывшего офицера Россбаха, командира крупного военизированного формирования, очень близкого к нацистской партии. Визитер предложил правительству услуги фёлькише, и Куно намеревался вновь встретиться с ним. Но этого не произошло. Россбах вскоре был арестован по обвинению в «разложении войск»; как только он оказался за решеткой, то немедленно заявил о своей недавней встрече с рейхсканцлером. Все, что он делал, утверждал Россбах, происходило с ведома военного министерства. Сообщения об этом попали в прессу, что создало правительству известные неудобства. К тому же бывший глава распущенной в Пруссии в марте 1923 г. «Партии свободы» депутат рейхстага Грэфе настойчиво угрожал раскрыть сделки крайне правых с Сектом, которые, как писал в секретном отчете имперский комиссар по наблюдению за общественным порядком Кюнцер, «заходят как будто довольно далеко. Известно ведь, что военное министерство очень близко к Оргешу («Организация Эшериха» — один из наиболее разветвленных в те годы реакционных союзов, члены которого осуществляли террористические акты против политических противников. — Л.Г.)У а последняя — к Гитлеру — Россбаху».

Эти данные проливают некоторый свет на картину связей и взаимозависимостей, характерную для лагеря германской реакции. Многих из них разделяли тактические разногласия, и Сект, например, в конечном счете в том же 1923 г. разошелся с нацистами. И все же в главном они были единомышленниками. Этому нисколько не противоречат острые подчас споры между отдельными группировками реакционного лагеря, резкие взаимные обвинения (в чем, безусловно, наиболее сильны были национал-социалисты, не знавшие удержу в своих нападках не только на прямых политических противников, но и на тех, чьи взгляды были в своей основе столь же антидемократичны). Успех, одержанный в конце января, толкал баварских фашистов на дальнейшие действия, и они лишь ожидали подходящего повода.

Положение их стало более благоприятным, потому что как раз в это время нацистские штурмовые отряды начали тесно сотрудничать с двумя другими крайне правыми военизированными формированиями — союзами «Оберланд» и «Государственный флаг». Их блок принял название

«Содружество отечественных боевых союзов», и хотя СА численно уступали двум другим участникам, в политическом смысле нацисты преобладали в этом блоке. Так, например, Гитлеру принадлежала программа деятельности «Содружества», относящаяся к апрелю 1923 г. Ее главными пунктами являлись: завоевание политической власти, беспощадная чистка страны от «внутренних врагов» и «воспитание нации»; последний пункт не уточнялся, но речь, безусловно, шла о воспитании «воинского духа».

Вместе с тем, стремясь повысить удельный вес штурмовых отрядов в блоке военизированных союзов, нацисты провели ряд мер по укреплению СА и общей централизации. С этой целью командование отрядами с марта 1923 г. было поручено Г. Герингу — сравнительно новому участнику фашистского движения (он только в конце 1922 г. примкнул к нему). В прошлом боевой летчик, он благодаря своему отцу (его отец был первым губернатором Германской Юго-Западной Африки) имел весьма полезные для нацистов связи, особенно среди генералов и крупных административных деятелей, немалая часть которых сохраняла свои посты и при республике. Вернувшись после демобилизации в Мюнхен (Геринг был баварцем), он учился в университете, но учеба увлекла его. Что касается главарей НСДАП, то они были в восторге от подобного приобретения. Гитлер, например, говорил: «Это же для нас превосходная реклама! К тому же он не будет стоить нам ни гроша, так как располагает средствами».

Деятельность Геринга на посту командующего штурмовыми отрядами была направлена на то, чтобы придать им — в тесном сотрудничестве с рейхсвером — формы, наиболее близкие к армейским, и подготовить их членский состав к боевым действиям в качестве дополнения к частям рейхсвера. Сотрудничество с последним, обучение штурмовиков силами армейских офицеров, использование армейского оружия и полигонов должно было быть покрыто глубокой тайной (каждый член союза, проходивший такого рода обучение, даже подписывал обязательство ни при каких условиях не разглашать того, что он знает). Поэтом Геринг решительно устранил из штурмовых отрядов ненадежные, с его точки зрения, элементы; одновременно нацистские заправилы, как они это делали периодически, освободились от тех из штурмовиков, о которых было известно, что они придерживаются оппозиционных по отношению к верхушке взглядов.

Геринг создал штаб СА по военному образцу. При штабе появилось специальное подразделение, члены которого носили черные фуражки с изображением черепа и черные нарукавные повязки; это были предшественники пресловутых отрядов СС. Штурмовые отряды были сведены в два полка, которыми командовали соответственно В. Брюкнер и Г. Штрассер. Кроме того, был создан «Ударный отряд А. Гитлера», призванный выполнять особые задания, прежде всего — самого фюрера. Все это были явные симптомы подготовки к «решительным» действиям, которые фашистские лидеры на словах продолжали, однако, отрицать.

Сотрудничая с баварским правительством и местным командованием, фашисты постоянно стремились подтолкнуть тех к прямой конфронтации с имперскими властями. Очередным поводом для требований такого рода послужило решение имперского суда (его местопребыванием, как известно, являлся Лейпциг), предписывавшее арестовать Экарта и Эссера за их деятельность, направленную против основ республики. Это произошло около середины апреля 1923 г. и повергло главарей «Содружества отечественных боевых союзов» в ярость. На следующий же день после получения известия Гитлер, военный руководитель «Содружества» Крибель (полковник в отставке и в недавнем прошлом начальник штаба баварского рейхсвера) и еще один представитель военно-реакционного блока посетили министра-президента Книллинга и предъявили ему формальный ультиматум: отказаться от выполнения распоряжения имперского суда и немедленно внести в совет земель (рейхсрат) требование отменить закон о защите республики, введенный после убийства Ратенау и предусматривавший ускоренное наказание террористов.

Выполнить ту часть ультиматума, которая относилась к Экарту и Эссеру, баварскому правительству было нетрудно: в Баварии проживало немало других политических преступников-реакционеров, скрывавшихся от правосудия. Но вступить в тот момент в открытую борьбу с имперским правительством в связи с законом о защите республики баварские правители не решались, и они отвергли требования «боевых союзов». Обстановка накалилась, фашисты намеренно обостряли ситуацию в связи с приближением традиционного праздника трудящихся — 1 мая. В последние дни апреля они спровоцировали кровавые столкновения с рабочей самообороной в самом Мюнхене, где напали на собрание молодых социалистов, а также близ Мюнхена — в Нейхаузене и Швабинге. Эти фашистские провокации имели и другую цель — они были призваны запугать

рабочих. Кроме того, нацисты распространили не один десяток тысяч листовок, в которых требовали не выходить 1 мая на улицы и предупреждали о возможных последствиях. Целью фашистов было разгромить тех, кто все же решится участвовать в демонстрации, а одновременно поставить правительство Баварии в полную зависимость от крайне правых организаций, представив их в качестве спасителей от «угрозы большевизма».

Первомайская демонстрация была властями разрешена, и рабочие, как обычно, получили право составить общегородскую колонну. Но фашисты вознамерились во что бы то ни стало воспрепятствовать проведению праздника трудящихся. 30 апреля «вдруг» распространились слухи (оказавшиеся позднее, как признал Рем в своих мемуарах, ложными), будто рабочим предприятия Маффай кем-то роздано оружие. Фашисты потребовали от Книллинга безоговорочного запрета первомайской демонстрации. Правительство пошло им на некоторые уступки и, взяв назад уже данное разрешение, распорядилось допустить лишь отдельные шествия в семи районах города. Но Лоссов, опасаясь последствий, отказал нацистским главарям в требовании выдать им армейское оружие.

Отказ, однако, не остановил фашистов, уверовавших в свое всемогущество. На заседании руководства «Содружества отечественных боевых союзов», состоявшемся в тот же день, было решено напасть на рабочую демонстрацию, а для этой цели вооружить входящие в объединение отряды. Гитлер заявил, что «агрессивная акция с использованием оружия необходима». Свое звериное нутро в полной мере обнажил и Геринг, повторявший, что стрелять в рабочих необходимо при любых обстоятельствах.

Тут же был подготовлен приказ по фашистским «боевым союзам», подписанный Крибелем. Конечно, последующая история германского фашизма знает немало документов — и соответствующих им дел, — которые по своей бесчеловечности превосходят приказ от 30 апреля 1923 г. Но все же без него эта история была бы неполной, в ней отсутствовало бы одно из самых ранних, но уже совершенно недвусмысленное свидетельство страшной природы фашизма. Крибель приказал с помощью легкого и тяжелого оружия «подвергнуть колонны рабочих нападению на сборных пунктах и рассеять их». Согласно официальному отчету полиции, это означало, что «рабочие были бы окружены на отдельных улицах и кварталах города и расстреляны силами боевых союзов, как бешеные собаки». Фашисты намеревались захватить мост через реку Изар, тем самым разделив город на две части. При помощи условной телеграммы в Мюнхен были вызваны нацистские штурмовые отряды из ряда других городов Баварии. Таким образом, готовилось кровавое побоище большого масштаба.

Но оно не состоялось. Здесь сказался ряд факторов совершенно различного характера. Прежде всего следует отметить выдержку рабочих Мюнхена и их решимость утвердить свое право на демонстрацию. В праздничном шествии 1 мая 1923 г. по улицам Мюнхена в направлении Терезиенвизе, где должны были состояться выступления, шли и социал-демократы, и беспартийные рабочие, и коммунисты (за это во время дебатов в ландтаге по поводу событий того дня министр внутренних дел Швейер напал на социал-демократов). Перед лицом грозной опасности разногласия между рабочими были отодвинуты на второй план, и это не могло не возыметь действия. Другим фактором, противодействовавшим в тот момент замыслам фашистских погромщиков, были опасения властей за последствия массового расстрела рабочих. Этим был вызван, в частности, отказ Лоссова выдать «боевым союзам» оружие рейхсвера. Правда, он не учел, в чьих руках оно фактически находится. Соответствующий письменный приказ Лоссов направил командующему казармами подполковнику Венцу и референту по вопросам вооружений военного округа капитану Рему! Результат не замедлил сказаться: рано утром 1 мая штурмовики, которые были своими людьми в армейских казармах, ибо регулярно проходили там военное обучение, прошли, используя свои пропуска, в арсеналы рейхсвера и захватили значительное количество оружия, в том числе пулеметами, минометами и даже одним броневиком. При этой операции присутствовал Рем. Но вскоре прибыл офицер более высокого ранга, выдача оружия была прекращена, казармы оцеплены войсками.

Самовольный захват оружия правыми пришелся военному командованию не по нутру. Он показал, что фашистские военизированные организации намереваются игнорировать офицеров. Об этом подробно пишет Рем, на которого пал гнев начальства. Он был назначен в другой гарнизон, но к новой службе так и не приступил, подав в отставку. В результате нацисты потеряли важную позицию. Это утвердило тогдашних правителей Баварии в стремлении предотвратить конфронтацию

фашистов с рабочими. Армейские части воспрепятствовали захвату «боевыми союзами» моста через Изар и вместе с полицейскими подразделениями сорвали замысел фашистов, заключавшийся в сосредоточении их отрядов в тех пунктах города, где формировались колонны рабочих. Сопровождаемые сильным эскортом войск и полиции, «боевые союзы» были направлены в район Обервизенфельд, так что возможности их столкновения с собравшимися в другом месте города рабочими были сведены к минимуму. Тем не менее уже на обратном пути произошла стычка «местного масштаба», в ходе которой нацисты «захватили» у рабочих транспарант с надписью «Долой капитализм!» и уничтожили его.

Неблагоприятный для фашистов результат их усилий был предопределен и причинами субъективного характера. Не удалось прежде всего мобилизовать необходимое число союзников. Данные о количестве их на улицах Мюнхена 1 мая 1923 г. существенно расходятся, но наиболее вероятная цифра — 2 тыс. человек (она принадлежит непосредственному участнику событий Беннеке), в то время как общая численность организаций, входивших в «Содружество отечественных боевых союзов» (не говоря уже о других формированиях реакционного толка, составлявших аналогичный блок), превышала эту цифру во много раз. Хотя в Мюнхен прибыли некоторые подкрепления из Ландсхута (это была вотчина Г. Штрассера), Фрейзинга и ряда других мест, они были невелики, а главное, система мобилизации штурмовых отрядов в общепобаварском масштабе не сработала. А ведь эта попытка являлась своеобразной репетицией действий на случай путча, который был центральной целью фашистов, подчинявшей себе все остальные их акции. Как выяснилось 1 мая, «боевые союзы» не продемонстрировали ни согласованности, ни решимости в своих действиях. Все это уже бросало отблеск на то, что произошло полгода спустя, 8 и 9 ноября 1923 г.

Окруженные частями армии и земельной полицией (иногда ее называли «зеленой» — по цвету формы; это были отряды, созданные баварским правительством с целью усиления рейхсвера и находившиеся, как и он, на казарменном положении), фашисты были отпущены после того, как сдали захваченное армейское оружие. Оценивая эти события ретроспективно, генерал Людендорф писал, что «1 мая 1923 г. прошло для мюнхенских союзов фельдкише недостаточно счастливо. Они слишком много взяли на себя». Гораздо точнее охарактеризовал итоги этого дня вюртембергский посланник в Мюнхене: «Все сходятся во мнении, что Гитлер и его люди опозорились. Им просто не хватило смелости для серьезной акции, а в результате они сумели только вновь оживить интерес рабочих к майскому празднику и значительно увеличить численность участвовавших в нем по сравнению с прошлым годом».

«1 мая, — подчеркивал коммунист. Абуш, — стало поражением фашистов, которое ввиду сопровождавших его обстоятельств не следует, однако, переоценивать. Уже есть известия о новых нападениях фашистов на мюнхенских рабочих... Фашизм орудует по всей Германии. Он действует, будучи теснейшим образом связанным с рейхсвером и пользуясь значительной финансовой поддержкой со стороны своих капиталистических покровителей».

А его товарищ по партии Г. Реммеле отмечал, что «речь идет о все еще растущем движении, сильнейшим стимулом которого служат внутренние и внешние политические трудности буржуазного строя».

В связи с событиями 1 мая против Гитлера и ряда других лиц, принадлежавших к руководству «боевых союзов», было возбуждено судебное преследование. Но уже вскоре оно было приостановлено, и главную роль здесь сыграл баварский министр юстиции Гюртнер; в качестве причины он называл своим коллегам по правительству угрозы разоблачения того, что реакционные союзы связаны с рейхсвером, а последний обучает их членов и предоставляет для этих целей армейское оружие. Заявление Гитлера в прокуратуру от 16 мая было выдержано в вызывающем тоне. «Как видно из ряда соглашений, — писал он, — вооружение отечественных союзов, а тем самым и СА, не было тайной для правительства». Он напоминал, что часть оружия штурмовых отрядов является их собственностью и передано рейхсверу лишь на хранение и отряды могут в любой момент потребовать его назад. Слишком глубоко увязли баварские власти в политическом и военном сотрудничестве с фашистами, чтобы нанести им сколько-нибудь существенный вред. Между тем новое осуждение Гитлера не только создало бы возможность, но и вызвало бы необходимость высылки его как «нежелательного иностранца», чего (выше уже отмечалось это) давно требовали демократические круги. В исторической литературе высказывается даже мнение, что примерное наказание фашистских главарей после 1 мая 1923 г. предотвратило бы мюнхенский путч 8 ноября того же года. С такого рода суждениями трудно согласиться, ибо они исходят из ложных посылок.

Суровое судебное наказание нацистских главарей и высылка Гитлера не входили в планы правящих кругов Баварии, а также определенных прослоек господствующего класса Германии в целом, хотя и то и другое не вызвало бы слишком серьезных политических осложнений. Фашистская клика нужна была названным кругам прежде всего потому, что именно в это время в стране происходил новый подъем классовой борьбы.

О заинтересованности господствующих классов в фашистском движении, среди других причин, свидетельствовало расширение круга тех, кто поддерживал и финансировал его. Именно в 1923 г., как уже отмечалось, нацистов начал субсидировать и оказывать им свое покровительство промышленный магнат Ф. Тиссен. По-видимому, это произошло во время поездки Тиссена в Мюнхен, где он посетил Людендорфа и встретился с Гитлером. Тиссен, конечно, был наиболее важным «приобретением» фашистов, даже по сравнению с Борзигом: его значение в системе монополистического капитала было большим, а приверженность к фашистскому движению оказалась более прочной. Тиссен играл первостепенную роль во всех попытках крупного капитала привести нацистов к власти вплоть до января 1933 г., когда этот чудовищный антидемократический заговор увенчался успехом.

Что касается баварских промышленников, то нацисты становились все более требовательными по отношению к ним. В интервью испанской газете «АВС», данном в апреле 1923 г., Гитлер рассказал об одной встрече, происходившей на квартире редактора органа тяжелой промышленности «Мюнхенер нойесте нахрихтен» (одним из совладельцев которого был упоминавшийся уже покровитель нацистов Шаррер) Фоллертума. Фюрер заявил здесь, что затяжка в предоставлении сумм, обещанных для вербовки и обеспечения потребностей «его людей» (по всей видимости, штурмовиков), нетерпима. «Так дальше не пойдет, — угрожающе провозгласил он. —...Я нуждаюсь в деньгах, во множестве денег». В ответ Фоллертум заверил его: «Вы определенно получите все средства, в которых нуждаетесь. [Доброжелатели] поймут, что это неотложно». Известно, что в октябре 1923 г. промышленники Нюрнберга ассигновали для нужд подготовки похода на Берлин 20 тыс. дол., что по тогдашним временам было астрономической суммой. По другим сведениям, из Нюрнберга в кассу НСДАП поступило даже не 20, а 30 тыс. дол.

Любопытный документ, касающийся финансирования крайней реакции Баварским союзом промышленников, увидел свет не так давно. Это письмо главы союза Куло (до мюнхенского путча он упорно отрицал соответствующие сообщения печати) генералу Эппу, датированное апрелем 1923 г. Куло писал: «Я с основанием могу полагать, что определенные промышленные круги снабжали средствами Питтингера (председатель организации «Бавария и империя». — Л.Г.), а это означает, что часть средств попала в руки капитана Рема», иначе говоря в кассу НСДАП.

Вопрос об источниках денежных средств в условиях 1923 г. приобрел определенную специфику. Дело в том, что безудержная инфляция сводила на нет ценность субсидий, выплачивавшихся в марках, и фашисты были все более заинтересованы в иностранной валюте. Им весьма пошла на пользу франки, полученные якобы в целях отделения Баварии от французской разведки, но это было еще в начале года, а средства требовались непрерывно. Крупную сумму в швейцарских франках предоставил НСДАП ее старый покровитель Э. Гансер. Есть сведения, что летом 1923 г. сам Гитлер ездил в Швейцарию, где добывал средства для неотложных расходов, в том числе на оплату штурмовиков, которые гнушались инфляционными марками, непрерывно терявших ценность — уже не каждый день, а каждый час.

Фашисты яростно отрицали, что их субсидирует крупный капитал; нередко они подавали в суд, требуя признать соответствующие утверждения клеветой, но тут случались и осечки. Так, один из подобных процессов, рассматривавший обстоятельства предыстории мюнхенского путча (иногда они длились годами), в начале 1930 г. кончился решением суда, в котором говорилось: «Тот факт, что деньги поступали от промышленников и других работодателей, действительно подтвердился. Это вытекает из показаний личного секретаря Гитлера Гесса (хотя он уверял, что эти субсидии были незначительными)». В ходе другого процесса, где в качестве ответчика выступал журналист Абель (после 1933 г. фашисты отомстили за разоблачения, убив его), речь шла о средствах, которые накануне путча вручил ему для передачи нацистам морской атташе итальянского посольства Мильорати.

Иностранной валютой снабжали НСДАП также Людеке, занимавшийся спекулятивными махинациями за рубежами Германии, и Ханфштенгль, тесно связанный с американским деловым миром; на средства Ханфштенгля, в частности, в 1923 г. были полностью изменены периодичность и

формат «Фелькишер беобахтер»: в феврале она стала выходить ежедневно, а в августе перешла на большой формат, приобретя явно «американизированный» характер, что также отражало влияние Ханфштенгля, выросшего и получившего образование в США. «Преобразование» фашистского органа, как отмечала демократическая пресса, произошло в тяжелейший для всей германской прессы период: «Это единственная газета в Германии, которая за два последних года сумела увеличить свой формат».

В начале февраля 1923 г. «Нью-Йорк таймс» поместила беседу с вице-президентом баварского ландтага, социал-демократом Ауэром, рассказавшим, что Гитлер открыто похвально поддерживает Форда и расхваливает его как убежденного антисемита. Ведь обширный материал для книги «Международное еврейство», как писал в годы фашистской диктатуры главарь одной из организаций фелькише А. Рот, был предоставлен Форду Гитлером.

С начала июля 1923 г. борьба против фашистской опасности становится еще более интенсивной. 11 июля руководство Коммунистической партии выступает с воззванием. «Наступательные планы «отечественных союзов», — говорилось в этом документе, — разработаны до мелочей. Людендорф и Гитлер подготовили все необходимое, чтобы нанести удар по Саксонии и Тюрингии». То же происходит в Померании, Верхней Силезии, Восточной Пруссии, Мекленбурге, Бранденбурге. «Офицеры рейхсвера обучают фашистов военному делу. Значительная часть рейхсвера сотрудничает с фашистами».

После публикации этого воззвания развернулась подготовка к Антифашистскому дню, проведение которого было назначено на 29 июля. Положение осложнялось тем, что власти большинства земель во главе с Пруссией, где ведущее положение в правительстве занимали социал-демократы, запретили организацию 29 июля каких-либо шествий и демонстраций. Кроме Саксонии и Тюрингии свободное проведение Антифашистского дня было разрешено также в Бадене и Вюртемберге. Нежелание правящих кругов допустить массовые манифестации объяснялось не только незаинтересованностью в ослаблении фашистского движения, но и общеполитическими соображениями. Борьба против реакционного правительства Куно именно в это время вступила в решающую фазу. «Правительство прекрасно знает, — писала газета «Трибуне» (Галле — Магдебург), — что 29 июля обращено не только против фашистов, но одновременно против той катастрофической политики, которую оно проводит с первого же дня своего существования».

Подготовка к Антифашистскому дню проходила повсюду, независимо от того, в какой форме он мог быть проведен. Во многих городах возникли комитеты действия: и на промышленном западе страны (например, в Золингене, где в такой комитет вошли как коммунисты, так и социал-демократы, и члены профсоюзов, примыкавших к СДПГ), в Дюссельдорфе, Ремшейде, Хагене, в Берлине и, конечно, во многих промышленных центрах Средней Германии и Саксонии. В Галле общее собрание фабрично-заводских советов единодушно заявило, что эти советы намерены превратить Антифашистский день в могучую манифестацию. Распространенным лозунгом в сложившихся условиях был призыв: «Боритесь против правительства Куно, поощряющего фашизм, за создание рабочего правительства и за германско-советский союз».

Накануне 29 июля Руководство КПГ обратилось со специальным воззванием «К трудящимся средним слоям, служащим и крестьянам Германии». Констатируя, что большие массы, принадлежавшие к средним слоям, принимают на веру утверждения и обещания организаций фелькише, авторы воззвания на конкретных примерах раскрывали лживость фашистской пропаганды. В воззвании ставился вопрос: «Достаточно ли бороться против Антанты и капиталистов-евреев?» Далее говорилось: «Угольный синдикат и всемогущее Стальное объединение, два союзника, которые эксплуатируют всю германскую промышленность и всех немецких потребителей, находятся не в руках евреев, а в руках добрых христиан древнегерманского происхождения: Ганиэлей, Тиссенов, Клекнеров, Круппов и Стиннесов. А крупная земельная собственность... принадлежит германским юнкерам». В конце документа, в котором разъяснялось, с какой целью крупные промышленники и юнкеры стремятся оторвать средние слои от рабочего класса, говорилось: «Крестьяне, ремесленники, государственные и частные служащие! 29 июля рабочий класс собирает свои силы для оборонительных боев. Каждому, кто ему угрожает, он демонстрирует кулак... Одновременно мы протягиваем руку для оборонительного и наступательного союза всем бедствующим». Но подобные лозунги еще были недостаточно связаны с выдвиганием конкретных требований и с практическими шагами.

В обращениях ряда организаций содержались предупреждения не поддаваться на провокации,

посредством которых классовый враг стремился вызывать выступления, не предусматривавшиеся задачами Антифашистского дня, и обезвреживать провокаторов.

В своей листовке по случаю Антифашистского дня антифашисты Саксонии напоминали, что именно главари крайне правых — Людендорф и другие, — спекулирующие на тяжелых последствиях войны, когда-то ввергли Германию в войну. «Является ли фашизм спасителем? Борется ли фашизм против капитала, как он утверждает?» — спрашивали авторы листовки. «Нет! — отвечали они. — Наоборот, капиталисты субсидируют фашистов! Фашисты обманут своих последователей. Италия является лучшим примером тому». В листовке подчеркивалось, что «в красной Саксонии борьба против фашизма — не менее жизненная задача, чем во всей остальной стране»; поэтому пролетарские сотни должны стать боевой антифашистской силой. «Те, кто прогнал к черту Вильгельма, сразил Каппа и в многочисленных кровавых боях победоносно противостоял контрреволюции, не должны позволить фашизму одолеть себя». В этом великолепном в целом документе были, однако, формулировки, свидетельствующие о неточном различии реакции вообще и фашизма. Таково, например, утверждение, что Саксония, Тюрингия и Средняя Германия — единственные местности в стране, где еще не господствует фашизм.

В Антифашистский день 29 июля 1923 г. сотни тысяч человек выразили волю к решительной борьбе против фашистской опасности и к свержению правительства Куно. «Разбить свастику — следовательно, долой Куно, друга Эрхард: тов и Россбахов, — таков был клич масс во время антифашистских демонстраций», — писала одна рабочая газета, подытоживая впечатления от событий 29 июля в городах Средней Германии. Наиболее многолюдная манифестация прошла по улицам Хемница в Саксонии: в ней участвовало 50–60 тыс. человек. В Лейпциге в демонстрации участвовали 30 тыс. рабочих-антифашистов, в Дрездене — 20 тыс., в Готе (Тюрингия) — 25 тыс., в Мангейме (Баден) — 17 тыс., в пяти рабочих центрах Вюртемберга — около 100 тыс. человек. В Гамбурге, где выступления на улицах были запрещены, рабочие все же решили выйти, чтобы продемонстрировать свою решимость одолеть фашистскую опасность. Здесь были приведены в боевую готовность пролетарские сотни, и 29 июля гамбургские антифашисты провели множество летучих митингов.

Большую активность проявили в этот день пролетарии Средней Германии — одного из главных центров сосредоточения революционных сил страны. Мероприятия, проведенные в Галле, Шкойдице, Мюхельне и других городах, показали, что трудящиеся не хотят более ограничиваться в борьбе против реакции обороной. Рабочие Шварценберга и близлежащих к нему городков (Саксония) совершили пеший поход в Лёсниц, где должна была состояться массовая антифашистская демонстрация; по пути делались остановки и проводились короткие митинги. В походе участвовал и пролетарские сотни, состоявшие из коммунистов, социал-демократов и беспартийных.

В целом Антифашистский день 29 июля был последней пробой сил перед решающим штурмом правительства Куно; он выявил подлинные настроения широких масс трудящихся, видевших в этом правительстве пособника реакции. С первых дней августа по всей стране с нарастающей силой развернулась волна забастовок, в которую постепенно втягивались сотни тысяч рабочих. Первоначальные требования, выдвигаемые ими, носили экономический характер, будучи вызваны невыносимым положением, непрерывным и с каждым днем усиливающимся обесценением зарплаты. Но наряду с этими требованиями с самого начала фигурировал и все более выступал на первый план главный политический лозунг движения — отставка правительства-банкрота, повинного в невиданных социальных бедствиях и национальном унижении.

11 августа стачка в Берлине стала всеобщей. Собравшиеся в тот же день представители производственных советов столицы, среди которых было много социал-демократов, призвали всех трудящихся Германии к трехдневной всеобщей забастовке, центральными требованиями которой, наряду с уходом Куно, должны были явиться немедленные меры по смягчению ужасающей нужды, признание пролетарских контрольных комиссий, отмена запрета пролетарских сотен и демонстраций, освобождение всех политических заключенных и др.

Под давлением решительного выступления миллионных масс Куно вынужден был 12 августа подать в отставку. Но уже на следующий день было образовано новое правительство, которое возглавил лидер основной партии крупной буржуазии — Г. Штреземан и в которое вошли представители СДПГ, занявшие некоторые важные в тот момент посты: знаменитый экономист Р. Гильфердинг — министра финансов, В. Зольман — министра внутренних дел и др. В очень трудной для себя обстановке правящие круги решили вновь (после трехлетнего перерыва) прибегнуть к

услугам социал-демократических лидеров, за которыми шла значительная часть рабочего класса. Их усилиями всеобщая стачка, охватившая 13 и 14 августа ряд новых районов, была прекращена.

Но маневр, предпринятый господствующими классами, отнюдь не положил конец глубокому политическому кризису, охватившему страну. Смена правительства устранила далеко не сразу экономическую основу недовольства миллионов людей. Осенью 1923 г. инфляция приняла галопирующий характер, счет деньгам шел на миллиарды и биллионы, а реальная стоимость того, что получали за свой труд рабочие и служащие, ценность пенсий, выплачивавшихся инвалидам войны и пенсионерам, все более приближалась к нулю. С приходом к власти Штреземана широко распространились слухи о близости капитуляции правящих кругов Германии перед Францией, т.е. отказе и от «пассивного сопротивления». Национальная капитуляция несомненно дала бы мощный импульс националистическим страстям, содействовала бы усилению фашистской угрозы.

Новым симптомом растущей опасности фашизма — и одновременно решимости германских рабочих преградить ему путь — были события, связанные с очередным крупным смотром сил фашистских организаций, «Германским днем», проведенным 2 сентября 1923 г. в Нюрнберге. Здесь собралось свыше 100 тыс. человек, причем в тот момент — всего за два месяца до «пивного путча» — цель заключалась уже не столько в парадной стороне, сколько в проверке мобилизационной готовности отдельных формирований. Это было нечто вроде маневров в канун «дня X». Одновременно имела место попытка «единения» двух группировок военизированных отрядов, существовавших в Баварии; кроме Людендорфа, Гитлера и Крибеля, парад принимал, например, баварский принц Людвиг-Фердинанд, представлявший ту из реакционных группировок, которая была настроена сепаратистски и ориентировалась на восстановление баварской монархии. В параде участвовала земельная полиция, шагавшая под старым знаменем Виттельсбахов.

О содержании речей, звучавших на этом «Германском дне», некоторое представление может дать отрывок из выступления полкового священника Рота: «Милитаризм является для нас... твердо очерченной, прочной, целиком оправдавшей себя системой ценностей. Для всех других народов милитаризм — это искусственное явление; у нас он — в крови». Не очень сильно отличалась от этого по своей направленности и речь представителя баварского правительства — регирунгс-президента Средней Франконии фон Хубера. Тем не менее задуманное единение не осуществилось: хотя по степени своей реакционности партнеры ничем или почти ничем друг от друга не отличались, конкретные цели их совпадали не во всем. В результате те отряды, которые придерживались точки зрения о необходимости выступления в возможно более короткий срок, создали новое объединение, заменившее собой «Содружество отечественных боевых союзов» и принявшее наименование «Германский боевой союз». Военное командование осталось в руках Крибеля, а политическое руководство еще в том же месяце в связи с общеполитическими событиями, о которых будет сказано ниже, «принял на себя» Гитлер.

Все источники, содержащие сведения о «Германском дне» 2 сентября в Нюрнберге, единодушны в том, что это сборище вызвало резкое противодействие. Для того чтобы сорвать его проведение, сил у противников не хватило, но имели место многочисленные кровавые столкновения, вызвавшие жертвы с обеих сторон. Последствиями этих событий были избиения отдельных рабочих и служащих — участников «Германского дня» — на предприятиях и в учреждениях Нюрнберга, их увольнение по требованию коллективов. Ранее, в апреле, рабочие железнодорожных мастерских так избили «патриарха» НСДАП Дрекслера, что он проболел до октября.

Весь сентябрь был заполнен провокациями фашистов в самой Баварии и в некоторых других местностях. Нацисты и их единомышленники всячески стремились к нагнетанию напряженности, к обострению внутривнутриполитической обстановки как предлогу для замышлявшегося ими в сговоре с правителями Баварии похода на Берлин. Так, 16 сентября фашисты устроили крупный митинг, в котором участвовали НСДАП, «Стальной шлем», союз «Оберланд» и аналогичные организации, в г. Хоф на границе с Саксонией, «у ворот красной твердыни», как открыто заявил Штрейхер, открывая эту встречу. С речью выступил здесь и Гитлер, угрожавший очистить все вокруг. В подтверждение фашистские отряды разгромили редакцию местной социал-демократической газеты, несколько лавочек, принадлежавших евреям, избивали активистов демократических организаций.

Этот эпизод имел продолжение, ибо участниками описанного сборища были и фашисты, прибывшие из саксонского города Плауэна; можно было полагать, что, вернувшись из Хофа, они продолжат свои бесчинства дома. Поэтому пролетарские сотни Плауэна были приведены в боевую готовность. По прибытии фашистов на вокзале завязалась схватка, из их рядов раздались выстрелы;

лишь в этот момент вмешалась полиция, хотя она обязана была сразу же обезоружить фашистов и произвести аресты среди тех, у кого имелось оружие. На следующий день пролетарские сотни взяли под контроль вокзал в Плауэне и дорогу, связывавшую его с Хофом.

Данное событие, а также разгон фашистского сборища в Аннаберге вызвали в саксонском ландтаге яростную реакцию правых депутатов. Отвечая им, видный военный специалист Э. Шнеллер заявил: «Известно, что фашисты уже довольно давно организовались и на территории Саксонии, что они и здесь обзавелись оружием, когда никаких пролетарских сотен еще не существовало... И если движение пролетарской самообороны ширится, то причина этого — в опасениях рабочих масс, что они окажутся безоружными лицом к лицу с фашистами».

Когда нацистские штурмовики и «Стальной шлем» организовали нелегальный слет в Ауэ (Саксония), пролетарские сотни разогнали собравшихся, отобрав у них при этом пистолеты, стальные пруты, резиновые дубинки, кастеты. Кроме того, здесь были взяты документы, пролившие свет на тех, кто субсидировал фашистов. Так же действовали пролетарские сотни и в других местностях Саксонии. Отобранное у фашистов оружие и задержанных владельцев его передавали полиции. Но, хотя последняя не была здесь так пропитана реакционным духом, как в Баварии и ряде других земель, фашистов, как правило, отпускали без суда.

Столкновения между фашистами и демократами развернулись в Готе (Тюрингия), где на 10 сентября был намечен «Германский день» — парад, торжественное шествие, богослужение и т.п. Все это было сорвано пролетарскими сотнями, взявшими на себя патрулирование города. В ходе развернувшихся стычек было ранено 4 рабочих и 25 фашистов; последние, чтобы убраться подобру-поздорову, вынуждены были обратиться за помощью к полиции.

Гораздо менее благоприятным для рабочих было соотношение сил в Баварии. Вот один из примеров этого. 22 сентября главари союза «Оберланд», наиболее близкой к нацистам военизированной организации, решили провести карательную экспедицию против рабочих электростанции, расположенной близ Мюнхена, но осуществить это намерение им не удалось, ибо железнодорожники отказались перевозить фашистов. Тогда последние устроили форменный погром в пролетарском (южном) квартале баварской столицы: обыскивали дома, избивали жителей, стреляли и т.д. Подобные экзекуции вызывали со стороны властей хотя и не противодействие, но все же порицание; иначе обстояло с террором, направленным против евреев, который в Мюнхене и других районах Баварии по существу принял характер постоянного явления.

Положение в Германии, подъем фашистского движения, численный рост фашистских организаций, завоевание фашистами приверженцев в различных социальных слоях, в частности среди молодежи (для этой цели при НСДАП с 1922 г. существовала специальная организация), вызывали тревогу демократической общественности в самой Германии и за ее рубежами. «Опасность фашизма, — писал О. Унгер в статье «Фашизм и трудящаяся молодежь», — состоит в том, что он демагогически эксплуатирует ужасающую нужду распадающихся средних слоев, чтобы использовать их недовольство в интересах буржуазии и против интересов рабочего класса». Особенно подвержена была обману со стороны фашистов разочарованная, обозленная и предаваемая молодежь.

Между тем к 20-м числам сентября правящие круги, оценив сложившуюся обстановку и опасности для своего господства, вытекающие из развития событий в том направлении, которое привело к резкому подъему массовой борьбы трудящихся, приняли решение прекратить «пассивное сопротивление» и пойти на сговор с французским правительством. Идо, и особенно после прихода к власти правительства Штреземана многое говорило о том, что германские монополии пристально следят за развитием событий в Саксонии и Тюрингии, где неуклонно укреплялись их позиции, и в ряде других районов, где также ощутимо выросло их влияние. Предотвратить углубление наметившегося революционного кризиса даже ценой национального предательства — такой курс взяли правящие круги. 26 сентября «пассивное сопротивление» было прекращено — президент ввел в стране осадное положение, что означало временную отмену конституционных свобод, и на это время власть сосредоточивалась в руках военного министра Гесслера.

Если народным массам последствия оккупации Рурской области принесли одни бедствия, то монополиям не было нужды жаловаться на какие-либо потери экономического характера. Наоборот, они сумели нажиться, получая от государства огромные субсидии в порядке финансирования «пассивного сопротивления» и широко используя инфляцию, позволявшую им практически не оплачивать труд своих рабочих и служащих. Все было бы хорошо, с точки зрения крупного капитала (ибо национальная сторона дела не играла для них решающей роли), если бы эта политика не

привела к быстрой радикализации масс. Поэтому правящие круги стремились видоизменить курс, покончив с «пассивным сопротивлением». Они принимали в расчет и то обстоятельство, что отказ от той борьбы против оккупантов, которая декларировалась прежде, вызовет неминуемый взрыв националистических настроений. В сложившейся ситуации фашизм (хотя правящие круги Берлина не одобряли его «крайностей»), он был необходим), по их мнению, как одно из возможных резервных средств наведения в стране «порядка» и ликвидации угрозы существованию буржуазного строя.

Аналитики, глубже других оценивавшие события, полагали: «Момент капитуляции буржуазии перед иностранным капиталом станет временем наступления фашистов. Часть фашистов, введенные в заблуждение националистические мелкие буржуа, поднимутся, будучи исполненными ярости из-за национального позора». Предвидение подтвердилось полностью. Мелкобуржуазными массами искусно управляли при этом прожженные политики правобуржуазного и крайне правого направлений, не имевшие никаких прав выступать в роли поборников национального достоинства, — лидеры НСДАП, которые, как мы помним, вообще отказались включиться в «национальный» антифранцузский фронт, и правители Баварии, мечтавшие о реставрации Виттельсбахов во главе самостоятельного государства.

Если для этого требовались какие-либо дополнительные доказательства, то они появились всего за несколько недель до 26 сентября. Мы имеем в виду уже упоминавшееся дело Фукса — Маххауса; судебный процесс над ними, закончившийся 8 июля, выявил теснейшие связи обвиняемых с военизированными союзами, с НСДАП и с теми лицами, которые занимали различные административные должности. Существовали, в частности, постоянные контакты с Пенером и Фриком (с февраля 1923 г. вновь возглавлявшим политический отдел мюнхенского полицей-президиума). Подсудимые (один из двух главарей заговора — Маххаус — был зарегистрированным членом НСДАП) полностью сходились с Пенером во мнении, что «Бавария, которая еще располагает оружием, должна сделать решающий шаг, чтобы добиться поворота событий»; конкретно имелось в виду «осуществить длительное подавление крайних леворадикальных кругов и тем самым устранить опасность большевистского господства». Не надо забывать, что все это должно было быть на деньги «извечного врага», именно в это время оккупировавшего Рур. Лучшее всех понял Фукса Фрик, который сразу же сказал, что наиболее нужный тому человек — капитан Рем. Видные должности после выступления сепаратистов должны были занять такие лица, как тот же Пенер, генерал Эпп, Кар и т.п. — «даже если бы пришлось применить силу».

Материалы этого процесса просто поразительны — и не только потому, что они раскрывают всю механику связей лагеря крайне правых с людьми решившимися на самую низкую национальную измену, но и потому, что всего за несколько месяцев до «пивного путча» весь или почти весь его сценарий, уже не говоря об общем замысле, был опубликован в газетах и отнюдь не только в Баварии, причем и действующие лица были те же, что 8 ноября. Но будучи прямо или косвенно замешанными в грязное дело помощи французским оккупантам, правые не стеснялись больше всех кричать о капитуляции имперского правительства и оправдывать этим свои действия, направленные на его свержение. Сразу же после отмены «пассивного сопротивления» баварское правительство назначило Кара генеральным комиссаром с чрезвычайными полномочиями. Это назначение свидетельствовало о многом.

Кар был не новой фигурой на баварском политическом горизонте, и притом фигурой вполне определенной. Как уже отмечалось, в 1920–1921 гг. он возглавлял земельное правительство, но вышел в отставку в результате конфликта с имперским правительством. В августе 1922 г., когда этот конфликт вновь обострился, нацисты и представители других организаций крайней реакции даже предприняли нечто вроде попытки восстановить Кара у власти, но встретили сопротивление и вынуждены были отказаться от своего замысла. И сейчас, после нового назначения, одним из первых шагов Кара была отмена действия закона о защите республики на территории Баварии. Другие мероприятия Кара были еще более определенными: он запретил стачки, распустил и разоружил социал-демократические отряды самообороны, являвшиеся в баварских условиях единственными, на которые могли опираться демократы в борьбе против фашистского террора. Было запрещено распространять левые газеты (в том числе и выходящие за пределами Баварии). Уже после «пивного путча», цепляясь за власть, Кар перечислил все эти мероприятия, рассматривая их как основную свою заслугу.

Отношение генерального комиссара к НСДАП было не простым, но безусловно

благожелательным. Вот что, например, он писал в 1922 г. в бытность главой исполнительной власти провинции Верхняя Бавария: «Национал-социалистической партии несомненно следует отдать должное, ибо в национальном вопросе она работает так... что буржуазные партии могут брать с нее пример». Для НСДАП важны были не только и даже не столько слова Кара, как практическая помощь с его стороны; он ее оказывал в разное время, в том числе, как отмечалось, в сложный для НСДАП момент накануне ее съезда в январе 1923 г.

Тем не менее Кар и К^о, с одной стороны, и фашистские организации во главе с НСДАП — с другой, были союзниками во многом, даже в главном, но не во всем. Они были единомышленники в патологической ненависти ко всему, что представлялось им «красным» (хотя и в этом нацисты не оставляли никому пальму первенства: комментируя антирабочие мероприятия Кара, Гитлер заявил, что они явно недостаточны — следовало разгромить всю левую прессу, разогнать ландтаг, а депутатов арестовать, при этом он назвал в качестве образцов, достойных подражания, Суллу и Ивана Грозного). Они были едины в стремлении покончить с «красными» Саксонией и Тюрингией; спустя два дня после своего назначения Кар вызвал Эрхардта, находившегося в Австрии после побега из заключения, и поручил ему силами его молодчиков, объединенных в союз «Викинг», организовать базу для наступления на эти земли, замаскировав ее пока как вспомогательную полицейскую часть. Кар и его покровители из числа подлинных хозяев Баварии — ее крупных промышленников и землевладельцев — были едины с фашистским «Германским боевым союзом» в стремлении положить, конец правлению «левых» в Берлине, хотя ни Куно, ни Штреземана нельзя было причислить к левым, что же касается социал-демократов, то они находились в правительстве лишь с 13 августа после весьма длительного перерыва.

План «переделать все» в столице возник в умах баварских правителей и их фашистских союзников давно. Но практическая подготовка к выступлению началась с конца сентября. Не говоря уже о том, что каждая из сторон-участниц хотела верховодить, у них не было полного согласия ни о моменте начала похода, ни об его конкретных целях. Этим и обуславливались ход и исход событий 8 и 9 ноября 1923 г. в Мюнхене.

С назначением Кара Гитлер «согласился» стать политическим руководителем «Германского боевого союза». Это добавило еще толику к тем славословиям, которые без устали воздавали ему приближенные, в первую очередь Розенберг. Возвеличивание Гитлера за два года, которые прошли после перехода руководства в НСДАП в его руки, еще не приобрело тех масштабов, как в последующем, но уже превратилось в неотъемлемую составную часть нацистской идеологии, ориентирующейся на «мессию», во всемогущество которого надо верить с такой же нерассуждающей готовностью, как принято верить в Бога. В фашистском движении это отвечало уровню политической зрелости мелкобуржуазных масс, составлявших главную массовую базу НСДАП; в сложившейся обстановке они ожидали для себя спасения в непогрешимом диктаторе, якобы стоящем над классами. Принцип фюрерства играл в системе идей логического воздействия нацизма весьма важную (и с годами все возрастающую) роль, которую можно сравнить только с национальной и социальной демагогией.

С тем, какие формы принял культ личности Гитлера уже в эти ранние годы истории германского фашизма (а также с тем, какого уровня достигала уже тогда лживость фашистских деятелей), хорошее представление дает письмо, которое Р. Гесс направил Кару после посещения его Гитлером. Он писал: «Господина Гитлера я знаю очень хорошо лично, ибо я практически ежедневно встречаюсь с ним и близок с ним также человечески. Это редкий по порядочности характер, полный сердечной доброты (!), верующий, хороший католик. У него только одна цель — благополучие своей страны. Для этого он беззаветно жертвует собой, не получая за это ни единого пфеннига Ваше превосходительство может полностью доверять Гитлеру». В конце письма Гесс пытался лучше «подать себя»: «Чтобы придать моим словам большую значимость, хочу просить Ваше превосходительство навести обо мне справки у профессора генерала Хаусхофера, с которым я тесно связан». Наконец, любопытен постскрипту: «Данное письмо я направляю Вам без ведома господина Гитлера». Навряд ли Кар поверил этой откровенной лжи. Что же касается Хаусхофера, то это родоначальник фашистской геополитики, человек, безусловно авторитетный для того круга, в котором вращался Кар (по иронии судьбы сын генерала стал активным участником борьбы против фашистского режима и был казнен).

Гесс по рождению был немцем-зарубежником. Он родился в Египте и в Германию приехал только после мировой войны, а здесь сразу примкнул к крайне правым — стал членом пресловутого

«Общества Туле», и уже в 1919 г. вступил в ряды «Германской рабочей партии». Очень быстро сблизился с Гитлером и безотказно служил ему, за что после прихода фашистов к власти был назначен заместителем фюрера по партии. «Сбой» произошел в 1941 г., когда накануне нападения Германии на СССР Гесс отправился на самолете в Англию, чтобы убедить Черчилля присоединиться к Германии; но и после этого, в течение десятилетий, которые Гесс провел в тюрьме по приговору Нюрнбергского военного трибунала, он оставался убежденным гитлеровцем.

Но даже из среды единомышленников раздавались предупреждающие голоса и против обожествления руководящих деятелей вообще, и против конкретного его объекта. Глава военизированной организации «Бавария и империя» (тяготевшей к баварским националистам) Питтингер писал в органе своего союза (апрель 1923 г.), что такое обожествление «принадлежит к опаснейшим по своей безвкусице явлениям... Оно отклоняет существо движения в сторону... В течение последних месяцев национал-социалистическое движение все более и более становилось партией Гитлера». А вот что в том же году писал фюреру один из рядовых членов НСДАП, некий Иверсен из Фиссена (причем вторично): «Вы, г-н Гитлер... сумели расшевелить массы... Но Вы — не государственный деятель... Сейчас, в решающий момент, вы оказываетесь несостоятельным, ибо не желаете являться колесиком в общем деле, а стремитесь быть маховиком». Даже сам «теоретик» партии Федер 10 августа обратился к фюреру с критическим письмом, в котором, в частности, писал: «Если мы охотно предоставляем Вам честь быть первым, то только первым среди во всех иных отношениях равных и свободных... Мы не признаем тиранических наклонностей».

А вот как еще раньше, в 1922 г., характеризовал фюрера один из деятелей правого лагеря, А. Рехберг, в письме Людendorфу. Однажды прослушав Гитлера, он пришел к выводу, «что тот является демагогом, манипулирующим лозунгами, но что у него нет не только элементарных представлений о внешней политике, но и какого-либо понятия о том, на каких основах строится государство».

Адресат вряд ли прислушивался к предупреждениям, но все же они были. Более ощутимой для него явилась «измена» главаря союза «Имперское знамя» Хейса, переметнувшегося на сторону Кара и вместе со своими молодчиками покинувшего «Боевой союз». Тем не менее сотрудничество нацистов с правящей кликой не только продолжалось, но и стало интенсивнее. Военное обучение штурмовиков в казармах рейхсвера в эти последние недели усилилось; занятия происходили, как вспоминают участники, дважды в неделю. Во время встречи Гитлера с Лоссом в 20-х числах сентября последний заявил, что солидаризируется с точкой зрения своего собеседника в 9 из 10 пунктов. И хотя информация на сей счет исходит от Рема и содержится в мемуарах, вышедших спустя пять лет после мюнхенского путча, когда фашисты всеми силами стремились доказать, что между ними и тогдашними правителями Баварии существовало полное единство в вопросе о выступлении против «левого» правительства в Берлине, в данном случае Рему вполне можно доверять. Его утверждения подтверждаются документами, относящимися к кануну путча, и материалами судебного процесса над его участниками.

По ходу дела позиции нацистов и «триумvirата», фактически стоявшего у власти в Баварии, — Кара, Лоссова и командующего земельной полицией Зайссера — весьма сблизилась. Сепаратизм последних отошел на второй план перед «миссией» уничтожить «скверну», свившую себе гнездо в самом центре управления страной, которое осуществляли, по их мнению, социал-демократы (ведь президентом республики был один из лидеров СДПГ бывший шорник Эберт) совместно с евреями. Исчерпывающе позицию властей Баварии выразил, пожалуй, заместитель Кара в качестве генерального комиссара барон Ауфзесс. Выступая 20 октября, он заявил: «Разрыв Баварии с Берлином произошел сегодня в 8 ч. 30 мин., и мы рады, что это произошло. Для нас лозунг звучит не «Прочь от Берлина!», мы не сепаратисты, наш лозунг — «На Берлин!» У нас нет никаких оснований арестовывать г-на Эрхардта. Убийцы Эрцбергера также могут спокойно заниматься здесь своими делами. Мы не имеем ничего против государства, мы против имперского правительства. В Северной Германии ожидают, что мы нанесем удар, но это должно быть как следует подготовлено». Ауфзесс констатировал: «Сегодня мы шагаем вместе с Гитлером». Это заявление было после путча 8–9 ноября 1923 г. широко использовано фюрером и его помощниками как свидетельство того, что правители Баварии виновны в происшедшем наравне с фашистами, находившимися на скамье подсудимых. Барон сообщил также аудитории, что в текущем году в Мюнхен приезжал имперский министр Браун (отец будущего знаменитого конструктора ракет) и ему было почти буквально указано на дверь; это должно было продемонстрировать степень «независимости» Баварии от

общегерманских властей. Последние, еще не полностью справившись с угрозой слева, вынуждены были терпеть подобные наглые выходки со стороны баварских правителей, побратавшихся с фашистами.

Такая позиция не могла не импонировать всем без исключения «отечественным» организациям, в том числе той, во главе которой стояли Гитлер и Крибель. Еще больше связал их с баварскими властями конфликт последних с имперским правительством, в течение октября 1923 г. обострившийся до предела. Это обострение также было связано с деятельностью НСДАП: один из материалов пришелся не по вкусу главнокомандующему рейхсвером Секту (его «оскорбило», что нацисты объявили его женой еврейкой), и он потребовал запрета газеты, что ввиду осадного положения предстояло сделать Лоссову. Но Лоссов, в полном единении с Каром, отказался запретить фашистский орган. И хотя Штреземан и его коллеги готовы были на многое для умиротворения правителей Баварии, наглость Кара и Лоссова, тем более в деле, где главным заинтересованным лицом был человек, фактически облеченный тогда наибольшей властью, генерал Сект, не могла остаться безнаказанной. Гесслер сместил Лоссова, назначив на его место генерала фон Крессенштейна, но в Мюнхене отказались подчиниться этому приказу. 22 октября Кар самовольно вывел части рейхсвера, расквартированные в Баварии, из подчинения главного командования армии и подчинил их баварским властям. Эти действия сопровождалась подготовкой к крупной военной операции, в которой приняли бы участие не только регулярные армейские подразделения, но и военизированные отряды, оснащенные как оружием рейхсвера, так и своим собственным (в том числе тяжелым), хранившимся в тайниках.

Как раз в то время фашистский «Боевой союз» получил подмогу в лице Россбаха, выпущенного из тюрьмы в связи с тем, что... у него в Германии есть недвижимая собственность и поэтому нет оснований полагать, что он убежит из страны! Но Россбах и не собирался покидать Германию — он отправился в Мюнхен и присоединился к Гитлеру, сыграв немаловажную роль в дальнейших событиях. Подобно Эрхардту и многим другим участникам, он уже имел за плечами большой (хотя и не всегда «успешный») опыт расправ с политическими противниками. А для фашистов это было наиболее ценно.

22 октября Лоссов известил по военному радио находившиеся под его командованием части, что «не допустит, чтобы берлинское правительство, находящееся под марксистским влиянием, навязало Баварии... что-либо, имеющее цель обезвредить этот оплот германского национального самосознания». Спустя два дня он собрал у себя командиров земельной полиции и военизированных формирований и подтвердил, что речь может идти не об отделении Баварии от Германии или о продлении существующего положения, а лишь о походе на Берлин с целью провозглашения и установления национальной диктатуры. «Времени для этого у нас уже мало, — заявил Лоссов. — Нельзя ждать более двух или трех недель». Он подчеркнул, что «отечественные» отряды могут участвовать в «операции» не как самостоятельные единицы, а под началом рейхсвера и земельной полиции. «Мы стоим на одной и той же почве, — сказал Лоссов под конец. — ...У всех нас одна цель: под черно-бело-красным (кайзеровским. — Л.Г.) знаменем освободить Германию от марксизма». После этого Лоссову устроили чествование, на котором выступили Гитлер и Геринг. Во исполнение сказанного 26 октября был издан приказ по военному округу, согласно которому «в случае внутренних беспорядков» предусматривалось усилить армейские подразделения за счет «отечественных союзов». По некоторым данным, это означало бы увеличение втрое. Документ от 26 октября являлся одним из центральных, на которых Гитлер и его приспешники во время судебного процесса по делу о мюнхенском путче основывали свои обвинения по поводу соучастия Кара, Лоссова и Зайссера в подготовке путча.

Но хотя формальное единомыслие между участниками заговора было налицо, распределение ролей, постулированное Лоссовым, вряд ли устраивало верхушку НСДАП. Вот что говорил, например, Гитлер в одном из своих выступлений незадолго до путча: «Теперь задача заключается в том, чтобы вынести национальную идею... за пределы Баварии, в Среднюю Германию, Саксонию, Берлин и далее... И осуществить это способны лишь мы, национал-социалисты». В интервью, опубликованном в начале октября в лондонской «Таймс», он без всяких обиняков говорил о предстоящем путче. «Мы найдем в Германии предостаточно деревьев, чтобы повесить на них социалистов и демократов. Если Германия обретет своего Муссолини, — здесь Гитлер явно намекал на самого себя, — то немецкий народ падет на колени и будет поклоняться ему больше, чем когда-либо поклонялись Муссолини».

Столь различное представление о том, кому принадлежит руководство в осуществлении «баварской миссии», не могло не стать источником серьезных внутренних противоречий. До поры до времени они маскировались общностью подготовительных мер, но неминуемо должны были обнаружиться.

Подготовка велась по разным направлениям. Одно из главных было поручено Каром Эрхардту — концентрировать военизированные формирования на северной границе Баварии. О том, что это была не простая демонстрация, а тем более не ответная мера на «угрозу» со стороны «красных», свидетельствует хотя бы сделанное Каром предложение Пенеру занять пост гражданского губернатора Саксонии и Тюрингии, «когда на Севере начнутся события и возникнет необходимость навести порядок». А навести порядок, причем «самыми суровыми мерами», собирались прежде всего в Саксонии и Тюрингии, чтобы покончить с «оплотом революционного движения», а также обезопасить свой тыл во время дальнейшего движения на Берлин.

Вот как описывает обстановку в районе северной границы Баварии уже упоминавшийся писатель Б. Узе, позднее порвавший с фашизмом: «Повсюду люди из бригады Эрхардта, которых можно узнать по большим кобурам на боку и бело-голубым нарукавным повязкам вспомогательной полиции... Представители различных [военизированных] союзов встречались в кабаках и выпивали в знак побратимства огромное количество пива». «Хроника фашизма» сообщала в эти октябрьские дни: «Позади пограничных постов... концентрируются сильные формирования нелегальных военных образований. Установлено, что в Кобурге размещается штаб бригады Эрхардта... Там же видели и Гитлера... Главная база этих отрядов, по-видимому, находится в Бамберге, который выглядит, как типично военный город». О реакции жителей на присутствие этих банд и их поведение можно судить по официальному документу — полицейскому донесению из района Штаффельштайн: «Население возражает против пограничной защиты подобного рода и не желает ничего более, чем ее эвакуации... Войско, отличающееся низкой дисциплиной и не имеющее серьезного занятия, всегда становится опасным».

Штурмовые отряды НСДАП располагались на левом фланге этого «войска». Подготавлился перевод их штаба в Нейштадт, поближе к будущему «театру военных действий». Судя по документам, «Боевой союз» вполне мог претендовать на весьма важную роль в предстоящей операции, ибо располагал, причем именно во Франконии, значительным количеством оружия. В тайных хранилищах было собрано 49 орудий, 5 минометов, 134 тяжелых и 40 легких пулеметов, 15 500 винтовок, а также большое количество боеприпасов.

В качестве контраста этому целесообразно привести отрывок из донесения властей Швабии о роспуске социал-демократических и коммунистических организаций самозащиты: «В округе таких организаций было очень мало. Поиски оружия у социал-демократов и коммунистов до сего времени были почти полностью безрезультатны. Полицейские органы уже ранее сделали все, что было в их силах, чтобы лишить социал-демократов и коммунистов оружия».

Лишь на баварско-тюрингской границе, согласно заявлению министра юстиции Тюрингии, стояло 24 тыс. фашистов. Они вовсе не бездействовали: не переходя к открытым вооруженным акциям, баварские фашисты стремились снабдить оружием своих единомышленников в Саксонии и Тюрингии, которые, хотя и вынужденно ушли в подполье, но они только ждали случая, чтобы ударить по «внутреннему врагу» с тыла. В конце сентября — начале октября пролетарские сотни Саксонии пресекли попытку провезти из Баварии карабины, пистолеты и боеприпасы к ним. Неудачно для фашистов завершилась и аналогичная попытка, предпринятая на границе с Тюрингией. Здесь были конфискованы три тяжелых пулемета и миномет.

Положение господствующих классов Германии в этот момент было серьезным, в их рядах начались замешательство и разброд. Часть правящих кругов выступала за отмену веймарской конституции, устранение парламента и установление диктатуры в форме директории; в ней участвовали бы крупные промышленники, политические деятели крайне правого лагеря и крупнейшие военачальники. На этот счет велись интенсивные секретные переговоры в Берлине и Мюнхене, в ходе которых фигурировали такие имена, как адмирал Тирпиц в качестве президента (вместо Эберта), генеральный директор концерна Стиннеса (он-то все и направлял) Мину, философ-реакционер Шпенглер и др. Людендорф, действовавший заодно с нацистами, участвовал и в заговоре, связанном с планами директории. В конце августа в его доме состоялось совещание, на котором обсуждались эти планы. Участвовали фельдмаршал Гинденбург (в тот момент еще «частное лицо»), Стиннес, Эшерих, военный руководитель «Боевого союза» Крибель и др.

Едва ли не главную надежду сторонники создания диктатуры, именуемой директорией, возлагали на генерала Секта, т.к. они хорошо были осведомлены о политических взглядах командующего рейхсвером. Вот образчик политических воззрений Секта, он приводится из черновика частного письма (адресат — Кар, дата — 5 ноября 1923 г.): «Веймарская конституция для меня — не святыня, я в ее составлении не участвовал, и она в своих основных принципах противоречит моему политическому мышлению. Я полностью понимаю поэтому, что Вы объявили ей борьбу». Но Сект опасался гражданской войны, и это существенно отличало его от тех представителей реакционного лагеря, которые хуже разбирались в обстановке и стремились идти напролом.

Сект ненавидел не только коммунистов, но и социал-демократов, понимая, однако, что в данной ситуации стабилизировать положение и покончить с очагом революции в лице Саксонии и Тюрингии можно только при помощи лидеров СДПГ, при их участии в правительстве. В этом вопросе он был солидарен с другим известным генералом — Тренером (заменившим в конце войны Людендорфа на посту начальника штаба главнокомандующего), который именно в это время в письме к бывшему шефу — Гинденбургу — так изложил свое кредо: бороться с коммунизмом следует «в союзе с социалистами... ибо по существу... нет больших врагов друг другу, чем социалисты и коммунисты».

Генерал-политик весьма лаконично сформулировал точку зрения «умеренной» группировки правящих кругов, о которой уже шла речь выше; но особое, поистине злорадное ударение он сделал на значении раскола рабочего класса для перспектив власти буржуазии. Да, Тренер и его единомышленники имели достаточные основания радоваться, наблюдая взаимоотношения рабочих партий, отсутствие единства в их действиях, даже если они были направлены против общего врага — фашизма. И это наглядно сказалось в момент, когда правительство, членами которого являлись и социал-демократы, приступило к расправе с органами рабочей власти. Прошло немногим более недели после создания рабочего правительства в Саксонии, как Эберт, Штреземан, Сект в полном единодушии решили направить туда дополнительные части рейхсвера и распоясавшаяся военщина начала бесчинствовать там. Что касается рабочего правительства, то не только социал-демократы, чьей политике были постоянно свойственны колебания и двойственность, но и коммунисты, входившие в него, не приняли необходимых мер по мобилизации масс на борьбу против реакции.

Курс, который КППГ проводила в 1923 г., особенно в решающие осенние месяцы, основывался на представлении, что в Германии можно добиться успеха и свергнуть власть буржуазии одним ударом. Между тем специфика страны, а также конкретная расстановка классовых и политических сил диктовали путь к революции только через ряд промежуточных этапов. Ориентация лишь на «решающий удар» помешала определить действительное соотношение сил.

Имперское правительство предъявило ультиматум «красной Саксонии», который был отвергнут. Тогда рабочее правительство было разогнано при помощи военной силы. Аналогичная судьба постигла в начале ноября рабочее правительство Тюрингии, проявившее такую же бездеятельность в коренных социально-политических вопросах. Еще до этого, 1 ноября, представители СДПГ в знак протеста против экзекуции над Саксонией вышли из имперского правительства. Этот шаг должен был помочь руководителям социал-демократии сохранить влияние на тех, кто их поддерживал — тогда это еще была значительная часть пролетариата.

Таким образом, конец октября — начало ноября 1923 г. принесли с собой существенное укрепление позиций правящих кругов Германии. Этому способствовал и новый фактор, действие которого стало сказываться тогда же: постепенное смягчение инфляции в результате введения так называемой рентной марки и прекращения печатания прежних, полностью обесцененных банкнот. Тем самым шансы сил крайней реакции на успех объективно уменьшились, так же как и перспективы создания диктатуры в форме директории. Уловить это фашистские лидеры, не отличавшиеся глубокими аналитическими способностями, однако, не сумели, и в Баварии подготовка к выступлению не только продолжалась, но стала еще более интенсивной.

Подготовку вели — совместно и порознь, даже втайне друг от друга — обе стороны, участвовавшие в антиреспубликанском заговоре. Штаб баварского военного округа к началу ноября уже располагал детальными оперативными планами наступления на Берлин, отдельных этапов марша, материального обеспечения и т.п. В качестве вероятного срока начала операции Кар назвал Эрхардту 15 ноября. В штабе «Германского боевого союза» работа также кипела вовсю, опытные штабные офицеры рассматривали различные варианты похода на Берлин. А будущие его участники

проходили обучение уже не в «абстрактных» условиях, а используя план Берлина и имея в виду совершенно определенные объекты столицы, которыми им предстояло овладеть.

Но нацистские вояки этим не ограничивались. Военные руководители «Боевого союза» и «главное командование» штурмовых отрядов с некоторых пор составляли планы захвата Мюнхена. Как всегда, в таких случаях предусматривались занятия транспортных центров, учреждений связи, коммунальных предприятий, общественных зданий и типографий, арест политических противников и «ненадежных» элементов. Списки подобных лиц были составлены заблаговременно. Таким образом, нацисты, стремясь опереться на баварский рейхсвер и государственный аппарат Баварии, никогда не оставляли мысли о возможности проведения путча самостоятельно и против своих союзников. О характере отношений между ними свидетельствуют многие документы; приведем лишь один — приказ Геринга по СА, относящийся к сентябрю 1923 г.: «Если нас хотят обучать [военному делу], то против этого возражать не приходится, но ни в коем случае не следует сообщать руководителям каких-либо органов [рейхсвера] данные о наших силах, вооружении, структуре, короче говоря, о нашей организации».

Трудно сказать, насколько серьезно правители Баварии считались с возможностью фашистского путча, хотя слухи об угрозе такого рода циркулировали в Мюнхене в течение всего года. Но представители баварского правительства неизменно опровергали эти слухи, причем не только в открыто пропагандистских целях, но и в конфиденциальных беседах. Так, 1 сентября министр внутренних дел Швейер заверил вюртембергского посланника, что национал-социалистическое движение не представляет никакой опасности. Здесь в определенной мере сказались иллюзии, созданные отступлением нацистов, происшедшим 1 мая, а также, как можно полагать, обещания Гитлера «ни при каких условиях» не предпринимать путч; эти обещания особенно участились в канун выступления.

Среди погибших во время расстрела нацистской демонстрации 9 ноября 1923 г. был немолодой чиновник фон Пффордтен, являвшийся убежденным сторонником фашизма. В одном из карманов его пиджака обнаружили проект мероприятий, которые руководители НСДАП собирались осуществить после своей победы. Это, пожалуй, самый ранний документ такого рода в истории германского фашизма. «План Пффордтена» предусматривал, в частности, роспуск всех выборных представительств и политических партий, отмену конституционных свобод, введение полевых судов, причем мера наказания, к которой они могли приговаривать, практически исчерпывалась смертной казнью. Она полагалась за участие в деятельности распущенных учреждений, за отправление обязанностей, от которых то или иное лицо было отстранено, за выполнение распоряжений подобных лиц, за участие в забастовках или призывы к ним, а также за множество других «преступлений» подобного же рода. Согласно проекту, вводилась трудовая повинность для всех граждан от 16 до 50 лет, создавались концентрационные лагеря для «всех небезопасных лиц и бесполезных едоков». Еще летом 1923 г. проект обсуждался при участии Гитлера, Федерера и одного из представителей «ученого» мира — профессора Мюнхенского университета Мюллера.

Своеобразным дополнением к этому документу могло послужить выступление Геринга на совещании военных руководителей НСДАП 23 октября. Он информировал их о ходе подготовки к известной операции и сообщил, что точная дата ее еще не установлена, но это может произойти и в ближайшие дни. Уже составлены соответствующие совместные воззвания. «Необходимо в то же время немедленно подготовить воззвания о взятии власти в отдельных местностях. Следует применять беспощадный террор; каждый, кто будет чинить малейшие препятствия, должен быть расстрелян. Руководители обязаны уже сейчас установить тех лиц, которых следует устранить. Одного из них надо для устрашения расстрелять сразу же после расклейки воззвания».

Это — истинный язык германского нацизма, он оставался таким всегда, и через 10, и через 20 лет. И несмотря на это фашизм преспокойно продолжал существовать как политическое течение, лишь изредка уходя в подполье, а затем вновь действуя вполне легально, почти беспрепятственно, сея свои чудовищные человеконенавистнические идеи и насаждая разбойничьи нравы. Причем и те, и другие находили не только одобрение и поддержку среди сильных мира сего, но и все более широкую популярность в самых различных социальных слоях.

Для того периода, о котором идет речь, НСДАП во многом была обязана участием в фашистском движении генерала Людендорфа. Не только на каждого участника войны, но и на каждого немецкого филистера его имя действовало завораживающе; оно привлекало множество последователей. Генерал был душой едва ли не всех заговоров и реакционных военных выступлений

против Веймарской республики, хотя предпочитал при этом на первый план выдвигать других. Так было, например, во время путча Каппа, в подготовке которого Людендорф принимал деятельное участие, но от причастности к которому отмежевался, как только понял, что дела складываются не в пользу капповцев; когда же по ходу следствия его спросили, почему он во время марша путчистов все же оказался вблизи Бранденбургских ворот, генерал ответил, что он просто прогуливался там. 8 ноября 1923 г. Людендорф тоже изображал из себя постороннего и при начале путча даже не присутствовал. В своих воспоминаниях он пишет, что был осведомлен о готовящемся выступлении лишь в общих чертах: «Деталей я не знал».

Все это чистейшая ложь, опровергаемая самыми различными источниками. Один из них — свидетельство его первой жены, которая рассказывает, как было в действительности (к моменту издания ее воспоминаний Людендорф уже женился вторично. — Л.Г.). «В течение ряда месяцев (перед путчем. — Л.Г.), — говорится в книге М. Людендорф, — наш дом являлся средоточием, можно сказать, политическим центром национал-социалистов... Беседы длились по несколько часов. Чтобы предотвратить какое-либо подозрение, Людендорф для посторонних глаз искусно имитировал работу в саду и выглядел при этом самым безобидным человеком на свете». Но эти помыслы не только существовали, а простирались весьма далеко. Из документов известно, например, что накануне путча Людендорф даже пригрозил отказом участвовать в нем на предложенных ему ролях. Если уж ввязываться, заявил Людендорф, то лишь на самом высоком посту и объединяя в своих руках всю власть.

Подобная амбициозность несла в себе зародыш острейшего столкновения с Гитлером, если бы фашистский путч окончился успехом. В ситуации же, которая сложилась перед путчем, между ними существовало подобие единомыслия; со стороны Гитлера это вызывалось острой заинтересованностью в Людендорфе: считалось, что, имея его в своих рядах, можно было рассчитывать на сочувствие армии.

Вообще о взаимоотношениях фашистских лидеров можно было бы написать много, но это было бы весьма однообразное чтение, содержащее лишь описание взаимных поклепов, инсинуаций, а порой и мордобоя. Ю. Штрейхер, лишь в конце 1922 г. примкнувший к НСДАП, незамедлительно завел ссору с редактором нюрнбергской газеты нацистской партии неким Келлербауэром и, будучи главой местной организации, исключил редактора из рядов НСДАП. Когда Келлербауэр на публичном собрании заявил протест, то был побит и вышвырнут из помещения. Дело дошло до суда; Келлербауэр нашел поддержку у командования штурмовых отрядов Нюрнберга. И все же в конечном счете конфликт, длившийся чуть ли не в течение всего 1923 г., завершился победой Штрейхера, который пользовался большим расположением фюрера. В яростном антисемитизме он не уступал последнему, но у Штрейхера был специальный аспект в этой области: материалы, которые публиковались в издававшейся им газете, были пронизаны сексуальными мотивами — он обвинял евреев во всякого рода извращениях, смакуя подробности.

Новым редактором нацистской газеты стал Г. Клотц (в дальнейшем «не оправдавший доверия» и переметнувшийся к социал-демократам, после чего он опубликовал весьма неприятные для лидеров НСДАП материалы), а СА Нюрнберга возглавил майор в отставке В. Бух, позднее еще более возвысившийся — он руководил партийным судом (положение Буха особенно укрепилось после того, как он выдал свою дочь замуж за Бормана). Обосновавшись в Нюрнберге, Бух быстро завязал самые тесные связи с полицией, которая и здесь была практически на стороне фашистов, и с армейским командованием. Характерно, что еще 27 октября 1923 г. он использовал военный телеграф для надобностей НСДАП.

Незадолго до «пивного путча» Гитлера посетил Байреит. С благоговением он осмотрел жилище своего кумира — Р. Вагнера, побывал на его могиле. Не менее важно было для него знакомство с зятем Вагнера англичанином Х.С. Чемберленом, одним из тех, чьими человеконенавистническими сочинениями он зачитывался еще во времена своего пребывания в Вене. Чемберлен был убежденным расистом и в своих писаниях пытался подвести под свои взгляды, имевшие целью истребление десятков миллионов людей, «научную» базу. Он давно следил за деятельностью Гитлера и предсказывал ему «великое будущее». Но дожить до триумфа фюрера не успел — Чемберлен умер в 1927 г. Семья же Вагнера продолжала оставаться в числе наиболее рьяных приверженцев нацизма. Место Чемберлена заняла невестка Р.Вагнера Винифред, тоже англичанка, которая, как уже отмечалось, была страстной приверженкой германского фашизма и поддерживала его материально (в частности, обеспечила благополучие Геринга и его жены в течение длительного времени после его

ранения 9 ноября 1923 г.).

В обстановке наметившегося спада революционного движения угроза фашизма, хотя его значение для господствующих классов начало падать, все же оставалась достаточно серьезной. В одной из листовок, распространявшихся тогда, говорилось: «Фашисты, финансируемые крупным капиталом, формируют белые батальоны... Баварские фашисты и реакционеры уже готовы нанести удар. Гитлер, Кар и убийца миллионов Людендорф едины в своих целях... Значительная часть рейхсвера на их стороне».

Осенью 1923 г. во всех демократических изданиях было опубликовано воззвание «Против фашизма! Против ужасающего господства реакции и белого террора!», подписанное видными политическими деятелями, крупнейшими представителями культуры разных стран: К. Цеткин, А. Барбюсом, А. Гильбо, Р. Ролланом, А. Франсом, Г. Роланд-Гольст, Ф. Платтенем, Ф. Коричонером, Э. Синклером и др. Среди представителей демократической общественности Германии, помимо К. Цеткин, под воззванием стояли имена Г. Гросса, Э. Толлера, В. Мюнценберга; к ним в повторных публикациях воззвания (оно распространялось и в виде листовки) присоединились К. Розенфельд, Л. Франк и другие — люди, олицетворявшие собой цвет передовой интеллигенции.

Документ содержал призыв к созданию Международной антифашистской лиги. «Фашистская опасность угрожает ныне всему миру, прежде всего Германии, — говорилось в воззвании. — Запрет социал-демократической и демократической прессы в Баварии и атаки реакции по всей стране — недвусмысленные свидетельства наступления фашизма в Германии». Целью инициативного комитета, возглавлявшегося К. Цеткин и А. Барбюсом, было максимально расширить фронт тех, кто стремился в той или иной форме оказать отпор фашистским ордам. «На стороне антифашистов подавляющее численное превосходство, — подчеркивалось в одном из материалов периодического издания «Хроника фашизма», — в их руках находятся средства воздействия, равноценные целым батальонам. Рабочие в состоянии парализовать связи фёлькише, своей массой они могут подавить вооруженные формирования контрреволюции. Для этого необходимы воля, осознание ситуации, для этого надо сплоченности контрреволюции противопоставить сплоченность батальонов революции».

Но здесь-то и находилось слабое место противников реакции и фашизма в Германии. Единства между ними не было, ибо социал-демократические лидеры, ориентировавшиеся на союз с буржуазией, уповали на «демократическую процедуру», которая-де обеспечит дальнейшее существование Веймарской республики и сведет на нет замыслы ее заклятых врагов из лагеря крайней реакции.

Политика компартии по отношению к фашистской опасности тоже никак не могла считаться удачной, и это определялось прежде всего позицией партии в вопросе о единстве антифашистских сил. На словах высказываясь за их сплочение, КПГ на деле действовала в сектантском духе, полагая, что может собственными силами справиться с фашистской угрозой. С особенной силой подобный курс проявился в более поздние годы, что существенно способствовало конечному успеху НСДАП, но и в рассматриваемый здесь период сектантские тенденции в политике КПГ отрицательно сказывались на ходе и результативности антифашистской борьбы.

В коммунистической печати можно было встретить оценки следующего рода: «Итальянская трагедия могла бы повториться в Германии лишь как фарс, хотя и очень дорогостоящий для пролетариата». Подобное заблуждение, основывающееся на том, что Германия — это высокоразвитая в промышленном отношении страна, проявлялось и в более поздние годы. Но были и суждения, прозорливости которых можно только поражаться. Вот что лидер КПГ говорил, например, на дискуссии с фашистскими идеологами в августе 1923 г.: «Программа и цели фашистов, по крайней мере, если речь идет о национал-социалистической партии, ведут не к единству и спасению Германии, а к ее уничтожению и катастрофе».

Литература о «пивном путче» обширна, опубликовано и много документов, касающихся предыстории путча и различных его сторон. Но до сих пор центральным моментом, вокруг которого концентрируется внимание буржуазных авторов, остается вопрос о том, было ли между тогдашними баварскими правителями, с одной стороны, и открытыми фашистами — с другой, полное единомыслие. С этим связана и оценка того, добровольно ли присоединились Кар, Лоссов и Зайссер к путчистам 8 ноября или они сделали это под угрозой. Различные историки дают диаметрально противоположные ответы; так, например, западногерманский историк Гофман, автор одной из крупных специальных монографий на данную тему, исходит из того, что Кар и его приспешники были во всем заодно с нацистами. В более поздней монографии, принадлежащей перу американского

историка Гордона, проводится противоположная мысль — что баварские заправилы преследовали иные, по сравнению с НСДАП, цели и хотели лишь использовать последнюю в своих интересах. Первая точка зрения в общем и целом соответствует той, которой придерживались обвиняемые на процессе по делу о путче, не без основания утверждавшие, что Кару, Лоссову и Зайссеру — место на скамье подсудимых. Концепция Гордона тоже имеет некоторые аналоги во взглядах нацистов, доказывавших, что Кар и его единомышленники действовали, основываясь лишь на стремлении оторвать Баварию от Германии.

Обе названные точки зрения грешат односторонностью. Баварские правители и нацисты являлись союзниками, но союз их был союзом реакционеров, который раздирали самые различные противоречия, борьба за верховенство и т.п. Что же касается мнения, будто Кар и К^о были только сепаратистами, то оно сужает их подлинные цели, на деле лежавшие за рубежами Баварии.

Уход социал-демократов из имперского правительства и их замена буржуазными деятелями определенным образом изменили ситуацию и побудили правящие круги Баварии, несмотря на формальный разрыв с Берлином, произвести там «разведку». С этой целью полковник Зайссер 2 ноября выехал в Берлин, где имел две встречи: с Сектом и с одним из инициаторов создания директории генеральным директором концерна Стиннеса Мину. Видимо, планы, имевшиеся на этот счет, из-за позиции Секта не стали ближе к осуществлению. Мину советовал Зайссеру (прежде всего от имени своего шефа) не торопиться с выступлением. Характерна мотивировка: «Еще не пришло время. Пусть еще действуют голод и холод». Что касается Секта, то он выразил солидарность с целями баварских реакционеров (устранение парламента, недопущение социал-демократов к государственным постам и т.п.), но сказал, что дело в темпах: «Необходимо идти легальным путем».

Результаты поездки должны были подействовать на «триумвиров» безусловно отрезвляюще. Это ощутили созданные Каром, Лоссовом и Зайссером 6 ноября на совещание руководители военизированных союзов. Правда, последние повторили, что надо готовиться к замене имперского правительства «ненормальным образом», т.е. при помощи вооруженной силы (Кар), и что необходимо идти любым путем, который ведет к желанному результату, даже если этот успех достигим только посредством государственного переворота (Лоссов). Но в то же время Кар заявил, что надо увериться в сотрудничестве северогерманского рейхсвера, и вновь подчеркнул: «Лишь когда все будет готово, можно будет приступить к действию. Приказ об этом отдам я». Представители «Боевого союза» высказались за то, чтобы ускорить выступление, на что последовала довольно резкая реакция Лоссова, который воскликнул, стукнув кулаком по столу: «Господи, я тоже хочу выступить, но только в случае, когда буду на 51% уверен в успехе».

После этого, по-видимому, нацисты и приняли окончательное решение переиграть своих союзников и устроить путч самостоятельно, чтобы поставить их перед свершившимся фактом и увлечь за собой (так, заранее были заготовлены объявления о создании правительства Гитлера, Кара и Лоссова). На судебном процессе и обвиняемые, и свидетели, находившиеся на их стороне, называли в качестве одной из решающих причин, побудивших лидеров НСДАП к действию, — нетерпение их последователей, нежелание ждать. Фигурировали, в частности, слова, якобы сказанные Гитлером Зайссеру еще перед его отъездом в Берлин, 1 ноября: «Полковник, я буду ждать, пока Вы вернетесь, но после этого — действовать и стараться убедить генерального государственного комиссара сделать то же. Экономические факторы оказывают такое давление, что возможно только одно из двух: или мы начнем действовать, или наши последователи уйдут к коммунистам». Граф Гельдорф, тогда принадлежавший к «Стальному шлему», а позднее перешедший в НСДАП, в своих показаниях передал слова Шойбнер-Рихтера: «Люди недоедают, они плохо одеты, а их активность ничем не вознаграждается... Этих людей больше не удовлетворишь парадами перед кучкой генералов и красивыми речами. Чтобы удержать их в повиновении, надо наконец что-то предпринять. В противном случае они станут левыми радикалами».

Проверить достоверность этих утверждений невозможно: они не документальны. Не исключено, что определенное давление своих приверженцев фашистские лидеры действительно испытывали: четырехлетняя яростная пропаганда, направленная против «ноябрьских преступников», в сочетании с ужасающим экономическим положением тех, к кому она была обращена, требовала какого-то выхода. Но не это, конечно, толкало нацистских главарей к немедленному выступлению, а боязнь упустить важный момент, когда можно было предложить господствующим классам свои услуги в деле борьбы против еще весьма ощутимого в это время революционного движения. Поэтому вечером того же дня, когда состоялось совещание у Кара и Лоссова, Гитлер и Шойбнер-Рихтер

обсудили последние детали, а 7 ноября уточнили их с Крибелем и командующим союза «Оберланд» Вебером. Дата выступления, которая ранее была приурочена к 5-й годовщине Компьенского перемирия — 11 ноября, была перенесена на 8 ноября. Для этого имелись веские соображения.

Дело в том, что на 8 часов вечера в большом пивном зале «Бюргерброй» было назначено собрание «сливок» мюнхенского буржуазного общества, на котором Кар должен был сделать доклад об «изничтожении марксизма»: ведь этот день также был своего рода «юбилейным» — кануном пятилетия Ноябрьской революции, одинаково ненавистной для тех, кто держал бразды правления в Баварии, и для их союзников — фашистов. Устроителем мероприятия являлся Союз баварской промышленности, и в приглашениях, разосланных им, говорилось: «Собрание задумано как исторически значимое событие». В зале «Бюргерброй» должны были присутствовать министры во главе с председателем правительства, представители генералитета, в том числе Лоссов, Зайссер и другие полицейские чины. В течение дня нацисты справлялись по телефону у целого ряда лиц, будут ли они на собрании; в отношении Лоссова это установил лично Людендорф.

Для фашистских заговорщиков то был чрезвычайно удачный случай, позволявший охватить одновременно если не всех, кто стоял у власти, то наверняка подавляющее большинство их. Но нацисты этим не ограничились. Они предприняли дополнительные меры по дезинформации и маскировке. В день путча на первой странице «Фёлькишер беобахтер» было напечатано большое объявление о выступлении нацистского фюрера на собрании, которое должно было состояться в другой мюнхенской пивной, расположенной довольно далеко от зала «Бюргерброй». Это собрание выполняло служебную функцию и было призвано отвлечь ряд «нежелательных» лиц от места, где предстояло развернуться подлинным событиям.

Кар и остальные, кто собрался в пивной «Бюргерброй», фактически были захвачены врасплох: никаких особых мер по охране собрания, в котором участвовала вся баварская элита, принято не было, а высшие чины, ответственные за это, сами находились в зале и после начала путча были лишены возможности повлиять на ход событий. По всей видимости, Кар и его компания не ожидали от своих единомышленников нацистов такого «вероломства». Ведь внешне их единство было чуть ли не трогательным. На этом, кстати сказать, и играли фашистские главари, мобилизуя своих сторонников на выступление. Их заверяли, что НСДАП действует в полном согласии с «триумвиратом», который не склонен начинать первым выступление и предпочитает, чтобы это сделал «Боевой союз». Такова была версия, которую изложили командирам СА не только Мюнхена, но и некоторых других городов Баварии; их подразделения должны были после получения условной телеграммы спешно прибыть в Мюнхен.

Различные участники и свидетели «пивного путча» оставили воспоминания об этом дне, которые разнятся между собой в деталях в зависимости от того, на чьей стороне находился тот или иной мемуарист, и т.п. Так, например, незадачливый полицей-президент баварской столицы утверждал, будто штурмовики, прибывшие к зданию «Бюргерброй» на нескольких грузовых машинах, «приставили ручные пулеметы и карабины к груди полицейских» и только тогда смогли прорваться внутрь. Но это несколько не соответствует действительности. Зрелище вооруженных штурмовиков или членов союза «Оберланд» (да и любого иного) даже в стальных касках вместо обычных головных уборов было настолько привычно для полиции, что не вызвало у нее ни опасений, ни особого интереса. Известно, например, что в день путча ряд лиц, в том числе один шутцман, находившийся на дежурстве, предупреждал полицию о подозрительных, на их взгляд, передвижениях СА, но на это не обратили ровно никакого внимания. Более правдоподобная версия того, что произошло у здания «Бюргерброй» непосредственно перед началом путча, такова: Гитлер, которого достаточно хорошо знали все полицейские, дал им команду пропустить «его людей», и те заполнили помещение, находившееся в преддверии зала. У них имелся пулемет, и им орудовал не кто иной, как... полицейский комиссар Герум.

Охранник Гитлера У. Граф и Э. Ханфштенгль, находившийся здесь, рассказали, что фюрер потребовал пива. Кто его доставил, не столь важно, но перед тем, как отправиться в зал, Гитлер «сделал мощный глоток». К этому времени Кар уже говорил около получаса. Он яростно обрушивался на марксизм в обычном для фёлькише духе и призывал к установлению диктатуры. Первый раздел речи (позднее были напечатаны обе ее части — и произнесенная и произнесенная) был озаглавлен «Кто должен стать вождем?». Вдруг дверь широко распахнулась, в зал ворвались Геринг при всех орденах, Гесс, Розенберг и группа других нацистов с пулеметом (Гитлер потом утверждал, что пулемет был установлен лишь с целью морального давления). Фюрер шел с

пистолетом в руке, как и двое сопровождавших его лиц. Он вскочил на стул, и по его знаку один из сопровождавших выстрелил в потолок, чтобы прекратить начавшийся шум. В наступившей тишине Гитлер объявил, что «национальная революция началась», и сообщил, что здание оцеплено. Затем он попросил «триумвиров» выйти в соседнюю комнату для переговоров, что они, после некоторой заминки, сделали. В этих переговорах важнейшая роль, конечно, предназначалась Людендорфу, который, получив сообщение о начале путча, немедленно выехал на место действия.

В перерыве на трибуну вышел Геринг, убеждавший присутствующих, что «переворот» не направлен против баварских властей, а также армии и полиции, якобы уже перешедших на сторону восстания. После первоначальной суматохи официанты вновь начали подавать пиво, и Геринг в ответ на отдельные проявления недовольства воскликнул: «Успокойтесь, ведь вы обеспечены пивом». Но уйти из зала не разрешали никому; лишь один полицейский чин сумел выбраться из здания и сразу же позвонил дежурному по городу; но в разговор вмешался Фрик, находившийся в полицейском управлении, и не дал сообщению хода. Именно это и было целью его пребывания там.

Во время переговоров Гитлера и Людендорфа, с одной стороны, и Кара, Лоссова и Зайссера — с другой, в зале появились патрули из состава штурмовых отрядов и начались аресты в соответствии с заранее подготовленными списками, о которых упоминалось выше. Были взяты под стражу члены правительства, присутствовавшие на собрании, во главе с Книллингом (отметим, что не все баварские министры находились здесь), мюнхенский полицей-президент и другие лица. Руководил этой акцией Гесс, и аресты в зале «Бюргерброй» были, по всей вероятности, демонстрацией силы — как очень скоро оказалось, призрачной, — своеобразным методом воздействия на аудиторию, которая поначалу была настроена по отношению к путчистам отрицательно.

О том, что происходило в комнате, где уединились главные действующие лица этого вечера, имеются диаметрально противоположные рассказы. В своих оправдательных записках и на суде Кар и его коллеги утверждали, что Гитлер грозил им оружием; они передавали его слова: «Вы должны бороться вместе со мной, победить вместе со мной или погибнуть вместе со мной». При этом он добавлял, что в его пистолете есть как раз четыре патрона. «Триумвиры» упрекали фюрера за то, что он нарушил свое слово не предпринимать самостоятельных действий, не устраивать путча. Кар говорил, что следовало подождать еще всего 8 или 10 дней.

Но с прибытием Людендорфа — именно на это рассчитывали нацисты — характер разговора значительно изменился. Всерьез возражать «герою» войны ни военные (Лоссов и Зайссер), ни даже Кар (хотя он, как сторонник Виттельсбахов, относился к Людендорфу более сдержанно) не могли. Была ли это элементарная трусость или Людендорф действительно на какой-то момент «сагитировал» Кара и двух его сотрудников, но они вместе с путчистами вернулись в зал, где состоялась церемония «низвержения» имперского правительства и провозглашения новой власти во всей Германии. Все основные участники выступили с прочувствованными речами. Особенно красноречивым оказался Людендорф, заявивший, что «этот час означает поворотный пункт нашей германской истории, поворотный пункт мировой истории». Гитлер и Кар даже прослезились.

Настроение аудитории при виде этого трогательного единодушия резко поднялось, но больше всего ликовал фюрер: он был объявлен рейхсканцлером. Другие высшие посты «распределились» так: Людендорф — регент государства и главнокомандующий вооруженными силами, Лоссов — имперский военный министр, Зайссер — имперский министр полиции, Федер — имперский министр финансов. Другие «заняли» посты в масштабах Баварии: Кар — регента этой земли (впредь до восстановления Виттельсбахов на престоле, согласно им же выдвинутому условию), Пенер — министра-президента, Фрик — полицей-президента Мюнхена. Был отпечатан соответствующий плакат, который расклеивали в предутренние часы, когда положение уже резко изменилось ввиду отказа Кара, Лоссова и Зайссера от договоренности с путчистами.

Но активность последних не ограничивалась залом «Бюргерброй». Им удалось склонить на свою сторону пехотное училище (готовившее кадры для всего рейхсвера). Здесь «отличился» Россбах, сумевший изолировать командира, не одобрявшего действий заговорщиков, и вывести учащихся на улицы под знаменем со свастикой. Успеха добился и Рем. По его команде к отдаленному пивному залу, где он находился, подошел грузовик с оружием, добытым в одном из известных ему многочисленных тайников. Раздав винтовки и патроны присутствующим, Рем вместе с собравшимися направился к зданию военного округа, но оружие практически даже и не понадобилось, ибо он был здесь достаточно своим человеком. Так в руках путчистов оказалась важная позиция; но она была и единственной. Предпринятые подразделениями «Боевого союза»

попытки занять другие ключевые пункты баварской столицы не увенчались успехом. Фашисты рассчитывали овладеть ими без боя, но натолкнулись на отказ армейских частей или земельной полиции уступить свои позиции — те не получили соответствующих распоряжений. Наиболее важным для заговорщиков было здание генерального комиссариата. Людендорф приказал проникнуть туда во что бы то ни стало. Здесь сначала шли переговоры, затем Россбах, прибывший сюда, потребовал открыть огонь из орудия, но путчисты не решились, а затем, когда положение прояснилось окончательно, сняли осаду.

Пассивность, проявленная фашистами и в данном, и в ряде других случаев, тем более удивительна, что после начала путча в их руках сверх уже имевшегося оказалось большое количество оружия. Самый крупный склад его был... в монастыре Святой Анны. Вскоре после путча в печать попало письмо офицера-фашиста, описавшего, как была взломана стена полутораметровой толщины и вскрыт огромный тайник, где было спрятано оружие запрещенных в 1921 г. отрядов «гражданской самообороны». Здесь оказалось 8570 винтовок; чтобы увезти их, понадобилось 14 грузовиков. Пока происходила перегрузка, монахи-капуцины освещали путь факелами!

Но что фашистам удалось сделать — это реализовать свои давние угрозы в отношении социал-демократической газеты «Мюнхенер пост». Приказ об этом отдал Геринг. Редакция и типография были полностью разгромлены и разграблены. Все бумаги выбрасывали из окон и сжигали на костре: то был один из первых, если не первый вообще костер, на котором германские фашисты сжигали культурные ценности почти за 10 лет до апрельских костров 1933 г. Нацисты украли из редакции шесть пишущих машинок, множительные аппараты, кассу. Ущерб, нанесенный газете, был настолько велик, что она смогла вновь появиться лишь 27 ноября (в целом «Мюнхенер пост» не выходила больше месяца, ибо еще за две недели до путча была запрещена Каром). Грабежу подверглись также две типографии, где печатались деньги: оттуда было украдено 50 тыс. миллиардов марок. Входило ли это в число мероприятий, запланированных Федером в качестве «министра финансов», неизвестно, но мы знаем о другом его шаге: собираясь заморозить после путча все вклады в банки, он накануне пытался получить свой личный вклад! Сведения об этом проникли в печать, в ответ Федер утверждал, будто это «случайное совпадение», а «Фелькишер беобахтер» договорилась до того, что Федер не был осведомлен о готовящемся путче.

В ночь на 9 ноября и утром фашисты рыскали по городу, арестовывая десятки людей. В их руки попали члены муниципалитета — социал-демократы и евреи, но активные деятели рабочего движения сумели скрыться (фашисты вымещали на их женах и дочерях свою неудачу, мстили за отказ сообщить местопребывание их мужей или отцов). Было взято также много заложников, преимущественно евреев. Отношение к арестованным было издевательским, им то и дело угрожали смертью, что в связи с фашистской демонстрацией 9 ноября (см. ниже) приобрело весьма реальные очертания. Особенно изощренно Гесс измывался над министрами Швейером (немало помогавшим нацистам в прежние годы) и Вульхофером. Нацисты вывезли их за город в лес и демонстративно подыскивали деревья для повешения.

В случае действительной победы путча судьба многих арестованных (можно полагать, что министров в наименьшей степени) была бы незавидной. В ходе подготовки к перевороту Пенер и Фрик выработали проекты двух законов на этот счет. Первый из них гласил: «Для осуждения тех преступников, которые угрожают существованию народа и государства, создается национальный трибунал на правах имперского суда. Приговоры этого трибунала могут гласить лишь «виновен» или «невиновен»; первое означает смерть, второе — оправдание. Приговоры приводятся в исполнение спустя три часа после их вынесения. Обжалование не допускается». Второй закон должен был иметь более специальное назначение: «Руководящие негодяи, связанные с предательством 9 ноября 1918 г., объявляются с сегодняшнего дня вне закона. Каждый немец, который в состоянии обнаружить Эберта, Шейдемана, О. Кона, П. Леви, Т. Вольфа, Г. Бернхарда и их пособников, обязан доставить их живыми или мертвыми в руки национального правительства фелькише».

После провозглашения «национальной революции» пивная «Бюргерброй» в значительной мере опустела. Там оставалось лишь некоторое количество вооруженных путчистов, сюда же доставляли новых заложников. Бдительность начисто изменила нацистским главарям, и они отпустили Кара, Лоссова и Зайссера, которые отговорились неотложными делами. Пенер ушел спать, посчитав, что беспокоиться уже не о чем. Гитлер также покинул «Бюргерброй», отправившись инспектировать «свои» войска. Оказавшись вне прямого влияния путчистов, «триумвиры» сразу или почти сразу пришли к выводу о нежелательности дальнейшего развития акции, начатой фашистами,

необходимости положить ей конец и тем самым доказать свою непричастность к ней. Лоссов отправился не в помещение военного округа, захваченное путчистами, а в городскую комендатуру, надежно охранявшуюся преданными ему войсками; сюда прибыл также Кар, здесь находился и ряд генералов — противников путча. С этого момента отсюда исходили распоряжения, разъяснявшие гражданским учреждениям и военным подразделениям, что Кар, Лоссов и Зайссер-де не имеют никакого отношения к путчу и лишь под угрозой смерти поставили свои имена под воззванием, выпущенным заговорщиками. За подписью Кара была опубликована новая прокламация, объявлявшая воззвание о «государственном перевороте» недействительным. Вслед за этим Кар распустил на территории Баварии НСДАП и союз «Оберланд», а одновременно с этим также Коммунистическую партию!

В Берлин поступали лишь отрывочные и противоречивые сведения о событиях в Мюнхене. Сообщение о начале путча и участии в нем официальных баварских властей — как нельзя более правдоподобное после того, что происходило в течение ряда предшествующих недель, — вызвало явный переполох. Военный министр Гесслер отмечает, что имперские власти осознавали неизбежность серьезных боев. По словам Штреземана, органы печати реакционной Национальной партии не прекращали работы всю ночь, чтобы иметь возможность первыми сообщить о победе фашистов в Мюнхене и начале похода на Берлин. Можно полагать, что в эти часы Эберт, Гесслер, Штреземан и другие лица, стоявшие у власти в Берлине, пожалели, что позволили фашистской опасности разрастись до таких размеров, а баварским правителям — поколебать основы, определявшие отношения между имперским и земельными правительствами. Но период острой тревоги был сравнительно недолгим: сначала офицер, командовавший воинской частью, дислоцировавшейся в Байрейте, сумел через Дрезден установить связь со столицей и доложить Секту, что находящиеся в северной части Баварии войска не поддержали путчистов. Прошло еще некоторое время, и через Штутгарт Сект узнал, что и мюнхенские части рейхсвера верны правительству.

Нацистские лидеры осознали это ненамного раньше, чем соответствующие известия достигли Берлина. Им, которые строили всю свою политику на обмане — обмане своих сторонников, союзников, попутчиков, очень не хотелось признать себя одураченными. Все основные позиции в Мюнхене оставались в руках правительства, его военные силы значительно превосходили силы путчистов. Еще в течение ночи был арестован Фрик — эмиссар фашистов в полицейском аппарате; та же участь постигла спокойно предававшегося сну Пенера, так и не успевшего приступить к исполнению своих высоких обязанностей «министра-президента» Баварии. Понемногу становилось ясно, что не только «измена» «триумвиров», но и собственные неорганизованность и бездействие привели столь долго подготавливавшееся выступление к провалу. В свой безусловный актив путчисты могли записать только разгром органа СДПГ и взятых заложников.

Кар утверждает, что утром 9 ноября к Людендорфу был направлен посланец в чине полковника, после чего у путчистов уже не могло остаться никаких сомнений насчет истинного положения вещей. И тогда встал вопрос: что же дальше? Надежды на подкрепления из других городов Баварии оправдались лишь частично, ибо неопределенность положения подчас побуждала власти этих городов и военное командование препятствовать выезду нацистов в Мюнхен (конечно, бывало и по-иному: полиция из Ландсхута прибыла вместе со штурмовиками, будучи уверенной, что они отстаивают общее дело). В этой обстановке и возник план «демонстрации» по улицам Мюнхена, план, авторство которого приписывается Людендорфу. Это вполне правдоподобно, ибо неудавшийся полководец был склонен к авантюрам, но имеются документы, доказывающие, что замысел «вооруженной демонстрации» был предложен другим лицом — Штрейхером. Это был деятель, отличавшийся особой активностью, которая очень импонировала Гитлеру; за сравнительно короткое время с того момента, когда Штрейхер примкнул к НСДАП, фюрер сильно приблизил его к себе и расхваливал при первой же возможности. Штрейхеру Гитлер поручил подготовку марша. Это мероприятие, с одной стороны, было призвано мобилизовать мюнхенское мещанство, симпатизировавшее нацистам, и тем самым воздействовать на «триумвиров», продемонстрировав, за кем идет «население». Но, по-видимому, была и другая, связанная с первой, цель, и она определялась тем, что участники «похода по Мюнхену» были изрядно вооружены.

Во время судебного процесса по делу о мюнхенском путче и в последующие годы фашисты всячески тщились доказать, что их демонстрация 9 ноября была исключительно мирной и ни у кого из ее участников и помыслов не было об оружии. Но уже во времена фашистской диктатуры

нацистские мемуаристы не скрывали, что дело обстояло наоборот, а в наши дни это подтверждается документально. Следовательно, руководители демонстрации не исключали варианта, при котором фашистская колонна, поддерживаемая многотысячной толпой, а может быть также частью войск и полиции, с которыми имелись и «деловые» (военное обучение), и личные связи, попыталась бы силой «компенсировать» провал прошлой ночи и вырвать у Кара утраченную инициативу.

Колонна, сформировавшаяся у зала «Бюргерброй», — по разным оценкам от 2 до 3 тыс. человек — направлялась к зданию военного округа, где засел Рем, категорически отказывавшийся сдаться. Путь пролегал по центральным улицам Мюнхена, по мостам, переброшенным через р. Изар. Перед отправлением было решено взять заложников с собой; Геринг заявил, что у него есть указание Людендорфа за каждого убитого нациста немедленно убивать одного из заложников. Как видим (по примеру Советской России), идея заложничества уже тогда была взята фашистами на вооружение, впоследствии же лишь изменилась преступная «норма», которой соизмерялась своя и чужая жизни. В данном случае, однако, нацистские лидеры сообразили, что в создавшемся положении лучше заложников с собой не брать. Колонна растянулась на значительное расстояние. Впереди двигался грузовик, с которого смотрели дула пулеметов, за ним — группа знаменосцев, в некотором отдалении от них шагали штурмовики и члены других отрядов, входивших в «Боевой союз», вооруженные карабинами с примкнутыми штыками. У шеренги, шедшей непосредственно перед фашистскими главарями — Людендорфом, Гитлером, Шойбнер-Рихтером, Крибелем, Вебером и другими, — в руках были пистолеты. Такой же пистолет, согласно показаниям одного из участников путча, был и в руке у фюрера.

Первый инцидент произошел на мосту Людвигсбрюке. Здесь нацистам противостояла та самая полицейская часть, которая прибыла накануне из Ландсхута и собиралась сражаться на одной с ними стороне баррикады. «Демонстранты» не просто смяли и оттеснили полицейских, но издевались над ними — оплевывали, били, если те не хотели отдавать оружие, угрожали «поставить всех к стенке» и т.п. Колонна двинулась дальше, но прибывшее полицейское подкрепление сумело задержать находившиеся в хвосте грузовики, нагруженные оружием и боеприпасами.

Цепочки полицейских заграждений отбрасывались и после того, как колонна миновала мост. По-видимому, это воодушевило главарей и они свернули в правительственный квартал. В том, что он охраняется более крупными силами, сомнений быть не могло; следовательно, Людендорф и другие сознательно вели дело к столкновению. Нацисты впоследствии беззастенчиво лгали, что якобы у них существовал строжайший приказ не заряжать оружие; на деле, как видно из многочисленных показаний, о таком приказе никто не знал, и у многих оружие было заряжено. В этом и заключалась причина происшедшего столкновения в центре Мюнхена, на площади, где расположено здание Фельдхернхалле. Здесь находилось очередное заграждение, и его командир приказал «демонстрантам» остановиться. Они не подчинились, полагая, видимо, что полицейские не станут стрелять в «своих», тем более, когда в их рядах шагает «сам» Людендорф. Это был не пустой расчет, но фашисты же и свели его на нет: они открыли стрельбу первыми.

По утверждению Кара, выстрелы раздались из здания баварского авiakлуба; они предназначались командиру полицейской части барону Годину, но вместо него был убит стоявший рядом вахмистр. Помимо того, Годину сообщили, что по другую сторону колонны расположилась группа штурмовиков и у них в руках винтовки с примкнутыми штыками и револьверы. Таким образом, готовилась провокация; с этой стороны также последовала стрельба по полицейским. Тогда Годин скомандовал дать залп по колонне; в течение короткого времени шла ожесточенная стрельба с обеих сторон, затем все стихло, и фашисты разбежались, оставив на площади убитых и раненых. Шеренга нацистских главарей после первого же выстрела оказалась на земле, включая «героя» войны Людендорфа (он яростно отрицал это, а Кар столь же упорно доказывал) и Гитлера, которого якобы увлек на землю шедший рядом и убитый наповал Шойбнер-Рихтер, причем фюрер в момент падения повредил себе плечо. Был убит еще ряд фашистов, серьезное ранение получил Геринг. Гитлер, забыв о травме, поспешно добрался до автомашины, находившейся поблизости, и на максимальной скорости выехал из Мюнхена на виллу своего приятеля Ханфштенгля. Гитлер был в панике, и врач, вправлявший ему плечо, посоветовал забрать у него пистолет во избежание самоубийства. Как мы увидим, такого рода нервные срывы происходили у Гитлера также в последующем, и он, как было в 1923 г., грозился покончить самоубийством, как только события приобретали неблагоприятный для нацистской партии (а следовательно, и для него лично) оборот. В таких случаях необходимо было максимально мобилизоваться, чтобы продемонстрировать соратникам уверенность в последующем

успехе; Гитлер же сеял среди них панику, твердя о том, что намерен прибегнуть к самоубийству.

Позорным было поведение мюнхенских фашистов, которые бежали после первого же залпа полицейского отряда, уступавшего им и в численности. «Гитлеровцы, — говорилось в статье под заголовком «Гамбург и Мюнхен», опубликованной в «Хронике фашизма», — сильны лишь до тех пор, пока они не сталкиваются с отпором и пользуются терпимостью правительства. С того момента, когда необходимо сопроводить слова делами, когда начинается борьба не на жизнь, а на смерть, смелость их оставляет». Так говорили все честные наблюдатели событий, принадлежавшие к разным другим партиям.

Аресты нацистских преступников производились без спешки и непоследовательно. Людендорфа сразу же отпустили «под честное слово», которое он немедленно нарушил, продолжая, как свидетельствуют документы, собирать вокруг себя оставшихся в Мюнхене деятелей фашистского движения. Гитлер был арестован 11 ноября. Когда прибыл полицейский наряд, он сказал жене Ханфштенгля: «Это конец». Фюрер был уверен, что его ожидает расстрел. Геринг бежал в Австрию, был там сразу же арестован и выдан баварским властям. Оказавшись в госпитале, он сумел при прямой помощи баварской полиции бежать вновь и переправиться через австрийскую границу. Там же нашли прибежище многие другие активные участники мюнхенского путча. Но они, как правило, оставались в Австрии недолго и возвращались назад, где большинство так и не подверглось преследованию. Что касается Россбаха, то он даже не собирался далеко бежать, а только покинул Мюнхен, перебравшись в Розенгейм. Но тут его посетил посланец Лоссова капитан Шернер (будущий фашистский фельдмаршал) и посоветовал все же скрыться.

В 1924 г. Дрекслер в письме Франку жаловался на Гитлера, которого он принял в основанную им, Дрекслером, партию, пропагандировал его, где мог, а тот в ответ «интриговал против меня, нарушил все данные им обещания, вытеснил меня отовсюду, а теперь навсегда разрушил партию своим сумасшедшим путчем». Сам фюрер вначале точно так же смотрел на перспективы фашистского движения. Но позднее он говорил уже иное: им повезло, что путч провалился, ибо сотрудничать с Людендорфом было абсолютно невозможно. Взятие власти нацистской партией не было в достаточной степени подготовлено; жертвы же, понесенные тогда, оказались, как цинично разъяснял Гитлер, полезными, создав движению славу «героев».

В оценке путча, сделанной баварскими властями, содержится немало здравых суждений, высказанных, к сожалению, слишком поздно. Так, администрация Верхней Баварии уже 10 ноября констатировала: «Следует решительно подчеркнуть невозможность из простого пивного зала объявить низложенным имперское правительство. Это говорит об ужасающем незнании политической позиции широких масс Северной Германии». Аналогичные мысли высказывала администрация Швабии и Нейбурга: «Имперская диктатура, исходящая из Мюнхена, уже ввиду своего происхождения не найдет отклика в Северной Германии». Далее в этом документе давалась довольно резкая оценка деятельности нацистов и отмечалось, что правительство Баварии не предпринимало ничего, чтобы положить ей конец. «НСДАП носит неправильное название. Она не является рабочей партией, ибо рабочие очень слабо представлены в ней и ни в коей мере не играют определяющей роли. Но НСДАП не является и социалистической партией. Конечно, в ее программе есть социалистические лозунги, но они рассчитаны лишь на уловление рабочих». Указывалось также, что и национализм НСДАП требует дополнительного анализа. Характерно одно письмо, направленное в штаб-квартиру НСДАП из Вюртемберга: «В новом руководстве нет ни одного представителя рабочих. Пришло время спросить себя, чем мы являемся в действительности — партией рабочих или предпринимателей?» Одновременно автор письма отмечал «грызню, интриги, разлад, авантюристические личности с подозрительным прошлым» на руководящих постах.

Даже министр иностранных дел Баварии в меморандуме, датированном 15 ноября, достаточно резко высказался. Он предвидел также, как может пойти разбирательство судебного дела о путче. «Инстанции, имеющие касательство к судебному преследованию, — писал министр, — должны освободиться от полностью неверного представления, будто речь идет о национально мыслящих людях... Установка на оправдательный приговор, всеобщую амнистию или только условное осуждение была бы равнозначна официальному признанию за «Боевым союзом» свободы устраивать путчи». Далее в меморандуме подчеркивалось, что «Боевой союз» располагал и располагает колоссальными суммами, и в этой связи говорилось: «Каких средств стоят формирование, организация и оплата столь крупной боевой силы, известно. Огромные суммы поглощают «Фелькишер беобахтер» со своим аппаратом, плакаты, листовки, функционеры партии, ее служащие,

автомашины, пропагандистские поездки, Германские дни и т.п. ... Подобные суммы ни в коем случае не могут складываться ни из членских взносов, ни из любого числа мелких пожертвований. Здесь действуют поступления от немногочисленных крупных кредиторов». Названы имена Форда, Куло, владельцев химических предприятий в Хехсте (позднее — одна из главных составных частей концерна-гиганта «ИГ Фарбениндустри»).

Мы располагаем многочисленными донесениями, направлявшимися в Мюнхен в дни непосредственно вслед за путчем 8–9 ноября и в последующие недели. Они свидетельствуют, что в провинции поражение мюнхенского путча вызвало у большинства населения нескрываемое удовлетворение. Есть отдельные данные об активности коммунистов, хотя репрессии провинциальных властей до путча и, что особенно характерно, во время и после него были обращены прежде всего против КПГ. Так, в донесении из Фрейзинга утверждается, будто «опасность существовала здесь не со стороны правых партий, а со стороны коммунистов». На Среднем Изаре 9 ноября ожидался... путч, якобы готовившийся левыми, и поэтому была призвана «вспомогательная полиция». В Розенгейме городские власти первым делом арестовали наиболее видных представителей рабочего движения — профсоюзных деятелей, активных членов производственных советов. И все же известно, например, что в Нюрнберге антифашисты расклеивали призывы к всеобщей забастовке против фашистского путча. В Аугсбурге рабочие вышли 12 ноября на демонстрацию. Характерный для существовавшей в Баварии обстановки инцидент произошел в Партенкирхене. Здесь двое рабочих 9 ноября, пользуясь шаблоном, писали на стенах лозунг «Долой Гитлера!»; на них напали молодчики из «вспомогательной полиции» — по существу те же нацисты — и избили их, выместив всю свою ярость, вызванную провалом путча.

В то же время разоружение путчистов осуществлялось часто формально. Формальным был запрет НСДАП. Еще в начале декабря демократическая печать сообщала, что нацисты ходят по Нюрнбергу колоннами, одетые в форму штурмовых отрядов, во главе со Штрейхером, который и в это время находился на свободе. Местные власти, полиция, воинские начальники — все были связаны с фашистами личными отношениями, общим мировоззрением, бесконечной ненавистью ко всему, что они считали «левым». Выше цитировался документ, в котором шла речь о НСДАП как обладательнице крупных средств. По некоторым данным, при роспуске нацистская партия имела на своем счету 170 тыс. золотых марок. Но еще 26 ноября полицейский-президент Мюнхена в своем донесении Кару утверждал, что в штаб-квартире НСДАП часть сейфов, письменных столов и другого имущества через две с половиной недели, прошедшие после путча, еще не была отперта якобы из-за отсутствия ключей к ним.

Небезынтересна реакция вюртембергских властей на мюнхенский путч. Хотя после получения известия о нем руководящие нацисты были временно взяты здесь под стражу, а помещения партии заняты полицией, запрета НСДАП в Вюртемберге не последовало. На заседании местного правительства возобладало мнение, что деятельность партии не обращена против конституции. Зато в тюрьмы было брошено много антифашистов, «виновных» в том, что они готовились к отпору нацистскому перевороту, который был здесь почти так же реален, как в самой Баварии. Таков был курс деятеля партии Центра Э. Больца, занимавшего пост министра внутренних дел (позднее он возглавил правительство Вюртемберга). Можно лишь добавить, что в годы фашистской диктатуры Больц был казнен за участие в заговоре против режима.

В отношениях Баварии с Берлином после путча началось постепенное сглаживание конфликта. У имперских властей такое желание существовало всегда, что же касается баварского правительства, то события 8–9 ноября нанесли его амбициям весьма ощутимый удар. На заседаниях правительства Кар подвергался открытой критике, и хотя он еще бодро держался, дни его пребывания на посту генерального комиссара (да и существования самого поста) были уже сочтены. Еще более предопределен был уход генерала Лоссова, не менее Кара скомпрометированного происшедшим. Это было особенно непреложно ввиду того, что в связи с мюнхенским путчем вся власть в Германии перешла в руки генерала Секта. Лоссов был уволен в отставку без права ношения мундира, то есть с позором.

В самом Берлине также произошли изменения на правительственном уровне: Штресман вынужден был уступить пост рейхсканцлера лидеру католической партии Центра В. Марксу, оставшись министром иностранных дел. 23 ноября Сект распустил и НСДАП, и КПГ.

Помимо ущемления национальных чувств и других тягот Версальского договора, мотивацией активности нацистов осенью 1923 г. являлась очевидная подготовка германскими коммунистами

захвата власти. Подобным замыслам способствовали невиданная инфляция, когда деньги обесценивались после получения зарплаты, если они не расходовались в течение часа-двух. Коммунисты проводили интенсивную военную подготовку, главную роль в ней играли советские военные специалисты. СССР обеспечивал и вооружение, но в целях конспирации оно доставлялось не из СССР, а из Чехословакии, где находились известные военные предприятия Шкода и др.

Советские руководители видели в Германии то слабое звено капиталистической системы, с которого следовало начать мировую революцию, застопорившуюся после Октября 1917 г., а к этому моменту, по мнению руководителей СССР, уже назревшую. При этом они не очень и стеснялись. В Москве действовала специальная комиссия, в которую вошли видные деятели РКП(б) и Советского правительства; особенно пикантно было то, что членом этой комиссии являлся и тогдашний полпред СССР в Германии Крестинский. Кроме него в Германии находились и различные другие политические и военные деятели СССР, инструктировавшие немецких коммунистов. Военную сторону подготовки захвата власти возглавлял А.С.Бубнов, активный участник Гражданской войны (а в последующем — нарком просвещения РСФСР).

В политической сфере эмиссары Кремля также действовали активно. В обстановке острой классовой борьбы, которая сложилась в Германии в 1923 г., улучшились отношения между коммунистами и социал-демократами, и у советских лидеров сложилось представление, что массы поддержат коммунистов, если те попытаются захватить власть. В двух землях (провинциях) Германии осенью 1923 г. были созданы т.н. рабочие правительства (из левых социалистов и коммунистов), деятельность которых должна была послужить этапом в переходе власти в руки последних. Это были Саксония и Тюрингия — последняя находилась рядом с Баварией, Саксония же представляла собой одну из промышленно развитых областей Германии. Подобный ход событий лишь усиливал стремление нацистов совершить путч.

Но из намерения коммунистов развернуть мировую революцию, как известно, ничего не вышло. Когда экономический и политический кризис, вызванный оккупацией Рура, достиг высшей точки, к власти пришло новое правительство во главе с Г. Штреземаном. Политическая обстановка изменилась и шансы на успех замыслов коммунистов серьезно ухудшились из-за возросшего влияния социал-демократических лидеров — те являлись непримиримыми противниками революции по-советски. В Москве поняли это, и все мероприятия, предпринятые с военной целью, пришлось отменить. Лишь в Гамбурге Тельман поднял восстание, судьба которого в условиях полной изоляции была предрешена. До наших дней не выяснены причины того, что Тельман начал вооруженное выступление, хотя во все земли были направлены курьеры с сообщением об отмене операции. Объяснение Тельмана, что курьер прибыл в Гамбург с опозданием, не выдерживает критики — ведь существовала также телефонная и телеграфная связь.

В Германии на некоторое время (оно оказалось недолгим) воцарилась военная диктатура. Она не была, однако, равнозначна господству фашизма.

Глава 3.

Фашизм и антифашизм в годы стабилизации в Германии

Попытки вывести фашистских преступников из-под удара начались едва ли не на второй день после путча. Доброжелателей было много не только в самой Баварии, но и за ее пределами. По сведениям В. Хегнера, участвовавшего в работе комиссии баварского ландтага, расследовавшей это дело в 1927 г., баварский кронпринц Рупрехт передал Гитлеру, что если тот извинится перед Каром, то нет надобности и судить его. Среди писем, авторы которых высказывались против суда над столь «национально мыслящими» людьми, было и послание, направленное в Мюнхен группой северогерманских промышленников.

Но не проводить процесс вообще было слишком даже для условий, существовавших в Германии. А судить преступников, сделавших попытку государственного переворота, следовало в имперском суде, местопребывание которого, как уже отмечалось, было в Лейпциге. Левобуржуазная газета «Берлинер тагеблат» 16 ноября писала: «Преступники должны предстать перед имперским судом, который, согласно закону о защите республики, только и компетентен в такого рода делах... Насчет этого в соответствующих имперских инстанциях нет никакого сомнения. Здесь ничего не сделает и тот ловкий баварский юрист, который сегодня по поручению своего правительства будет пытаться доказать берлинским органам компетентность баварского народного суда».

Уверенность эта была, увы, преждевременна. Предстоящий процесс весьма беспокоил баварских правителей, которые вправе были ожидать в ходе суда крайне нежелательных разоблачений; кроме того, они опасались, что в случае передачи дела в имперский суд, как сказал Книллинг имперскому представителю в Мюнхене, они будут «разорваны на куски». А после того как 19 ноября имперское правительство все же высказалось за такое решение вопроса, Книллинг заявил, что выдача Гитлера и компании исключается. Но ведь и в Берлине мало кто из представителей правящих кругов был заинтересован в огласке всего, что сопровождало конфликт Берлина с Баварией. И они в конечном счете отказались от проведения судебного процесса в Лейпциге, тем более что это облегчило соглашение, которого искали обе стороны.

Но в случае использования — безусловно незаконного — так называемого народного суда в Мюнхене приходилось торопиться с следствием и с самим процессом, ибо время существования этого суда было ограничено 31 марта 1924 г. Этому мешало поведение одного из главных обвиняемых — Гитлера, который в начале следствия отказывался от показаний; он продолжал подумывать о самоубийстве. Потом он все же нарушил обет молчания, сопровождая свои показания частыми истерическими припадками. От не на шутку перетрусившего фюрера исходили те фантастические «сведения», которые жена Геринга Карин 2 января 1924 г. передавала своей сестре: «В коридоре у его камеры стоят два пулемета, 12 человек стражи, [перед тюрьмой] броневики, орудия и т.п.». Входе следствия мюнхенский антрополог проф. Грубер дал следующее определение о фюрере: «Лицо и голова неполноценны в расовом отношении. Низкий, скошенный лоб, широкие скулы, маленькие глаза. Маленькая щеточка усов придает лицу особенно вызывающее выражение. Он выглядит как человек, возбужденный до сумасшествия; лицевые мускулы постоянно сокращаются». Этот вывод ученого о субъекте, возмнившем себя величайшим из великих, в последующие годы нередко фигурировал в антифашистской литературе.

Подбор присяжных не представлял особых трудностей: в Мюнхене было сколько угодно «простых людей» — единомышленников Людендорфа и Гитлера. Из круга лиц, которые по роду занятий являлись торговцами, агентами по страхованию и т.п., и подобрали определенное число людей, среди которых не было ни одного противника фашизма. Такова же была и публика, заполнявшая зал суда и откровенно симпатизировавшая подсудимым. Наибольшей популярностью среди них пользовался Людендорф, подъезжавший к зданию суда в роскошной автомашине; здесь караул отдавал ему честь, а при входе его в зал все присутствовавшие вставали. Лишь после этого обычно начиналось заседание суда.

Процесс открылся 26 февраля 1924 г. Кроме Людендорфа и Гитлера на скамье подсудимых сидели Рем, Крибель, Пенер, Фрик, Вебер, а также командир мюнхенских штурмовиков Брюкнер, офицеры Вагнер и Пернет (зять Людендорфа). Ряд заседаний проходил в закрытом порядке, ибо власти всячески противились разглашению подробностей сговора между армией, полицией и путчистами, имевшего место до мюнхенских событий 8–9 ноября 1923 г. Есть сведения, что подсудимым было обещано смягчение приговора, если они в ходе судебного процесса не будут касаться своих отношений с бывшим кронпринцем Баварии Руппрехтом и кардиналом Фаульхабером. Вместо последних им «отдали на съедение» Кара, Лоссова и Зайссера. И путчисты использовали это с большой выгодой для себя, ибо доказать сообщничество с «триумвиров» не представляло никакого труда; последние же не только находились на свободе, но и продолжали быть важными персонами.

«В каждом нормальном государстве акт вооруженной государственной измены, — пишет западногерманский исследователь фашизма Э. Нольте, имея в виду мюнхенский путч, — навсегда исключает главных его участников из общественной, а тем более из политической жизни». Но в Германии дело обстояло наоборот: усилиями главных действующих лиц судилища (в первую очередь председателя суда — наделе единомышленника подсудимых — Нейдхарта) процесс способствовал широкой популяризации фашистских главарей за пределами Баварии. Суд разрешал им выступать так долго, как им заблагорассудится (так, первое выступление Гитлера длилось четыре часа), причем речи на следующее утро попадали в печать, а затем молниеносно публиковались отдельными изданиями, притом большими тиражами. Подсудимые и их защитники, состязавшиеся с ними в наглости, беспрепятственно поносили существовавший в Германии режим и высших его носителей.

«Судебное заседание? — спрашивал демократически настроенный журналист, присутствовавший на процессе. — Нет, скорее семинар по вопросу о государственной измене». Другой журналист, находившийся в зале, писал о процессе так: «Суд, снова и снова позволяющий

«господам обвиняемым» держать многочасовые пропагандистские речи; член суда, который после первой речи Гитлера (я слышал это собственными ушами!) воскликнул: «Он же первоклассный парень, этот Гитлер!»; председатель, терпящий, что... имперское правительство характеризуют, как «банду преступников»; прокурор, который во время перерыва доверительно хлопает одного из обвиняемых по плечу: «Ну что, мой дорогой Пенер»».

Председатель суда, считавший путч «национальным деянием», не остановился перед фальсификацией протокола процесса, чтобы «выгородить» Людендорфа. Защитники нагло угрожали даже... официальным обвинителям, в том числе прокурору. Еще более неприкрытыми были угрозы по адресу свидетелей обвинения. Слушание дела приняло столь скандальный характер, что им в начале марта пришлось заняться баварскому правительству. На заседании министр внутренних дел Швейер заявил, что имеются сильнейшие сомнения в отношении того, как ведется процесс; известно, что Нейдхарт еще до начала суда говорил: Людендорф — это наибольшая ценность, которой располагает Германия, он будет оправдан. Другой министр констатировал, что суд еще ничем не продемонстрировал противоположность своей точки зрения позиции подсудимых. Однако обсуждение вопроса кончилось ничем: министр юстиции Гюртнер, который уже однажды вывел нацистов из-под удара — это было после 1 мая, — помешал принятию каких-либо мер, мотивируя «невозможностью» вмешательства в дела суда. Гитлер не забыл о заслугах Гюртнера перед нацистской партией, и тот был включен в качестве министра юстиции Германии в правительство, созданное Гитлером 30 января 1933 г. Гюртнер занимал этот пост в течение длительного времени, и он несет значительную ответственность за ту деформацию, которую претерпела юстиция в Третьем рейхе.

В своей обвинительной речи прокурор утверждал, что путчисты преследовали-де «высокую цель», лишь использованные ими средства были преступны. Он напоминал, что Гитлер происходит «из простой семьи» и «во время мировой войны... доказал немецкий образ мыслей». Подсудимые в своих последних словах заявляли, что если даже будут осуждены, то в дальнейшем поступят точно так же. Гитлер, не прерываемый председателем, вновь витийствовал в течение нескольких часов на самые разнообразные темы, часто не имевшие никакого отношения к предмету судебного разбирательства: он излагал свои взгляды на государство и его роль, свое представление о внешней политике Германии по отношению к Англии и Франции, угрожал судом тем, кто в данный момент вершит суд над ним, стучал по столу и т.п. В этот момент он уже мало сомневался в мягкости приговора. Во время процесса Карин Геринг писала своей матери: «Гитлер абсолютно уверен, что он будет приговорен к какому-либо наказанию, а затем здесь же последует амнистия». Но было нечто, весьма беспокоившее его: как иностранцу, тем более уже осужденному ранее за преступление политического характера и освобожденному условно, ему реально угрожала высылка из Германии; в этом случае не обязательно было согласие Австрии. Поэтому он обратился к суду с настоятельной просьбой не применять к нему соответствующую статью закона о защите республики.

Хотя приговор Гитлеру и другим основным главарям заговора гласил: пять лет заключения, — на деле они должны были отсидеть лишь полгода, после чего имели право на досрочное освобождение. От высылки Гитлера суд решил воздержаться. Вот как фашисты оценивали это впоследствии: «Удалось избежать худшего: высылки фюрера!» Людендорф был оправдан, хотя он не мог скрыть своей причастности к заговору, и в обвинительном заключении содержались весьма веские доказательства этого. Там говорилось, в частности, что Людендорф был полностью осведомлен о подготовке путча и в качестве командующего будущей национальной армии «отдавал распоряжения насчет частей пограничной охраны, инкорпорирования [военизированных] формирований в регулярные воинские подразделения, размещения войск, обеспечения их помещениями и т.п.». Остальные обвиняемые были приговорены к небольшим срокам заключения, трое из них здесь же освобождены из-под стражи. В годы фашистской диктатуры нацисты цинично признавали: ввиду того, что избежать суда вообще было нельзя, такой приговор был равносильен оправданию. Какая колоссальная разница с судебными расправами, которым сплошь да рядом подвергались в тогдашней Германии антифашисты.

Трудно, конечно, предугадать, чем кончился бы этот процесс, если бы он проходил в имперском суде, но о том, что приговор был бы не намного более суровым, свидетельствуют слова верховного прокурора Обермайера: «Нет доказательств, что вообще следует рассматривать поход Гитлера на Берлин как нечто серьезное».

Судебный процесс над участниками мюнхенского путча был запоздалым аккордом событий

1923 г. в Германии, завершивших собой определенный этап в экономическом и политическом развитии страны. Уже в конце этого года экономическое положение стало улучшаться, начала постепенно уменьшаться инфляция; господствующий класс сумел укрепить свое положение, чему способствовали перегруппировка сил в лагере Антанты и принятие «плана Дауэса». В условиях стабилизации капитализма правящие круги стремились вернуться к буржуазно-демократическим методам правления и не испытывали нужды в помощи со стороны фашистов. Разнузданная пропаганда и эксцессы, которыми сопровождалась деятельность последних, даже в какой-то мере стесняли тогдашних правителей страны, чем и объясняются репрессии по отношению к фашистским организациям; но эти действия отличались непоследовательностью, половинчатостью, содержали всевозможные лазейки, ибо не ставили целью искоренение фашизма, а имели в виду лишь «цивилизовать» его, побудить отказаться от нежелательных «крайностей».

Провал «пивного путча» нанес фашистскому движению сокрушительный удар, и подавить его в то время не составило бы никакого труда. Местные фашистские организации находились в состоянии разброда, некоторые главари оказались в заключении, другие были в бегах. Но, как уже отмечалось, формальный запрет их деятельности, обусловленный введением осадного положения, проводился неэффективно и не мешал фашистам собирать силы в ожидании легализации. И действительно, сразу же после отмены осадного положения в конце февраля 1924 г. прусский министр внутренних дел социал-демократ Зеверинг разрешил деятельность уже известной нам «Партии свободы» — организации, выполнявшей в Северной Германии те же функции, что и гитлеровская партия, о чем между ними было достигнуто специальное соглашение.

В Баварии ход и результаты судебного процесса над участниками «пивного путча» оказались особенно на руку фашистам, стремившимся возобновить свою деятельность. Нацисты, бежавшие в Австрию в первые часы после своего поражения 9 ноября, обосновались в непосредственной близости от баварской границы; там находились Геринг, Эссер и др. Между Мюнхеном и Инсбруком поддерживалась постоянная связь через курьеров, шел обмен информацией, осуществлялось снабжение листовками и газетами. Одним из таких курьеров был Маршал фон Биберштейн, сын бывшего министра иностранных дел кайзеровской Германии, один из первых представителей знати, примкнувших к фашистскому движению. Бывшие путчисты не придерживались особой конспирации: они собирались в двух шагах от мюнхенского полицейско-президиума, а от резиденции Кара их отделяли только собор и два жилых блока. Все важные бумаги, в которых содержались подробности подготовки к путчу, НСДАП удалось утаить.

Но если между организациями фашистского толка и ранее не было единства, то в сложившихся условиях, когда приходилось преодолевать определенные трудности, распри и взаимная борьба разгорелись с невиданной до того силой. Образовалось несколько центров притяжения, с остервенением оспаривавших друг у друга руководящую роль и наперебой доказывавших, что именно данная группа наиболее привержена «идеалам» фашизма.

Руководство подпольной работой нацистов находилось первое время в руках Розенберга, который получил соответствующее письменное поручение от Гитлера (в данном случае тот мог не бояться конкуренции). Он организовал так называемое «Великогерманское народное сообщество», для отвода глаз возглавлявшееся подставными лицами; на этом основании мюнхенская полиция решила, что новая организация якобы не является заменой нацистской партии. Весной 1924 г. появились двое других приспешников Гитлера — Штрейхер и Эссер, оттеснившие Розенберга на второй план. Но объединить под своим руководством всех сторонников фашизма в Баварии им не удалось; методы и неразборчивость Штрейхера и Эссера в средствах даже многим фашистам казались чрезмерными. Последние основали «Блок фёлькише», которым руководил патриарх нацистской партии Дрекслер. Эта группа вошла в состав «Партии свободы», штаб-квартира которой находилась в Берлине.

Во главе этой организации стояли генерал Людендорф, фон Грэфе и Г. Штрассер, перебравшийся после путча и недолгого заключения из Баварии на север страны. Руководители «Партии свободы» сразу же высказались за участие в предстоявших весной парламентских выборах. Данный вопрос, однако, оказался камнем преткновения, ибо многие фашисты были настроены резко антипарламентски и считали, что вхождение в парламент — предательство. На северо-западе страны в связи с этим образовалась фактически самостоятельная фашистская организация, центр которой находился в Гамбурге, а руководство принадлежало «директории» из трех лиц во главе с А. Фольком. Его сторонники выдавали себя за единственных истинных приверженцев нацистской доктрины в

противовес берлинцам, «погрязшим в парламентаризме». Эти претензии по существу были безосновательны, ибо «Партия свободы» тоже была сугубо фашистской организацией. Вместе с тем между ними имелись тактические разногласия. И не вопрос о вхождении в парламенты был главным, хотя он и казался таковым в то время; позднее, однако, он сам собой отпал, ибо и Гитлер высказался за участие в выборах. Вспоминая об этом уже после разгрома фашистской Германии, Розенберг отмечал, что Гитлер просто санкционировал участие в выборах, но представил это как тактику, якобы придуманную им самим.

Это явилось одним из элементов тактической переориентации фашистского движения в новых условиях, созданных провалом мюнхенского путча и значительным изменением обстановки в стране; перспективы успеха новых попыток вооруженного переворота были практически сведены к нулю. Фашисты взяли курс на «легальное» взятие власти. «Остатки национал-социалистического движения, — уже в январе 1924 г. отмечал журнал «Хроника фашизма», — все более преобразуются в избирательную партию... Цель их безусловно заключается в том, чтобы уничтожить парламентаризм, но — при помощи самого же парламента». При этом цитировалась программа возникшей в конце 1923 г. в Нюрнберге фашистской организации, где, в частности, говорилось: «Необходимо бить врага его же оружием... Смерть парламентаризму при посредстве парламента... [Партия] отвергает насильственные средства, поэтому можно не опасаться запрета».

Первостепенную задачу фашисты еще более, чем до того, усматривали наряду с повседневным террором против революционных, демократических сил в непрерывной пропаганде среди различных слоев населения, прежде всего среди рабочих. Здесь-то и находился важнейший пункт разногласий: если для нацистов завоевание рабочих являлось основной предпосылкой «уничтожения марксизма» и прекращения классовой борьбы, то приверженцы Грэфе, будучи во многом единомышленниками мюнхенских фашистов, возражали против «превращения рабочих в определяющий фактор движения фелькише».

Хотя Гитлер и ряд его приспешников находились в тюрьме, а в Баварии фашистская партия была запрещена, на выборах в ландтаги ряда земель (тюрингский, мекленбургский, особенно баварский), состоявшихся в первые месяцы 1924 г., организации крайней реакции, принявшие участие в выборах, добились значительного успеха. Это объяснялось тем, что еще не успело в полной мере сказаться общее улучшение экономического положения после прекращения инфляции, а также настроениями баварской мелкой буржуазии, видевшей в нацистах своего рода мучеников, чья «мирная» демонстрация 9 ноября 1923 г. была расстреляна. «Мюнхенский путч, — говорилось в связи с итогами выборов в Баварии в «Хронике фашизма», — не помешал фелькише. Он не помешал им потому, прежде всего, что другие политические партии не сумели использовать позорное поражение и жалкую трусость национал-социалистов 9 ноября, во-вторых, потому, что в Священной римской империи германской нации вообще нельзя себя политически скомпрометировать». Пресса сообщала, что избирательная пропаганда фашистов была столь же интенсивна, как пропаганда всех остальных партий вместе взятых; они располагали большим количеством автомашин и велосипедов, которые использовались не только в агитационных целях, но и как средство доставки в избирательные участки недостаточно активных или больных сторонников фелькише.

На состоявшихся в мае 1924 г. выборах в рейхстаг фашисты также торжествовали победу, собрав около 2 млн голосов и проведя 32 депутата (в числе которых были Людендорф, а также Фрик и Рем, только что осужденные за государственную измену). Но уже ближайшее будущее показало, что обольщаться этими успехами нельзя было; на новых, внеочередных, выборах в рейхстаг в декабре того же года фашистская «Партия свободы» потеряла большую часть голосов и в новом составе парламента была представлена только 14 депутатами. Это был отрадный факт. Вместе с тем поражение фашистов на выборах породило в самых различных кругах представление, что с нацистами и их северогерманскими союзниками покончено как с серьезной политической силой. Много стараний, чтобы убедить в этом своих сторонников, приложили социал-демократические лидеры. Настроения такого рода имелись и в КПП, причем они сказались уже после первых выборов в рейхстаг, из результатов которых газета «Роте фане» (от 6 мая 1924 г.) сделала вывод об упадке фашизма. «Этот взгляд мы считаем опасным, — писал П. Фрелих, выступая в советской партийной печати. — У нас нет оснований так легко относиться к народничеству (не слишком удачный перевод термина фелькише. — Л.Г.), т.е. к фашизму... Есть основания ожидать раскола в фашистском движении. Но он может принести нам пользу лишь в том случае, если мы ни на минуту не ослабим своего внимания по отношению к фашизму и усилим направленную против него деятельность».

С недооценкой потенциальной опасности фашизма после провала мюнхенского путча полемизировал К. Франк в статье, озаглавленной «Выборы в германский рейхстаг — фиаско фёлькише?». Он отмечал, что не следует придавать преувеличенное значение тем или иным результатам выборов, когда речь идет об организации, чья деятельность носит преимущественно внепарламентский характер. «После переоценки — никакой недооценки,— подчеркивал автор. —...Мы все еще слишком *мало* боролись против фёлькише, недостаточно внимательно изучали их маскировку, их нынешнюю группировку, их возможности». Такое же мнение высказал А. Абуш, характеризуя результаты выборов в Тюрингии и отмечая, что фашисты использовали в ходе избирательной кампании огромные средства и под их влияние подпала и часть рабочих.

Несмотря на избирательные успехи, в течение первого полугодия 1924 г. разброд в фашистском лагере нарастал, хотя внешне это не всегда было заметно; так, в рейхстаге представители всех течений фёлькише состояли в единой фракции (в которой национал-социалисты составляли меньшинство). Каковы были намерения последних, видно из секретной переписки, которую опубликовала в те дни демократическая печать. «Партия свободы, — говорилось в одном из писем, которыми обменивались функционеры бывшей НСДАП, — не может существовать без нас... Необходим не компромисс, который лишит нас свободы действий на севере, а соглашение, которое выдаст нам эту партию на милость». Того же хотели союзники нацистов, которые находились в более выгодной позиции, будучи уже легализованными, в то время как национал-социалисты вынуждены были довольствоваться эрзацами, а деятельность НСДАП была формально разрешена лишь в Тюрингии (здесь в итоге выборов к власти пришло правобуржуазное правительство, которое держалось в ландтаге лишь благодаря поддержке нацистов и в котором пост министра внутренних дел занимал член «Стального шлема»). Именно в Веймаре в конце июля собралась конференция фашистских организаций, созванная с целью их сплочения, но на деле превратившаяся в арену ожесточенной борьбы. Ее созыв был в немалой степени связан с персоной Гитлера. Только часть крайне правых продолжала видеть в последнем главаря. Его уже не рассматривали как общепризнанного лидера. Это относилось не только к приверженцам «Партии свободы», которые рассматривали Гитлера только как «барабанщика», способного лишь пробудить массы. Даже в рядах самой НСДАП стали раздаваться подобные голоса. Так, один из активных нацистов, в будущем гауляйтер Померании В. фон Корсвант-Кунцов, писал в начале 1925 г., имея в виду Гитлера: «Теперь станет ясно, вдохновляет ли его Бог, или нет. Если это так, то он добьется своего, хотя ныне почти все высказываются против него. Если же это не так, что ж, значит, я ошибся и буду ждать, когда голос Бога прозвучит из уст кого-нибудь другого». В этом письме сообщалось, что Людендорф, живший после мюнхенского путча и судебного процесса в Берлине, отправился в Мюнхен, чтобы убедить Гитлера не восстанавливать НСДАП. Некоторые стремились использовать вынужденную изоляцию, в которой оказался фюрер, для его оттеснения от руководства.

Гитлера вместе с военным руководителем путча Крибелем и некоторыми другими нацистскими преступниками (среди них был и Гесс) поместили в крепость Ландсберг, находившуюся в живописном месте на берегу р. Лех. Часть дня заключенные работали на воздухе (Гитлер был освобожден, как «пострадавший» 9 ноября), остальное время играли в карты, пили и т.д. Путчисты имели возможность заказывать изысканные обеды. Камеры никогда не запирались. Хотя длительность посещения каждого заключенного не должна была превышать шести часов в неделю, на деле этого правила не придерживались. У Гитлера был свой режим: он отвечал на почту (иногда, впрочем, поручал это Гессу или кому-либо другому), просматривал книги, пользуясь многочисленными презентами. Позднее он говорил приближенным: «Ландсберг был моим университетом на государственный счет». Много времени уделялось диктовке будущей «библии» нацизма — «Майн кампф». Прием Гитлером посетителей иногда продолжался по шесть часов. В докладе баварскому министру юстиции администрация крепости признавала, что «число посетителей, побывавших здесь у Гитлера, исключительно велико. Среди них просители, лица, ищущие работу (!), кредиторы, друзья, а также любопытные. Гитлера посещали адвокаты, бизнесмены... издатели, кандидаты, а после выборов — избранные депутаты фёлькише. К Гитлеру приезжали, чтобы получить от него совет, как добиться устранения разногласий в лагере фёлькише».

Многочисленные фашистские организации и группы, раздираемые взаимной борьбой, взывали к Гитлеру, как к арбитру в своих непрекращающихся ссорах. Позиция фюрера уже в это время характерна для метода решения важных политических вопросов, который он широко использовал в дальнейшем. Вот один лишь пример: к «триумвирату» Людендорф — Грэфе — Штрассер Гитлер

относился резко отрицательно, видя в нем опасного соперника в борьбе за руководство фашистским движением, но на многочисленные просьбы с мест четко охарактеризовать свою точку зрения по этому вопросу он или не отвечал вовсе, или поручал кому-либо из своих подручных ответить в нарочито туманной форме. «Гитлер и в данном случае воздержался от прямого определения своей позиции, — писал один из сторонников Ландсберга Фольку, враждебно настроенному к «Партии свободы». — Правда, он осуждает поведение Людендорфа, но он не уполномочил меня высказать это от его имени... Точно так же он отклонил высказанную в Вашем письме просьбу открыто провозгласить свою позицию по отношению к имперскому руководству». На словах же, прибавляет автор письма, он неоднократно отвергал «триумвират».

Но запросы и посещения множились, грызня в фашистском лагере усиливалась, а активно вмешаться в борьбу с тем, чтобы оттеснить соперников и обеспечить свое непрерываемое главенство в организации, притом в общегерманском масштабе, Гитлер, находясь в заключении, не мог. Есть также основания предполагать, что он был заинтересован в доведении разногласий до предела, чтобы по выходе из тюрьмы (а из документов видно, что он твердо рассчитывал освободиться не позднее 1 октября) повысить свой престиж урегулированием споров. Как бы то ни было, в начале июля 1924 г. Гитлер сложил свои полномочия руководителя нацистского движения. По некоторым сведениям, он поступил так, чтобы воспрепятствовать своей высылке из Германии.

В подобной обстановке и собралась в Веймаре конференция фашистских организаций (для нее правительство Тюрингии предоставило здание, где была принята конституция). Речь шла о возможном объединении; но вместо этого заседания были посвящены взаимной ругани, обвинениям во лжи, предательстве «идей» и коррупции. С докладом выступил Розенберг, решительно высказавшийся против объединения, ибо целью последнего было лишь подчинение национал-социалистов Грэфе и К⁰. Между тем, по словам Розенберга, «национал-социалисты вкладывают в это предприятие духовный капитал (!), импульс, массы, т.е. собственно все». «В нашем собственном лагере, — говорил он, — достаточно неясностей, а объединение только умножит их число».

Выступая после Розенберга, Людендорф показал, что Гитлер трижды изменил свое мнение в вопросе о слиянии (что подтверждает и переписка между Ландсбергом и нацистами северо-запада: для фюрера важно было только одно — сумеет ли он стать во главе объединенной организации). Продолжались споры о возможности участия в работе парламентов, а одновременно с этим «принципиальным» спором «практики» грызлись из-за депутатских мест, обвиняя друг друга в подсиживании.

Будущий гауляйтер Валь, участвовавший в конференции, рассказывал и о сепаратном заседании нацистов, с которого несогласных со Штрейхером и Эссером вышибали таким же способом, как политических противников с нацистских собраний. Людендорф в конечном итоге покинул конференцию. «Устранение противоречий обеих партий и отдельных групп в их составе, — писал он позднее, — прекращение самостоятельных действий тех или иных депутатов, подрывных акций оказалось невозможным». То же самое признавал в своих воспоминаниях Э. Рем: «Все движение переживало глубокий кризис, раздробленное, расколотое, группа, выступающая против группы, военизированная организация против лидеров, являло картину брожения и разброда».

Единства не получилось, и вне организации, возглавлявшейся Грэфе и другими (с октября 1924 г. она именовалась «Национал-социалистической партией свободы»), осталась большая часть баварских нацистов и фашисты северо-западных округов. Штрейхер и Эссер были возмущены тем, что Людендорф и его сподвижники присвоили себе название «национал-социалистический»; это произошло потому, писали они, что «обозначение фёлькиш больше не способно привлечь ни одной собаки». Правда, новое название долго не удержалось: в феврале 1925 г., вскоре после освобождения Гитлера, «триумвират» сложил свои полномочия и произошла новая реорганизация.

Но освобождение Гитлера произошло не совсем так гладко, как можно было ожидать после решения суда. Правда, администрация крепости Ландсберг дала ему сверххлестную характеристику: «Человек порядка... неприхотливый, скромный... стремящийся скрупулезно сообразовываться с ограничениями... Человек, лишенный личного тщеславия (!)... 10 месяцев пребывания в заключении без сомнения сделали его более зрелым и спокойным». Неудивительно, что Гитлер полагал, что «есть 97% уверенности в освобождении и притом без высылки». Но некоторые чины мюнхенской полиции, знавшие фашистского главаря более длительное время, чем администрация тюрьмы, и в совсем других условиях, были иного мнения. «Гитлер возобновит свою политическую активность, —

говорилось в меморандуме полиции от 22 сентября, направленном в министерство внутренних дел Баварии. — Он возобновит массовые митинги, будет организовывать демонстрации подобно тому, как было до путча». В результате этого условное освобождение, намеченное на 1 октября, не вступило в силу. Была и другая причина — выяснилась причастность Гитлера к попыткам Рема возродить военизированные штурмовые отряды под другим названием. Отказ освободить фюрера вызвал у фашистов бешеную ярость, которая нашла свое выражение в разнузданной речи Г. Штрассера в баварском ландтаге. Фашистский главарь назвал правительство Баварии «подлой собачьей бандой».

Г. Штрассер представляет для историка германского фашизма особый интерес. Он был одним из наиболее ранних приверженцев нацистской партии и возглавлял ее группу в одном из городов Баварии — Ландсхуте. Был весьма энергичен и в первые годы пользовался безусловной поддержкой Гитлера. Но в дальнейшем, особенно после «пивного путча», когда Штрассер превратился в самостоятельную силу и был избран в баварский ландтаг и в рейхстаг (а Гитлер находился в тюрьме), их отношения осложнились, что в конечном счете привело Штрассера к гибели от рук единомышленников.

Гитлер оставался в крепости до 20 декабря. Но правящие круги Баварии уже в начале ноября приняли решение о его освобождении. В беседе с вюртембергским посланником министр-президент Гельд и старый доброжелатель фюрера министр юстиции Гюртнер стремились обосновать это столь позднее освобождение тем, будто Гитлер все более теряет влияние, «его имя почти не упоминают более». Поводом для выполнения их намерения явились выборы в рейхстаг, которые, как уже было сказано, принесли фашистам поражение. Выпуская Гитлера, правители Баварии избавлялись от нареканий со стороны националистов; несмотря на предупреждения (одно из них приводилось выше), Гельд и его коллеги считали, что «при усиливающемся развале движения фёлькише не следует более ожидать какой-либо опасности с их стороны». О возможности выслать Гитлера больше не вспоминали.

«Приобретением» нацизма за время пребывания фюрера в крепости был первый том книги «Майн кампф». Гитлер диктовал его Гессу (печатавшему на машинке, любезно предоставленной начальником крепости), расхаживая по комнате и говоря о чем угодно: о своей жизни, Вильгельме II, архитектуре, внешней политике, пропаганде, Вагнере, социал-демократии, воспитании и, конечно, о евреях. Главной отличительной чертой этого произведения была кровожадность, сочетавшаяся с безудержной демагогией, беззастенчивой саморекламой, оплевыванием всего светлого и прогрессивного, что было в истории (фюрер — без всяких на то оснований — считал себя знатоком ее) и в современной действительности. Это касалось в первую очередь Советской России, которую он объявил территорией для германской колонизации.

Намечая в самые первые годы существования партии цели будущей германской экспансии после перехода власти в руки нацистов, Гитлер ориентировался на отвоевание бывших германских колоний в Африке, перешедших в результате Первой мировой войны в руки держав Антанты. Но после появления в руководстве партии Розенберга (и Шойбнер-Рихтера) эта ориентировка была отброшена и объектом будущей экспансии стала Советская Россия. Здесь в принципе не было ничего нового, ибо немецкий лозунг — «Дранг нах Остен» насчитывал уже не одно столетие, но его нацистский вариант, как показало будущее, придавал ему гораздо больший размах и невиданную жесткость. Под влиянием немцев из Прибалтики фашистские главари разрабатывали планы захвата территории СССР. А когда положение в Советской России после введения НЭПа стало меняться к лучшему, Гитлер игнорировал это, продолжая свои инсинуации, порожденные не только идеологическими соображениями, — российские просторы, природные богатства России всегда были предметом черной зависти Гитлера и его единомышленников, неспособных так построить жизнь своей страны, чтобы не прибегать к агрессии по отношению к другим странам и народам, к захватам, порабощению и истреблению их населения. Реализация захватнических замыслов происходила в более поздние времена, но соответствующие намерения возникли уже в самые первые годы существования НСДАП; планы захватов вчерне складывались уже тогда.

Несомненным диссонансом этой общепринятой среди нацистов позиции послужила статья, которую 22 октября 1925 г. Г. Штрассер опубликовал в «Фёлькишер беобахтер» под заголовком «Мы и Россия». Штрассер исходил из того, что главная задача, которая стоит перед Германией, — это освободиться от оков, наложенных на нее Версальским договором, и ее решению следует подчинить все остальное. И с теми странами, которые поддерживают Германию в этом стремлении, следует

поддерживать дружеские отношения. К ним принадлежит Россия, поэтому, писал Штрассер, «Россия — наш союзник, и преступлением перед будущим Германии является не учитывать это! Россия имеет право управляться, как ей заблагорассудится, — это касается только русских и никого более!» Подобная концепция была откровенным вызовом официальному курсу НСДАП в данном вопросе и позиции, которую занимал по отношению к Советской стране лично Гитлер.

В то время Гитлер еще оценивал свое творение очень скромно. «Я надеюсь, — писал он из крепости, — что мое оправдательное сочинение хотя бы в первой своей части переживет процесс и меня самого». В дальнейшем самооценка «Майн кампф» коренным образом изменилась. В 1931 г. Гитлер уже говорил, что его книга сыграет решающую историческую роль для Германии и для всей арийской расы. Что касается распространения книги, то в 1925 г. было продано около 9600 экземпляров первого тома, в 1926 г. — только 4 тыс., в 1927 г. — несколькими более 2 тыс. В 1926 г. был закончен второй том, который в течение двух последующих лет разошелся только в количестве примерно 5700 экземпляров. Это значит, что далеко не все, купившие первый том, заинтересовались вторым. В 1928 г. продажа шла еще хуже (преимущественно поэтому не была опубликована написанная тогда книга Гитлера по вопросам внешней политики — она увидела свет лишь в 1961 г.).

Одним из первых шагов фюрера после освобождения было посещение Гельда, с которым Гитлер, дав ему самые торжественные обещания «вести себя хорошо», договорился о снятии запрета с фашистской партии. 26 февраля 1925 г. вышел первый после легализации номер «Фелькишер беобахтер». Он содержал положения, которые должны были лечь в основу деятельности партий. «Вся мощь движения, — говорилось здесь, — должна быть направлена против страшнейших врагов немецкого народа: еврейства и марксизма». О том, что фашисты берут курс на формальную легальность, свидетельствовали положения, касавшиеся штурмовых отрядов: провозглашались невоенный характер этих отрядов и полное подчинение их политическому руководству, чтобы не давать в руки властей поводов для преследования. На следующий день состоялся митинг (участвовало около 4 тыс. человек), ознаменовавший возрождение нацистской партии. Он происходил в том же пивном зале, где развернулись главные события путча 8 ноября 1923 г. (что, между прочим, вызвало резкую критику со стороны председателя «директории» северо-западных округов Фолька, писавшего, что новые клятвы немногочисленны, будучи произнесенными с такой трибуны).

На этом митинге Гитлер преподнес слушателям несколько излюбленных нацистских идей, в первую очередь о необходимости «уничтожения» марксизма и его главных носителей — евреев. Красной нитью через всю речь проходило стремление с самого начала утвердить свое неограниченное, неоспоримое господство в партии: «Я руковожу движением единолично и не расположен, чтобы кто-либо ставил мне условия. И я снова несу ответственность за все, что происходит в движении». Последнее было обычным демагогическим фразерством, ибо в тех случаях, когда какой-нибудь нацист учинял нечто нежелательное для руководства, фюрер заявлял, что «ничего не знал», что его подчиненные действовали на свой страх и риск, и т.п.

«Он поднялся на трибуну уверенный в себе, холерный и упитанный, — пишет об этом выступлении западногерманский историк Швенд. — Он преклонялся перед духом жестокости, которую возвел в принцип политики. Он беззастенчиво признал себя сторонником освобожденного от морали маккиавелизма, для которого все средства хороши... Он обожествлял насилие и утверждал, что есть лишь две возможности исхода борьбы с противниками: или они пройдут по трупам его единомышленников, или наоборот».

Хорошо известно, что фашисты и коммунисты были заклятыми врагами и вели друг с другом ожесточенную борьбу. Большевик возник раньше фашизма и в момент образования нацистской организации уже находился у власти, накопил довольно значительный политический опыт. Германские фашисты, несмотря на жгучую ненависть к Ленину и его единомышленникам, изучали их опыт и в чем-то заимствовали его. В этом признавался Гитлер, беседуя уже после прихода к власти с гауляйтером Данцига Г. Раушнингем: «Я многому научился у марксизма. Я сознаюсь в этом без обиняков. Но не этому скучнейшему учению об обществе и не материалистическому взгляду на историю. Я научился их методам. В этом и заключается весь национал-социализм. Ведь эти новые средства политической борьбы идут, по сути, от марксистов. Мне надо было только взять и развить эти средства, и я имел, по сути, то, что нам нужно. Национал-социализм — это то, чем марксизм мог бы быть, если бы высвободился из абсурдной, искусственной привязки к демократическому строю».

Подобное высказывание весьма любопытно, хотя Гитлер неточно расставил некоторые

акценты: это касается прежде всего утверждения, будто марксизм (особенно если иметь в виду ту его разновидность, которая находилась у власти в России) ассоциируется с демократическим строем. Это не так — власть в России, в странах «народной демократии» была не демократической, а тоталитарной, и в этом смысле близка к той, которая в 20–40-х годах XX в. существовала в Италии, Германии и других странах фашистского блока, хотя между теми и другими существовали определенные различия.

Наиболее впечатляющим заимствованием германского фашизма у коммунистов (и всего международного рабочего движения) явилось празднование в гитлеровской Германии дня 1 мая. Разгромив вскоре после прихода к власти все рабочие организации, фашисты присвоили праздник трудящихся, устраивая 1 мая праздничные шествия под знаменем со свастикой.

Конечно, и до того, как Гитлер сделал вышеприведенное признание, вдумчивые наблюдатели зафиксировали сходство в методах, использовавшихся коммунистами и нацистами в пропаганде и борьбе за массы, а позднее (с 1933 г.) и в управлении страной. Это был массовый террор против инакомыслящих, невиданный ранее по масштабам и беззастенчивости и т.д. Естественно, что были и различия, обусловленные несовпадающей спецификой тех или иных стран, и главной из них была противоположность в экономическом строе.

На сборище 26 февраля 1925 г. после речи фюрера состоялась инсценировка всеобщего примирения: на возвышение вышли с одной стороны Штрейхер, Эссер и их окружение, с другой — Фрик, Федер и др. Они пожимали друг другу руки и изображали взаимную любовь. В этой инсценировке не участвовали ни Розенберг, ни Г. Штрассер, не явившиеся на митинг; всего через месяц с небольшим Гитлеру пришлось в специальном письме уговаривать Розенберга не возбуждать против Эссера судебное дело по обвинению в оскорблении. Что касается Штрассера, то в ближайшее время Гитлер достиг с ним договоренности, поручив ему создать нацистские организации в северных и западных областях страны, где у Штрассера уже имелись хорошо налаженные связи с фашистскими группами.

Однако Гитлер, видимо, переоценил устойчивость своего положения. Произнесенная им речь принесла фашистской партии неприятности: фюреру было запрещено выступать на открытых митингах и собраниях на территории Баварии. Основанием послужили те места речи, где выражалась надежда пройти по трупам противников и говорилось о желании Гитлера в случае нового поражения и гибели быть вместо савана покрытым знаменем со свастикой; последнее власти расценили как намек на вероятность нового путча. Примеру властей Баварии вскоре последовали правительства большинства германских земель, в том числе Пруссии. Этим из рук нацистской верхушки было выбито важное пропагандистское оружие; однако запреты распространялись лишь на такие митинги и собрания, куда доступ был открыт всем. Поэтому Гитлер имел возможность держать свои речи на разного рода закрытых сборищах. Таковы были, в частности, собрания членов нацистской партии. Не имея, например, возможности говорить в Гамбурге, фюрер иногда выступал в близлежащем Шверине, куда являлись также его единомышленники из Бремена, Любека и т.д. И все же эти запреты мешали развертыванию фашистской пропаганды, для которой луженая глотка Гитлера была козырем номер один.

Несмотря на лояльную в целом позицию по отношению к нацистской партии, в баварском правительстве имелись люди, видевшие опасность нацизма. Вот что, например, говорилось в одном из секретных докладов о состоянии нацистской организации, относящемся к 1925 г. «Тех, кто надеялся на фундаментальные сдвиги в политических заявлениях Гитлера, ожидает разочарование... Можно сказать, что в течение своего длительного отсутствия он ничему не научился и ничего не забыл... Гитлер возобновил открытую борьбу против государства». Мюнхенские власти прекрасно знали это, но все же ничего решительного против НСДАП не предприняли. Между тем сами нацистские главари хорошо осознавали всю шаткость своего положения в момент возобновления деятельности партии и никчемность маневров, к которым они прибегали. Позднее Геббельс так характеризовал тогдашнее положение: «Клятва насчет легальности была только уловкой... Если бы в 1925 г. нескольких из нас арестовали, для нас все было бы кончено». Как мы знаем, власти не только этого не сделали, но уже в 1927 г. в Баварии, а вскоре и в других землях был отменен и запрет на выступления Гитлера; причина заключалась в обеспокоенности властей судьбой нацистской партии.

В Вюртемберге адвокатом фашистского главара выступал уже упоминавшийся Э. Больц, ставший к тому времени министром-президентом этой земли. Его доводы сводились к тому, что Гитлер якобы не представляет после 9 ноября 1923 г. опасности, он — только комическая фигура.

Болыд был деятелем католической партии Центра, в веймарской Германии она принадлежала к числу основных правящих партий буржуазии. Но в потворстве фашизму никак не хотели отставать и некоторые лидеры социал-демократии. Одним из них был П. Лебе, в то время председатель рейхстага. Весной 1927 г. он выступил в парламенте за «справедливость» по отношению к «ветерану войны» Гитлеру, за разрешение ему выступать повсеместно и без всяких ограничений.

Постепенно запреты отменялись в одной земле за другой. Конечно, для НСДАП наиболее важна была в этом смысле Пруссия. Здесь «заслуга» предоставления фашистскому обер-демагогу полной свободы действий принадлежала коллеге Лебе по социал-демократической партии министру внутренних дел Гжезинскому. Это произошло в 1928 г., а предлог был уже стандартным: национал-социалисты будто бы более не представляют опасности для существования республики. Между тем на деле нацистская партия, преодолевшая к этому времени трудности реорганизации, находилась в преддверии решающих успехов.

Но то было спустя три с лишним года. А в феврале 1925 г. положение было иным. Прежде чем думать о расширении влияния нацистской партии на остальную территорию Германии, ее главари должны были позаботиться о том, чтобы вновь повести за собой сторонников фашизма в самой Баварии. Это оказалось не простой задачей, ибо распри между организациями, действовавшими здесь в течение 1924 г., хотя и вытекали главным образом из взаимной вражды лидеров, отличались значительной остротой. В «Блоке фёлькише», возглавлявшемся основателем партии Дрекслером, тяготевшего к берлинцам Грэфе и его приверженцам, национал-социалисты видели серьезное препятствие для безраздельного утверждения своего влияния. Когда стало ясно, что договориться с Дрекслером и его единомышленниками не удастся, нацисты применили к ним тот же метод, что и в борьбе с противниками: начали разгонять их собрания и терроризировать приверженцев Дрекслера. В июле 1925 г. бывший глава, и его преемник даже встретились в суде, куда один фашист (Дрекслер) подал жалобу на другого (Гитлера).

На общегерманской же арене произошло событие, позволившее нацистской верхушке завоевать определенный политический капитал в кругах крайней реакции: смерть президента республики Эберта и выборы его преемника, состоявшиеся весной 1925 г. Гитлеровцы сделали ловкий ход, выступив за кандидатуру Людендорфа, в то время как фёлькише вместе с другими реакционными партиями поддержали обер-бургомистра Дуйсбурга Ярреса. То был широкий жест в сторону Людендорфа, отношения с которым за последнее время значительно охладели; одновременно Гитлер способствовал лишению генерала остатков его былой популярности, ибо не было сомнений в его провале. Отношения Гитлера с генералом претерпели за годы их знакомства значительные изменения. От обожествления и подобострастия, которые ефрейтор, не сумевший за 4 года войны дослужиться даже до низшего офицерского звания, испытывал к фактическому главнокомандующему, их отношения фактически пришли к откровенной вражде. Гитлер теперь не только не расшаркивался перед обожаемым полководцем, но и более или менее открыто поносил его. «Венцом» их отношений было письмо, которое Людендорф направил своему бывшему шефу, а в 1933 г. президенту Германии Гинденбургу на второй день после назначения Гитлера рейхсканцлером, письмо-предупреждение, где Людендорф предсказал неминуемую катастрофу, в которую Гитлер ввергнет страну.

Результат выборов превзошел самые пессимистические предположения: Людендорф собрал лишь 285 тыс. голосов. Во втором же туре нацисты призвали к голосованию за другого военачальника-монархиста — Гинденбурга, который был кандидатом всех реакционных сил страны; он и оказался избранным, что необычайно вдохновило всех сторонников реставрации монархии и установления «сильной власти». После избрания Гинденбурга деятельность всякого рода военизированных союзов, «патриотических» объединений и других реакционных организаций еще более активизировалась, причем целью большинства их руководителей, выступавших под монархическими лозунгами, было в действительности не столько возродить кайзеровский режим, сколько ввести в Германии диктатуру, пусть в более современной форме, но способную обеспечить ликвидацию буржуазно-демократических свобод и подавление рабочего движения.

В эти годы, когда собственно фашистские организации, как НСДАП, были существенно ослаблены, особенно активную роль на крайнем правом фланге реакции играли такие милитаристские союзы, как «Стальной шлем», «Викинг», «Младогерманский орден», «Вервольф» и др. Наиболее крупным из них был «Стальной шлем», почетным членом которого являлся новый президент республики; численно этот союз вплоть до первых лет мирового экономического кризиса

превосходил все остальные военизированные формирования, включая штурмовые отряды НСДАП. Следует отметить, что в последующем указанные организации с энтузиазмом приняли фашистскую диктатуру (глава «Стального шлема» Зельдте в течение всего существования нацистского режима был членом имперского правительства), что свидетельствует об их близком родстве с ней (хотя и не о полной идентичности). Все это объясняет, почему демократы квалифицировали «Стальной шлем», «Младогерманский орден» и подобные им союзы, как фашистские, и вели против них столь же решительную борьбу, как против НСДАП. В тогдашних условиях (о них говорилось), во всяком случае до 1929 г., было непросто определить, какая именно из реакционных организаций станет главным носителем фашизма в Германии.

Возвращаясь к президентским выборам 1925 г., следует сказать, что фиаско Людендорфа и «измена» нацистских лидеров вконец испортили взаимоотношения с генералом — их бывшим сообщником. Но это в конечном счете лишь было на руку нацистам, ибо генерал своими нападениями на всех и вся, особенно яростной борьбой против «мирового заговора католической церкви», мог лишь помешать реализации планов привлечения на сторону фашизма самых различных социальных слоев вне зависимости от их принадлежности к той или иной церкви.

В первый период после возобновления легальной деятельности национал-социалистической партии, когда еще допускалось существование в ней различных взглядов, шла довольно оживленная дискуссия о возможных путях ее развития. Вывод, к которому пришла верхушка НСДАП, — необходимость ориентироваться прежде всего на ликвидацию Веймарской республики «изнутри». «Мы воткнем наши носы в рейхстаг, — говорил Гитлер Гессу. — Конечно, превзойти марксистов в численности голосов потребует больше времени (по его мнению, пять — семь лет. — Л.Г.), чем перестрелять их». Для многих сторонников нацистской партии (особенно людей без определенных занятий, профессиональных военных, не имевших гражданской специальности, деклассированных элементов) новая тактика была неприемлема. Их устраивала не долготелая осада крепости, а только ее штурм. Нацистским главарям пришлось столкнуться с недовольством даже в своей «метрополии» — Мюнхене, где число членов партии, по некоторым сведениям, к осени 1926 г. упало до 700 человек. Частым случаем неприятия «нового курса» был довольно распространенный отказ от участия в выборах. Подобные настроения, как уже отмечалось, были сильнее всего на севере и северо-западе страны. Эти районы по своей экономической структуре и социальному составу населения существенно отличались от преимущественно аграрной в те времена Баварии. Рурская область, Гамбург, Средняя Германия — все это были важные индустриальные центры с многомиллионным рабочим классом, оплотом рабочего движения. Чтобы стать здесь твердо, фашизм должен был изменить подход к объектам своей пропаганды, подладиться к существующим условиям, играть в «левизну», пытаясь доказать, что за словечком «социалистическая» в названии партии действительно стоит какое-то содержание. Здесь-то и могли очень пригодиться Грегор Штрассер, а также его брат Отто и некоторые другие деятели нацизма, делавшие особенный упор на изощренной социальной демагогии, без чего нечего было и думать о завоевании рабочих. Еще в 1924 г. Тербовен (ставший позднее гауляйтером Рура) отмечал, что «здесь, в промышленном районе, чрезвычайно важно, чтобы материалы, публикуемые в нашей прессе, содержали меньше антисемитских тирад, применяя которые она нередко забывает, что мы являемся также социалистами». В отчете о совещании нацистов Шлезвиг-Гольштейна говорилось, что социальный вопрос «наиболее важен из всех проблем... ибо он в конечном счете является смыслом существования национал-социализма».

Можно полагать, что такого рода заявления в определенной мере отражали настроения рядовых сторонников партии, введенных в заблуждение лидерами. Что касается последних, то и некоторые из них видели, что завоевать рабочих при помощи традиционных лозунгов нацизма вряд ли удастся. Уже упоминавшийся выше Фольк подчеркивал: «Ввиду того, что рабочий чувствует себя носителем переворота [в ноябре 1918 г.], более того — рассматривает новый государственный строй как успех своих усилий, мы никогда не завоеваем его доверие, если будем приписывать нужду и унижение только Ноябрьской революции». Такого рода высказывания далеко не единичны для того времени.

Руководство со стороны «директории» было, конечно, временным явлением: нацисты северо-западных областей, выступавшие против «Партии свободы», вынуждены были присоединиться к НСДАП. Это произошло уже в конце февраля 1925 г. благодаря усилиям Г. Штрассера. Ему удалось «обработать» соответствующих лидеров обещаниями о далеко идущей организационной самостоятельности. А в конце марта были назначены первые семь гауляйтеров НСДАП за пределами Баварии. Но воспользоваться обещанной самостоятельностью им так и не

пришлось. Мюнхенская контора настоятельно запрещала гауляйтерам выдавать вновь принятым лицам партийные билеты, стремясь полностью присвоить себе эту привилегию; высылка же этих билетов нередко затягивалась надолго. Из Мюнхена требовали также перечисления 1 марки с каждого вступившего в партию и 10 пфеннигов с каждого ее члена ежемесячно. Это вызывало сильное недовольство гауляйтеров, еще не знакомых с какой-либо централизацией. В апреле гауляйтеры Ганновера, Гёттингена, Гессена-Нассау и Шлезвиг-Гольштейна обратились с письмом в Мюнхен, добиваясь отмены указанных положений, но этот шаг не увенчался успехом. Иначе действовали гауляйтер округа Северный Рейн Кауфман и его заместитель Геббельс: они продолжали выписывать членские билеты, игнорируя центральные инстанции. Но это могло удаваться лишь до тех пор, пока мюнхенское руководство не начало всерьез «завинчивать гайки».

В свете данного эпизода понятно принятое в сентябре того же года решение ряда гауляйтеров создать «Рабочее содружество», которое могло бы стать некоторым противовесом «мюнхенским бонзам» — Эссеру, Штрейхеру, Боулеру и другим, которых считали ответственными за все одиозные мероприятия центрального руководства, упуская из виду или не желая сознаться себе самим, что в Мюнхене мало что делалось без одобрения или ведома Гитлера. Выступая в Хагене, где собрались гауляйтеры областей от Рейна на западе до Померании на востоке страны (включая Берлин и Гамбург), один из трех членов бывшей «директории», Хаазе, заявил, что он и его единомышленники не будут участвовать ни в каких выборах независимо от указаний, которые могут быть даны мюнхенским руководством. Собравшиеся приняли решение в подобном же духе и обратились за разъяснениями в Мюнхен. Устав «содружества» предусматривал занятие в случае необходимости единой позиции в политических вопросах, поддержание дружественных отношений между всеми гауляйтерами, установление единообразия в организации и пропаганде, обмен ораторами и т.д.

Организацию возглавил Г. Штрассер, а управляющим делами «содружества» стал Геббельс, сильно фрондировавший в то время и считавший себя, как видно из его дневника за 1925–1926 гг., «левым». Геббельса «открыл» Штрассер, сделавший его своим секретарем вместо Гимmlера, оставленного им в Баварии; местопребывание Геббельса — Эльберфельд — стало центром сообщества. Штрассер же обосновался в Берлине, где начал — в противовес «Фёлькишер беобахтер» — издавать «Национал-социалистические письма», позволявшие себе в некоторых вопросах, например во внешнеполитических, отклоняться от превалировавшей среди нацистов линии. В то же время деятели «Рабочего содружества» подчеркивали, что создание и публикация «Национал-социалистических писем» получили одобрение Гитлера. Было ли в этом противоречие? В литературе в течение долгого времени бытовало мнение, основанное на мемуарах и всей концепции О. Штрассера, что между Г. Штрассером, Геббельсом и другими нацистскими лидерами, действовавшими в то время за пределами Баварии, и мюнхенским руководством фашистов существовали едва ли не принципиальные разногласия. Документы опровергают это утверждение, что признает и ряд авторов, чьи работы вышли в последние годы. Но определенные различия во мнениях относительно тактических вопросов были: сказывались существенное отличие в объективных условиях между Северо-Западной Германией и Баварией, о чем уже упоминалось выше, честолюбивые стремления некоторых фашистских главарей, прежде всего Г. Штрассера, и некоторые другие факторы.

В конце 1925 — начале 1926 г. Г. Штрассер, вероятно с помощью Геббельса, выработал проект новой программы. Он весьма характерен для той «левизны», на которую претендовали его составители, полагая, что их творение поможет заманить больше рабочих в ряды нацистской партии. Проект предусматривал превращение крупных предприятий в акционерные общества, где 30% капитала принадлежали бы государству (но управление предприятиями оставалось полностью в частных руках). Ограниченный характер имела бы и аграрная реформа: по 2 моргена земли каждому сельскохозяйственному рабочему при сохранении крупных имений до 1000 моргенов. У итальянского фашизма проект заимствовал его детище — корпоративный строй. Фигурировали также антисемитские законы и требования возврата Германии колоний и создания Соединенных Штатов Европы (конечно, под эгидой Германии).

Документ был разослан гауляйтерам для последующего обсуждения, но еще ранее кто-то из них успел донести в Мюнхен, и штрассеровский проект попал в руки Г. Федерера, ревностного блюстителя программы 1920 г. 8 января 1926 г. Г. Штрассер писал Геббельсу: «Гауляйтерам следовало все-таки учитывать, кого знакомить с этими вещами». 25 января в Ганновере произошло обсуждение проекта, причем из Мюнхена прибыл Федерер, не только категорически осудивший любые

попытки заменить программу, но и «фиксирующий в письменном виде все неосторожно высказанные в пылу полемики положения (без всякого сомнения, с целью передачи их в Мюнхен)». Можно полагать, что Федер преуспел в своих усилиях, ибо 14 февраля Гитлер созвал в Бамберг 60–65 функционеров партии, большей частью с юга страны, после чего Штрассер обратился к членам «Рабочего содружества» с настоятельной письменной просьбой вернуть имеющиеся у них экземпляры проекта: он обещал фюреру сделать это.

Адольф Гитлер в возрасте пятнадцати лет.
Рисунок его одноклассника Штурмлехнера

Фотография сделана в госпитале, куда Гитлер (сидит справа) был направлен после ранения, полученного на фронте

Колонна демонстрантов — мюнхенских рабочих и красногвардейцев — на Людвигштрассе во время Баварской Советской республики.

Впереди идет Рудольф Эгельхофер (в накидке). На заднем плане расположена площадь Одеонплац и здание Фельдхерихалле. 1919 г.

Ожесточенная уличная перестрелка в Берлине во время всеобщей забастовки. Январь 1919 г.

Нацистский партийный съезд в Мюнхене в январе 1923 года

Добровольческая бригада «Оберланд» во время нацистского партийного съезда в январе 1923 года на марше в Мюнхен

Мероприятие, проводившееся добровольческой бригадой «Оберланд» в местечке Шлирзее 30 сентября 1923 года

Инфляция. Транспортировка наличных денег Рейхсбанка под охраной

Нацисты с пулеметами на границе Тюрингии (Нейштадт, севернее Кобурга)

Колонна демонстрантов в Дрездене, выступающая против фашистов.
Осень 1923 года

Герхард Росбах и его люди в день путча перед пивной Бюргерброй. Мюнхен, 9 ноября 1923 года

Штрейхер выступает как народный оратор 9 ноября 1923 года

Арест путчистами обербургомистра Мюнхена

Отряд Рема перед Военным министерством Баварии на Людвигштрассе. В центре с флагом стоит Генрих Гиммлер. Мюнхен, 9 ноября 1923 года

Плакат, посвященный погибшим участникам мюнхенского путча 1923 года

Гитлер у окна тюрьмы Ландсберг

**Гитлер, Эмиль Маурис, Герман Крибель, Рудольф Гесс, Фридрих Вебер. Тюрьма Ландсберг.
Снимок сделан тайно в тюрьме Ландсберг**

Гитлер с баварскими нацистами. 1924 г

Гитлер и Гесс на похоронах Пенера. 1925 г.

Гитлер выступает на встрече руководителей нацистской партии. 1928 г.

**Вновь избранный рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург после вступления на пост в Берлине 11 мая 1925 года в сопровождении министра
рейхсвера Геслера и командующего сухопутными войсками генерала фон Секта обходит роту почетного караула рейхсвера**

Рейхсканцлер фон Папен и министр рейхсвера фон Шлейхер во время торжественного построения добровольческой бригады «Стальной шлем» в сентябре 1932 года в Берлине

Плакат относится к 1932 году. Надпись сверху, выполненная стилизованными ивритскими буквами, переводится так: «Мы выбираем Гинденбурга!» Ниже помещены фотографии коммунистов и социалистов. Следующая надпись: «Мы выбираем Гитлера!», под ней фотографии нацистских лидеров

Плакат, выпущенный к выборам 1928 года, призывает: «Два миллиона смертей. Они погибли напрасно? Никогда! Фронтовики! Адольф Гитлер укажет вам выход!» НСДАП обещает возместить Германии потери Первой мировой войны.

Плакат анонсирует нацистскую встречу в Мюнхене в мае 1920 года

Гитлер выступает в курзале Бад Гарцбурга 11 октября 1931 года. Рядом с ним сидит председатель Немецкой национальной народной партии Мьфред Гугенберг (в очках и с бородкой)

Президент Рейхсбанка Ялмар Шахт

— один из могущественнейших людей Германии — финансировал нацистскую партию в 1930-е гг.

Альберт Феглер.

Крупный промышленник Германии, сотрудничавший с нацистами

Представители монополистического капитала и рейхсвера — люди, которые проложили путь фашистской диктатуре.

Вверху слева: Фриц Тиссен, Курт фон Шредер. Внизу: Курт фон Шлейхер, Вернер фон Бломберг

Герман Эрхардт, один из организаторов и руководителей Капповского путча 1920 г. Организатор ветеранского подразделения «Викинги»

Дитрих Эккарт был одним из идеологов НСДАП.

Гитлер считал вклад Эккарта в нацистское движение бесценным. Эккарт редактировал вместе с Альфредом Розенбергом «Фёлькишер беобахтер»

Эрнст Пенер у участник мюнхенского путча, бывший начальник городской полиции

Густав Крупп фон Болен унд Хальбах

30 января 1933 года. Сформированное фашистское правительство.
В первом ряду (слева направо): Геринг, Гитлер, Папен

Гинденбург и Гитлер. 1933 г.

Беспокойство последнего в особенности вызывало обнаружившееся расхождение точек зрения по вопросу об отчуждении имущества князей, с начала 1926 г. всколыхнувшему всю страну. Для того чтобы уяснить себе значение этого факта, необходимо рассмотреть более общий и вместе с тем первостепенный для истории германского фашизма вопрос об его связях с крупным капиталом во 2-й половине 20-х годов.

Читателю уже известны связи с крупным капиталом, имевшиеся у нацистских лидеров до мюнхенского путча. Но последствия провала путча в Мюнхене, значительно ослабившие германский фашизм в целом, на время нарушили некоторые из связей, установленных в начале 20-х годов. Интересу монополий к фашизму не способствовала вся обстановка 1924–1925 гг., в стране

происходили постепенное улучшение экономической конъюнктуры и возврат к буржуазно-демократическим методам правления. Следует также учесть, что между организациями крайней реакции велась ожесточенная борьба за внимание монополий к той или иной партии или союзу. Но, чтобы достичь этого, необходимо было приложить немалые усилия в острой конкурентной борьбе.

Нехватка средств у фашистов стала перманентным явлением: очень наглядно она прослеживается, например, по дневнику Геббельса за эти годы. Были серьезные затруднения с изданием «Фелькишер беобахтер», которые удалось преодолеть только благодаря благожелательности владельца одной из мюнхенских типографий, единомышленника нацистов Мюллера. В Саксонии очень полезным оказался фабрикант Мучман, связавший гитлеровцев со своими коллегами и обеспечивший кое-какие субсидии. Но все это едва ли могло устроить нацистских главарей, которым нужны были крупные средства для развертывания пропаганды, содержания штурмовых отрядов и т.п.

Упрочение связей с крупным капиталом, причем в важнейших центрах его сосредоточения — Рурской области, Берлине, Гамбурге, — было основной задачей фашистской партии, без решения которой ее существование вообще лишалось смысла. И наряду с усилиями навести хоть какой-нибудь порядок в собственном доме, нацистские лидеры начали планомерное проникновение в лагерь крупного бизнеса. С этой целью Гитлер с весны 1926 г. предпринял целую серию поездок в крупнейшие промышленные центры страны, где выступал (несмотря на запрет вести политическую пропаганду) перед обширными аудиториями владельцев колоссальных предприятий, генеральных директоров концернов, членов наблюдательных советов и других представителей делового мира. Эти выступления имели определенный успех, хотя, казалось бы, в подобной, хорошо подготовленной, аудитории ораторское искусство фюрера не должно было производить слишком большого впечатления. Нацисты умело играли именно на тех настроениях германского бизнеса, которые были созвучны антидемократической программе фашизма, хотя в это время еще не совпадали с ней, особенно в части методов. Эти методы казались многим представителям крупного капитала слишком радикальными, вызывающими, могущими повлечь за собой совершенно нежелательную реакцию со стороны организованного рабочего класса.

Первой гастролью такого рода было выступление Гитлера в апреле 1926 г. в гамбургском Национальном клубе 1919 г. Вначале он долго говорил на тему о революции и «ноябрьских преступниках», зная, что в данной аудитории это должно чрезвычайно понравиться. Другим ловким ходом была игра на страхе монополистов перед единым фронтом пролетариата — ведь дело было в разгар кампании за отчуждение княжеских имуществ, в ходе которой КПГ и СДПГ выступали в одном строю. Главная цель, — по словам Гитлера, — «уничтожение марксизма». Причем, как он несколько раз повторил в течение речи, его следует «выкорчевать, безжалостно раздробить противнику хребет». Нужны ли другие доказательства того, что фашизм представлял собой столь реакционную силу, каких не было и не могло быть в прошлом? В борьбе против марксизма должно быть пригодно любое средство, ведущее к цели, говорил Гитлер; он провозглашал, что «имея 14–15 млн марксистов, пацифистов и т.п., вы не можете вести никакой борьбы — ни развернуть приготовления внутри страны, ни начать настоящей войны». На съезде нацистской партии в 1929 г. тогдашний начальник ее организационного отдела полковник в отставке Хирль провозгласил: «Народ и государство надо уже в мирное время готовить к задачам войны». Речь Хирля была затем издана в качестве программного заявления по данному вопросу. Таким образом, внутренний переворот в направлении крайней реакции мыслился только как предпосылка к реваншу вовне.

Заслуживает упоминания, что Гитлер разъяснял представителям крупного капитала необходимость идти на социальные уступки, чтобы спасти главное. Это едва ли не самая ранняя формулировка идеи социального маневрирования фашизма. Характерно и то, как Гитлер говорил о массах, без завоевания которых, постоянно подчеркивал он, невозможен успех: «Широкая масса слепа и глупа, она не ведает, что творит... Масса нуждается в человеке, обутом в кирасирские сапоги, который провозгласит: вот правильный путь!» Беспредельное презрение к народным низам, отразившееся в этих словах, не могло не импонировать слушателям. И они выразили одобрение этим речам субсидиями.

Спустя два месяца нацистский главарь изложил программу борьбы за «жизненное пространство», ликвидацию демократии и пацифизма, идей интернационализма в самом центре тяжелой промышленности Рура — Эссене. Фашистская пресса с удовлетворением цитировала

положительный отзыв об этом выступлении органа рурских монополий — газеты «Рейниш-Вестфелише цайтунг».

Проводя эту кампанию, нацистская верхушка оказалась, однако, перед серьезной опасностью, которая грозила поставить под удар весь план «сближения с бизнесом». Движение за конфискацию имущества бывших князей, охватившее всю страну, нашло приверженцев и среди рядовых нацистов, возмущенных перспективой выплаты значительных средств бывшим владельческим домам, свергнутым Ноябрьской революцией. Эти настроения были особенно распространены в тех округах, которые вошли в состав «Рабочего содружества», лидеры же последнего в погоне за популярностью поддержали тех, кто выступал против возмещения князьям. В «Национал-социалистских письмах» от 15 декабря 1925 г. О. Штрассер (под псевдонимом Ульрих фон Гуттен) писал: «Ввиду большого значения этого вопроса само собой разумеется, что и мы, национал-социалисты, должны занять по отношению к нему решительную позицию, и она не может быть иной, как категорически отвергнуть подобные невиданные требования бывших князей». А резолюция ганноверского совещания «содружества» (январь 1926 г.) гласила, что страшнейшая нужда не допускает выплаты сотен миллионов марок бывшим князьям, «которые в своем большинстве не способствовали нашему делу». Вместе с тем здесь говорилось, что «содружество» ни в коей мере не предваряет решения центрального руководства. Германский историк Бенке справедливо отмечает, что «левые» нацисты, на словах высказывавшиеся против возмещения князьям, отнюдь не собирались участвовать в плебисците [по этому вопросу] и вместо этого требовали экспроприации спекулянтов, нажившихся на войне и т.п.; это вызывало недовольство рабочих, ибо уводило в сторону от конкретной цели развернувшегося в стране массового движения.

Такого рода резолюции противоречили намерениям руководящей нацистской клики. Речь шла не только о возможности привлечения аристократии на сторону фашизма, а о гораздо большем: о незыблемости частной собственности. И 14 февраля Гитлер подробно разъяснил это гауляйтерам, созванным в баварский город Бамберг. Присутствовавший на совещании Геббельс записал: «Реакционер?.. Возмещение князьям! Право должно быть правом! Также по отношению к князьям. Принцип частной собственности нельзя поколебать?» Гитлер сказал также: «Для нас нет сегодня князей, а есть только немцы». Нацистские пропагандисты изошрялись на все лады в нападках на «надувательство», якобы характерное для референдума об экспроприации имущества князей. Последние могли быть довольны фашистским главарем, и, после того как они добились желаемого возмещения, часть полученных ими средств оказалась в кассе нацистской партии. Их предоставили, в частности, герцог Саксен-Ангальтский, один из сыновей Вильгельма II принц Август-Вильгельм, принц Шаумбург-Липпе и др. Оба последних по совету бывшего кайзера вступили в НСДАП.

Главарь «Рабочего содружества», разумеется, не отстаивали свою точку зрения; даже наиболее шумный из них, Геббельс, промолчал (он уже решил переметнуться на сторону Гитлера). Это позволило продолжить усилия по завоеванию монополистов. В декабре 1926 г. Гитлер опять читал «лекции» промышленникам Рура — сначала в Кенигсвинтере, затем в Эссене. В марте следующего года Гесс в письме к немцу-единомышленнику, обосновавшемуся в Англии, с большим удовлетворением отмечал успехи Гитлера на поприще «обработки» бизнесменов, достигнутые в 1926 г., и сообщал о предстоящем, третьем по счету, «докладе» его в Эссене. Гесс добавлял при этом, что предполагается пригласить и женщин, так как влияние их на мужей очень велико. Это выступление состоялось 27 апреля 1927 г., но оно было отнюдь не последним.

Из дневника Геббельса известно, что, проживая в то время на промышленном западе страны, он действовал в том же направлении. Так, еще 21 августа 1925 г. он записал, что крупный промышленник Арнольд (дело происходило в г. Хаттингене) во всем согласился с ним. Побывав там вновь 15 января 1926 г., он отметил: «Возможно, мы получим деньги». Источник этих средств не вызывает сомнений. В записи от 3 февраля говорится о встрече с ведущим промышленником Рейнской области фон Бруком: «Наконец, столп экономики. С этим человеком можно сотрудничать». 6 марта — новая встреча с тем же лицом. Характерна и запись от 14 ноября 1925 г.: «Оснабряю. Вечером выступление перед буржуа... Неистовая овация». Подобное «сотрудничество» имело место не только на Рейне. Известно, например, откровенное обращение местной организации нацистов к известному химическому магнату Р. Бошу (май 1927 г.): «Доверительно! Многоуважаемый господин! Программа национал-социалистической партии предусматривает защиту приобретенной законным образом собственности... Только она в состоянии эффективно противодействовать террору со стороны левых. К сожалению, это невозможно без значительных средств».

Подобные обращения тщательно скрывались. Публично же нацисты яростно отрицали свои связи с крупным капиталом; так, нацистская газета «Франкфуртер беобахтер» была снабжена характерным подзаголовком — «Единственная не находящаяся на службе капитала газета Франкфурта». Нацисты упорно распространяли лживую версию, что все расходы покрываются ежемесячными взносами и дополнительными сборами с членов партии. Уже в те времена трудно было поверить в это, сейчас же мы располагаем гораздо более определенными сведениями. В 1926 г., по признанию самого Гитлера, взносы составили всего 84 тыс. марок (вместо 210 тыс., которые должны были бы поступить, если бы численность партии действительно равнялась 35 тыс. человек, как утверждали гитлеровцы). В 1927 г. финансовое положение (если говорить о членских взносах) не могло существенно улучшиться, потому, в частности, что нацистская организация Берлина, значительно выросшая к тому времени (см. ниже), была запрещена. А средства требовались очень большие: ведь помимо издания газет, брошюр, листовок, фашисты расходовали значительно больше, чем кто-либо до них, на проведение массовых собраний и митингов, походов, транспортировку штурмовых отрядов, перевозку своих приверженцев на съезды партии, проводившиеся с 1926 г. более или менее регулярно. Много денег шло на содержание административного аппарата, с течением времени постепенно разбухавшего, а также на удовлетворение личных потребностей Гитлера с его претензиями на фешенебельность и стремлением разъезжать в роскошных машинах, жить в дорогих отелях и содержать виллу в Берхтесгадене.

Нацисты подчас высказывали недовольство недостаточной, по их мнению, поддержкой со стороны капиталистов. Выступая в начале 1927 г. на заседании руководящих деятелей националистических организаций Тюрингии, Гитлер жаловался, что Муссолини получал со стороны крупной промышленности большую помощь — не только деньгами, но и автомашинами (он, очевидно, не мог забыть, что за его лимузин пришлось уплатить 26 тыс. марок). Примерно в том же духе фюрер высказался на нюрнбергском съезде 1927 г. Это шло параллельно со все новыми усилиями завербовать крупнейших представителей капитала на сторону нацизма. Наиболее важное значение в этом смысле имело привлечение Кирдорфа, возглавлявшего Союз горнодобывающей промышленности Рура и распорядившегося обширными фондами союза (а также Объединения металлургической промышленности Северо-Запада). Он впервые встретился с Гитлером летом 1927 г., и беседа между ними продолжалась четыре с половиной часа. Заинтересованность старого реакционера (он был еще в кайзеровское время известен своей непримиримостью по отношению к рабочему движению) идеями нацистского главаря оказалась настолько велика, что он предложил последнему изложить их в сжатом виде и взял на себя расходы по изданию и распространению брошюры среди промышленников.

В августе 1927 г. текст был представлен. Прежде всего здесь декларировалась необходимость завоевания жизненного пространства. Для достижения этой цели «новое движение категорически отвергает любое деление на сословия или классы и провозглашает... безусловный авторитет личности». Гитлер обещал монополиям свободу развития и защиту со стороны национал-социалистического государства. В конце брошюры он пел дифирамбы армии и предсказывал сближение ее с фашизмом в последующем. Все это было повторением того, что нацистские главари уже не раз говорили самим промышленникам. Необходимо, однако, было сделать идеи нацизма достоянием еще большего круга сильных мира сего. Это и имел в виду Кирдорф, рассылая брошюру почти двум тысячам деятелей промышленности, банков и торговли.

А в начале декабря фюрер был вновь гостем «избранного» общества. Конференц-зал Крупна в Эссене, вмещавший 800 человек, был переполнен до отказа. На этот раз выступление было целиком посвящено внешнеполитическим проблемам. И опять «Рейниш-Вестфелише цайтунг» рассыпалась в комплиментах, утверждая, что Гитлеру в речи, длившейся два с половиной часа, удалось держать аудиторию в напряжении от первого до последнего слова, более того — загипнотизировать ее. А «Фелькишер беобахтер», цитируя эти строки, подчеркивала «особенно важное значение данного круга для будущего немецкого народа». И в своей обычной манере наглого издевательства над истиной фашистская газета писала: «Наиболее примечательным в докладе Адольфа Гитлера является то, что он... говорил здесь то же самое, что и на массовых митингах». На деле, как мы знаем, содержание было прямо противоположным.

Нацисты добивались также поддержки среди реакционных элементов за пределами Германии. Весьма известным из зарубежных покровителей германского фашизма был англо-голландский нефтяной король Детердинг. Связи с ним значительно упростились после того, как он купил имение

на территории Германии, в Мекленбурге. В немецкой печати вновь и вновь появлялись сведения о том, что нацисты получают финансовую поддержку из фашистской Италии. Есть документы, свидетельствующие о глубокой заинтересованности германских фашистов в подобной помощи. Такова, например, доверенность, выданная Гитлером в январе 1924 г. (когда он находился в тюрьме) уже известному нам нацисту К. Людеке на предмет агитации в пользу нацизма в США, «особенно же собирать для этой цели денежные средства». Сохранилось также письмо Гиммлера Рему, уехавшему во второй половине 20-х годов в Боливию, с аналогичной просьбой в отношении тамошних состоятельных людей.

В целом можно сказать, что еще до того, как социальная борьба в Германии вновь резко обострилась в связи с последствиями мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., нацисты, несмотря на отсутствие в тот момент непосредственной заинтересованности монополистов в их услугах, сумели убедить некоторых ведущих магнатов капитала в том, что именно НСДАП будет для них полезна. О том, к чему сводились пожелания капиталистов, наглядно свидетельствует, например, высказывание одного из влиятельных деятелей рурской промышленности, Генрихсбауэра: «Я глубоко убежден, что нынешняя система анонимного демократического парламентаризма со временем уступит место новой системе, которая будет основана на ответственности вождя и преданности ему свиты и будет обладать существенным родством с итальянским фашизмом».

Несмотря на аплодисменты, которые расточали Гитлеру крупные промышленники, 1924–1928 гг. для германского фашизма были трудным временем. Завоевать широкие массы не удавалось ни одной из организаций крайней реакции, в том числе нацистской партии. Данные, которыми оперировали сами фашисты, естественно, не заслуживают доверия; выше, когда речь шла о финансах НСДАП, уже отмечалась их недостоверность. В том же убеждают и другие факты. Известно, например, что в провинции Ольденбург нацисты за весь 1926 г. сумели увеличить численность своей организации лишь с 45 до 90 человек, причем 70 из них проживали в г. Ольденбурге. В таком крупном центре, как Бремен, в 1926 г. было всего 37 членов НСДАП. В Южном Ганновере в 1927 г. отмечалась почти полная стагнация. То же было в Северном Гессене, а в Верхнем Гессене число членов партии даже снизилось: так, в Бад Наугейме в 1927 г. осталось только пять нацистов (в 1925 г. было 20). Плачевным было положение в местной организации Франкфурта-на-Майне; в конце 1927 г. ее руководитель в обращении к членам партии требовал регулярной уплаты членских взносов, угрожая исключением и заявляя, что он не желает «быть обвиненным руководством партии в непригодности».

Незаинтересованность в нацизме подтверждают и данные о посещаемости собраний и митингов, о количестве голосов, собранных на выборах. Митинг на соборной площади Ветцлара, созванный после воскресного богослужения в апреле 1928 г., собрал... 15 человек, столько же пришло в Дармштадте. Исключительно плохая посещаемость отмечалась даже в одном из округов Гессена, охарактеризованном в «Фелькишер беобахтер», как «кристаллизационный пункт движения». На выборах в саксонский ландтаг в октябре 1926 г. нацисты, по собственному признанию, «несмотря на все свои усилия, смогли собрать только 1,6% голосов». Примерно такой же результат (и ни одного мандата) принесли состоявшиеся тогда же выборы в Бадене. Большие надежды нацисты возлагали на выборы, состоявшиеся в ноябре 1927 г. в Брауншвейге: кроме Гитлера (здесь ему выступать не запрещалось) сюда были «брошены» Г. Штрассер, Гиммлер, Кох, Федер и др. Однако полученные 3,7% голосов вряд ли могли удовлетворить фашистов.

Говоря об этом периоде ретроспективно, нацист Фабрициус констатировал, что политика НСДАП «почти везде наталкивалась в народе на полное непонимание. Национал-социалистов считали... хвастунами и болтунами, политическими шутами. Над ними подтрунивали и насмехались». Многие даже полагали, что носители подобных идей умственно ненормальны. Достаточно откровенная оценка положения содержалась и в некоторых современных событиям документах нацистов (не предназначенных, естественно, для публикации). Так, Фольк в циркуляре от 15 декабря 1924 г. писал: «Наше дело пришло в упадок из-за неискренности, честолюбия, карьеризма, тщеславия, клеветы и склок».

Конечно, не в этом заключались причины упадка нацизма во второй половине 20-х годов: склоки, взаимная клевета, карьеризм и т.п. были характерны для него не только в те годы, они являлись его неотъемлемыми свойствами. Неудачи лишь еще более обострили внутреннюю борьбу, но они коренились в объективных условиях. Однако деятельность нацистской партии и других крайне реакционных группировок продолжалась, ибо, во-первых, для этого имелась благоприятная

питательная среда, а, во-вторых, власти попустительствовали фашистам, иногда откровенно сочувствуя им, порой же не желая замечать угрозы с их стороны. Последнее наглядно отразилось, например, в письме обер-бургомистра Кобленца от 12 октября 1928 г., где речь идет о распространении в этом городе фашистской газетки «Вестдейчер беобахтер», издававшейся в Кёльне: «В полицей-президиуме Кёльна (куда обратились власти Кобленца. — Л.Г.) высказали мнение, что выступления национал-социалистов не имеют никакого значения и что самое правильное — игнорировать их, как это делается в Кёльне». Помимо доброжелателей, в государственных органах имелись и прямые агенты нацистской партии; когда власти планировали провести какие-либо мероприятия, направленные против НСДАП, агентура нередко заблаговременно предупреждала нацистов. Приводя уже в годы фашистской диктатуры соответствующие примеры, нацистские «историографы» отмечали, что это существенно способствовало достижению цели.

Перед нацистской верхушкой еще более остро, чем в момент возобновления деятельности партии, стоял вопрос о том, на какие социальные слои должно быть обращено первостепенное внимание. Расчеты проникнуть в глубину рабочего класса, занимавшие столь важное место в стратегии нацизма, не оправдались. Выступая в ноябре 1927 г. на совещании гауляйтеров в Веймаре, Гитлер вынужден был признать неудачу попыток завоевать голоса приверженцев левых партий, иными словами рабочих. «Фёлькишер беобахтер» в течение 1926–1928 гг. неоднократно печатала письма своих читателей, отвечавших на вопрос: «Почему рабочие не доверяют НСДАП!» Из рассказа одного нациста, вступившего в НСДАП в 1925 г., известно, что в течение пяти лет он был единственным представителем этой партии на 200 рабочих своего предприятия; они называли его не иначе, как предателем рабочего класса.

Все данные о социальном составе НСДАП, о контингенте лиц, посещавших нацистские митинги, и т.п. единодушны в том, что доля рабочих здесь была очень незначительна. Вот полицейское донесение о нацистском митинге в Мюнхене в марте 1927 г. — вполне «беспристрастный» источник. Автор отмечает: «Много молодежи... Представители радикальных рабочих... почти отсутствуют. Люди хорошо одеты, некоторые даже во фраках... Из разговоров тоже видно, что большинство собравшихся принадлежало к низам среднего сословия». То же говорится во многих других донесениях о собраниях НСДАП: «Представители организованных рабочих, «Рейхсбаннера»... практически не присутствовали»; «аудитория состояла в своем большинстве из лиц, принадлежащих к среднему сословию».

Бывший гауляйтер Гамбурга Кребс сообщает о составе этой организации в 1926 г.: «Большая часть членов принадлежала к мелкой буржуазии, преимущественно к ремесленникам и розничным торговцам; много также торговых служащих. «Настоящие» рабочие были таким же редким явлением, как чиновники и университетская интеллигенция». Заметим, что в дальнейшем число представителей последней резко повысилось в связи с сильной безработицей в ее рядах. Но это детали, в целом социальный состав гитлеровской партии пока менялся мало.

Провал курса на завоевание рабочих масс отразился и на позиции нацистского руководства в вопросе о создании фашистских профсоюзов. Вскоре после возобновления деятельности партии в Мюнхен стали поступать, преимущественно с северо-запада, запросы на эту тему и соответствующие предложения. Руководство предпочло никак не реагировать на них. Гауляйтер Шлезвиг-Гольштейна Лозе отмечал в письме от 11 мая, что отсутствие ясных установок в вопросе о профсоюзах вызывает у рабочих скептицизм в отношении нацистской партии и «это недоверие нельзя устранить, не заняв определенной позиции». Ему был обещан ответ до конца года, но он так и не был дан.

Тактика проволочек прикрывала собой нежелание обнародовать отказ от создания своих профсоюзов. В первое время это вызывалось опасением перед укреплением того крыла, которое возглавлялось Г. Штрассером и в своей социальной демагогии заходило, по мнению Гитлера и его окружения, чересчур далеко. Позднее определяющим стало стремление во что бы то ни стало добиться укрепления связей с крупным капиталом, чему могло помешать существование профсоюзов НСДАП. Для внешнего мира это изображалось, однако, как раз наоборот: создание нацистских профсоюзов только-де «укрепит эксплуататорскую капиталистическую систему». А вот несколько иное объяснение — с той же, впрочем, целью профсоюзы «лишь ослабили бы идеалистический боевой (!) дух движения и отклонили бы внимание на экономические вопросы». А именно от этих вопросов, касавшихся борьбы за жизненный уровень, нацисты хотели отвлечь рабочих.

Многое объясняет следующее высказывание мюнхенской «Гроссдойче цайтунг», которая в период запрета «Фёлькишер беобахтер» была эрзацем этой газеты: «Нам постоянно делают упрек в

том, что мы боремся против профсоюзов и хотим разрушить рабочие организации... Мы стремимся превратить союзы в то, чем они должны быть, в организации общности экономических интересов», иными словами, «общности предпринимателей и рабочих».

В итоге (даже по данным самих нацистов, без сомнения приукрашенным) в 1930 г. процент рабочих в НС ДАП равнялся 28,1, в то время как рабочий класс составлял 45,9% населения страны. Следует отметить, что понятие «рабочий» у нацистов не соответствовало общепринятому тогда. Они включали в эту категорию и всех работников умственного труда, что, естественно, существенно меняло картину. Очень характерно также, что в районах, где была сосредоточена крупная индустрия — Рурской области, Берлине, Верхней Силезии, — процент рабочих среди членов нацистской партии был гораздо ниже, чем в Тюрингии и Бадене, где преобладала мелкая промышленность.

В мае 1926 г. в Мюнхене было созвано генеральное собрание партии. Одно из его решений касалось программы и объявляло ее неизменяемой. В несколько более позднем документе это формулировалось так: «Программа является неприкосновенной догмой!» Но неприкосновенной она была только для членов партии и ее приверженцев. Для нацистских же главарей и в этом смысле закон не был писан: в неизменяемую программу вносились «поправки» и «уточнения», соответствовавшие курсу на упрочение связей с крупной буржуазией и завоевание на сторону фашизма средних слоев. После Второй мировой войны один из главных экономических советников фюрера, Кеплер, сообщил, что, когда в 1927 г. впервые встретился с ним, тот дал ему понять о «полной непригодности» экономических разделов программы НСДАП.

В апреле 1928 г. в нацистской печати появилось небольшое, но весьма многозначительное сообщение о том, что пункт 17-й программы, касавшийся экспроприации крупных земельных владений, надо рассматривать, как обращенный исключительно против землевладельцев-евреев. Это было равносильно отмене данного пункта, ибо крупная земельная собственность в подавляющем большинстве (если не целиком) находилась в руках чистокровных юнкеров-«арийцев». Целью нацистского руководства было доказать свою полную и неотъемлемую приверженность принципам частной собственности вообще, в области сельского хозяйства в частности; это должно было снискать симпатии юнкерства и помочь завоевать голоса сельского населения остэ debate провинций, находившегося в огромной экономической и политической зависимости от юнкеров.

Спустя почти два года, в марте 1930 г., последовало второе разъяснение — вновь в той же области. В программе 1920 г. упоминалась земельная реформа (немыслимая без раздела наиболее крупных поместий). Теперь нацисты объявили, что и крупные землевладения имеют право на существование, ибо «выполняют свои специфические задачи». Поддержка со стороны юнкерства сыграла не последнюю роль в дальнейшей политической борьбе, завершившейся приходом фашистов к власти.

Для того чтобы стать незаменимыми в глазах монополистов, следовало покончить с организационной неразберихой, характерной для нацистской партии после возобновления ее деятельности. Первым шагом в этом направлении, как уже отмечалось, было сосредоточение оформления членских билетов в руках центра, чего удалось добиться тоже не сразу. Еще весной 1925 г. были назначены первые гауляйтеры, но это были отнюдь не ставленники Мюнхена, а местные деятели, выразившие желание занять соответствующие посты и выбранные на собраниях председателей первичных организаций. Известен даже случай, когда гауляйтер был смещен посредством голосования. Это в корне противоречило фашистскому принципу фюрерства, отрицавшему «власть большинства» (если такое большинство не было нацистским); но до поры до времени приходилось терпеть, ибо в течение всего 1925 г. шла ожесточенная борьба с фёлькише за местные организации. Естественно, что в этих условиях не могло быть и речи о назначении председателей первичных ячеек. Они выдвигались на собраниях местной организации «посредством выкрика», как говорилось в одной из инструкций руководства.

В 1926 г., когда нацисты вплотную приступили к реализации своих организационных замыслов, собрание гауляйтеров получило право утверждать или отклонять избрание гауляйтеров. Однако и в этот момент главари НСДАП еще не перешли к назначению местных руководителей, мотивируя это желательностью, чтобы те «пользовались доверием». И лишь в 1929 г., когда партия во всех ее звеньях уже прочно находилась в руках центрального руководства, было покончено с видимостью избрания. К этому времени все более или менее случайные лица, оказавшиеся на посту гауляйтеров, были заменены «своими» людьми. Сложился тот слой заправил НСДАП областного масштаба — Заукель, Кох, Тербовен, Лозе и другие, — который являлся ее опорой в течение многих лет.

С течением времени организационная структура усложнялась. Появились новые отделы в центральном аппарате, основательно разбухшем уже к концу 20-х годов, и в округах. Руководители отделов округа находились в двойном подчинении — гауляйтеру и начальнику соответствующего отдела в Мюнхене, а координация между этими двумя инстанциями практически отсутствовала, тем более что здесь решающую роль играли личные отношения между данным гауляйтером и главою того или иного отдела, нередко весьма враждебные. Так, гауляйтер округа Северный Рейн, а затем Гамбурга Кауфман, начавший свою деятельность в нацистской партии бок о бок с Геббельсом, ненавидел его лютой ненавистью (как и Геббельс — Кауфмана, впрочем); в 1927 г. он направил в Мюнхен заявление, где сообщал, что после совещания 1926 г. в Бамберге Геббельс заявил: «В 1923 г. Гитлер предал социализм». Геббельс позднее возглавил отдел пропаганды НСДАП (он сменил Г. Штрассера, ставшего начальником организационного отдела и в этом качестве обладавшего в 1930–1932 гг. большим влиянием в партии), Кауфман же вплоть до 1945 г. оставался гауляйтером.

Заявление Кауфмана было адресовано в незадолго до того созданный в составе мюнхенского руководства Комитет по расследованию и улаживанию. Аналогичные комитеты были образованы в каждом округе. Много времени им приходилось уделять разбирательству взаимных дрызг и доносов фашистских функционеров разных уровней. Имелось два основных сюжета этих конфликтов: обвинения в присвоении партийных средств или в том, что объект доноса — еврей. Так, Кауфман в 1926–1927 гг. вел длительную тяжбу с Пфефером, являвшимся до своего назначения в Мюнхен гауляйтером Рура, обвинял его в крупной недостаче средств в партийной кассе. В 1927–1928 гг. еще большую энергию проявил в этом смысле заместитель Кауфмана Э. Кох. Сначала он обвинил в присвоении партийных средств Тербовена, возглавлявшего местную нацистскую организацию в Эссене. Очевидно, обвинения имели под собой основания, ибо Тербовена отстранили было от дел. Но Гитлер восстановил его в должности. Тогда Кох переключился на... самого Кауфмана, стремясь, по-видимому, занять его место. Расследование показало, что, отправляясь в отпуск, последний действительно взял из кассы более 500 марок. Но он так никогда и не был наказан, а лишь переведен гауляйтером в Гамбург. Кох был назначен на аналогичный пост в Восточную Пруссию, а Тербовен получил организационную самостоятельность и несколько позднее стал гауляйтером.

Фашистам приходилось одного за другим менять проворовавшихся «патриотов». В начале 1930 г. был снят со своего поста командующий СА Гессен-Дармштадта и Гессен-Нассау Фоссхаген, присвоивший более 3 тыс. марок. Его преемник Матернус продержался только полгода, кончив тем же. Штандартенфюрер СА в Штаркенбурге (Гессен) фон Редер сумел всего за три месяца извлечь из партийной казны более 3 тыс. марок; его отстранение было ускорено «нарушениями морали», в которых были также замешаны «хранитель программы» Федер и руководительница женской нацистской группы Дармштадта. Было решено назначать на посты, связанные с финансами, лишь лиц, имеющих значительные доходы. Но и это, как видно, не помогало, ибо приходилось помещать в газетах «заявления вроде следующего: «Человек по имени Газенклевер занимался в районе Дахау сбором средств для НСДАП по подписке и скрылся с ними. Остерегайтесь его».

Летом 1927 г. Кох поместил в органе Штрассеров «Национал-социалистические письма» статью, где, прозрачно намекая на Геббельса, говорил «о расовой неполноценности» подобных ему типов; Геббельс немедленно нанес контрудар, обвинив Штрассера в том, что он еврей. Обширная переписка об этом сохранилась в архиве. Даже Розенберга, неустанного идеолога воинствующего антисемитизма, двое его «коллег» — Штрейхер и Эссер — уличали в том, что он наполовину еврей! Сведения о грызне среди фашистских главарей, несмотря на все усилия скрыть внутреннюю борьбу, носившую, как мы видели, совершенно беспринципный характер, проникали в печать. Об этом шла речь в письме Федер Геббельсу, относящемся к 1926 г., где отмечалось, что «общественность не без основания может ссылаться на споры между руководителями [нацистской партии] и заявлять с насмешкой: вы призываете к единению народа, но не в состоянии поддерживать мир даже между собой».

Нацистские Комитеты по расследованию и улаживанию много занимались рассмотрением распрей между лидерами, но за исключением одного случая, когда гауляйтер из Вюртемберга Мундер вынужден был уйти в отставку — не столько из-за того, что сожительствовал с женой товарища по партии, сколько из-за строптивости по отношению к Мюнхену, никто из руководящих деятелей НСДАП не пострадал. Комитеты по расследованию и улаживанию всячески отстаивали последних, если рядовые члены нацистской партии выражали недовольство кем-либо из них, и карали жалобщиков. Именно в этом и заключалась главная задача указанных комитетов. В апреле

1925 г. Гесс в письме к одному из деятелей партии, жаловавшемуся на разброд, напомнил: «Верное средство очищения организации от элементов, которые не подчиняются, — исключение». Это средство действительно применялось, но не против бонз, даже если они присваивали партийные деньги, и тем более не против лиц, чей моральный облик и «шокировал» кое-кого из нацистских заправил. Исключались другие — те, кто выражал сомнения в правильности фашистских догм или недоумение масштабами, которые принимает обожествление фюрера.

Выступая на генеральном собрании в Мюнхене в июле 1927 г., Гитлер подчеркнул: одной из самых главных целей руководства было утвердить в качестве непреложного закона, что «решения по вопросам развития принимаются не на заседаниях, съездах, конгрессах, будь они даже весьма импозантны». А на следующий год он вернулся к этой теме, добавив, что ни к чему на такого рода собраниях обсуждать важные проблемы. «В рамках политической партии дискуссии об этих проблемах так же невозможны, как и о мировоззрении или религии». Этот принцип твердо проводился с первого же съезда после возобновления деятельности партии, собравшегося в июле 1926 г. в Веймаре. В директивах съезду (они оставались в силе и для двух последующих — в 1927 и 1929 гг.) говорилось, что съезд не место для политических дискуссий и рассмотрения каких-либо изменений в политике; единственная его цель — быть демонстрацией силы и единства. Все внесенные в порядке подготовки съезда предложения должны были рассматриваться на закрытых заседаниях, посвященных тому или иному кругу вопросов, причем судьба этих предложений определялась не голосованием, а решением председательствующего; последнее слово Гитлер оставлял за собой.

Открыл съезд тогдашний гауляйтер Тюрингии Динтер (спустя короткое время он уже оказался вне партии, ибо предлагал ограничить власть фюрера). Гитлер в своей речи вновь высказал свое отношение к народным низам: «Массы безответственны. Человека обычно интересует удовлетворение инстинктивных потребностей в пище, питье, любви и самовоспроизводстве». С трибуны Национального театра в Веймаре — правительство Тюрингии охотно предоставляло его для фашистских сборищ — нацистские лидеры призвали соотечественников, проживающих в тех зарубежных странах, где имелось значительное немецкое меньшинство, стать членами НСДАП, при условии, что они будут решительно бороться за присоединение этих территорий к Германии. Рядовые члены партии в зал, естественно, допущены не были.

Следующий съезд был созван в августе 1927 г. уже в Нюрнберге. По официальным данным, сюда прибыло 47 специальных поездов. Нацисты утверждали, что число участников достигало 30 тыс. человек, на деле их, по-видимому, было вдвое меньше. Среди других ораторов на съезде выступил председатель нацистской фракции в рейхстаге Фрик, недвусмысленно охарактеризовавший смысл пребывания фашистов в парламенте: подготовить его разгон и установление диктатуры. На закрытом заседании, занимавшемся организационными делами, было внесено предложение не рассматривать «несоответствующих вопросов, чтобы не понижать уровень съезда». Таким образом, «гайки» продолжали завинчиваться.

В 1928 г. нацисты из-за нехватки средств отказались от проведения съезда. Это был для них не слишком благоприятный момент: вся ширококвотельная пропагандистская кампания, развернутая в связи с выборами в рейхстаг, принесла только 700 с лишним тысяч голосов и 12 депутатских мест. Надежды на крупные успехи не оправдались, и в «Фелькишер беобахтер» за 23 июня Розенберг был вынужден признать, что «положение действительно безрадостное».

В 1929 г. ситуация значительно изменилась. Рейд по индустриальным центрам принес необходимые средства, но главное было в том, что нацистская партия неожиданно получила мощную помощь со стороны влиятельнейшей силы лагеря крайне правых — Национальной партии (см. ниже). На нюрнбергский съезд 1929 г. были приглашены магнат Кирдорф, а также ветеран антибольшевизма кайзеровский генерал фон дер Гольц; оба они затем выступили в «Фелькишер беобахтер» с хвалебными статьями. На съезде присутствовало много представителей зарубежных немцев — сторонников нацизма; делегация из Судетской области Чехословакии вышла на демонстрацию с транспарантом «Германские Судеты верны Гитлеру». Это было за девять лет до Мюнхена! Гитлеровцы утверждали, что в Нюрнберг съехалось около 200 тыс. человек, но это была ложь; участников было примерно 30 тыс., социал-демократическая печать Мюнхена утверждала даже, что по улицам Нюрнберга шествовало не более 17 тыс.

Участник съезда Б. Узе красочно описал специальное заседание по рабочему вопросу, где вполне закономерно было затронуто отношение к забастовкам. Уже не впервые члены партии —

пролетарии (количество их было невелико, но они все же имелись) поднимали этот вопрос; нацистские же лидеры всячески стремились уйти от прямого ответа. На упомянутом съезде Лей поставил все точки над «и»: «Забастовка — это инструмент классовой борьбы, — заявил он, — и поэтому национал-социалисты при любых обстоятельствах отвергают ее». От имени Гитлера Лей положил конец дальнейшим разговорам на данную тему.

Наиболее полное выражение ситуация в нацистской партии нашла в возвеличивании Гитлера, уже вполне сложившемся к этому времени. Вот что писал, например, 9 января 1927 г. в статье, озаглавленной весьма характерно — «Хайль Гитлер!», Г. Штрассер, которого в зарубежной литературе принято рассматривать чуть ли не как главу оппозиции против фюрера: «Подчиненный герцога, член его свиты! Сущность национал-социалистической рабочей партии заключается в этом истинно немецком соотношении вождя и подвластных ему, понятном только немецкому существу и немецкому духу, аристократическом и в то же время демократическом». Фимиам Гитлеру курили и многие другие нацистские лидеры, в частности командующий штурмовыми отрядами Пфефер. В декабре 1929 г. он писал одному из своих приспешников: «Перед вами только одна индивидуальность: фюрер. И вы подчиняетесь ему... Вы не спрашиваете — почему и по какой причине». Одна из фашистских газет сформулировала это так: «Идея фюрерства — основа национал-социалистической партии». Одним из наглядных свидетельств этого было распространение приветствия «Хайль Гитлер!», которым при встрече обменивались нацисты. По некоторым данным, это имело место уже в конце 1923 г., хотя в тот момент, казалось бы, серьезных оснований для обожествления фюрера не было.

Но с 1925 г. это приветствие постепенно входит в обиход и остается на долгие годы. Советский тоталитаризм такого ритуала не создал.

В то время еще более или менее открыто звучали слова предостережения. Так, Фольк писал: «Если вожди полагают, что они могут все оценить одни и лучше остальных, то мы далеко не уйдем». А в более позднем его меморандуме, составленном после ухода в отставку, говорилось: «Шумиха вокруг фюрера приняла в конце концов такие масштабы, что наши звездопоклонники, услышав известное имя, впадают в истерику... Фюрер — это все, только от него в детско-рабской покорности ожидают исполнения надежд и желаний». Все это были очень правильные слова, но они оставались известными немногим, Фольк же, критикуя культ фюрера в частных письмах, одновременно на собраниях провозглашал тоекратное «хайль» Гитлеру.

Большую последовательность проявил Г. фон Мюке, в годы Первой мировой войны командовавший военным кораблем, а во второй половине 20-х годов возглавлявший нацистскую фракцию саксонского ландтага: «Я постоянно был противником все более распространявшегося после возвращения Гитлера из крепости, противоречащего немецкому духу, отвратительного, византийского... культа личности», — писал Мюке в книге, вышедшей из печати уже после того, как он в 1929 г. порвал с НСДАП.

Восхваление Гитлера и тесно связанное с этим утверждение принципа фюрерства занимали одно из центральных мест в нацистской пропаганде, которой фашистские главари придавали столь важное значение. «То, что можно добыть при помощи бумажных пуль, — поучал фюрер, — не надо будет впоследствии добывать при помощи стальных». При этом нацисты считали, что уровень пропаганды следует ориентировать на способности восприятия самого ограниченного субъекта из тех, к кому она обращена. Излюбленные темы — сила, честь, победа, месть; преподносить их лучше всего в вечерние часы, когда люди уже утомлены и более склонны подчиниться чьему-либо руководству. В нацистской пропаганде не было полутонов; только черное и белое: в своем лагере все правильно и хорошо, у противников все неверно и плохо. Считалось, что если в собственной пропаганде допускается хотя бы тень правоты на стороне противника, то тем самым уже кладется сомнение в собственной правоте. Другое неизменное правило — ни в коем случае нельзя «выносить сор из избы». Об этом шла речь в специальных циркулярах, то же требование содержалось в приказе командующего СА Пфефера от 5 ноября 1926 г.: «Занятие политикой... требует отрицать и утаивать все слабости, ошибки, недостатки перед лицом общественности, хотя каждый разумный человек знает, что там, где есть свет, должна быть и тень». Помимо доведенной до предела лживости, отличительной чертой нацистской пропаганды была ее демагогичность, которая насквозь пронизывала любую речь фашистского функционера, любую статью, опубликованную в нацистской печати. В этом отношении деятели НСДАП оставили далеко позади всех своих соперников из лагеря крайней реакции, не сумевших подняться до тех «высот» лицемерия, беззастенчивости,

беспринципности, которые были свойственны нацизму. Ограничимся лишь одним примером: Геббельс в дружеском кругу брался убедительно изложить четыре различные точки зрения на один и тот же предмет.

Тоталитарные диктаторы постоянно заботились о том, чтобы выглядеть в глазах соотечественников не только гениальными политическими деятелями, но и образцами высокой нравственности. Вегетарианец Гитлер был в глазах немцев образцом и в отношениях с женщинами — ведь он даже не был женат, а о каких-либо извращениях в этом смысле широкой общественности ничего известно не было. Между тем с именем Гитлера связана история, которая, если бы она стала широко известна, могла бы напрочь подорвать его репутацию в глазах граждан Веймарской республики.

Речь идет об отношениях Гитлера и его племянницы Гели Раубаль, дочери его родной сестры. Гели приехала в Мюнхен из Австрии и жила в квартире Гитлера. Очевидно, между ними были отношения, выходящие за рамки родственных, свидетельством чего являлся черновик письма, которое намеревался направить фюреру глава партийного суда Бух после инцидента, случившегося весной 1928 г. в квартире Гитлера. Тот застал своего шофера Э. Мориса (человека весьма близкого) в комнате Гели и набросился на него с хлыстом, который практически постоянно держал в руках, так что нежданный гость вынужден был выпрыгнуть в окно. В том же письме Бух, набравшись смелости, обвинил Гитлера в том, что тот постепенно пришел к презрению по отношению к людям. Неизвестно, отправил ли Бух это письмо (скорей всего, он понял, что последствия могут быть тяжелыми; что касается презрения к людям, то оно было свойственно Гитлеру с малых лет, а перипетии его жизненного пути лишь укрепили подобные чувства, доведя их до патологических масштабов).

История же с Гели Раубаль на этом далеко не закончилась. Отношения Гитлера и Гели были явно сексуальными, а ревность фюрера, очевидно, вела к серьезным осложнениям, что в конечном счете привело к самоубийству женщины. Некоторые подробности этого дела известны из книги Э. Ханфштенгля; им можно доверять, ибо автор был одним из наиболее близких к Гитлеру единомышленников (именно в его доме, как известно, фюрер нашел прибежище, когда бежал после расстрела нацистской демонстрации 9 ноября 1923 г.). Ханфштенгль сообщает, в частности, о следующем признании Гели: «Мой дядя — чудовище. Ни один человек не может представить себе то, чего он добивается от меня». Из книги Ханфштенгля известен также эпизод, который без сомнения не мог способствовать улучшению отношений Гитлера и его племянницы. Дело в том, что Гели сфотографировалась в обнаженном виде, причем в позах, которые, по словам автора, по порнографическому эффекту превосходили то, что можно было увидеть на фотографиях профессиональных моделей. Эти фотографии, к несчастью, попали в посторонние руки.

Можно представить себе гнев Гитлера, для репутации которого появление подобных фотографий могло быть губительным. Но этого не произошло; очевидно, фюрер принял экстраординарные меры, чтобы предотвратить скандал, для чего, надо полагать, потребовались значительные средства из тех, которые предоставляли жертвователи-промышленники. Но для отношений фюрера и его пассии этот эпизод не мог пройти без последствий. Так или иначе, но в 1931 г. Гели Раубаль застрелилась, использовав для этой цели пистолет дяди. Удар был сокрушительный — даже для человека, не считавшего, что чужая жизнь стоит многого. И в данном случае скандала удалось избежать, хотя для многих подоплека происшедшего и характер отношений дяди и племянницы не были секретом. И человек, совративший племянницу и явившийся виновником ее ранней гибели, продолжал выступать в роли учителя жизни для миллионов немцев. А антифашисты, как и в других случаях, не могли «раскрутить», как сказали бы теперь, историю с Гели Раубаль — не обладали необходимой хваткой, не сумели придать ей того значения, которое следовало, — ведь в это время, после оглушительной победы НСДАП на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г., фашистская угроза приобрела вполне реальные очертания и требовала активного противодействия.

В конце 1920-х годов нацисты развили бешеную активность, проводя гораздо большее число всякого рода митингов, собраний, походов и шествий, чем любая другая партия. Пропаганда носила концентрированный характер. Как видно из циркуляра по этому вопросу от 24 декабря 1928 г., подписанного Гиммлером, предлагалось время от времени провонять «ударные» пропагандистские кампании, устраивая в пределах какого-либо округа от 70 до 200 собраний на протяжении 7–10 дней. Для таких собраний следовало выбирать не слишком большие залы — так, чтобы они наверняка

были заполнены. Гитлеровцы не рассчитывали заманить людей одними «идеями»; обязательной составной частью нацистского собрания были музыкальные номера, спортивные упражнения, живые картины и т.п. Нацистское руководство тщательно изучало положение в отдельных местностях и рекомендовало концентрировать пропагандистские усилия прежде всего там, где это могло привести к немедленному и быстрому росту организации.

Настоящим спектаклем являлись митинги, на которых выступал фюрер. Не менее важным, чем содержание речи, было создание «атмосферы». Ее накаливанию способствовали долгое ожидание (хотя фюрер в это время мог находиться в каком-либо близлежащем кабачке), громкая музыка, барабанный бой, церемония внесения в зал знамен и т.п. Воздействие речей Гитлера основывалось на бесконечном повторении и варьировании одной-двух примитивных мыслей, преподносимых на искусственном эмоциональном подъеме, который заражал слушателей. Не только люди, знавшие толк в ораторском искусстве, но и некоторые слушатели, не искушенные в этом (в том числе полицейские чины, наблюдавшие за нацистскими собраниями), отзывались о выступлениях Гитлера отрицательно, отмечая их бессодержательность. «С точки зрения мысли — пустое место. Наиболее действенный момент — способность прививать возбуждение... Таким образом, — примитивнейшая ступень ораторского искусства», — оценивал речи Гитлера один журналист, слышавший его в 1927 г.

Тем не менее талант площадного демагога делал свое. Очень точно определил возможности фашистского главаря идеологический предшественник нацизма Х.С. Чемберлен, назвавший его «недужинным упрости́телем». Эта способность свести все многообразие мира к двум-трем элементарным формулам, настолько примитивным и правдоподобным, чтобы они были доступны каждому, помноженная на истерическую, экстатическую форму их преподнесения, и составляла «секрет» успеха Гитлера у определенного круга слушателей. На первом публичном выступлении фюрера (после отмены запрета) в Гамбурге осенью 1927 г. один из присутствовавших, не принадлежавший к нацистам, обратил внимание на то, как речь Гитлера слушали распорядители, следившие за «порядком» в зале: «На их лицах видно было тщетное старание следить за ходом рассуждений оратора. Сквозь произносимые слова они, однако, впитывали в себя нечто, что не складывается в понятия, но воплотится в действие, когда они примут участие в уличной драке во имя свастики». Конечно, Гитлер иногда разнообразил свои приемы, подлаживаясь к аудитории. Так, каждая его речь на массовых митингах изобиловала безудержными антисемитскими выпадами, в выступлениях же перед «сливками» общества он избегал этой темы. Посещая какую-либо местность, Гитлер стремился завоевать расположение слушателей деталями, якобы обнаруживавшими знакомство с местными условиями и нуждами. Чрезвычайно импонировало участникам некоторых, не слишком многочисленных, конечно, собраний, когда фюрер обменивался с ними рукопожатиями, демонстрируя свою «простоту» и «общедоступность». Ведь этим людям не были известно, что говорил он о массах в закрытых аудиториях.

Нацистские главари были очень восприимчивы к техническим новинкам и быстро ставили их на службу своей пропаганды. Так было, например, с кинохроникой. Уже в 1927 г. фашистские кинооператоры изготовили фильм о съезде НСДАП, показ которого длился 30 минут; после съезда 1929 г. был уже снят фильм продолжительностью полтора часа. Еще более важное значение для пропагандистских успехов нацистской партии имело применение микрофона и репродуктора, открывших перед фашистами возможность значительно расширить масштабы своего вредоносного влияния. Это относится уже к 1930 и последующим годам, когда нацисты первыми сумели столь широко поставить радио на службу политическим целям.

Большое значение фашисты придавали и печатному слову; здесь они также действовали чрезвычайно активно. Если в 1926 г. в их распоряжении имелась только одна ежедневная газета — «Фелькишер беобахтер», выходящая тиражом в 10 700 экземпляров, то в 1928 г. их стало четыре, а общий тираж — 22 800 экземпляров; в 1929 г. было уже 10 ежедневных газет (72 600 экземпляров). Имелось также много еженедельников. В области печати шла непрерывная грызня между различными нацистскими лидерами, издававшими газеты и вступавшими в прямую конкуренцию за читателя. Так, ожесточенно боролись друг с другом Федер и Тербовен, тот же Федер и Штрейхер; иногда дело кончалось обращением в суд. Наиболее непримиримая свара происходила в Берлине, где Геббельс в 1927 г. приступил к изданию своей газеты «Ангриф»; ее продавцы подчас вступали в драку с разносчиками штрассеровских изданий.

На страницах нацистских газет и листовок центральное место также занимали материалы

антисемитского содержания. Если бы не существовало антисемитизма, гитлеровцы были бы начисто лишены возможности применять свою социальную демагогию с ее тезисом о «созидающем и хищническом капитале», где в качестве создателей фигурировали арийские буржуа, а в обличье хищников, беспощадно эксплуатирующих народные массы Германии, выступали капиталисты-евреи. Вот что говорилось, к примеру, в одной из фашистских предвыборных листовок: «Когда на рабочих собраниях и в рабочей печати идет речь о крупном капитале, то называют только Круппа, Стиннеса, Тиссена, Кертинга и аналогичных им... Может быть, травля последних вызвана стремлением отвлечь внимание рабочих от действительно опасных эксплуататоров народа?.. До войны состояние Круппа составляло 250 млн марок, состояние же банкирского дома Ротшильда — 40 млрд. Почему же социалистические агитаторы... постоянно говорят только о Круппе и других «баронах угля и стали?»»

Таким образом, служебная роль антисемитизма в системе фашистской пропаганды была исключительно велика. Нацистские главари с нескрываемой гордостью говорили, что «антисемитизм, как идея, растет. То, чего 10 лет назад еще почти не было, сегодня налицо: еврейский вопрос поставлен в порядок дня, он не исчезнет более, и мы должны позаботиться, чтобы он приобрел международный характер». Здесь германские фашисты действовали особенно целеустремленно, доведя дело до физического уничтожения миллионов людей.

Выше уже отмечалось, что временное ослабление нацистов компенсировалось значительной активизацией других реакционных организаций, которые хотя и не были полностью тождественны фашистским, но имели с ними чрезвычайно много общего в целях, особенно же в методах, которые они использовали в борьбе против организованного рабочего движения. «Стальной шлем», «Младогерманский орден», «Викинг» и другие действовали в условиях Веймарской республики почти беспрепятственно, а проводимые ими торжественные марши, парады, походы и т.д., как правило, имевшие провокационный характер, проходили под неизменной опекой властей и полиции. Иначе эти мероприятия вообще не могли бы состояться, ибо рабочие в своей массе относились к наглым вылазкам реакционеров резко отрицательно и делали все, чтобы сорвать их.

1 марта 1924 г. было отменено осадное положение, а уже 2 марта различные военизированные реваншистские формирования пытались провести так называемый «Германский день» в Иене, пользуясь благоприятной для них обстановкой, сложившейся в Тюрингии после разгона там рабочего правительства. Однако пролетарская Иена провела многотысячную контрдемонстрацию — Красный день, доказав, что не намерена уступить фашистам улицу. Такой же отпор был оказан реакционерам в их попытках организовать «Германские дни» в других городах Тюрингии — Хохенлейбене, Гильдбургхаузене, Шлотгейме и др.

Усиление активности милитаристско-монархических союзов отмечалось во многих землях. Но наиболее опасной их провокацией явилось намерение провести крупный смотр своих сил в центре пролетарского района Средней Германии — Галле. Этот план возник после первых в 1924 г. выборов в рейхстаг, принесших реакционным партиям значительный успех, о чем уже говорилось. Много голосов они собрали и в округе Галле, но здесь были особенно сильны коммунисты, значительно превосходившие социал-демократов по своему влиянию на рабочих и занимавшие руководящие посты в профсоюзах. 11 мая в Галле прибыло большое количество членов военизированных организаций — не только из Средней Германии, но и из близлежащих Саксонии и Тюрингии, Баварии и других местностей. Приехало 27 генералов, в том числе Людендорф, без которого ни одно мероприятие такого рода не обходилось, Макензен, адмирал Шеер, принцы из дома Гогенцоллернов и др. Уже в течение нескольких дней до этого в окрестностях города проводились военные учения участников смотра, отрабатывавших приемы уличных боев с рабочими.

Но пролетарии не дали запугать себя. Они вышли на улицы с целью сорвать замыслы реакции. Среди них были и труженики крупнейшего химического предприятия — завода Лейна, ответившие на призыв быть в авангарде отпора угрозе со стороны реакции. Рабочие были практически безоружны, но в ходе ожесточенных столкновений с фашистами прибегнули к захваченному у последних оружию; число жертв оказалось небывало большим. События в Галле были успехом, ибо вся общественность страны убедилась, что рабочие намерены энергично противодействовать каждому массовому выступлению фашистов.

Иностранная пресса в связи с событиями в Галле напоминала об аналогичной демонстрации итальянских фашистов в Неаполе накануне «похода на Рим» в 1922 г. Но были и существенные различия в ситуации, организованности рабочего класса.

Фашистская вылазка в Галле, о которой шла речь выше, как и аналогичные ей, но меньшие по

масштабам, в других местах была весьма тревожным симптомом. У власти в Германии в то время находилось правобуржуазное правительство, пользовавшееся поддержкой реакционной Национальной партии; но и социал-демократические лидеры, занимавшие многие ключевые посты, особенно в Пруссии (в том числе и в Галле), продемонстрировали нежелание оказать действенный отпор представителям крайней реакции. Необходима была действенная и организованная пролетарская самооборона.

В различных источниках и литературе содержится большое количество свидетельств активного сопротивления проискам фашистов. Вот еще ряд примеров, относящихся к Тюрингии. В июле 1926 г., во время съезда НСДАП, проходившего в Веймаре, нацисты (как и в 1924 г.) пытались захватить местный Народный дом, но натолкнулись на решительное сопротивление. В момент наибольшей опасности Союз красных фронтовиков и «Рейхсбаннер» объединили свои силы; несколько десятков человек из обеих организаций постоянно дежурили у здания, не дав фашистам проникнуть в него. В Бюргеле, Штадроле, Гольдлаутере-Хайдерсбахе были пресечены попытки создать первичные организации НСДАП. В 1925 г., вдохновленные избранием Гинденбурга, фашисты развернули шумную националистическую кампанию в связи с эвакуацией Рурской области французскими войсками; антифашисты дали им мощный отпор в Бохуме, Гельзенкирхене, Эссене, Мюльгейме и других городах. В Дортмунде было сорвано выступление Г. Штрассера. Здесь, в Руре, нацисты испытывали на самих себе последствия введенных ими в политический обиход приемов; на их митинги приходило много противников, навязывавших изменения в регламенте, в принимаемых резолюциях.

Но далеко не всегда нацисты шли на попятный; чаще они при первой же возможности, имея перевес, пытались терроризировать антифашистов. Обильные доказательства этого содержатся в дневнике Геббельса. Так, 26 сентября 1925 г. он записал о своем выступлении в Дортмунде «со стрельбой и тяжело ранеными». Ровно через месяц: «Кровь течет... У нас 49 раненых». Конечно, Геббельс намного преувеличил число жертв со стороны нацистов, о потерях же противника он не упоминает вовсе. 23 ноября, Хемниц (Саксония): «После окончания собрания дикая драка. Разбита тысяча пивных кружек; 150 раненых, в том числе 30 — тяжело, двое убитых» — более чем последовательное выполнение призывов «уничтожить, выкорчевать противника». 8 февраля 1926 г. в Хаттингене проводился с провокационными целями «день СА»; результат — крупное сражение. Все эти вылазки нацистов происходили в наиболее развитом в промышленном отношении районе страны с давними традициями пролетарской борьбы. Тем больший интерес он представлял для фашистов, но и тем больший отпор они получали здесь. Геббельс о действиях антифашистов не распространяется, но и он, как мы видели, полностью скрыть их не может. Из записи от 29 марта 1926 г. видно, что в Лейпциге было сорвано нацистское собрание, на котором должен был выступить белоэмигрант Грегор.

Осенью 1925 г. Гитлер совершил пропагандистское турне по Тюрингии; он выступал в Веймаре, Гере и Иене. Везде рабочие протестовали, проводили массовые антифашистские митинги и демонстрации. Уже в день приезда Гитлера 19 ноября состоялась большая манифестация и антифашистский митинг. Гитлер вынужден был отказаться от выступления перед массовой аудиторией и держал свою речь на закрытом собрании; закончив речь, он покинул помещение с черного хода, избегая встречи с рабочими.

Особенное возмущение демократов вызвала позиция нацистского руководства в отношении борьбы за конфискацию княжеских имуществ, о чем уже шла речь выше. Фашистов называли «княжескими прислужниками». Как уже говорилось ранее, когда одна из нацистских групп пыталась в это время отправиться поездом из Кёльна в Бонн, машинист отказался везти «фашистских бандитов». Все же они добрались в Бонн, но там было отнюдь не лучше. «На одной из улиц, по которой мы маршировали, — вспоминал впоследствии участник этого «похода», — из всех дверей и окон в нас кидали кусками угля, брикетами, вазонами и другими предметами... Под охраной большого наряда полиции мы были доставлены на вокзал».

Вот еще одно колоритное описание, также принадлежащее нацисту и в данном случае особенно достоверное. В мае 1926 г. Гитлер, не имевший права выступать в Бадене, произнес речь в Гейльбронне (Вюртемберг); несколько сот баденских нацистов отправились туда, но были с нескрываемой враждебностью встречены жителями Гейльбронна. Подъездные пути к городу оказались перекрыты, все машины обыскивались. Зал, где должен был выступать фашистский главарь, окружили тысячи людей, раздавались выкрики: «Долой предателей рабочего класса!» Лишь

полиция (как и во многих других местах) спасла фашистов от гнева демократов.

Настоятельная необходимость единства диктовалась в тот момент и другим обстоятельством. В 1926 г. был раскрыт новый план реакционного переворота, в котором были замешаны все те же организации правого лагеря: «Стальной шлем», «Викинг», «Вервольф» и др. Как свидетельствуют документы, их замысел заключался, в частности, в провоцировании неподготовленного выступления авангарда пролетариата; в этой обстановке они намеревались сыграть роль «спасителей» страны. А чтобы создать необходимую ситуацию, как заявил на секретном совещании представитель союза «Викинг», «крупные промышленники Берлина — Борзиг, Сименс, Шварцкопф, а также другие члены Германского объединения промышленников должны выбросить на улицу значительное число рабочих». Коварный замысел этот остался на бумаге, заговор был раскрыт, но для демократов сообщения о нем прозвучали как новый сигнал опасности. Во многих местах возникли комитеты единства против угрозы со стороны реакции.

Так, 14 мая представители антифашистских организаций Зуля (Тюрингия) образовали Комитет действия для отражения опасности фашистского путча и призвали провести единую демонстрацию; она состоялась спустя два дня и показала готовность к борьбе. Следует учесть особое значение Зудя в данной обстановке, определявшееся тем, что там были расположены известные по всей Германии оружейные предприятия.

К 1926 г. нацистские штурмовые отряды еще не полностью завершили процесс восстановления и реорганизации. В течение первого периода после мюнхенского путча они вообще вынуждены были маскироваться, выступая под другими названиями, под видом спортивных обществ, экскурсионных союзов и т.п. После выхода из тюрьмы (он был в мае 1924 г. избран депутатом рейхстага) Рем приступил к созданию организации «Фронтбан», призванной заменить СА. Но он не сумел найти общий язык с Гитлером, ибо настаивал на том, что военизированные отряды — самостоятельное звено движения, а фюрер требовал полного подчинения их политическому руководству. До тех пор, пока сама НСДАП еще не достигла необходимой, по мнению ее главарей, централизации, воссоздание штурмовых отрядов шло спорадически; существующие находились в ведении соответствующих гауляйтеров, и между последними и командующими СА нередко возникали яростные конфликты. Так было, в частности, в Гамбурге, где взаимная борьба приняла чуть ли не вооруженный характер, в Берлине. Здесь штурмовые отряды, возникшие в марте 1926 г., насчитывали 500 человек — больше, чем было в самой нацистской организации. Конфликт командира этих отрядов Далюге с гауляйтером Шланге протекал в необычайно острых формах, характерных для безудержной борьбы, которая постоянно велась между фашистами. Хотя нацистское руководство считало в определенной степени полезными для себя подобные распри, позволявшие ему проявлять свою власть, все же ясно было, что широкая самостоятельность командиров штурмовых отрядов не в интересах нацистской верхушки, которая стремилась избежать нового запрета и опасалась того, что командиры отрядов будут действовать на свой страх и риск.

Покончив с «Рабочим содружеством» и прочно утвердив курс на сближение с крупным капиталом, главари НСДАП приступили к реорганизации отрядов СА с целью полного их подчинения. В поисках подходящего для решения данной задачи лица они остановились на гауляйтере Рура капитане в отставке Пфедере. В октябре 1926 г. он был поставлен во главе СА. В своем письме к Пфедеру, содержащем инструкции, фюрер лицемерно провозглашал, что СА должны добиваться «завоевания улицы», но якобы не при помощи кинжала, яда или пистолета. Как будто этого можно было достичь иначе. Упорно отрицался также полувоенный характер штурмовых отрядов: нацистское руководство опасалось конфликтов по этому поводу с командованием армии.

Пфедер развернул бурную деятельность. Обращаясь с циркуляром ко всем гауляйтерам, он утверждал: «СА — отличают нас от всех известных парламентских партий. СА — залог нашей победы. Я рассматриваю СА, как венец нашей организации и нашей политической работы». В этих словах звучит явная переоценка значения штурмовых отрядов, с которой нацистской верхушке уже пришлось сталкиваться в течение длительного времени. В приказе от 3 ноября 1926 г. Пфедер изложил свою концепцию гораздо подробнее, обосновывая ее ссылками на психологию: «Зрелище большого количества внешне и внутренне единообразных, дисциплинированных мужчин, чья безудержная воля к борьбе очевидна, производит глубокое впечатление на каждого немца и влияет на его сердце больше, чем печатное слово или логическая речь». Он подчеркивал далее: «Эффект, достигнутый воздействием на чувства, не только не усиливается, а, наоборот, ослабляется одновременным применением логических доказательств и агитационных средств... Когда на сцене

появляется СА, все это [пропаганда] прекращается. Штурмовики не знают уступок. Они не действуют по мелочам. Они признают только лозунг — ты или я!»

Мы уже познакомились с кровожадными высказываниями Гитлера, вот еще одно в том же роде — из беседы с Г. Раушнинггом, но его значение, как увидим, гораздо шире. «Жестокость импонирует, — говорил фюрер. — Люди нуждаются в спасительном ужасе... Они хотят, чтобы их пугали, хотят, содрогаясь, подчиняться кому-нибудь. Знакомы ли Вы с таким явлением, что после драк на митингах именно побитые в первую очередь вступают в партию?» Здесь варварство, как метод политической борьбы, подкреплено «теоретически», возведено в систему. А практика обеспечивалась тем, что во главе штурмовых отрядов стояли подлинные головорезы, выходцы из добровольческих корпусов, «набившие руку» на массовых убийствах в ходе сопротивления Ноябрьской революции и последующим революционным выступлениям.

Одним из них был сам Пфефер, обвинявшийся в политическом убийстве, но разгуливавший на свободе. Зверское убийство ни в чем не повинного человека совершил Гейнес, отбывший (и то лишь спустя несколько лет) смехотворно малый срок и занимавший видное место в командовании штурмовых отрядов. Гитлер поручил Гейнесу привлечение молодежи в ряды фашистов и ее «воспитание» в соответствующем духе. Нацистская организация молодежи считалась филиалом СА и непосредственно подчинялась их командованию. В Магдебург-Ангальте коричневорубашечников возглавлял такой же головорез, отсидевший три с половиной года и освобожденный по амнистии. В убийстве был замешан и М. Борман, в 20-е годы еще никому не известный и занимавший скромный пост кассира местной фашистской группы. Еще один позорный случай заботы об убийцах связан с именем Г. Штрассера. Его фаворитом стал один из наиболее гнусных преступников первых послереволюционных лет Шульц, который за содеянное был приговорен достаточно дружественным судом к пожизненному заключению. В тюрьме Шульц, чьи взгляды и прежде были весьма близки к фашистским, сблизился с НСДАП, и видные деятели последней, в том числе Штрассер, пользуясь своими связями, стали добиваться сначала ограничения срока пребывания Шульца в заключении, а затем его досрочного освобождения. Им это удалось, после чего Шульц стал близким сотрудником Штрассера. К сожалению, в этой процедуре участвовали некоторые юристы, не входившие в НСДАП, но не остановившиеся перед поддержкой усилий нацистских лидеров по освобождению заклятого преступника. Преступный элемент был типичен не только для штурмовиков, но и для нацистской партии в целом. Так, один из членов рейхстага от этой партии, Веллер, судился 30 раз, в том числе 8 раз за увечья, нанесенные политическим противникам.

В начале 1927 г. в небольшом гессенском городке Наштеттене должно было состояться антинацистское собрание; фашисты задались целью не допустить его, запугать население. Около 100 штурмовиков из Кобленца, Уайнца, Висбадена и Франкфурта-на-Майне были на нескольких грузовиках направлены в этот городок, для такого случая из соседней Вестфалии прибыл тамошний гауляйтер Лей, произнесший на площади провокационную речь. Нацисты буквально неистовствовали, их жертвой оказался и один из местных блюстителей порядка, которого они продолжали «обрабатывать», даже когда он потерял сознание.

Конечно, все нацистские главари руководили террором и участвовали в нем, но «послужной список» Лея в этом отношении, пожалуй, особенно обширен. Похождения его подробно описаны в специальном сборнике, изданном в годы фашизма. Где бы он ни появлялся со своими головорезами, картина была одинакова: «Ни одного целого стола, ни одного стула, двери и оконные рамы вырваны из гнезд, а на полу лежат окровавленные противники». Лей, служивший в концерне «ИГ Фарбениндустри» и имевший ученую степень, ничем не отличался от уголовников из СА, охотно вступая в кровопролитные баталии, которые провоцировали его подручные.

Тщедушный Геббельс сам в побоищах не участвовал, но проявил незаурядные способности провокатора и демагога. Он был колченогим и не служил в армии, не участвовал в Первой мировой войне, что делало его белой вороной среди функционеров НСДАП, состоявших в подавляющем большинстве из ветеранов войны. Кроме того, у него был еще один минус — он получил высшее образование, да еще в качестве гуманитария. К тому же в начале карьеры, как уже отмечалось, Геббельс фрондировал, играя в «левизну». Но потом Геббельс образумился и сумел завоевать доверие фюрера. В октябре 1926 г. Гитлер назначил его гауляйтером Берлина, где грызня между функционерами НСДАП, между ними и командованием штурмовых отрядов перешла уже в откровенную драку. Это назначение преследовало и другую цель: разбить ядро «Рабочего содружества», изъять с северо-запада бывших его главарей. Мы уже упоминали в этой связи

Пфефера; перебрался в Мюнхен и Г. Штрассер, как уже сказано, руководивший всей пропагандой НСДАП. Назначение Геббельса должно было также подорвать влияние О. Штрассера, руководившего издательством, созданным им в Берлине совместно с братом и в тех условиях, когда нацистская пресса была еще слабо развита. Издательство его представляло для НСДАП значительную ценность.

Геббельс объединился против О. Штрассера с Далюге. В своем приказе о вступлении в новую должность он писал, что «СА и СС являются инструментами для завоевания политической власти». Он сразу же взял курс на развертывание жесточайшего террора. «Мы должны выбраться из неизвестности, — писал Геббельс. — Пусть они (противники. — Л.Г.) ругают нас, клеветают, борются против нас, убивают, но они должны говорить о нас». И он выбросил лозунг: «Вперед по могилам!»

Первые два — два с половиной месяца Геббельс вынужден был посвятить тому, чтобы утихомирить приверженцев обеих враждующих групп, чья борьба, как гласит нацистский источник, грозила «полным уничтожением берлинской организации». Одних он завербовал на свою сторону определенными преимуществами (например, Далюге, сделав его своим заместителем), других изолировал. 21 января 1927 г. состоялся дебют нового гауляйтера: он выступил в одном из залов района Шпандау. Во время собрания кто-то принес — конечно, провокационное — известие, что на улице 40 коммунистов якобы напали на одного нациста. «Это был, — писал в своем отчете фашистский функционер, — сигнал к удалению находившихся в зале коммунистов, которые вскоре оказались с разбитыми головами за пределами зала. После этого СА Шпандау вплоть до 5 часов утра избивали каждого, кого можно было узнать по форме Союза красных фронтовиков». Можно полагать, что антифашисты вели себя не так пассивно, но не подлежит сомнению, что с приходом Геббельса нацистский террор в Берлине приобрел несравненно большие масштабы и ожесточенность, чем когда-либо.

В феврале дело пошло значительно дальше. «Этот месяц, — говорится в уже цитированном фашистском источнике, — принес долгожданные сражения с марксизмом, который в январе еще мало соприкасался с нами». Имеется в виду провокация фашистов, устроивших в известном своими революционными традициями пролетарском районе столицы — Веддинге — собрание, на котором Геббельс, учитывая рабочий состав аудитории, собирался говорить на тему «Крушение буржуазного классового государства». Зал был на $\frac{4}{5}$ заполнен нацистами; по заранее обдуманному плану они окружили пришедших на собрание коммунистов. «Дальнейшее заняло, — читаем мы все в том же отчете, — не более трех-четырёх минут. С обеих сторон пошли в ход стулья, пивные кружки, даже столы и началось дикое сражение. Коммунисты все больше отеснялись под балкон, который намеренно был занят нашими людьми, и оттуда тоже посыпались стулья и кружки. Исход сражения был таков: коммунисты покинули зал, имея 83 более или менее тяжело раненных». Но было и весьма характерное продолжение: улицы, по которым 500 штурмовиков отправились восвояси, плотно оцепила полиция. В последующие дни, пишет фашистский автор, «нас всячески чернили, как «убийц рабочих», «бандитов», «собак на службе капитала». По словам одного фашиста, такие выражения, как «нацистские свиньи», «убийцы», «кровавые собаки», были наиболее слабыми из тех, которые им приходилось выслушивать. В них бросали любыми пригодными для этой цели предметами.

20 марта развернулись дальнейшие события, всколыхнувшие весь Берлин. В этот день нацисты — их было 700 человек — возвращались поездом со своего сборища, происходившего в 30 километрах от столицы. В том же поезде, в вагоне 4-го класса, не имевшем внутренних перегородок, ехал оркестр в составе 23 коммунистов во главе с депутатом прусского ландтага П. Гофманом. Пользуясь своим огромным численным превосходством, нацисты решили расправиться с оркестрантами. На остановках они бомбардировали их вагон камнями — деваться там практически было некуда, и каждый камень попадал в цель. «В один миг были разбиты все стекла. Кроме того, мы действовали и с крыши вагона при помощи древка от знамени, просовывая его в окна... Когда была открыта дверь вагона (ставшего объектом фашистских атак. — Л.Г.), открылась страшная картина. Почти все коммунисты тяжело ранены камнями, музыкальные инструменты разбиты. Весь вагон был усеян осколками стекла и обломками дерева, залит кровью. Очень тяжело пострадал депутат — его лицо превратилось в бесформенную кровавую массу». Сами фашисты признавали, что на следующий день «ни один национал-социалист из опасения быть убитым не рисковал появляться на улице в форме».

Наиболее крупной провокацией фашистских сил — и не только в 1927 г., но во второй

половине 20-х годов в целом — явился общеимперский слет «Стального шлема», который эта организация, занимавшая тогда ведущее место в борьбе против демократов, назначила на 8 мая в Берлине. О том, какое значение главари «Стального шлема» придавали своему мероприятию, можно судить по высказыванию его сопредседателя Дюстерберга: «Этот день должен стать началом новой эпохи... 8 мая должно показать, что с революцией покончено навсегда». Реакционеры замыслили террористические акты и заранее отмечали дома, в которых жили коммунисты. На каждого участника сборища предприниматели выделили по 50 марок.

Движение протеста против готовившейся провокации развивалось под лозунгом «Фашистам — ни одной квартиры, ни одной капли воды!» Удалось добиться того, что многие представители средних слоев отказались предоставить пристанище участникам сбора (даже те, кто ранее дал согласие на это). В результате масштабы фашистской акции резко сократились, и к 8 мая в Берлин вместо 400 тыс. человек, намеченных первоначально, прибыло не более 50 тыс. На многих предприятиях принимались резолюции, свидетельствовавшие о решимости со всей силой ответить на фашистский вызов. Вот что заявили, например, рабочие, занятые на одной из строек Берлина: «Посмотрите на Италию. Муссолини... свирепствует хуже любой кровавой собаки. Точно так же будут вести себя и германские фашисты [если окажутся у власти]. Коллектив завода электроаппаратуры в Трептове, принадлежавшего компании АЭГ, единогласно принял резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Мы обязуемся оказать фашистскому отребью, которое назначило на 8 мая сбор в рабочем Берлине, достойный прием и ожидаем того же от профсоюзов и политических партий».

Это было очень своевременное напоминание. Говоря о недавнем нападении национал-социалистических погромщиков на коммунистов, происшедшем в поезде, антифашисты подчеркивали, что «замысел фашистов полностью ясен. Они стремятся к тому, чтобы берлинские рабочие... в течение нескольких дней испытывали на своей спине фашистский террор, чтобы на улицах Берлина господствовали свастика и резиновая дубинка фашистов».

Отсутствие единства, конечно, снизило размах оказанного рабочим классом отпора, но не сделало его неэффективным. Антифашисты Берлина получили поддержку многих других городов. Участникам сбора «Стального шлема», отправлявшимся в Берлин, приходилось прибегать к помощи полиции. Шествие «Стального шлема» имело поистине жалкий вид, ибо его участники лишь с огромным трудом, под охраной полиции (начальником которой был печально известный социал-демократ Цергигель) продирались сквозь массы протестующих. Вот как одна правобуржуазная газета описывала это зрелище: «Коммунисты очень умело... вывели своих сторонников на улицы. Вдоль улиц, по которым шествовал «Стальной шлем», стояли тысячи и десятки тысяч людей... Как только появлялись колонны «Стального шлема», начиналось пение «Интернационала» и скандирование лозунгов «Смерть фашистам, Берлин всегда будет красным!», «Долой фашизм!», «Вы просчитались, демократы победят!» Другая буржуазная газета отмечала, что участники похода шли как сквозь строй. «На всем, чрезвычайно длинном пути следования — ни одного проявления симпатии. Рабочие и публика в целом единодушно выразили свое неодобрение».

В полицейских донесениях, относящихся к этому времени, речь постоянно идет о большом возмущении широких масс фашистскими вылазками. Полиция еще в марте провела обыски в помещениях, где собирались фашисты, и нашла много оружия. То, что у крайне правых имеется оружие, было в Германии тех лет секретом полицинея. Командир штурмовых отрядов Гамбурга, перешедший из полиции в СА, с 1923 по 1927 г. сохранял склад оружия, который он затем благополучно передал рейхсверу; против передачи возражал не только тогдашний гауляйтер Кребс, но и Г. Гиммлер, занимавший в то время пост заместителя заведующего отделом пропаганды партии.

Власти вынуждены были как-то реагировать на последние события. Кровавые бесчинства, устраивавшиеся фашистами в столице государства, да еще в разгар широко рекламируемого «процветания», не слишком импонировали правящим кругам. Поэтому в мае НСДАП в Берлине была запрещена. Некоторым преследованиям подвергся и «Стальной шлем» (его деятельность была запрещена в Рейнской области). Но эти меры носили сугубо половинчатый характер: спустя год НСДАП в Берлине была вновь легализована, а частичный запрет «Стального шлема», хотя и длился дольше, также был отменен, причем — по прямому настоянию президента республики Гинденбурга.

Во второй половине 20-х годов германский фашизм «обогатился» — специальными отрядами НСДАП, одетыми в черное с изображением черепа на фуражке. Вначале они предназначались исключительно для охраны фюрера, а позднее стали создаваться и во многих крупных городах. Это

были охранные отряды (СС). В те времена они еще были подчинены командованию штурмовиков. Известно вместе с тем высказывание тогдашнего командира СС Гейдена, относящееся к концу 1925 г., что «СС не имеет ничего общего с СА». Охранные отряды не должны были превышать своей численностью 10% штурмовых. К концу 1925 г. СС насчитывали около 1 тыс. человек, но в течение последующих двух лет их численность значительно снизилась; одна из причин этого заключалась в том, что СА и СС занимались преимущественно одним и тем же. В конце 1925 г. отряды эсэсовцев из Плауэна, Дрездена, Цвиккау, присоединившись в Хемнице к местным штурмовикам, по собственному признанию, «зверски избили коммунистов и выбросили некоторых из них из окон» помещения, где проходил фашистский митинг.

Но между СА и СС были и отличия, значительно повышавшие в глазах нацистских главарей ценность охранных отрядов по сравнению со штурмовыми: безоговорочная приверженность нацизму и социальный состав. В охранные отряды (где форму приходилось приобретать на собственные средства и куда необходимо было делать денежные взносы) шло больше, чем в СА, представителей буржуазии, крупного и отчасти среднего крестьянства, интеллигенции, а с конца 20-х годов и аристократии. Они чувствовали себя элитой фашистского движения и смотрели свысока на штурмовиков, вербовавшихся главным образом из мелкобуржуазных слоев, люмпен-пролетариата, безработных. Эсэсовцы должны были не только информировать свое командование обо всем, что происходит в лагере противника, но и докладывать о неприемлемых, с их точки зрения, казусах в деятельности партии. Штурмовики относились к эсэсовцам неприязненно.

В начале 1929 г. «имперским фюрером СС» был назначен Гиммлер. Это совпало с общим подъемом нацистской партии (см. ниже). Численность СС стала расти; в конце 1929 г. она вновь составляла около 1 тыс., а еще через год — свыше 2700 человек. Сам Гиммлер даже среди фашистских главарей выделялся фанатизмом. Антисемитизм приобрел у него гротескные черты; так, по свидетельству К. Людеке, в 1925 г. Гиммлер составил (и собирался опубликовать) полный список евреев, проживавших в Нижней Баварии, и всех лиц, поддерживавших их. С самого начала своей деятельности Гиммлер был настроен также антиславянски; еще до сближения с Гитлером он пришел к заключению, что необходимо «бороться на Востоке и колонизовать его».

Годы стабилизации, когда фашисты находились на задворках политической жизни, все же не прошли для них бесследно. Существенным достижением НСДАП была ее победа в конкурентной борьбе с другими организациями крайне правого лагеря (не считая «Стального шлема», НСДАП имела перед ним важное преимущество, являясь политической партией, а не только военизированным союзом). При этом наряду с поддержкой со стороны монополистических кругов широко использовались и штурмовые отряды, терроризировавшие собрания и митинги фёлькише. Под влиянием атак НСДАП в рядах фёлькише в 1927 г. начался разброд. На всех выборах местного масштаба они терпели значительные потери. Последний удар нанесли выборы в рейхстаг 1928 г., когда они не сумели завоевать ни одного мандата.

В борьбе против своих собратьев и недавних союзников нацисты не останавливались ни перед чем. Так, когда Г. Штрассер почувствовал себя задетым своим бывшим коллегой по руководству «Партией свободы» Грэфе, он ответил тому следующим образом: «Подобно свинье, барахтающейся в грязи клоаки, а затем разносящей эту мерзость повсюду и пачкающей все чистое, он копошится в своей газетенке... свидетельствуя о своей бесконечной низости, нечистоплотности, подлости и образе мыслей, достойном сутенера».

Взгляды Г. Штрассера на некоторые политические вопросы и особенно его намерения «покуситься» на программу НСДАП Побудило создателя пресловутой теории «процентного рабства» вмешаться. Федер сочинил донос на Штрассера, с которым обратился к Гитлеру, а копию (как в любой тоталитарной партии) направил в Комитет по разбирательству и улаживанию. К жалобе были приложены документы, долженствовавшие продемонстрировать его, Федеру, дискриминацию организациями, входившими в «Рабочее содружество» Северо-Запада. Большого впечатления на Гитлера этот донос не оказал, ибо фюрер, в отличие от Федеру, хорошо представлял себе значимость Штрассера для партии, особенно в ее тогдашней ситуации, и игнорировал «идейные» отклонения от «генеральной линии», в том числе в вопросе о политическом курсе НСДАП в отношении СССР (что особенно возмущало Федеру). Гитлер полагал, что данный вопрос в той обстановке не слишком актуален для НСДАП.

Глава 4.

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. и генеральное наступление фашизма

Симптомы надвигающегося экономического кризиса были ощутимы в Германии уже во второй половине 1928 г. К середине 1929 г. рост промышленного производства прекратился, а затем кривая выпуска продукции пошла неуклонно вниз. Невиданными темпами стала расти безработица: к исходу 1929 г. число безработных даже по заведомо преуменьшенным данным составляло 3,4 млн человек.

Мы уже видели, как в начале 20-х годов наибольших результатов в завоевании сторонников фашистское движение добивалось благодаря народным бедствиям, резко усиливавшим массовое недовольство. Экономический кризис, начавшийся осенью 1929 г., не мог не пойти на пользу фашистам с их изощренной национальной и социальной демагогией. И хотя в течение 1929 г. кризис только начинал развертываться — главное было еще впереди, он уже принес НСДАП первые ощутимые успехи. Было и дополнительное обстоятельство, способствовавшее этому, — борьба вокруг нового репарационного плана, названного именем американского банкира Юнга. Заменяв собой «план Дауэса», он отменял иностранный контроль над некоторыми отраслями народного хозяйства и существенно ограничивал годовые платежи, но в то же время предусматривал, что они будут вноситься в течение нескольких десятков лет. Для правого лагеря это был удобный предлог, чтобы развернуть демагогическую кампанию небывалого размаха, направленную против существующего режима. Активнейшее участие принимала в ней нацистская партия, а возможность для этого ей предоставил архиреакционер и крупный капиталист Гугенберг, несколько ранее ставший во главе Национальной партии и повернувший ее деятельность в русло ожесточенной борьбы с республикой.

Гитлер был включен в состав комитета по проведению плебисцита против «плана Юнга», в распоряжение нацистов предоставили средства пропаганды, которыми располагал Гугенберг.

В прошлом Гугенберг был генеральным директором концерна Круппа — главного производителя тяжелого вооружения для германской армии, а в веймарские времена владельцем собственного гигантского концерна, в котором были объединены различные средства пропаганды: информационные агентства, многочисленные газеты и журналы, крупнейшая в Германии киностудия «Уфа» и др. Гугенберг входил в Национальную партию; он возглавлял наиболее реакционное крыло этой партии («умеренные» представители которой одно время входили в правительство Веймарской республики). Самые непримиримые круги крупного капитала и землевладельцы-латифундисты, мечтавшие о восстановлении монархии, во второй половине 20-х гг. усилили давление на лидеров Национальной партии в 1928 г. Гугенберг стал ее председателем. Это означало полную победу в ней тех сил, которые отвергали какой бы то ни было компромисс с республикой. Забегая вперед, напомним, что приход НСДАП к власти в 1933 г. стал возможным только благодаря тому, что Гугенберг согласился войти в правительство Гитлера, чтобы придать ему видимость коалиционного кабинета (что не помешало гитлеровцам еще в том же году избавиться от нежеланного союзника).

Одним из последствий прихода Гугенберга к руководству его партией было сближение последней с гитлеровской кликой. Ареной этого сближения и явилась кампания против принятия плана Юнга, развернувшаяся в 1929 г. В центре развернувшейся кампании находился плебисцит по вопросу о принятии (или непринятии) плана Юнга, инициатором которого явился военизированный союз «Стальной шлем», являвшийся в то время одной из наиболее крупных организаций реакции. О позициях, которые занимала эта организация, достаточно представление дает заявление, с которым «Стальной шлем» обратился к общественности незадолго до плебисцита: «Мы ненавидим всей душой нынешнюю государственную систему, ее форму и ее содержание, ее происхождение и существо. Мы ненавидим эту государственную систему потому, что в ней господствует парламентаризм, который делает невозможным какое-либо ответственное руководство. Мы ненавидим эту систему, ибо она закрывает перспективу на освобождение нашего поработанного отечества приобретение необходимого немецкого жизненного пространства на Востоке». Этот «призыв к ненависти» (он гораздо больше по величине) практически ничем не отличается от аналогичных документов НСДАП; отсюда их сплоченность в те месяцы, когда развернулась пропагандистская кампания, связанная с планом Юнга. Результат плебисцита был отрицательным — в 1929 г., до начала экономического кризиса население еще не попало в такую зависимость от националистической истерии, как это произошло спустя 2–3 года. Тем не менее для НСДАП эта

кампания имела существенное значение, позволив фашистам широко использовать пропагандистские (и материальные) возможности, которыми располагала Национальная партия в лице ее председателя. Уже во время первой встречи Гитлера с Гугенбергом последний предложил фюреру финансовую поддержку и свои пропагандистские средства в обмен на отказ от словесных выступлений против крупного капитала (имевших, как мы знаем, демагогический характер). Сделка состоялась, и с того времени в кассу нацистской партии поступала $\frac{1}{5}$ сумм, предоставлявшихся монополистическими объединениями в распоряжение Гугенберга, что составило 2 млн марок в год. Эти средства оказались нелишними не только в период борьбы против принятия плана Юнга, но и в последующие месяцы и годы, когда пропагандистская кампания НСДАП значительно расширилась и стала гораздо интенсивнее.

Вместе с тем многие местные организации НСДАП на свой страх и риск обращались к промышленникам с требованиями о материальной помощи. Вот что говорилось, например, в письме, разосланном в 1929 г. нацистами Шварценберга (на р. Заале): «Не секрет, что органы полиции неспособны оказать отпор близящейся большевистской волне. Отсюда просьба, с которой мы обращаемся к вам: поддержите наше движение материально».

На заседании депутатов рейхстага и ландтагов от НСДАП накануне Нюрнбергского съезда 1929 г. Гитлер заявил: «Союз с Национальной партией выгоден потому, что в этой борьбе мы сможем использовать их богатые денежные источники. Черпая из них, мы в то же время должны вести борьбу так, как если бы она была нашим и только нашим делом. Тогда плебисцит позволит нам вести нашу пропаганду за счет других».

Так нацисты и поступили. Их игра на националистических предрассудках никогда еще не достигала таких масштабов. Один из вымыслов, которыми они пользовались, сводился к утверждению, что в случае невыполнения Германией репарационных обязательств немецкая молодежь будет вывозиться для рабского труда в Сахару, на Северный и Южный полюсы (!). И подобного рода небывицам верили, особенно в сельской местности, ибо долголетняя общая националистическая пропаганда подготовила для этого почву, нацисты же придали ей лишь значительно большие размах и жесточенность. Об абсолютной лживости всей шумихи можно судить по тому, что Геббельс, по собственному признанию, никогда не читал «плана Юнга». Гитлер же в одной из бесед, имевших место позднее, в ответ на вопрос о репарациях ответил: «В течение 1925–1928 гг. мы по вине профсоюзов израсходовали лишних 18 млрд марок в виде зарплаты, социальных платежей, страхования по безработице. По сравнению с этим 2 млрд годовых платежей по репарациям значат немного».

В октябре 1929 г. проходил предварительный сбор подписей, а в декабре — самый плебисцит. Он потерпел неудачу, но фашистам созданная ими накаленная атмосфера весьма пошла на пользу. Как единодушно отмечали официальные наблюдатели, нацисты выступали наиболее активно, используя совместные собрания сторонников плебисцита для собственной агитации. К тому же именно в эти месяцы экономическая конъюнктура начала стремительно ухудшаться, и многие выбитые из обычной колеи люди уверовали в нацистскую проповедь.

Первым симптомом скачкообразного усиления НСДАП явились выборы в баденский ландтаг 27 октября. Она получила 65 тыс. голосов и 6 мест (в прошлом составе нацисты вообще не были представлены). Много голосов завоевали фашисты на коммунальных выборах в ряде земель, в том числе в Гессене (вдвое по сравнению с 1928 г.), в Берлине (вчетверо) и в Саксонии (но ни в столице, ни в других промышленных центрах нацистам не удалось проникнуть в рабочие районы). В Тюрингии нацистская партия получила почти в 2,5 раза больше голосов, чем в 1927 г., и 6 мест в ландтаге.

Это безусловно было тревожным симптомом, но 6 нацистских депутатов ведь были лишь незначительным меньшинством — общее число депутатов ландтага Тюрингии равнялось 53. Казалось, фашисты останутся одной из небольших оппозиционных групп. Произошло, однако, совсем иное: буржуазные партии составили коалицию, направленную против СДПГ и КПП, располагавших вместе 14 местами, и предоставили гитлеровцам одну из ведущих позиций в правительстве Тюрингии — министерство внутренних дел и просвещения. «Кто располагает обоими министерствами, — подчеркнул Гитлер, — и использует предоставляемую ими власть настойчиво, не останавливаясь ни перед чем, может добиться чрезвычайных результатов». Данное министерство возглавил один из старейших деятелей НСДАП Фрик. Как мы видели, он был активным участником фашистского путча 1923 г., за что был осужден и провел несколько месяцев в заключении. Но

респектабельных буржуа, его коллег по коалиции, это не остановило, как не остановили кровожадные высказывания Фрика. Вероятно, им импонировали слова, сказанные Фриком незадолго до выборов в Тюрингии, в сентябре 1929 г.: «Мы намерены добиться силой того, что проповедуем. Аналогично тому, как Муссолини уничтожил марксистов в Италии, мы должны посредством диктатуры и террора достичь того же».

Тюрингия явилась первой землей Германии, где гитлеровец стал министром. Изложенные выше обстоятельства этого события как нельзя более отчетливо демонстрируют позицию правящих кругов в отношении фашистской угрозы, их неподдельную заботу о том, чтобы нацистская партия имела успехи и оставалась на плаву. Гневные слова по этому поводу нашел один из руководителей СДПГ в Тюрингии А. Фрелих: «Господа из Народной партии! Г-н Фрик доказал, что он устраивает вас, как министр конституции и культуры Он поддерживал путчистские организации и своим участием в гитлеровском путче показал, насколько свята для него конституция». Эти слова, естественно, не оказали какого-либо влияния на покровителей нацизма, но спустя всего лишь год их представление о Фрике и его действиях на министерском посту решительно изменилось.

Таким образом, не отказываясь от путчистских замыслов, фашисты успешно использовали богатые возможности для подрыва республиканского строя, которые тот предоставлял им. От ожесточенных споров о том, можно ли принимать участие в выборах и в работе парламента, нацисты пришли к «конструктивной» деятельности в составе земельной администрации, зависевшей от имперского правительства, против которого они выступали с беспримерной ожесточенностью. Гитлер придавал вхождению в правительство Тюрингии столь существенное значение, что он не доверил никому переговоры по этому вопросу. Из письма, написанного им вскоре, видно, что с целью нажима на местных лидеров буржуазных партий он собрал в Веймаре крупных промышленников (более 200 человек) не только из Тюрингии, а со всей Средней Германии. Они-то и повлияли на ведущих буржуазных политиков Тюрингии.

Действия Фрика на министерском посту подтвердили худшие опасения. Прежде всего он постарался занять важнейшие посты в полиции «своими людьми». Прогрессивно мыслящие профессора изгонялись, зато фашистский «теоретик» по расовому вопросу Гюнтер стал профессором Иенского университета — одного из старейших в Германии. Конечно, происходившее в 1930 г. в Тюрингии не могло дать исчерпывающего представления о том, что ожидает Германию в случае прихода фашистов к власти.

Те, кто призвал нациста к власти в Тюрингии, были отнюдь не одиноки. Антидемократические настроения, значительно усилившиеся под влиянием быстро нарастающего экономического кризиса, распространились и в других районах Германии. В номере от 1 января 1930 г. одна из влиятельных газет, «Кёльнише цайтунг», поместила анкету о перспективах развития Германии в новом году. Ответы некоторых видных деятелей политической и культурной жизни продемонстрировали явное усиление антидемократических настроений в обществе. Так, обер-бургомистр Дуйсбурга Яррес в своем ответе писал: «Парламентаризм в его нынешней форме не соответствует немецкому духу и не годится для немецкой политической жизни». Известный историк Ф. Майнеке сформулировал близкую точку зрения: «Демократия должна научиться самоограничению. Это облегчит президенту использование прав, которые конституция уже теперь предоставляет ему (намек на § 48 Веймарской конституции, разрешавший президенту вводить чрезвычайные декреты в обход рейхстага. — Л.Г.) и расширения которых следует пожелать». Те же идеи высказывал генерал Сект.

Коалиция нацистов с другими правобуржуазными партиями просуществовала в Тюрингии больше года; она распалась, когда даже доброжелателям нацизма стало невмоготу. Поводом к разрыву послужила статья фашистского гауляйтера Тюрингии Заукеля, назвавшего союзников по правительству «предателями и обманщиками, бесстыдно ведущими преступную игру с судьбами нашего народа». Это, однако, не помешало представителям тех же партий войти в коалицию с НСДАП в другой провинции — Брауншвейге. Здесь был создан новый «заповедник» фашизма, оказавшийся более долговечным, чем в Тюрингии.

Первостепенное значение для дальнейшего имели планомерные усилия, предпринятые нацистской партией с конца 1929 — начала 1930 г. с целью распространить свое влияние на крестьянство. До этого соответствующие попытки не имели особого успеха; на выборах 1928 г. доля НСДАП в сельских местностях была ниже, чем по всей стране. Лишь в некоторых районах Шлезвиг-Гольштейна, где положение сельского населения было особенно трудным и существовали

крупные крестьянские организации, нацистская партия сумела завоевать серьезное влияние. В полицейском отчете, относящемся к марту 1929 г., говорилось, что «местность в районе Нордерхастед, Тенсбюттель, Альберсдорф и Теллингштедт следует безусловно рассматривать, как бастион национал-социалистов. Здесь почти все население входит в партию». Отчет был составлен в связи с крупным столкновением между гитлеровцами и антифашистами, в результате которого два человека было убито и семь тяжело ранено. На похороны в этот отдаленный уголок пожаловали нацистские главари из Мюнхена, в том числе Гитлер и Пфедер. Это свидетельствовало, что они оценили открывавшиеся здесь возможности для расширения числа сторонников.

Но прошло некоторое время, пока «завоевание деревни» было действительно поставлено на широкую ногу. В начале марта 1930г. появилось специальное заявление по этому вопросу, состоявшее главным образом из широкообещательных обещаний. Вскоре был создан пост советника партийного руководства по сельскохозяйственным вопросам, который занял известный расист В. Дарре, известный своей идеей об «избранности» крестьянства, детища «крови и пчелы». В своих меморандумах Дарре утверждал, что «вопрос о том, удастся ли заполучить в свои руки сельское население, — жизненно важен для национал-социалистической партии». Он предложил создать разветвленный аграрно-политический аппарат, основанный на «учете психологии немецкого крестьянства, которую может понять только сельский житель, хорошо знакомый с сельским хозяйством и с местными особенностями и условиями, а не городской агитатор». Дарре требовал, чтобы в каждой нацистской организации на всех уровнях имелся советник по сельскому хозяйству.

В августе 1930 г. было отдано соответствующее распоряжение. В функции этих советников, кроме их основного занятия — ведения пропаганды среди местного крестьянства, входило постоянное информирование центрального руководства обо всем, что делалось в этой области. Полученные данные учитывались при разработке соответствующих директив. Конечно, деятельность аграрного аппарата сказалась позднее, но о том, что нацисты завоевывают деревню, свидетельствовали уже результаты выборов в рейхстаг 1930 г. В ходе избирательной кампании НСДАП направо и налево раздавала крестьянам самые фантастические обещания: полное прекращение импорта сельскохозяйственных продуктов, освобождение крестьян от уплаты налогов минимум на два года после своего прихода к власти и т.п. НСДАП получила в сельских местностях 22,6% голосов против 2,8% в 1928 г. В некоторых случаях (в том числе в ряде районов Баварии) рост крестьянских голосов, поданных за нацистов, был десятикратным. Но главари НСДАП не собирались останавливаться на этом. В датированном 31 декабря 1930 г. письме гауляйтеру Верхней Франконии Г. Штрассер писал, что «завоевание сельскохозяйственного населения является одной из самых важных наших задач в ближайшие месяцы».

В городах нацисты весьма успешно действовали среди студенчества, вообще среди молодых интеллигентов. С начала 30-х годов германские университеты стали ареной бесчинств со стороны фашистских «культуртрегеров», антисемитских выходок и других хулиганских действий со стороны молодчиков со свастикой на лацканах. Они нередко находили единомышленников как в лице администрации, так и среди реакционной профессуры (на стороне Гитлера уже в самые первые годы существования НСДАП выступили два немецких ученых-физика, награжденных в самые ранние годы Нобелевскими премиями). В этой среде особенно остро ощущалось неравноправное положение Германии по Версальскому договору, нацисты же, как уже отмечалось, вели бесстыдную игру на национальных чувствах немцев, наибольшее внимание уделяя в этом смысле людям, считавшимся интеллектуальным цветом нации. Студенчество оказалось той социальной прослойкой, которая, по-видимому, благодаря возрастному фактору, проявила особую восприимчивость к нацистским идеям и пренебрежение к гуманистическим идеалам великих немецких мыслителей, сочинения которых изучались в вузах Германии.

В течение 1930 г. масштабы экономического кризиса в Германии резко увеличились. В июле выплавка стали упала почти на 40% по сравнению с тем же месяцем 1929 г., производство чугуна на 35%, добыча каменного угля на 20%. Общий индекс промышленной продукции снизился к концу года на 16,5% по сравнению с предкризисным 1928 г. Промышленные предприятия были загружены менее чем наполовину.

Как уже говорилось, в марте 1930 г. только официально зарегистрированных безработных насчитывалось почти 3,5 млн человек. Свертывание производства болезненно отражалось и на положении тех пролетариев, которые еще оставались на предприятиях; происходило сокращение рабочей недели (иногда до 3–4 дней) с соответствующим снижением зарплаты. Летом 1930 г.

численность такого рода частично безработных составляла 2,9 млн. Падение покупательной способности городского населения в результате кризиса крайне отрицательно сказывалось на положении крестьянства, усугубляло структурный аграрный кризис, которым уже длительное время было охвачено сельское хозяйство Германии. Росла задолженность крестьянства, росло число хозяев, имущество которых шло с молотка за долги.

Обострение социальных противоречий привело уже в марте 1930 г. к распаду правительственной коалиции, возглавлявшейся социал-демократами. Крупный капитал считал момент весьма подходящим, чтобы начать реализацию своих планов лишения населения завоеванных им в трудной борьбе прав. «Выхолащивание» демократии было главной целью нового имперского правительства, во главе которого стал лидер католической партии Центра Г. Брюнинг. В это время он пользовался доверием главных сил монополистического капитала, предпочитавших постепенное ослабление парламентского режима его единовременной ликвидации, ибо они опасались возможных последствий. Правительство Брюнинга было шагом к реализации давнего и упорного стремления монополистов к «сильной власти». Не случайно именно в это время сталепромышленник Шленкер, возглавлявший мощный предпринимательский союз «Объединение по охране общих экономических интересов в Рейнской области и Вестфалии», писал: «Мы должны уделять внимание опытам Муссолини и учиться на них».

А вот что заявил в октябре 1931 г. глава знаменитого электротехнического концерна К.Ф. Сименс на завтраке, организованном компанией «Дженерал Электрик» в Нью-Йорке: «Коммунизм и движение Гитлера быстро растут, но между ними имеется следующее принципиальное различие: первый стремится добиться своих целей революционными методами, т.е. при помощи баррикад и гражданской войны, второй намеревается достичь своей цели при помощи законных средств, т.е. избирательного бюллетеня. Гитлеру недостаточно воздастся за то, что благодаря самоотверженности его движения и высоким национальным идеалам под его знаменами собирается молодежь, принадлежащая ко всем классам. В основе гитлеровского движения — борьба против социализма, т.е. против марксизма. Национал-социализм — против безудержного господства парламентаризма, что, к сожалению, предписала наша конституция. Немецкий народ не созрел для этой формы демократии».

Хотя между группировками капиталистов, поддерживавшими соответственно правящую коалицию и фашистов, имелись весьма существенные разногласия, новый курс, взятый Брюнингом, безусловно, был на руку гитлеровцам. Правительство, как полагали коммунисты, «холодным путем прокладывает путь фашистскому государственному перевороту».

Кампания, развернутая нацистами в ходе плебисцита против «плана Юнга», и сопутствовавшие ей избирательные успехи фашистской партии обратили на себя внимание ряда представителей делового мира, которые ранее не придавали ей значения. К ним принадлежал прежде всего бывший президент Рейхсбанка Шахт, весьма влиятельное лицо в лагере германского крупного капитала (а также среди американских бизнесменов). В нацистскую партию вступил О. Дитрих, в прошлом управляющий делами Рейнского синдиката стальных изделий, считавшийся своим человеком в кругах властителей Рура. Он занял в НСДАП важный пост, встав во главе всей печати нацистской партии.

О том, что верхушка НСДАП была готова на все, чтобы повысить свои акции среди магнатов капитала, свидетельствует эпизод, имевший место весной 1930 г. в Саксонии. Здесь на конец июня были назначены выборы в ландтаг, на которые гитлеровцы возлагали большие надежды. Но в апреле в металлопромышленности Саксонии вспыхнула забастовка, которую поддержала издававшаяся О. Штрассером газета «Зексисер беобахтер». Гитлеровская клика оказалась в неудобном положении: потребности избирательной борьбы диктовали поддержку забастовки, тем более после того, как это уже сделала местная нацистская газета; саксонские же промышленники предъявили Гитлеру нечто вроде ультиматума, требуя дезавуировать Штрассера. Гитлер сделал выбор в пользу крупного капитала.

Фашисты уже до этого прилагали значительные усилия, стремясь укрепиться в Саксонии, которая считалась традиционным оплотом рабочих партий. Опираясь на Плауэн, где в то время располагалась штаб-квартира «Гитлеровской молодежи», и используя как базу также близлежащий баварский городок Хоф, фашисты буквально наводнили своими пропагандистами всю Саксонию. За время избирательной кампании состоялось около 1300 нацистских сборищ, причем половина из них — в Рудных горах, где гитлеровцы усиленно обрабатывали бедствующих крестьян и батраков. Такая концентрация пропаганды, которую фашисты, как всегда, сочетали с террором, принесла свои плоды:

нацисты сумели всего за год с небольшим утроить количество полученных ими голосов и заняли в ландтаге второе место. Впервые с полной очевидностью обнаружилось, что к нацистской партии переходят избиратели «старых» буржуазных партий — тех самых, которые покровительствовали и помогали ей: Национальная партия потеряла около 40% голосов, Народная — 37% и т.д. В то же время общее число сторонников КПП и СДПГ осталось примерно неизменным. Между тем провинциальные выборы, как бы ни были сенсационны их результаты, отошли на второй план, ибо в июле новое правительство распустило рейхстаг и назначило на 14 сентября досрочные выборы. Причиной роспуска было отклонение парламентом чрезвычайного декрета — первого из целой серии аналогичных декретов, изданных Брюнингом в последующие два года; он предусматривал значительное снижение размеров пособий безработным и ухудшение других сторон страхования по безработице, а также по болезни, введение новых прямых налогов и т.д. Своим актом правительство объективно удовлетворило домогательства фашистов, торопившихся использовать выгодную для них экономическую конъюнктуру, возросшую политическую и финансовую поддержку монополий. Ни у кого не было сомнений, что выборы принесут большие выгоды фашистам. И уже ход избирательной кампании показал, что они делают все, чтобы добиться крупного успеха, проявляя невиданную активность и используя методы массовой «обработки» населения.

Не прекращая социальной демагогии, нацистские главари в то же время стремились предотвратить возможность повторения эпизода с саксонской забастовкой, иначе говоря, покончить с фрондировавшими элементами, лидером которых был О. Штрассер. Позиция последних была слаба, ибо они пытались соединить несоединимое: фашистскую идеологию, непримиримую вражду к организованному рабочему движению с борьбой против засилья крупного капитала. В мае 1930 г. в ходе двухдневных бесед О. Штрассера с фюрером выяснилась несовместимость их точек зрения. Высказывания последнего во время этих бесед, не предназначавшиеся, естественно, для печати, дают много для понимания существа политики нацистов. Так, на вопрос Штрассера, что он сделает с фирмой Круппа, когда придет к власти, останется ли все по-прежнему, Гитлер ответил: «Само собой разумеется. Неужели вы полагаете, что я стремлюсь уничтожить германскую тяжелую промышленность?» Он сказал далее: «Предприниматель, на котором лежит ответственность за производство, обеспечивает тем самым пропитание рабочему... Наши предприниматели обязаны своим положением своим способностям. Этот отбор, лишь подтверждающий их принадлежность к высшей расе, дает им право руководить». Еще более откровенно Гитлер высказался в беседах с главным редактором газеты Народной партии «Ляйпцигер нойесте нахрихтен» Г. Брейтингом, состоявшихся в мае—июне 1931 г.: «Огосударствление в программе НСДАП вовсе не означает, что соответствующие предприятия должны, а то, что они могут быть социализированы. Вы поймете, что я не могу выступить с этим на народном собрании. Здесь же мы находимся в среде порядочных людей».

Уйдя спустя некоторое время из партии, О. Штрассер обнаружил содержание своих бесед с фюрером, чем вызвал недовольство многих рядовых членов и сторонников гитлеровской партии. Уже сближение с традиционным оплотом реакции — Национальной партией — вызвало в нацистской среде, весьма разношерстной по составу, толки о том, что «партия меняет свой характер», что ее руководители «предают социалистические идеалы». Так говорили люди (их было немало в штурмовых отрядах), всерьез принимавшие нацистскую демагогию, закрывавшие прежде глаза на ее явную лживость. Они не могли знать, что Гитлер говорил «не для печати», на собраниях промышленников или просто в узком кругу, как это было, например, в редакции нацистской газеты в Итцехозе, когда фюрер приехал в Шлезвиг хоронить двух штурмовиков. «Социализм, — воскликнул он, — это вообще неудачное слово. Почему вы так много пишете об этом?» Все эти факты, обнаруживавшие тесные связи фашистской верхушки с крупным капиталом, с самыми консервативными политическими силами, подогревали брожение, которое старались использовать в личных целях отдельные нацистские функционеры.

Летом 1930 г. во главе недовольных штурмовиков оказался командир штурмовых отрядов Восточной Германии Штеннес, возмущенный решением партийного руководства не выдвигать представителей командования СА кандидатами в рейхстаг. Можно полагать, однако, что Штеннеса интересовали не только бесплатный проездной билет и деньги, причитавшиеся депутату; он хотел добиться официального признания военизированного характера штурмовых отрядов. По мере углубления экономического кризиса все больше коричневорубашечников зависело от помощи, которую они могли получить из партийной кассы; однако имевшиеся средства расходовались

преимущественно на ведение предвыборной кампании. И вот в разгар ее, в конце августа 1930 г., берлинские штурмовики возмутились. Появились листовки, в которых, в частности, говорилось: «Мы, пролетарские элементы движения, чрезвычайно довольны! Мы не останавливаемся ни перед чем, чтобы благоденствовали наши дорогие «вожди», доходы которых составляют от 2 до 5 тыс. марок в месяц. Мы были очень рады, узнав, что Гитлер приобрел новую автомашину марки «Мерседес» за 40 тыс. марок». Штурмовики требовали платы за охрану собраний, а когда это требование не было удовлетворено, отказались охранять нацистские митинги. Они были заменены эсэсовцами, но в ночь на 30 августа коричневорубашечники Берлина смяли посты СС, выставленные у здания столичной нацистской организации, и разгромили помещение. Гауляйтер Геббельс вызвал на помощь... полицию (что довольно показательно).

Узнав о бунте, Гитлер ринулся в Берлин, чтобы, по возможности, уменьшить влияние этого события на исход выборов. Фюрер ходил из кабачка в кабачок, где обычно проводили время коричневорубашечники, убеждал недовольных поверить ему и обещал материальную помощь. С невероятной поспешностью, уже 3 сентября, было опубликовано соответствующее распоряжение. Так удалось локализовать конфликт (правда, весной 1931 г. он вспыхнул вновь, но и тогда нацистские главари сумели выйти из положения, сочетая подавление с подкупом и запугиванием).

Последствием берлинских событий был уход в отставку командующего штурмовыми отрядами Пфефера; его функции принял на себя сам фюрер, а с начала 1931 г. командовать фактически вновь стал Рем, назначенный начальником штаба СА. Вывод, который сделала для себя фашистская верхушка, заключался в том, что следует еще более тщательно маскировать свою зависимость от крупного капитала, не отказываясь, однако, от социальной демагогии.

Косвенным следствием мятежа было окончательное отделение СС от штурмовых отрядов. Став самостоятельной силой, они приобретают в системе фашистских организаций все большее значение. Возникает и быстро расширяется «служба безопасности» (СД) — центр тотального шпионажа не только во вражеском лагере, но и в собственной партии и штурмовых отрядах. Начальник СД Гейдрих становится ближайшим сотрудником Гимmlера. К тому же времени относится создание в СС расового отдела во главе с В. Дарре, издается известный приказ о порядке женитьбы эсэсовцев, предусматривавший необходимость доказательства невестой своей расовой чистоты, а также ее медицинского освидетельствования на этот счет. СС должны были стать своего рода рассадником «чистопородных особей».

С каждым днем все более разнузданным становился фашистский террор, не встречавший серьезного отпора властей. По неполным данным, за время с августа 1929 по январь 1930 г. нацисты убили 12 человек и более 200 ранили. В 1930 г. фашистские бесчинства стали еще интенсивнее: только с апреля по июль был убит 21 антифашист, около 200 человек ранено. О том, как действовали нацистские головорезы, можно узнать из воспоминаний коричневорубашечника Ломана. Вот как он описывает появление эсэсовского подкрепления в момент одной из многочисленных в те времена схваток между нацистами и антифашистами: «Как косцы на хлебном поле, как нибелунги в стане гуннов, СС прокладывают себе путь по всей ширине зала. Даже нас продирает мороз по коже, когда до нас доносится свистящий звук мерно рассекающих воздух наплечных ремней».

Даже по признанию властей нацисты настойчиво «стремились организовывать столкновения с другими партиями». Описание одного из таких столкновений — на собрании в деревне Шнай (Верхняя Франкония), происшедшего в сентябре 1929 г., — как две капли воды похоже на описание таких же схваток, случившихся за 3, 5, 10 лет до того в самых разных местностях, в том числе довольно далеко отстоявших от Баварии. Повсюду «почерк» фашистов был один и тот же: небывалая жестокость, использование в драках любых предметов — кирпичей, чугунных печных дверок, увесистых пивных кружек и т.п. И так нацисты действовали повсюду.

Практически буквально претворилось в жизнь «обещание» Гитлера, данное им после инцидента, который произошел в ходе одного из собраний конкурировавшей с нацистами организации (тогда их действия принесли гитлеровцам некоторые осложнения): «Национал-социалистическое движение будет и впредь безжалостно преодолевать — в случае необходимости силой — попытки провести митинги или выступления, которые могут неблагоприятно влиять на сознание наших соотечественников». Фюрер присвоил себе право решать, о чем можно ставить немцев в известность и чего сообщать им не следует.

Эскалация террора закономерно сочеталась с дальнейшим усилением пропаганды. Одной из главных ее особенностей была дифференцированность подхода к различным общественным

группам; фашистская пропаганда ловко учитывала наболевшие нужды каждой из них. Нацисты не скупилась на фантастические обещания всяческих благ в случае своего прихода к власти, вопиюще противоречившие друг другу. Так, выступая в городах, они требовали понижения цен на продукты, а в деревне выдавали себя за сторонников радикальных мер в пользу крестьян. Но это мог увидеть лишь тот, кто был способен сравнивать и анализировать заявления фашистских пропагандистов. Сотни же тысяч, миллионы отчаявшихся людей попадали в сети фашистской демагогии, дававшей предельно простое объяснение всем бедам: «перенаселенность», мнимый недостаток «жизненного пространства», «процентное рабство», «еврейский заговор» и т.п. Чтобы понять всю лживость такого объяснения причин ужасающего положения народных масс, необходим был определенный уровень политического сознания. Фашистская пропаганда, как уже было показано, с самого начала ориентировалась на низкий уровень сознания, она умело использовала внешнее правдоподобие преподносимых ею измышлений в сочетании с массивностью и методичностью воздействия на умы. А главным средством против разоблачений сущности нацизма, которые содержались в демократической прессе, в выступлениях антифашистов, была беззастенчивая ложь, применявшаяся по известному рецепту Гитлера: «Чем чудовищнее ложь, тем более правдоподобной она кажется».

Рекордное число митингов и собраний, броские и впечатляющие в своей примитивности плакаты, масса листовок, не только распространяемых во всех общественных местах, но и доставляемых чуть ли не каждому жителю на квартиру, бесплатная раздача красочно оформленных журналов и брошюр, изданных к тому же весьма оперативно и основанных зачастую на местном материале, — все это в сочетании с террором оказывало необходимое воздействие на многих избирателей (особенно из числа молодежи). С началом экономического кризиса и резким ухудшением положения масс фашисты еще более усилили антисемитскую направленность своей отравленной пропаганды, на все лады варьируя демагогический тезис о том, будто «евреи правят Германией». «Обвинение в «верховенстве евреев» в Германии, — пишет американский исследователь П. Пальзер, — вряд ли может выдержать серьезную проверку». Он отмечал, что промышленность была почти полностью в немецких руках, так же как значительное количество банков и газет (достаточно назвать концерн Гугенберга). За все годы Веймарской республики лишь 5 евреев занимали посты имперских министров, но в рассматриваемое время ни один из них уже не входил в правительство.

На пользу фашизму шла шовинистическая, реваншистская шумиха, которую систематически раздували те, кто стоял у власти. Особенный размах она приобрела в связи с эвакуацией иностранных войск из Рейнской области, закончившейся 30 июня 1930 г. Празднества, устроенные по случаю этого события, вылились в открытую демонстрацию националистических настроений, которые с нарастающей силой звучали как в выступлениях официальных лиц — президента республики, рейхсканцлера, имперских и прусских министров, так и в речах нацистов и руководящих деятелей «Стального шлема». Воззвание, с которым обратился к народу Гинденбург, кончалось словами: «Германия, Германия превыше всего!» Президент был почетным членом «Стального шлема». Следует отметить, что еще в это время «Стальной шлем», насчитывавший более 400 тыс. членов, представлял серьезную потенциальную угрозу, не меньшую, чем нацистская партия. Совершенно права была коммунистическая печать, неутомимо разоблачавшая происки «Стального шлема» и раскрывавшая сущность замыслов его руководства. «Планы «Стального шлема», — писала газета «Нейе цайт», — направлены лишь в первую очередь против компартии, против революционных организаций, чтобы после кровавого подавления этого авангарда разрушить рабочие организации вообще».

Выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 г. принесли ошеломляющий результат: за нацистов было подано 6400 тыс. голосов, т.е. в 8 раз больше, чем в 1928 г. Это были главным образом голоса людей из тех социальных слоев, которые прежде поддерживали такие буржуазные партии, как Национальная, Народная, Государственная (бывшая Демократическая) и др. В то же время пробить брешь в рядах рабочего класса гитлеровцам не удалось — КПП и СДПГ, взятые вместе, даже выиграли, изменилось лишь соотношение полученных ими голосов: если СДПГ потеряла 700 тыс. избирателей, то КПП завоевала 1300 тыс. Для демократических сил выборы явились прежде всего симптомом резкого усиления фашистской опасности, порожденной отчаянным положением, в котором оказались миллионные массы. Эта опасность была неизмеримо больше, чем осенью 1923 г., ибо в начале 30-х годов фашизм превратился в общегерманскую силу, заручился поддержкой весьма влиятельных представителей монополистического капитала, показал им, что он способен привлечь

на свою сторону значительные массы. Между тем именно в этом заключалась ценность НСДАП для господствующих классов, которые не сомневались, что если экономический кризис затянется надолго, это безусловно вызовет революционизирование трудящихся.

Крупный избирательный успех усилил уверенность нацистов в конечной победе. Их фракция, насчитывавшая 107 человек, была второй по величине в рейхстаге. НСДАП стала политической силой, которую уже нельзя было игнорировать. Ее финансовое положение неуклонно улучшалось. В беседе с вюртембергским посланником летом 1930 г. министр-президент Баварии Гельд заявил: «Поразительно, как национал-социалисты вновь и вновь добывают деньги. Они поступают преимущественно от рейнско-вестфальской промышленности... Главную роль при этом играет Кирдорф». Чрезвычайно характерно, что точно то же сказал директор банка «Берлинское торговое общество» Кеппель, которого власти характеризовали как весьма осведомленного человека: «Колоссальные средства для ведения избирательной пропаганды [НСДАП], равно как и для ее продолжения после выборов... предоставлены рейнско-вестфальской тяжелой промышленностью».

Фашисты стремились на волне своего успеха сразу же сделать рывок к власти. Осенью 1930 г. шли оживленные закулисные переговоры о привлечении нацистов к участию в управлении страной. Инициаторами переговоров выступили крупнейшие промышленники и банкиры. Мотивы их действий весьма красноречиво выразил глава одной из рурских компаний в телеграмме знакомому нью-йоркскому финансисту: «Скажите своим друзьям на Уолл-стрите, что «добропорядочный немец» испытывает страх не перед национал-социалистической революцией, а только перед большевистской».

Переговорам нацистов с правительством предшествовали (или сопровождали их) встречи главарей НСДАП с хозяевами «большого бизнеса». В ноябре 1930 г. Гитлер встретился с промышленниками и судовладельцами Бремена, а после этого побывал в Гамбурге, в Национальном клубе 1919 г., где изложил 500 воротилам гамбургского судоходства и промышленности программу нацистской партии. Гитлер назвал «сознательной ложью» утверждение, что война разрушает экономику. «Мы лишены источников сырья, — заявил он. — Эти источники, как и рынки сбыта, не могут быть завоеваны ловкостью купца, а только... борьбой». Он добавил, что нельзя создать необходимую для завоеваний многомиллионную армию (даже если бы не было внешних препятствий), пока нация раздирается классовый борьбой. Ответом была овация. А вот что он говорил в том же месяце в более узком кругу: «Каждое существо стремится к экспансии, а каждый народ — к мировому господству. Только тот, кто не упускает эту цель из виду, находится на правильном пути».

Во второй половине 1930 г. фюрер неоднократно приезжал в Эссен для встреч с промышленниками Рура. Эффективность этих встреч подтвердил управляющий делами Союза германских промышленников Каствль; он сказал, что гость «произвел на ведущих деятелей очень сильное впечатление». А в официальном отчете местных властей говорилось: «Исходя из близости позиции Гитлера точке зрения работодателей, некоторые представители крупной промышленности предоставили ему значительные суммы; конкретно речь идет о двух субсидиях размером в 700 тыс. и 400 тыс. марок».

Что же касается переговоров на правительственном уровне, то рейхсканцлер предлагал фашистскому главарю сделку, при помощи которой мог бы, ссылаясь на острую критику со стороны «национальной оппозиции», добиться скорейшей отмены репарационных платежей; взамен он обещал нацистам посты в земельных правительствах.

Небезынтересно, что именно в это время в меморандуме имперского министерства внутренних дел говорилось: «НСДАП борется всеми имеющимися в ее распоряжении средствами за насильственное свержение германской республики, основанной на веймарской конституции. Партия обдуманно проводит политику, плодом которой был путч 1923 г., но использует при этом иную тактику. Национал-социалисты участвуют в парламентской системе только потому, что намереваются изнутри подорвать государство и его мощь».

Сговор не состоялся лишь потому, что условия не устраивали фашистов, переоценивших свои силы и требовавших посты имперского военного министра и министра внутренних дел, т.е. армию и полицию, что, по мнению правящих кругов, могло вызвать гражданскую войну. Кроме того, влиятельные монополистические круги полагали, что привлечение нацистов к участию в управлении страной преждевременно; придя к власти в разгар экономического кризиса, они скомпрометируют себя. Такая стратегия господствующих классов, конечно, не устраивала нацистскую клику,

рвавшуюся к правительственным постам, но, с другой стороны, дальнейшее пребывание в оппозиции, при лояльном отношении властей, позволяло фашистам рассчитывать на новые успехи их демагогической пропаганды.

Хотя контакты с Брюнингом были прерваны, существовал постоянный канал, соединявший НСДАП с правящими кругами, — через военное командование. Здесь главными действующими лицами были Рем, издавна связанный с высшими офицерами, и генерал Шлейхер, игравший важную закулисную роль в политической жизни. Конечно, генералы несколько опасались конкуренции со стороны командования штурмовых отрядов, численность которых значительно превышала 100-тысячный рейхсвер. Правда, Гитлер время от времени выступал с успокоительными заявлениями, будто ни при каких условиях не может возникнуть угрозы превращения штурмовых отрядов в конкурента рейхсвера, но в документах, скрытых от посторонних глаз, говорилось прямо противоположное. Так, командующий СА Пфефер в письме одному из своих подчиненных провозглашал: «Мы стоим на той точке зрения, что штурмовые отряды как носитель будущего германского вермахта следует организовать и обучать так, чтобы уже сейчас они постепенно становились государством в государстве». Тем не менее генералы весьма ценили возможности, создаваемые наличием столь обширного резерва армии, воспитанного в сугубо шовинистическом, реваншистском духе.

Между тем воздействие экономического кризиса на все стороны жизни становилось все более ощутимым. Размеры безработицы приняли катастрофический характер: только зарегистрированных безработных было в марте 1931 г. 4744 тыс., а в ноябре того же года число их превысило 5 млн. Существовала и непрерывно увеличивалась «невидимая» безработица, состоявшая из лиц, уже утративших «право» на получение пособия и исключенных из официальной статистики. Сотни тысяч людей, выброшенных с предприятий в первое время кризиса, оставались без работы в течение 3–4 лет.

Хозяйственно-политическое положение особенно обострилось летом — осенью 1931 г. Сильнейший кризис перепроизводства осложнился тяжелейшим финансовым кризисом, парализовавшим всю кредитную систему страны. То был весьма трудный для германского истеблишмента момент, и лишь благодаря помощи со стороны социал-демократических лидеров, всячески сдерживавших активность масс, проповедовавших, будто в период кризиса нельзя прибегать к забастовкам, и т.п. положение в стране не ухудшалось. Так выглядела на практике политика «меньшего зла», которую после выборов в рейхстаг 1930 г. проводило руководство СДПГ, утверждая, что, поддерживая антидемократическое по своему существу правительство Брюнинга, якобы можно предотвратить установление фашистской диктатуры. Это был пагубный для судеб Германии курс.

Наряду со сторонниками предоставления власти фашистам в среде крупного капитала имелись и прослойки, считавшие это нежелательным. Противоречия в лагере буржуазии, разногласия между отдельными ее группировками по вопросу о путях развития страны, вызывавшиеся в конечном счете соображениями конкурентной борьбы, имели существенное значение для хода напряженных политических столкновений, развернувшихся в Германии в связи с наступлением фашизма в начале 30-х годов. По мере углубления экономического кризиса, дальнейшего обнищания широких народных масс росла решимость наиболее реакционных и агрессивных элементов германского монополистического капитала, олицетворяемых такими именами, как Кирдорф, Тиссен, Феглер, Рехлинг и другие, призвать фашистов к власти и отгеснялились на задний план сторонники других вариантов диктатуры.

Экономический кризис со всей определенностью выявил непригодность тогдашних форм хозяйствования. Обнаружились крах «саморегулирующейся» экономики и необходимость перехода к иным формам, связанным со значительно большим вмешательством государства в экономическую жизнь. Многие немецкие монополисты видели, что лишь с помощью государства они смогут выкарабкаться из трясины и удерживать свои позиции в дальнейшем. К этому примешивались соображения господствующих кругов, связанные с их экспансионистскими устремлениями. Банкротство тогдашней хозяйственной структуры было веским аргументом в пользу того, что лишь активное участие государства может обеспечить необходимую подготовку к войне за передел мира в пользу Германии. И здесь взоры многих сильных мира сего обращались к фашистской партии, проповедовавшей всевластие государства.

Основное назначение фашизма и его главная ценность для господствующих классов

заклучались, однако, в его роли тарана против революционного авангарда германских трудящихся, силы, способной перехватить массовое недовольство существующим строем и направить его на рельсы фанатичного национализма и шовинизма, вырвать тружеников из-под влияния марксизма. Успехи КПГ в начале 30-х годов, рост ее популярности, отражавшийся в значительном увеличении числа голосов, завоеванных ею на различных выборах, — все это давало фашистам повод для истошных воплей о «коммунистической опасности», якобы грозящей Германии. Идя к власти и направляя главный удар против коммунистов и социал-демократов, фашисты стремились уничтожить все демократические организации, ликвидировать все конституционные свободы. Антисоциализм служил, таким образом, весьма удобным прикрытием для осуществления антидемократических замыслов германской реакции.

Хозяйственная разруха для нацистов являлась лишь дополнительным пропагандистским козырем; они ловко спекулировали на неумении правящих кругов справиться с последствиями кризиса и убеждали массы, будто знают, как добиться этого. Объективная основа перехода большинства мелкой буржуазии в фашистский лагерь видна из следующих цифр: с 1928 по 1932 г. обороты ремесленного производства сократились с 20 млрд до 10,9 млрд, а мелкой торговли — с 36,3 млрд до 20 млрд марок. Задолженность сельского хозяйства составила в 1931 г. колоссальную цифру в 11,8 млрд марок. «Обрабатывая» эти прослойки, нацисты особенно широко использовали антисоциалистические, антимарксистские заблуждения, укоренившиеся в среде мелкой буржуазии, а также антисемитизм, исчерпывающе «объяснявший» причины чудовищных бедствий. Завладев изнутри различными организациями, представлявшими средние слои, нацисты позаботились об устранении из их программ всего, что могло вызвать недовольство крупного капитала. Созданный фашистами Боевой союз ремесленного среднего сословия провозгласил, что «смысл идеи социализма Адольфа Гитлера заключается в превращении неимущих в собственников». Это — лишь одна из весьма многочисленных, но достаточно красноречивая дефиниция нацистского «социализма».

Фашисты действовали все более активно. Их целью было охватить своей пропагандой всех, на кого можно было рассчитывать как на потенциальных сторонников, а остальных запугать, деморализовать, сломить волю к сопротивлению. Не оставлялась без «внимания» ни одна деревня, ни один поселок, как бы малы они ни были. На выборах в Ольденбурге в мае 1931 г. НСДАП собрала 37,3% голосов, намного опередив другие партии; лишь за несколько лет до того, как отмечалось выше, число сторонников фашизма исчислялось здесь только десятками.

Таким образом, опасность прихода фашизма к власти стала реальной, как никогда ранее. Но в стране существовали силы, противодействовавшие этому.

Покровители нацизма стремились избежать открытого выступления фашистов, ибо оно неизбежно вызвало бы отпор, как было в 1920 г., когда всеобщая забастовка в короткий срок ликвидировала монархистский мятеж Каппа — Лютвица. Они настаивали на том, чтобы Гитлер твердо отказался от идеи повторить путч 1923 г., закончившийся провалом, и стал приверженцем сугубо «легальных» средств борьбы за власть. Главарь фашистов давал подобные заверения на собраниях своих сторонников, но это не получало должного резонанса. И здесь сослужили свою службу покровители нацистов из... Имперского суда, верховного органа, призванного блюсти неприкосновенность государственного строя Веймарской республики.

Подобный факт воспринимается менее парадоксально, если иметь в виду, что суды Веймарской республики откровенно сочувствовали и потворствовали гитлеровцам. По некоторым данным, с 1928 по 1931 г. в Германии состоялось 822 процесса по обвинению в «государственной измене»; из них только 5 были направлены против нацистов; более же 800 — против коммунистов. Особенно «прославился» в этом генеральный прокурор Вернер, не дававший хода многим делам, возбужденным против нацистов. После прихода к власти нацисты объявили, что Вернер уже давно был последователем Гитлера.

Осенью, т.е. вскоре после выборов в рейхстаг, в Имперском суде в Лейпциге открылся процесс по обвинению трех офицеров рейхсвера в нацистской пропаганде в армии. Мотивы, побудившие командование предать их суду, вытекали из гегемонистских стремлений генералитета. Как раз в связи с процессом военный министр Тренер издал приказ, в котором подчеркивалось, что командование рейхсвера не допустит чьего-либо влияния в армии. Министр напоминал о «гигантских внутренних и внешних трудностях, которые удалось преодолеть руководству рейхсвера, чтобы превратить армию в самый важный фактор в государстве». Еще недвусмысленнее Тренер высказался на происходивших в то время маневрах. «В политической жизни Германии, — заявил он,

— более не должен быть сдвинут с места ни один камень без решающего слова рейхсвера». Суд над тремя офицерами нацистами имел целью показать Гитлеру, что генералы, хотя и сочувствуют многому в нацистских планах, не хотят делить с кем-либо руководство армией.

Но в результате приглашения на суд Гитлера в качестве свидетеля по вопросу о том, стремится ли возглавляемая им партия к насильственному свержению существующего строя, политический выигрыш из процесса извлекли фашистская клика и ее покровители. Идея пригласить фюрера в качестве свидетеля исходила от защитника одного из обвиняемых, в дальнейшем достаточно известного гитлеровца Г. Франка, казненного в 1946 г. по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. В своих записках Франк сообщает, что он совершенно не надеялся на принятие судом своего предложения, ибо «в юридической истории Германии еще не было случая, чтобы руководитель партии выступал под присягой в качестве свидетеля по вопросу о легальности, т.е. конституционности, своей политической деятельности». Даже прокурор возражал против приглашения Гитлера, подчеркивая, что его свидетельство не имеет никакого отношения к установлению вины подсудимых, которая вполне ясна. Но председатель суда Баумгартен и его коллеги решили предоставить Гитлеру столь необходимую ему трибуну. И фюрер выступил в суде с «показаниями», которые длились 3 часа и имели очень мало общего с предметом судебного разбирательства. На деле это была политическая речь, весьма благосклонно принятая судом, ни разу не прервавшим Гитлера.

Основной ее смысл заключался в многословном обосновании ложного тезиса, будто нацисты целиком и полностью стоят на почве легальности. Председатель суда при помощи наводящих вопросов стремился еще более усилить подобное впечатление. Его совершенно не смутило, что Гитлер в ответ на вопрос об угрозах расправы с политическими преступниками (такие угрозы содержались в выступлениях всех нацистских руководителей) заявил: «Когда мы возьмем власть, будут созданы специальные суды, которые законным порядком (!) осудят ноябрьских преступников. Тогда действительно головы покатаются в песок». Гитлер только повторил здесь то, что он говорил в десятках своих выступлений, в частности в 1929 г.: «В этой борьбе головы покатаются в песок — либо наши, либо наших противников. Так позаботимся, чтобы покатались головы других». В суде затем был поставлен вопрос, чтобы Гитлер присягнул в правдивости своих показаний.

Печать считала, что для Гитлера и его партии выступление в Лейпциге было «даром небес». Эта оценка нуждается в одной существенной поправке: действительно, то был дар, только не небес, а тех, кто хотел уже тогда видеть нацистов в германском правительстве. Сам Гитлер лучше всех понимал важность своей лейпцигской гастропрограммы. Если верить Франку, фюрер тут же сказал ему: «Вы будете когда-нибудь министром юстиции! Я никогда не забуду того, что вы сделали для меня. Эта присяга стоит многих, многих усилий, предпринимаемых нами. О ней прочитает также Гинденбург и, возможно, он будет более расположен ко мне». Главарь нацистской клики не ошибся: его разглагольствования о легальности фашистской партии сразу же привлекли внимание власть имущих. Выступление Гитлера в тот же день обсуждалось на заседании правительства!

Своими «показаниями» Гитлер фактически дезавуировал обвиняемых, утверждавших, что их точка зрения о необходимости насильственного переворота соответствует позиции нацистского руководства. Но, принеся в жертву трех своих последователей, Гитлер приобрел гораздо большее: он завоевал сочувствие многих высокопоставленных командиров рейхсвера, которые до тех пор косо смотрели на попытки нацистов подчинить своему влиянию армию. Вот что говорил, например, генерал-полковник Йодль на Нюрнбергском процессе: «Я был настроен (по отношению к нацистам. — Л.Г.) весьма скептически, и им не удалось убедить меня, пока Гитлер не дал на Лейпцигском суде заверения, что он выступает против какого-либо подрыва рейхсвера». Такая же эволюция, но более быстрыми темпами произошла с Л. Беком, в то время полковым командиром обвиняемых. Он заявил на суде, что не видит в действиях подсудимых вины. Вероятно, это существенно ускорило возвышение Бека: в 1935 г. он занял пост начальника генерального штаба.

С процессом 1930 г. и его последствиями связан яркий эпизод политической борьбы, совершенно не входивший ни в планы правящих кругов, ни в намерения Гитлера. Один из обвиняемых, лейтенант Рихард Шерингер, чья вера в нацизм пошатнулась уже в результате предательства со стороны Гитлера, попав в крепость (подсудимые были приговорены к полутора годам каждый), порвал с нацистской партией. Находившиеся вместе с ним в заключении коммунисты в долгих беседах с убежденным националистом сумели доказать ему, что его взгляды ошибочны. Весной 1931 г. Шерингер объявил о своем вступлении в Коммунистическую партию

Германии. Это заявление вызвало подлинную сенсацию, тем более что разрыв с милитаристским прошлым и переход на прогрессивные позиции проделали в те годы и некоторые другие деятели «национального» лагеря: писатели Л. Ренн, Б. Ремер, авиатор Х. Шульце-Бойзен, А. Стенбок-Фермор, Б. Узе и др.

Такова была обратная сторона гитлеровской демагогии. Аналогичную цену имели посулы нацистов трудящимся крестьянам. Это видно из архивных материалов о беседах Гитлера с крупными землевладельцами, состоявшихся в начале 1931 г. Юнкеры ощущали беспокойство, знакомясь с официальной нацистской программой, рассчитанной на привлечение крестьян. Но на соответствующий вопрос, заданный Гитлеру одним из титулованных участников указанных встреч, последовал ответ, что он имеет совершенно неверное представление о намерениях фашистской партии, «которые никогда не предусматривали расчленение или конфискацию крупных поместий». На человека, задавшего вопрос — князя Эйленбург-Гертефельда, — это произвело такое впечатление, что он вскоре вышел из.

Национальной партии, к которой принадлежал многие годы, и перешел в ряды гитлеровцев.

В своих мемуарах Брюнинг обстоятельно изложил беседу с Гитлером, состоявшуюся 6 октября 1930 г. Рейхсканцлер подробнее информировал фашистского главаря о политическом положении и намерениях правительства, в частности о шагах, целью которых было в возможно более короткий срок добиться полной отмены репараций. Чтобы добиться этого, правительству, по словам Брюнинга, было чрезвычайно выгодно иметь в лице нацистской партии острейшую оппозицию, критикующую правительство по внешнеполитическим вопросам; это должно было создать предпосылки для последующего сотрудничества с ней в правительстве. Брюнинг не скрыл от Гитлера, что венец своего плана он видит в реставрации монархии (что, вероятно, не могло вызвать у фюрера особого энтузиазма). Конкретно Брюнинг предлагал Гитлеру откровенную сделку, изъясняя даже готовность подвергаться со стороны нацистов резкой критике за «нерешительность» (о формах критики, по мнению Брюнинга, следовало, однако, договариваться предварительно), и обещал нацистам посты в земельных правительствах.

13 октября открылся новый рейхстаг. В этот день нацисты решили показать миру кое-что из того, чем они собирались обогатить Германию после своего прихода к власти. Они организовали на центральных улицах Берлина бесчинства, завершившиеся разгромом магазинов, владельцами которых были евреи. Под аккомпанемент криков «Германия, проснись!», почти не встречая противодействия со стороны полиции, нацисты били стекла в зеркальных витринах «универмагов. Те из них, кого полиция все же арестовала, были на следующий день отпущены.

Пока на улицах шел первый крупный погром, в рейхстаге разыгрался второй акт гитлеровского спектакля. Перед открытием заседания в зале военным строем появились депутаты-нацисты (их было, как отмечалось, свыше сотни), все, как один, в форме штурмовиков. Фашисты обошли существовавший тогда в Пруссии запрет ношения формы, переодевшись в самом здании рейхстага.

Но это была только прелюдия к последующей «работе» в парламенте. Не было почти ни одного заседания, которое не закончилось бы удалением кого-либо из распоясавшихся нацистов, хотя председатель рейхстага социал-демократ П. Лебе и его заместители, представлявшие буржуазные партии, проявляли по отношению к их диким выходкам максимум терпения. Среди нацистов имелаась большая группа уголовных преступников, осужденных в свое время на долгие сроки, но позднее амнистированных; теперь они занимали высокие посты в командовании штурмовых отрядов.

Зарубежная печать выражала надежду на то, что парламентская деятельность «цивилизует» гитлеровцев, поможет устранить «крайности», которые шокировали правящую верхушку, затрудняя сговор с Гитлером. «Национал-социализм должен быть направлен и обращен в правильное русло», — писала 15 декабря 1930 г. одна из ведущих газет крупного капитала «Дейче альгемайне цейтунг».

Но то, что хитроумные политики из буржуазного лагеря считали крайностями, на деле отражало сущность нацистской партии. Фашизм не имеет ничего общего с демократией. Да и сами гитлеровцы не скрывали этого, они издевались над теми, кто, находясь у власти, давал заклятым врагам республики возможность использовать предоставляемые ею свободы в целях уничтожения существующего строя. А вот что говорил (согласно полицейскому отчету) Геринг, выступая в начале 1930 г. на нацистском собрании в Эссене: «Мы боремся против этого государства и нынешней системы, мы хотим уничтожить ее огнем и мечом, но легальными средствами — для полицейских чиновников, имеющих длинные уши!» Особенно откровенен был Геббельс. Он писал: «Мы идем в рейхстаг, чтобы добыть в арсенале демократии ее же собственное оружие. Мы становимся

депутатами, чтобы парализовать Веймарскую республику, используя ее же поддержку». Он же писал, что нацисты борются за уничтожение существующего строя, а строй предоставляет ему (Геббельсу) бесплатный проезд по железной дороге и оплачивает его (подрывную) деятельность, как депутата. Пока число депутатов от НСДАП исчислялось единицами, это не имело существенного значения, когда же оно перевалило за сотню, для нацистской партии стало значительным экономическим фактором. Забыты были ожесточенные дискуссии по поводу участия в парламентах, и «сам» Гитлер в это время уже являлся безоговорочным сторонником «вхождения» в представительные учреждения (чтобы после взятия власти превратить их в марионеточные учреждения). Правящим кругам Германии следовало не доводить дело до того, что фашисты, не скрывавшие своих целей, стали завоевывать на свою сторону миллионы избирателей; следовало жесткими мерами пресекать их злонамеренную деятельность, не давая заклятым врагам республики никакого спуска. Нежелание и неумение уничтожить фашизм в зародыше дорого обошлось и самому немецкому народу, и многим другим народам мира. А ведь борьба германского фашизма за власть продолжалась целых 14 лет, и за эти годы его подлинная сущность и методы, при помощи которых он рвался к рычагам управления страной, и облик главарей нацистской клики выяснились. Выступая в начале 1931 г. в рейхстаге, Геббельс дал недвусмысленный комментарий к заверениям Гитлера о легальности: «Мы стремимся, — признал Геббельс, — легально захватить власть. Но что мы предпримем с этой властью, когда она будет в наших руках, это наше дело». Здесь поставлены все точки над «и».

Нацисты, в том числе в рейхстаге, продолжали пропаганду войны и борьбу против всего, что препятствовало ее подготовке, прежде всего в области идеологии. Отсюда внесенный ими в рейхстаг законопроект, предусматривавший смертную казнь за выступления в пользу материального или духовного разоружения, за участие в антимилитаристских объединениях. Помимо того, нацистский законопроект предусматривал смертную казнь (или каторжные работы) за «измену народу», «экономическую измену», «измену расе» и «культурную измену», телесные наказания за принижение или оскорбление национальных героев, полководцев кайзеровской армии или рейхсвера, в особенности же знаков различия, знамен, военной формы и т.п.

Существенный вклад в идейную подготовку населения к будущим войнам внес главный «идеолог» НСДАП А. Розенберг, именно в начале 30-х годов опубликовавший свой глубокомысленный «труд» — «Миф XX столетия» — мешанину из надерганных в самых разных местах тезисов, так и не сложившихся в сколько-нибудь цельное произведение. Возвеличение войны, как способа решения задач, стоящих перед немецким народом, пронизывало все сочинение. Едва ли не на каждой странице содержалось утверждение, будто не разоружение (а в те годы идея разоружения была достаточно модной, и в течение ряда лет вопрос рассматривался в Лиге Наций), а практическая подготовка к войне должна была находиться в центре внимания всех немцев.

Осенью 1930 г. гитлеровцы развернули бешеную борьбу против антивоенного фильма «На западном фронте без перемен», поставленного в США по известному роману Э.М. Ремарка. Демонстрация фильма сопровождалась новыми бесчинствами гитлеровцев, применявших все средства, чтобы запугать зрителей. В лице же властей фашисты имели единомышленников; более того, военное министерство еще до выступления нацистских погромщиков добивалось запрета фильма. 10 декабря дальнейший показ фильма был запрещен; а несколькими днями позже была разрешена демонстрация националистического и милитаристского фильма «Стальной шлем» на Рейне», который вначале не был допущен к показу.

Так устанавливалось единомыслие правящих кругов с нацистами в деле идеологической подготовки немецкого народа к будущей войне. Гитлеровцы вели эту подготовку наиболее активно и целеустремленно, особенно в пограничных областях. В Восточной Пруссии, например, подвизался пресловутый Гейдрих, будущий глава гестапо, палач чешского и словацкого народов, убитый в 1942 г. борцами Сопротивления. Во время демонстрации в Гумбинене в начале ноября 1930 г. Он пропагандировал «войну, которая неизбежна для освобождения немецкого народа». К сожалению, многие верили этому, не понимая, что на деле речь идет не об освобождении народа, а о замыслах монополий.

В рождественском номере одной из буржуазных газет за 1930 г. была напечатана анкета «Как Вы расцениваете участие Гитлера в правительстве?» Ответ дали несколько деятелей правого лагеря, в том числе генерал Сект, крупный землевладелец Ольденбург-Янушау (еще в кайзеровские времена прославившийся изречением, что он беретя разогнать рейхстаг, имея лишь десять солдат), поверенный монополий Шахт и уже упоминавшийся историк Шюсслер.

Все они высказывались за необходимость привлечения гитлеровцев к власти. Но наиболее симптоматичен ответ Шюсслера, озаглавленный «Слишком рано!» За прошедшие три месяца точка зрения Шюсслера видоизменилась. Он писал, что участие гитлеровской партии в правительстве, если оно окажется преждевременным, приведет к ее ослаблению ввиду «противоречия между идеей и действительностью», иными словами — между демагогическими обещаниями фашистов и их реальной политикой у власти. Шюсслер останавливался на возможных последствиях провала правительства с участием гитлеровцев и считал эти последствия катастрофическими. Отсюда следовал вывод, что, пока экономический кризис продолжает обостряться, а положение широких масс становится все более тяжелым, участие нацистов в имперском правительстве нецелесообразно.

Небывалый успех нацистов на выборах в рейхстаг и в ландтаги ряда земель, участие их в некоторых земельных правительствах, занятие ими видных постов в рейхстаге (так, Фрик возглавил комиссию по иностранным делам, а Франк — юридическую комиссию!) были симптомами серьезнейшей опасности, нависшей над Германией. Правда, гитлеровцам не удалось завоевать сколько-нибудь прочных позиций среди рабочего класса; недаром Фрик писал в одном нацистском бюллетене, что «главную массу рабочих мы завоюем только тогда, когда будем располагать властью».

В то же время ухудшение экономического и политического положения усиливало недовольство влиятельных кругов монополистической буржуазии политикой правительства. Хотя Брюнинг верно служил их интересам, магнаты тяжелой промышленности, чьи прибыли сократились более всего, полагали, что правительство медлит с осуществлением программы крупного капитала, намеченной еще в начале экономического кризиса. Финансовый крах лета 1931 г., который привел к банкротству крупнейшие германские банки, лишь укрепил стремление группировки, возглавлявшейся Тиссенем, Феглером, Кирдорфом, Ростергом и другими, добиться окончательного перехода к диктатуре. Лагерь крайней реакции предпринимал значительные усилия, чтобы консолидировать свои ряды, раздиравшиеся междоусобной грызней.

У главарей фашистских и полуфашистских организаций возникла идея провести с этой целью нечто вроде смотра сил, который был призван продемонстрировать их сплоченность. Местом предполагаемого сбора был избран небольшой город Гарцбург (Брауншвейг, где министром внутренних дел был нацист).

Конференция открылась 11 октября 1931 г. Обстановка для слета была весьма благоприятна. Лишь за день до того Гитлер был впервые принят президентом республики, что несомненно представляло успех нацистов на пути к цели; ефрейтор Первой мировой войны, он же недавний путчист, на равных беседовал с фельдмаршалом — главой государства. Из третьестепенной (хотя и весьма шумной) силы НСДАП превратилась в бесспорного гегемона всего реакционного лагеря.

Гарцбург стал местом невиданного после свержения монархии сборища ярких противников демократии — главарей крайне правых политических организаций, представителей монополистического капитала, юнкерства, генералитета, титулованной знати, чиновничества, военизированных союзов. Уже одно то, что такое количество «звезд» буржуазного общества собралось, чтобы заявить о своем стремлении покончить с демократией, свидетельствовало о серьезной опасности для самого существования республики.

В своем манифесте участники гарцбургской конференции единодушно объявили войну Брюнингу и его коллегам, которых они считали уже недостаточно реакционными. Конечно, не могло быть и речи о сплоченности тех элементов, из которых складывался фашистский блок, — все они преследовали отнюдь не только общие, но и частные интересы, потому грызня между отдельными группировками возобновилась чуть ли не на второй день. Сопредседатель «Стального шлема» Дюстерберг приводит в своих мемуарах обширную переписку между руководством и некоторыми местными организациями этого союза, с одной стороны, и руководством нацистской партии — с другой, относящуюся к концу 1931 г. и вызванную все более усиливавшимися попытками гитлеровцев потеснить «Стальной шлем». На все просьбы главарей этой организации прекратить переманивание ее приверженцев в штурмовые отряды Гитлер ответил отказом. Но «Гарцбургский фронт», как окрестили конгломерат организаций, участвовавших в конференции, являлся все же удавшейся в целом попыткой объединения фашистских (и профашистских) элементов общества. Несмотря на его непрочность, создание этого блока способствовало укреплению сотрудничества фашистов и поддерживавших их организаций, а главное — показало реакции возможность, пусть временной, консолидации сил, что сыграло важную роль в окончательном исходе напряженной

политической борьбы начала 30-х годов.

Нацисты извлекли из гарцбургского сборища наибольшую непосредственную пользу, еще более расширив свои связи, особенно с крупным капиталом. Именно здесь они заручились поддержкой Л. Грауэрта, занимавшего пост генерального секретаря Союза горнозаводской промышленности Северо-Запада. Сговор Грауэрта с НСДАП определил также позицию его шефа Шленкера, что было не менее важно для фашистов.

Сговор реакционеров должен был бы насторожить противников фашизма и максимально усилить их борьбу против него. Но этого не случилось. Между тем, несмотря на публичное «объявление войны», закулисные контакты между представителями правящих кругов и нацистской партии осенью 1931 г. активизировались. Едва ли не самой важной была беседа командующего рейхсвером генерала Гаммерштейна с Гитлером в сентябре 1931 г. Многочасовой разговор фюрера с Гаммерштейном оказался для нацистов весьма плодотворным. Во всяком случае, командующий рейхсвером заявил Гитлеру, что тот, собственно, добивается того же, что и армия; разница заключается только в темпах. Состоялось также несколько бесед генерала Шлейхера с Гитлером, причем сведения о них проникли в печать.

Левобуржуазный журнал «Дойче републик» предупреждал о реальной возможности того, что в «недалеком будущем правительство предложит нацистам принять участие во власти». В другой статье, также опубликованной в ноябре 1931 г., говорилось: «Нет сомнения, что большая часть направлений и лиц, на которые опирается Брюнинг, солидарна с «гарцбуржцами».

Но, как и год назад, сговор не состоялся и на этот раз. Во-первых, события октября — ноября 1931 г. еще более укрепили нацистов в их притязаниях; помимо приема Гитлера Гинденбургом непримиримость НСДАП подогревалась созданием «Гарцбургского фронта», а также крупной победой на выборах в Гессене (нацисты получили там 37,1% голосов) в ноябре, имевших результатом создание и в этой земле правительства с участием нацистов. Это заранее предопределяло неудачу попыток достичь договоренности с НСДАП (а значит, со стоявшей за ней мощной группировкой монополистического капитала), в основе которых лежало стремление «направить» нацистское движение, сделать его подчиненной частью какой-либо коалиции.

Главное, однако, заключалось в том, что экономический кризис продолжал бушевать с нарастающей силой, а значит оставались в силе те соображения, которыми правящие круги руководствовались год назад, когда перед ними вплотную встал вопрос об использовании нацистов у руля управления страной. «Новые силы не должны заниматься работой по ликвидации, которая могла бы раньше времени обессилить их. Они не должны быть введены в действие тогда, когда каждый может на пальцах подсчитать, через какое время они будут размолоты», — писал в ноябре 1931 г. влиятельный журнал «Тат».

На улицах городов и деревень Германии бушевал нацистский разбой. Он нарастал с каждым месяцем, по мере того как фашисты все более убеждались в своей безнаказанности, в сохранении раскола рабочего класса, отсутствии успеха всех попыток его сплочения. Фашистский террор отнюдь не был стихийным явлением, как утверждали разного рода адвокаты нацистов, изображавшие кровавые «подвиги» последних как ответные меры. Документы показывают, что террористические акты готовились заранее, что штурмовики и эсэсовцы проходили в этом отношении специальную тренировку. Вот как, например, звучал инструктаж эсэсовцев Берлина на одном из их сборищ в 1931 г.: «Каждый боец отрядов СС должен быть обучен тому, как бесшумно убить человека». Фашистские убийцы предпочитали творить свои преступления ночью. Один из ветеранов штурмовых отрядов Ломан, о котором прежде упоминалось, подробно рассказывал, как он и его подручные по ночам выходили в разбойничьи экспедиции по рабочим районам.

Выше уже много говорилось о прямом потворстве фашистским убийцам со стороны судов Веймарской республики. Вот еще несколько фактов, относящихся ко второй половине 1931 г. Нацист Шпренглер из саксонского городка Плауэна застрелил двух рабочих, но был осужден лишь на три месяца тюрьмы, и вовсе не за убийство, а только за незаконное ношение оружия. Аналогичный случай имел место в Берлине, когда фашист, убивший рабочего Натана, был оправдан по этому обвинению и приговорен к году тюремного заключения лишь за пользование оружием. В Ландсберге такой же смехотворный приговор был вынесен нацисту, умертвившему разносчика революционных газет Лолейта, причем обвиняемый был немедленно освобожден из-под стражи. Расправу в чисто фашистском стиле учинила группа нацистов над рабочим Щирмером: он был избит ночью стальными прутьями, а затем заколот. Виновники получили не свыше двух лет тюрьмы, а один из

них был даже оправдан. В берлинском районе Нейкельн 60 нацистов напали на женщин — разносчиц газеты «Роте фане»; полиция схватила не фашистов, а рабочих, поспешивших на помощь женщинам. Один из них получил восемь месяцев тюрьмы, хотя в решении суда признавалась недоказанность обвинения в нанесении им удара нацисту. «Достаточно того, что он пытался ударить», — говорилось далее.

Вряд ли можно удивляться подобным фактам, зная — об этом говорил с трибуны рейхстага депутат коммунист О. Гешке, — что в составе одного суда присяжных, который должен был рассмотреть дело по обвинению группы гитлеровцев в убийстве, находился член нацистской партии.

В полиции и судах было множество реакционно настроенных элементов, сочувствовавших фашистам. В печати то и дело появлялись материалы о прямых связях полицейских чиновников с НСДАП; нередко нацисты обладали в отделениях полиции агентурой.

Потворство фашистам являлось в первую очередь следствием антикоммунизма, которым был охвачен государственный аппарат Веймарской республики сверху донизу. В интервью, которое генерал Тренер, возглавивший в октябре 1931 г. помимо военного министерства и министерство внутренних дел, дал представителям печати после своего нового назначения, он предупредил, что «поставит преграды произволу в политической деятельности», назвав при этом лишь компартию.

Апогеем фашистского разбоя стали в то время события, развернувшиеся в Брауншвейге в октябре 1931 г., вскоре после гарцбургской конференции. Пользуясь здесь полной свободой, нацисты решили провести свои учения. С этой целью руководство НСДАП сосредоточило в Брауншвейге большое количество штурмовиков. Сюда было доставлено 100 тыс. человек, для чего потребовалось 40 специальных поездов и свыше 5 тыс. грузовых машин. Получив столь значительное численное превосходство над демократически настроенными элементами, фашистские молодчики устроили провокационное шествие по рабочим районам Брауншвейга. Результатом были еще не виданные по своему размаху и ожесточенности столкновения; было убито двое рабочих, свыше 70 ранено.

Эти события вновь и гораздо нагляднее, чем когда-либо, показали всем, кто не хотел превращения страны в фашистский заповедник, что собственно их ожидает в случае прихода нацистов к власти. Нацистская вылазка не деморализовала антифашистов, а, наоборот, мобилизовала и сплотила их. В отпоре громилам в Брауншвейге стихийно установился единый пролетарский фронт. В день похорон жертв фашистского террора, 23 октября, здесь состоялась массовая политическая забастовка, в которой участвовало 30 тыс. человек — рабочие всех убеждений.

Почти одновременно страна была взбудоражена так называемым боксгеймским делом, бросившим яркий свет и на существо НСДАП, и на позицию правящих кругов по отношению к ее замыслам. Свое название этот эпизод получил от наименования поместья, где в середине сентября 1931 г. проходило совещание руководителей нацистской организации земли Гессен. Здесь родились документы, получившие название «Первое оповещение» и представлявшие собой проекты приказов на случай взятия власти фашистами. Основным их автором был гессенский нацистский лидер Бест (в годы Второй мировой войны он являлся наместником оккупированной Германией Дании).

В результате ссоры, возникшей среди гессенских нацистов, «боксгеймские документы» стали достоянием гласности. На поколение, перенесшее Вторую мировую войну и знакомое с ужасами немецко-фашистского оккупационного режима, с лагерями уничтожения, «боксгеймские документы» не произведут особого впечатления. Но для Германии начала 30-х годов они были все-таки еще необычны. Фраза Гитлера, произнесенная немногим больше года назад, во время суда над тремя офицерами-нацистами, о том, что «головы покатыся в песок», здесь приобрела конкретность, притом весьма зловещую.

Немцы впервые столь широко познакомились с угрозой смертной казни за любой, самый невинный «проступок» — угрозой, которая после 30 января 1933 г. стала законом существования немецкого народа, а в дальнейшем — населения поработанных германским фашизмом стран. Согласно «боксгеймским документам», казнь ожидала каждого, кто не будет безоговорочно выполнять все приказы новой власти, кто не сдаст в 24-часовой срок оружие (для такого рода лиц предусматривался расстрел на месте), кто откажется работать на новых властителей, не говоря уже о тех, кто попытается оказать более активное сопротивление. О том, что угрозы не останутся голословными, свидетельствовало намерение ввести сразу после взятия власти военно-полевые суды. Имелся также пункт, разрешавший конфискацию собственности граждан для нужд диктатуры. В общем то был новый, расширенный и дополненный вариант проекта Пффордтена 1923 г. (см. выше).

После публикации этого откровения нацизма многие колеблющиеся, считавшие НСДАП

«спасительницей нации», увидели подлинную сущность фашизма. Возмущение охватило различные общественные слои. Все громче звучали требования принять действенные меры, которые помешали бы осуществить планы, столь отчетливо отразившиеся в этих документах. Совершенно иной была позиция властей, начиная с имперского правительства, которое считало, что для насильственных мер против НСДАП нет достаточных оснований.

В Хемнице полиция запретила листовку о гессенских нацистских документах, выпущенную местной организацией социал-демократической партии под названием «Так начинается Третья империя». Одновременно была запрещена и демонстрация военизированной организации СДПГ «Рейхсбаннер», сборище же нацистов полиция разрешила (по некоторым сведениям, на нем должен был выступить... сам Бест!). «К национал-социалистам, — писала социал-демократическая газета «Фольк», — относятся так, как будто они уже являются частью государственного аппарата». И хотя в газете речь шла о Хемнице, это было справедливо для многих более или менее крупных городов Германии начала 30-х годов. Еще хуже было положение в сельских местностях, где власти, как правило, принадлежали к рьяным приверженцам реакционных организаций.

По поводу «боксгеймских документов» было возбуждено уголовное дело, которое должно было рассматриваться в Лейпциге. Расследование шло вяло, а между тем 1 июня 1932 г. Брюнинг был уволен в отставку и пост рейхсканцлера занял откровенный реакционер Папен (см. ниже). 20 июля Папен осуществил государственный переворот в Пруссии, а уже 29 июля генеральный прокурор Вернер прекратил дело о «боксгеймских документах» якобы за недоказанностью обвинения. Тот же генеральный прокурор, являвшийся единомышленником нацистов, спустя год выступал обвинителем на известном процессе по делу о поджоге рейхстага, который благодаря мужеству Г. Димитрова закончился полным провалом гитлеровской клики.

Потребности борьбы за массы вновь и вновь побуждали нацистов прибегать к антикапиталистической демагогии, а это отпугивало некоторую часть монополистов. Среди монополистов было в то же время и немало таких, кто хорошо понимал служебное назначение «социалистической» фразеологии нацистов. Так, один из ведущих органов тяжелой промышленности писал, что «использование слова «социализм» в качестве вывески надо всемерно приветствовать». Стремясь добиться расположения наиболее влиятельных группировок крупной буржуазии, фашисты придавали все большее значение «разъяснительной» работе среди тех королей угля и стали, которые пока относились к НСДАП сдержанно. Много в этом смысле делал Шахт. Но он был не единственным, кто выполнял данную задачу. С начала 30-х годов на роли советников фюрера по экономическим вопросам выдвигаются также Функ и Кеплер, располагавшие большими связями в мире крупного бизнеса. Функ еще до середины 1931 г. являлся редактором органа биржи и промышленных компаний «Берлинер бёрзенцайтунг». Руководящие деятели Рейнско-Вестфальского горнопромышленного объединения укрепили его в намерении вступить в НСДАП, чтобы умерить влияние тех элементов в ее руководстве (прежде всего Федера), которые все еще грозились «посягнуть на частную собственность».

«Мои друзья-промышленники и я, — заявил Функ в ходе подготовки Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками, — были убеждены в то время, что национал-социалистическая партия в недалеком будущем придет к власти и это должно произойти, чтобы избежать коммунизма и гражданской войны». Из записки Функа известно, что помимо Кирдорфа, Тиссена и Феглера сторонниками НСДАП были также Тенгельман (Гельзенкирхенское акционерное общество), Шпрингорум (группа Хеша), Кнеппер (председатель или член наблюдательных советов 35 трестов и предприятий), Бускюль (директор трубопрокатной компании Маннесманна), Келлерман (концерн Ганиеля). С нацистами, согласно заявлению Функа, — а его осведомленность в этой области не вызывает сомнений — были связаны руководители крупных пароходных компаний Гамбурга во главе с бывшим рейхсканцлером Куно и коммерческие круги Бремена, короли немецкого страхового капитала Шмитт (в дальнейшем министр экономики фашистской Германии) и Хильгард.

Нацистская верхушка все более приспособляла свой курс к интересам монополий, о чем свидетельствовали, в частности, изменения, вносившиеся явочным порядком нацистами в новые издания их программы. Если раньше в ней, хотя и с оговорками, говорилось о национализации трестов, то в издании 1932 г. по этому поводу уже фигурировало следующее: «Национал-социализм отнюдь не считает частное владение даже самыми крупными промышленными предприятиями (мы имеем здесь в виду Круппа, Маннесманна, Тиссена и др.) противоречащим интересам общества».

Если прежде шла речь о том, что предприниматель обязан хорошо оплачивать труд рабочих, то теперь предусматривалось иное: «Настоящий предприниматель вполне сознает свою народнохозяйственную задачу — организовать производство так, чтобы издержки становились все ниже. Блестящий пример этому — такие люди, как Маннесманн, Борзиг, Краус...» Глава экономического отдела нацистской партии Вагнер, выступая в ноябре 1931 г. перед промышленниками в Дюссельдорфе, отменил все обвинения в социализме и заявил: «Кто наблюдает ежедневные побоища между национал-социалистами и коммунистами, знает, чего стоят подобные упреки. Наш социализм — иной. Естественно, что все должны решать предприниматели».

Коротко все это сформулировал Гитлер в одной из бесед с Г. Раушнингем в 1932 г.: «Не прислушивайтесь к тому, что говорят Федер и его люди, если даже это одобрено партией. Они могут говорить, что хотят; когда я приду к власти, то позабочусь, чтобы они не причинили никакого ущерба». То же в присутствии ему сказал Геббельс; «Огосударствление — вещь невыполнимая. Тезисы же Федера о ликвидации процентного рабства — бессмыслица; ликвидировать себя должен лишь тот, кто эту бессмыслицу читает».

В конце 1931 г. влияние НСДАП распространилось на одного из крупнейших магнатов тяжелой промышленности Флика и его концерн. Посредником здесь выступил ближайший сотрудник последнего О. Штейнбринк, хорошо знакомый с Функом; он устроил встречу своего патрона с Кеплером, а в феврале 1932 г. с помощью Функа организовал беседу фюрера с Фликом (от которого исходила инициатива этой встречи).

Штейнбринк подал нацистам идею об установлении тесного контакта с Шредером — главой известного кельнского банкирского дома, имевшего дочерние отделения в Англии и США. В этом недвусмысленно сказались заинтересованность магнатов капитала в популяризации нацистской партии среди англо-американских бизнесменов. Именно тогда контакт с Шредером установил Кеплер, который выяснил, что банкир «уже длительное время с симпатией наблюдал за деятельностью партии». Мы увидим, какое первостепенное значение это знакомство приобрело для фашистской клики.

К тому же времени относится формирование организации, наложившей позорное клеймо на всю крупную германскую буржуазию. Речь идет о «кружке друзей» — своего рода совещательном (и вместе с тем субсидирующем) органе при НСДАП, в который вошло несколько крупнейших промышленников и банкиров; в дальнейшем главную роль в кружке стал играть Гиммлер, и средства, вносившиеся членами кружка, шли в распоряжение СС. Как сообщил Кеплер на судебном процессе Флика, этот орган был создан с целью привлечения крупных капиталистов к пересмотру экономической программы нацистской партии. В беседе с Кеплером, состоявшейся в декабре 1931 г., Гитлер назвал имена двух представителей монополистического капитала, на которых, по его мнению, в первую очередь следовало опереться. Это были Шахт и Феглер. К ним в качестве учредителей «кружка друзей» присоединились уже известные нам Штейнбринк и Шредер, а также Хеккер, Ростерг, Рейнгард, Шмитт, Гельферих, Бисмарк (потомок «железного канцлера») и другие, всего 12 человек. «Когда я повидался с этими промышленниками, — рассказал Кеплер, — откровенно сообщил им, что фюрер приказал мне пересмотреть экономические вопросы, и спросил их, готовы ли они помогать мне советами, они были явно довольны».

«Кружок друзей» собирался примерно раз в месяц, давая рекомендации по вопросам экономической политики, корректируя те рискованные, с точки зрения монополистического капитала, проекты, с которыми еще выступали некоторые деятели НСДАП. Гитлер предоставил кружку полную свободу в этих вопросах, подчеркнув, что совершенно незачем заботиться о теориях, разрабатываемых в «Коричневом доме» — резиденции НСДАП. В мае 1932 г., рассказал Кеплер, «фюрер произнес короткую речь, в которой, наряду с другими пунктами своей программы, подчеркнул ликвидацию профсоюзов и всех партий, кроме национал-социалистической... Эти пункты программы фюрера были встречены полным одобрением членов «кружка друзей», но они выразили свои опасения, что Гитлер не будет в состоянии осуществить эти великолепные идеи».

Как видно из этих слов, германский крупный капитал, мечтавший взять рабочий класс за горло, еще сомневался, удастся ли фашистской клике это сделать. Стремясь рассеять подобные сомнения, нацисты не жалели усилий, ибо от этого зависела судьба их замыслов. Вот почему их столь обрадовало полученное Гитлером в начале 1932 г. приглашение выступить с докладом в Индустриальном клубе в Дюссельдорфе. Инициатором приглашения был Тиссен, но оно лишь отвечало растущему интересу магнатов капитала к НСДАП, их стремлению устранить все помехи

для форсирования подготовки реванша. Выступление было назначено на 27 января, и момент этот был очень наруку нацистам по соображениям текущей политической борьбы: впереди были президентские выборы, и кампанию такого масштаба нельзя было провести без непосредственной поддержки со стороны пушечных королей.

27 января 1932 г. Индустриальный клуб в Дюссельдорфе — излюбленное место встреч воротил крупной промышленности — был переполнен, пожалуй, как никогда. Собралось 300 человек — не только промышленники Запада Германии, но также предприниматели и банкиры из других частей страны, специально прибывшие в Дюссельдорф. Столь большой интерес вызывался тем, что предстояло нечто вроде программного выступления с подробной характеристикой целей фашистской партии.

Доклад для представителей делового мира длился несколько часов. Текст его, опубликованный в виде брошюры, изменен (по сравнению с выступлением), но и он дает достаточное представление о том, какого рода положениями стремился фюрер прельстить слушателей. Основная часть речи была посвящена обоснованию тезиса о том, что «хозяйство» — иными словами монополии — может успешно развиваться лишь при могущественной государственной власти. Это был один из краеугольных камней нацистской идеологии, и он должен был вызвать у слушателей одобрение. Но, пожалуй, еще приятнее было им, когда оратор перешел к вопросу о вооружении Германии. Касаясь усилий правительства Брюнинга добиться пересмотра численности рейхсвера, Гитлер отрицал какое-либо значение увеличения армии со 100 тыс. даже до 300 тыс. человек. Программа нацистов предусматривала создание миллионных полчищ. И это не могло не вызвать одобрения у собравшихся пушечных королей Рура.

«Причиной бедственного положения, в котором находилась страна, — заявил Гитлер, — является вовсе не Версальский договор, а то, что 50% населения настроено большевистски». Здесь слушатели наградили оратора горячими аплодисментами. Так же были встречены и многие другие места речи, в частности тезис, что белая раса может удержать свои позиции только при условии сохранения различного уровня жизни на земном шаре, с большим одобрением были приняты выпады против Советского Союза, по словам «докладчика», — самого крупного конкурента Германии в экономической области, и т.п.

Заведующий отделом печати НСДАП О. Дитрих (лишь в недавнем прошлом покинувший деловой мир) внимательно наблюдал за аудиторией и засвидетельствовал огромное впечатление, оказанное на нее. Так же охарактеризовал реакцию присутствовавших организатор выступления Тиссен. Одновременно он сообщает о «ряде крупных взносов от тяжелой промышленности в фонд национал-социалистической партии».

Эти суммы, а также субсидии, полученные в других городах Рура, которые посетил затем Гитлер, предназначались для вполне определенной цели. 8 февраля Геббельс записал в своем дневнике: «Финансовое положение улучшается с каждым днем. Финансирование избирательной кампании почти обеспечено». Речь шла о президентских выборах, и в ходе этой кампании нацисты побили все рекорды по количеству митингов и собраний. Что же касается фюрера, то к его услугам имелся даже самолет — тогда еще новинка в политической практике. Нацисты придавали огромное значение овладению постом президента республики, ибо в создавшейся обстановке он фактически сосредоточил в своих руках всю власть. Но противоречия в лагере буржуазии привели к тому, что было выставлено три кандидата — Гитлер, Гинденбург и сопредседатель «Стального шлема» Дюстерберг.

Что касается социал-демократии, то ее лидеры призвали членов и сторонников партии голосовать за кайзеровского фельдмаршала Гинденбурга, чьи реакционные убеждения не были ни для кого секретом. Это было логическое продолжение политики «меньшего зла», но еще более рискованное, чем все совершенное в ходе ее осуществления ранее. Ведь в памяти многих еще была жива предыдущая кампания по выборам президента, когда социал-демократия выступала против Гинденбурга (ее избранником являлся тогда деятель партии Центра Маркс). В 1925 г. социал-демократы провозглашали: «Кто отдает свой голос Гинденбургу, совершает предательство», «Гинденбург — это кандидат реакции!» и т.п.

В первом туре ни один из кандидатов не собрал необходимого для избрания абсолютного большинства. Весьма близок к этому — благодаря голосам социал-демократов — был лишь Гинденбург. Почти 5 млн голосов получил кандидат коммунистов Э. Тельман. В то же время выборы обнаружили новый значительный рост влияния нацистской партии, получившей свыше 11 млн

голосов. Крайняя реакция добилась, таким образом, дальнейших успехов в сколачивании массовой базы, и это, естественно, резко усилило опасность установления фашистской диктатуры.

Характерно, что в промышленных центрах уровень полученных НСДАП голосов был значительно ниже достигнутого по стране в среднем (30,1%); так в Дортмунде она собрала лишь 17,1%, в Гладбахе — 16,6%. Эти и аналогичные данные совпадают с выводами о том, что в рассматриваемый период пролетариат в целом не поддавался фашистской пропаганде, к которым приходят серьезные ученые.

Реальных шансов получить власть посредством захвата поста президента республики у нацистов не было (разница собранных Гинденбургом и Гитлером голосов составляла 7 млн), и они подумывали о путче, который хотели приурочить к объявлению итогов второго тура. Прусское правительство опубликовало документы, не оставлявшие сомнений в заговорщических замыслах фашистской клики, во всяком случае определенной группировки в ее составе, отражавшей недовольство тем, что приход к власти столь сильно затянулся. О подобных планах сообщает в своих воспоминаниях гауляйтер Аугсбурга (Бавария) Валь. Подготовка к выступлению велась, по сведениям полиции, также в районах Ингольштадта и Розенгейма. В различных местах страны были обнаружены склады или транспорты оружия, принадлежавшие штурмовым отрядам, не только винтовки, карабины, пистолеты и боеприпасы к ним, но и тяжелые пулеметы. В Берлине в руки властей попал мобилизационный план нацистов.

Во втором туре (10 апреля) фельдмаршал-президент получил 19,3 млн голосов, Гитлер — 13,4 млн (увеличение более чем на 2 млн произошло в результате снятия кандидатуры Дюстерберга). Подлинный итог выборов был весьма точно подведен в статье демократического журнала «Вельтбюне»: «Победил Гинденбург. Но кто собственно потерпел поражение? Определенно не фашизм». Ибо Гинденбург, получив мандат, укрепился в решимости сделать новый шаг по направлению к реакционной диктатуре, к интеграции НСДАП в государственный аппарат.

Очень скоро могильщики республики добились дальнейших успехов. 24 апреля миллионы немцев вновь пришли к избирательным урнам; в этот день состоялись выборы в некоторые ландтаги, прежде всего в Пруссии. Нацисты и их единомышленники добивались устранения коалиционного правительства О. Брауна, состоявшего из представителей социал-демократии, Центра и Государственной партии, чтобы захватить в свои руки полицейские силы, находившиеся в ведении земель. Это резко усилило бы позиции фашистов в борьбе за господство в стране.

В 1928 г., когда состоялись предыдущие выборы в прусский ландтаг, обстановка была совершенно иной. 24 апреля 1932 г. фашисты сумели во много раз умножить число собранных ими голосов: они получили 162 места (вместо 8) и превратились в самую крупную фракцию. Социал-демократия понесла весьма ощутимые потери — расплата за политику ее лидеров — и была оттеснена на второе место. Все «старые» буржуазные партии (за исключением Центра) фактически потеряли значение: Вскоре после выборов нацисты, которые вместе с партией Центра обладали в ландтаге абсолютным большинством, вступили с ней в переговоры о создании в Пруссии коалиционного кабинета. Переговоры эти продвигались довольно успешно и, вероятно, были бы завершены, если бы «пруссский вопрос» не был так тесно связан с проблемами имперской политики, с перегруппировкой господствующих классов и еще большими изменениями во внутренней политике.

Новое усиление гитлеровцев, с полной очевидностью выявившееся уже в результате первого тура президентских выборов, побудило правящие круги ускорить осуществление мер, которые, по их мнению, должны были предшествовать превращению фашистской партии в правительственную. Военный министр Грёнер и поддерживавший его Брюнинг видели неременное условие этого в «очищении» нацистской партии от радикальных, антикапиталистических элементов, которые внушали крупным собственникам тревогу. Путь к данной цели они видели в роспуске штурмовых и охранных отрядов, являвшихся средоточием тех, кто настаивал на захвате власти силой, на осуществлении нацистской программы 1920 г., официально не отмененной.

Сохранились документы Тренера, в которых черным по белому написано, что цель этой меры — сделать нацистскую партию пригодной для участия в правительстве (разумеется, на тех условиях, которые были бы ей предложены). Грёнер с большим уважением отзывался о «ценном человеческом материале», якобы имевшемся среди коричневорубашечников; предполагалось в дальнейшем включить этот «материал» в милицию, состоящую из лиц различных политических убеждений и находящуюся под эгидой государства. Вот где была еще одна, и немаловажная, причина, побудившая правительство Брюнинга, а точнее — командование рейхсвера, которому принадлежал весь план,

принять решение о ликвидации штурмовых отрядов. Мы уже говорили об опасениях генералов, что армия коричневорубашечников станет соперником рейхсвера и, будучи многочисленнее последнего, отодвинет его на второй план. Устранить эту опасность — такова была одна из главных целей роспуска «частной армии» гитлеровской партии.

Момент был в общем подходящим. Террор фашистских банд вызывал растущее возмущение различных слоев населения, приносил все большее число жертв. В январе 200 гитлеровцев осуществили разбойничье нападение на рабочую колонию «Фельзенек», убив одного пролетария и ранив многих других. В Грайфсвальде нацисты совершили налет на редакцию социал-демократической газеты.

В Бреславле (ныне Вроцлав) рабочий Гюнтер был убит в своем же доме гитлеровцем, раздававшим фашистские листовки. В Банкау (Силезия) нацисты убили батрака Басси на глазах его жены.

Под давлением общественности правительства крупнейших провинций выступили с разоблачениями коричневорубашечников, опубликовав материалы, конфискованные во время обысков в учреждениях нацистской партии. Представители южногерманских земель — Баварии, Бадена, Вюртемберга — на совещании в министерстве внутренних дел в начале апреля настойчиво требовали от Тренера запрета штурмовых отрядов.

Декрет о роспуске всех военизированных формирований гитлеровской партии был опубликован сразу же после завершения президентских выборов, 13 апреля. Для нацистских главарей он отнюдь не являлся неожиданностью.

Вот что говорилось, например, в полицейском донесении из Дрездена от 23 апреля: «Ввиду того, что организации национал-социалистической партии явно были обо всем предупреждены, предметы, которые свидетельствуют о военизированном характере организаций, могут быть конфискованы лишь в небольшом количестве». В полицейском донесении из Штутгарта указывалось, что роспуск с самого начала предусматривался как простая формальность, ибо во всей прессе задолго сообщалось о готовящемся акте. Из Нюрнберга полиция сообщала в министерство внутренних дел следующее: «Почти по всей Северной Баварии национал-социалисты узнали о предстоящем роспуске на 24 часа раньше, чем власти».

Однако, хотя нацисты и были предупреждены о роспуске штурмовых отрядов и сумели принять некоторые меры, все же этот роспуск никак не согласовывался с их планами. Вооруженные банды были в руках Гитлера и его клики важным «аргументом» в борьбе за полновластие, орудием террора, который играл в арсенале фашистов колоссальную роль. И лишаться такого инструмента — даже частично — им не хотелось; это почти неминуемо повело бы к второстепенному положению в блоке с другими буржуазными партиями. Гитлеровцы, изображавшие себя «мессиями», владеющими секретом спасения Германии, упорно не желали соглашаться с этим. И они сразу же развернули крикливую демагогическую кампанию, выступая в роли «обиженных» и используя поддержку влиятельных покровителей. 30 апреля в «Берлинер берзенейтунг» было опубликовано заявление 215 фабрикантов, помещиков, генералов, адмиралов, резко осуждавшее запрет штурмовых отрядов и призывавшее правые партии «немедленно создать новый Гарцбургский фронт для спасения родины». Особенно важным для гитлеровцев оказалось, что решительные противники роспуска обнаружили среди генералитета.

С возражениями выступил не только Шлейхер, действовавший через своего бывшего однополчанина, сына президента Гинденбурга, а также поставивший в известность о своей позиции начальников штабов военных округов. К президенту обратились генералы, с мнением которых он привык считаться. Среди них, помимо отставных фон дер Гольца, Штюльпнагеля, Левецова, было и несколько действующих генералов, в том числе два командующих военными округами: померанским — фон Бок (будущий гитлеровский фельдмаршал) и восточно-пруссским — Бломберг (будущий военный министр Гитлера). Не прошла, видимо, мимо внимания Гинденбурга и точка зрения бывшего кронпринца, высказанная им в письме к Тренеру. Здесь было выражено негодование по поводу того, что правительство пренебрегает «изумительным человеческим материалом», из которого состоят штурмовые отряды и который «воспитывают там в достойном духе»; между тем он должен явиться резервуаром рейхсвера для отражения «постоянных опасностей, грозящих с Востока». Гинденбург реагировал быстро. Уже 16 апреля он обратился к Тренеру с письмом (оно одновременно было опубликовано в газетах), в котором ставил вопрос о необходимости запрета, наряду со штурмовыми отрядами, других военизированных организаций, в первую очередь

«Рейхсбаннера». Открытый характер выступления не оставлял сомнений в том, что атака крайней реакции развивается.

Запрет штурмовых отрядов вызвал кризис правительства Брюнинга. Причиной же его была перегруппировка господствующих классов, усиление того их крыла, которое требовало коренного изменения курса внутренней политики. Экономический кризис все еще усиливался, и монополистический капитал продолжал добиваться дальнейшего снижения жизненного уровня трудящихся. Правительство Брюнинга, зависевшее от голосов социал-демократов, не было более пригодно для этого. Новое наступление монополий неминуемо должно было повлечь за собой подъем борьбы народных масс; уже весна 1932 г., хотя низшая точка кризиса была еще впереди, принесла значительную активизацию массового движения. Усилилась забастовочная борьба, широкий размах приобрели голодные походы. Миллионы людей дошли до предела в нищете и изнемогали в безнадежной борьбе за то, чтобы удержаться на поверхности. Возмущение, копившееся у париев капиталистического общества, то и дело прорывалось в стихийных выступлениях. В Вальтерсгаузене, Гамбурге, Кельне состоялись ожесточенные столкновения безработных с полицией, протестовавших против нового снижения пособий. Полиция открыла стрельбу также в Дюссельдорфе, Ремшейде, Штеттине. Эти выступления нередко носили стихийный характер, но их частота и ожесточенность свидетельствовали о накале борьбы.

Осуществляя свой замысел, дворцовая камарилья действовала в самых разных направлениях. Прежде всего были приняты меры, чтобы изнутри вызвать распад правительства. С этой целью министр хозяйства Вармбольд, «человек» концерна «ИГ Фарбениндустри», вскоре после выборов подал в отставку (позднее он вошел в состав нового кабинета). Пресса, поддерживавшая правительство, пыталась, как говорят, сделать хорошую мину при плохой игре. Так, орган партии Центра «Германия» писал 4 мая: «Совершенно исключена возможность того, чтобы этот частичный кризис, вызванный чисто ведомственными разногласиями, мог иметь далеко идущие политические последствия».

Затем правительство лишилось военного министра Тренера — после атаки со стороны гитлеровцев, которой Тренер подвергся в начале мая в рейхстаге, Шлейхер заявил, что тот больше не пользуется доверием генералитета. Тренер немедленно подал в отставку, что сделало положение правительства угрожающим. Отношения между Гинденбургом и Брюнингом становились все более натянутыми; хотя рейхсканцлер был полон подобострастия к своему бывшему фельдмаршалу и во многом обеспечил его переизбрание, Гинденбург не мог простить Брюнингу, что тот не сумел добиться объединения правых вокруг его кандидатуры. «Я уже знал теперь, — пишет Брюнинг, — что политика, основанная на такой личности, как Гинденбург, должна потерпеть крушение». Но это не мешало ему же утверждать, будто «лишь одна вещь могла принести спасение: все еще сохранявшийся вокруг президента нимб». Сторонники смены правительства решили, что рассчитывать на полный успех можно, лишь воздействуя на наиболее чувствительное для Гинденбурга место — внушив ему мысль об огромной опасности, якобы угрожающей крупному землевладению со стороны правительства Брюнинга.

Немалая часть сумм, ассигнуемых на помощь сельскому хозяйству восточных районов, не приносила никакой пользы. Не было смысла финансировать далее ряд юнкерских хозяйств, давно и безнадежно обанкротившихся. Напрашивался вывод, что целесообразно пустить такие имения в принудительную продажу с тем, чтобы в дальнейшем земля перешла в руки мелких крестьян — переселенцев из центральных областей страны. Продажа коснулась бы незначительного числа помещичьих хозяйств. В основе плана лежали соображения военно-политического характера, связанные с реваншистскими замыслами правящих кругов.

Один из проектов, неизвестно какими путями оказавшийся в руках политиканов из среды юнкерства, позволил последним довести до конца закулисную интригу против правительства Брюнинга. Расчет был прост и строился не только на кастовых связях и чувствах Гинденбурга, выходца из дворянско-помещичьей среды, но и на более прозаических и материальных интересах. За несколько лет до этого Гинденбург, в свое время лишившийся родовых имений, вновь стал владельцем одного из них — восточно-прусского поместья Нейдек, которое было подарено ему группой доброжелателей ко дню 80-летия.

Параллельно Шлейхер вел переговоры о создании нового правительства; они были окружены глубокой тайной, для сохранения которой принимались максимальные меры предосторожности. 28 апреля состоялась встреча Шлейхера с Гитлером, прошедшая, как отметил в своем дневнике

Геббельс, успешно. В следующей встрече, состоявшейся 8 мая, участвовали также Мейсснер и Оскар Гинденбург. Здесь и было достигнуто предварительное соглашение между сторонами; речь шла о том, что нацистская партия будет поддерживать полностью независимое от парламента и политических партий правительство, которое придет на смену кабинету Брюнинга. Нет нужды подробно говорить о том, что нацисты заключили подобную сделку отнюдь не безвозмездно; наоборот, именно они и являлись выигравшей стороной. Их условия были таковы: отмена запрета штурмовых отрядов, роспуск рейхстага. Выполнение этих условий имело бы для гитлеровской партии огромное значение, позволив ей развернуть новую широкую пропагандистскую кампанию, а также усилить террор, который несколько поутих после исчезновения коричневорубашечников с улиц. Окончательная договоренность по этому вопросу была достигнута накануне самой отставки Брюнинга, 28 мая, когда в переговоры с Гитлером вступил будущий рейхсканцлер — Ф. фон Папен.

Но хотя увольнение Брюнинга и мотивировалось в первую очередь неспособностью выполнить «велеие времени» (как выражались реакционеры), т.е. привлечь нацистов к участию в имперском правительстве, его преемники пока тоже воздерживались от этого.

Германские монополисты, поощряя и финансируя гитлеровскую партию, все еще не были окончательно уверены в своевременности привлечения ее к власти. Часть их полагала, что для осуществления своей программы достаточно будет вручить власть «испытанным» реакционерам из «старой гвардии». Причины были двоякого характера: чрезмерность требований нацистов, которые после своего крупного успеха на выборах в прусский ландтаг 24 апреля еще более укрепились в претензиях на главенствующую роль, и стремление отсрочить коренное решение вопроса до Лозаннской конференции по репарациям, которая была перенесена на июль. 30 мая правительство было уволено в отставку, хотя за несколько дней до этого рейхстаг большинством голосов выразил ему доверие. Начался новый этап в ходе политической борьбы, принимавшей все более острые формы. Его отличительной чертой было все усиливавшееся наступление фашизма, изготовившегося для овладения государственной властью.

Уже через два дня после ухода Брюнинга в отставку — 1 июня 1932 г. — было создано новое правительство, которое возглавил ничтожный в политическом отношении деятель фон Папен, формально как католик, принадлежавший к партии Центра, но по своим убеждениям стоявший правее ее, на уровне Национальной партии (она и стала главной опорой этого правительства). Папен был известен лишь тем, что в годы Первой мировой войны, будучи германским военным атташе в США, вел там шпионаж и подрывную деятельность, за что был с позором изгнан. После войны его избрали в прусский ландтаг, но политика Центра все более казалась Папену недостаточно правой. По происхождению крупный землевладелец, Папен в результате выгодной женитьбы вошел в круг рурских промышленников. Но еще более важным для его неожиданной карьеры было то обстоятельство, что он служил в одном полку со Шлейхером и младшим Гинденбургом, от которого в немалой степени зависели судьбы государства.

Папен являлся одним из главарей «Клуба господ», объединявшего крупных землевладельцев, а также промышленников — консерваторов и реакционеров. Выступая в самом клубе и на страницах издававшегося последним журнала «Ринг», Папен настойчиво пропагандировал две идеи: вовлечение нацистов, а также представителей других крайне правых организаций в правительство (уже в ноябре 1931 г. в печати промелькнуло сообщение, что Папен «заключил сделку с Гитлером и в случае вступления нацистов в правительство будет играть роль посредника») и создание франко-германского блока, направленного против Советского Союза. Последняя по времени статья Папена в этом духе была опубликована в апреле. Эти выступления обратили на себя внимание его бывшего сослуживца Шлейхера, подыскивавшего кандидата на высший исполнительный пост в государстве. Папен был бездарным политиком (характерно, что он сам на предложение сформировать правительство вначале ответил: «Я не подготовлен к принятию столь тяжелой ответственности и сомневаюсь, являюсь ли подходящим человеком»). Такой человек стал рейхсканцлером Германии в сложнейшей обстановке, когда решался вопрос об исторических судьбах страны. Вот некоторые отзывы о нем современников: Т. Хейс (в то время депутат от Государственной партии, после 1949 г. — президент ФРГ): «Ничего не говорящее лицо, в бледных чертах которого был запечатлен недостаток дарования»; бывший чиновник имперского министерства внутренних дел Шпикер: «Папен безусловно был одной из самых мрачных и ничтожных из всех посредственностей, которые выбросил на поверхность германский парламентаризм»; баварский националист Аретин: «Папен не осуществил ни одной собственной идеи (нельзя предположить,

чтобы он когда-либо имел таковые)». Но именно посредственность и нужна была Шлейхеру.

Кабинет Папена молва нарекла «правительством баронов»; в своем большинстве он состоял из представителей титулованной знати, впервые после Ноябрьской революции сумевших стать у кормила государственной власти и не скрывавших своего стремления покончить с Веймарской республикой. Среди членов нового правительства — также впервые со времени Ноябрьской революции — не было ни одного депутата рейхстага. Еще до отставки Брюнинга Шлейхер писал Папену: «Я уже составил кабинет из специалистов, который безусловно понравится Вам». Уже 19 мая Геббельс был осведомлен о том, что Шлейхер готовит список членов нового кабинета, а 24 мая он записал в дневник имена будущих рейхсканцлера и министра иностранных дел — Папена и Нейрата. Важный пост министра иностранных дел в новом правительстве занял барон Нейрат, реакционные взгляды которого ни для кого не были секретом. Другой барон, М. Браун, крупный помещик и в то же время член правления Рейхсбанка, стал министром продовольствия. Но центральной фигурой нового кабинета, несомненно, был фон Шлейхер, покинувший армию в чине генерал-лейтенанта, чтобы занять пост военного министра. «Серый кардинал», как его называли, наконец вышел из-за кулис.

Новым лицом был министр юстиции Гюртнер, но и его политическая физиономия была известна: занимая аналогичный пост в Баварии, Гюртнер энергично покровительствовал нацистам. Именно ему Гитлер был обязан своим амнистированием через год с небольшим после «пивного путча»; фашисты отблагодарили Гюртнера, включив его в январе 1933 г. в свое правительство. Правда, он был не единственным, кого фашисты переняли из «правительства баронов»: они оставили на своих постах (причем надолго) также барона Нейрата и министра финансов графа Шверин-Крозигка.

Правительство поддерживали влиятельные группировки германской буржуазии, в том числе одна из крупнейших монополий Германии — «ИГ Фарбениндустри». Тем не менее положение нового кабинета с самого начала было неустойчиво. Покровители нацизма, добившиеся обещания возродить штурмовые отряды и распустить рейхстаг, все же не были удовлетворены, ибо их питомцы пока оставались не у дел. В порядке взаимности Геббельс, возглавлявший отдел пропаганды нацистской партии, издал 18 июня секретный циркуляр, в котором говорилось: «В этой предвыборной кампании необходимо избегать какой-либо дискуссии о правительстве Папена в органах партии». В дневнике же он записал иное: «Мы должны как можно скорее отмежеваться от этого переходного буржуазного кабинета иначе мы погибнем». Папену предстояло убедиться не только в вероломстве его союзников — нацистов, но и в своей изоляции даже в буржуазном лагере.

Но на первых порах Шлейхер и его «команда» упивались успехами закулисных махинаций, приведших их на высшие посты в государстве. Одновременно уточнялись планы на ближайшее время. Помимо основной цели — привлечения нацистов к участию в управлении страной, — правительство Папена с самого же начала приступило к разработке реформы конституции, имея в виду если не отменить ее полностью, то во всяком случае основательно выхолостить. В качестве первоочередной составной части такого плана фигурировало установление непосредственной унии в руководстве имперским и прусским правительствами. С этой целью, как сообщали газеты уже в начале июня, намечалось назначить в Пруссию имперского комиссара, который заменил бы прусское правительство, не располагавшее большинством в ландтаге.

Первым шагом правительства явился роспуск рейхстага в угоду нацистам, заинтересованным в развертывании новой демагогической шумихи, что до той поры неизменно приносило им большой выигрыш. Как раз в эти дни фашисты сумели добиться ощутимого успеха на выборах мекленбургского ландтага, где они получили абсолютное большинство. Премьер-министром здесь стал помещик Грандов, тесть Геббельса. Декрет о роспуске парламента (полномочия которого истекли только в 1934 г.) был опубликован 4 июня, выборы в новый рейхстаг назначены на 31 июля. А 14 июня Папен «обрадовал» миллионы немцев чрезвычайным декретом в области экономики, продолжавшим и усугублявшим грабеж народных масс по рецепту Брюнинга. Согласно декрету, фонд страхования по безработице, как мы уже не раз отмечали, и без того урезанный до крайности, сокращался еще на 520 млн марок; были вновь снижены пособия (на 23%), введена «проверка нуждаемости» через шесть недель после назначения пособия, уменьшалась помощь в порядке благотворительности и т.п. Реакционная клика, ставшая у власти, решила переложить страхование на плечи самих рабочих и служащих: с этой целью вводилось нечто вроде налога на общую сумму в 400 млн марок. Декретировался налог на соль (около 70 млн марок), который также должен был

отразиться на жизненном уровне широких масс. Вновь — на огромную сумму в 370 млн марок — сокращались пособия по инвалидности, по старости и т.п. На 100 млн марок был повышен налог на оборот ремесленного производства.

Таким образом, новое правительство в самый короткий срок показало свою сущность врага народных масс, друга и единомышленника фашистов. 13 июня Папен вновь втайне встретился с Гитлером; свидание состоялось на квартире брата главы «Клуба господ» В. Альвенслебена. А 16 июня, не откладывая в долгий ящик, президент отменил запрет штурмовых и охранных отрядов гитлеровской партии. Папен спешил сдержать свое обещание Гитлеру, не считаясь даже с тем, что это втягивало правительство в конфликт с рядом земель (провинций). В апреле правительства Баварии, Бадена, Вюртемберга активно поддерживали роспуск штурмовиков; планы же их легализации натолкнулись на сопротивление этих земель. На приеме глав провинциальных правительств Гинденбургом 12 июня представитель Баварии Гельд заявил, что по меньшей мере 2/3 баварского населения увидит в разрешении деятельности коричневорубашечников большое несчастье. «Отмена запрета штурмовых отрядов представляет собой, с баварской точки зрения, легализацию терроризма, прокладывает путь тем, кто стремится установить диктатуру». Ту же позицию занял представитель Бадена Шмитт. Он указал, что штурмовые отряды носили противозаконный характер; это вытекает и из ряда решений имперского суда (настроенного отнюдь не антинацистски), принятых на протяжении 1930–1931 гг.

Разрешение разбойничьей деятельности коричневорубашечников и эсэсовцев безусловно было наиболее опасным, имевшим весьма тяжелые последствия действием правительства в первый период его пребывания у власти. Фашисты встретили этот акт форменным ликованием. «Исключительный закон против штурмовых и охранных отрядов, — писал 17 июня центральный орган фашистской партии «Фелькишер беобахтер», — пал, как предвестие грядущей передачи правительственной власти национал-социализму». Улицы германских городов и деревень вновь наводнили фашистские банды в полной форме, развернувшие в расчете на полную безнаказанность террор невиданного масштаба. Ежедневно газеты приносили все новые сообщения о фашистских провокациях — походах по рабочим районам под защитой полиции, уличных убийствах функционеров коммунистической и социал-демократической партий, нападениях на их квартиры и на помещения рабочих организаций. Штурмовики были вооружены до зубов, они имели не только пистолеты новейших образцов, но также бомбы и ручные гранаты.

Чтобы рассказать о фашистском терроре, развернувшемся в Германии летом 1932 г., потребовалась бы специальная книга, страницы которой были бы заполнены сотнями кровавых эпизодов гибели многих лучших представителей рабочего класса. Гитлеровцы обычно прибывали в какой-либо район на нескольких грузовиках и без всякого предупреждения открывали огонь по «объектам», выбранным для нападения. Или они, собравшись большой группой под покровом темноты, обрушивались на антифашистов, когда последних было заведомо меньше. О масштабах гитлеровского террора можно судить по тому, что лишь с 17 июня, т.е. с возобновления деятельности штурмовых отрядов, до 1 августа 1932 г. нацисты убили 130 человек и ранили более 2000 человек. Этого не случилось бы, если бы не поддержка со стороны полиции, настроенной во многих местах профашистски. В своих воспоминаниях Брюнинг писал, что в это время власти «нигде не оказывали отпора разбою штурмовиков».

В Бреслау (Вроцлав) в антифашистскую боевую дружину записалось 1500 человек, в том числе много беспартийных и социал-демократов, столько же в портовом городе Вильгельмсгафене; 300 человек вступило в отряд, созданный в Бремерхафене. В Бранденбурге на многолюдном собрании (в нем участвовало, среди других, около 250 рейхсбаннеровцев) 400 рабочих вступило в отряды самообороны; в сформированный здесь комитет единства входили три социал-демократа, три члена «Рейхсбаннер», семь коммунистов и несколько беспартийных пролетариев. Комитеты единого фронта возникли также в ряде районов Берлина и некоторых его предместьях, в Алленштейне, Бойценбурге, Хемнице, Вестхаузене (Франкфурт-на-Майне), Штутгарте и др.

В городах, где происходили вылазки бесчинствующих фашистских молодчиков, отрядам самообороны пришлось сразу же вступить в действие. Так, 17 июня гитлеровцы совершили нападение на комитет КПГ в Дюссельдорфе, но натолкнулись на решительное сопротивление рабочих, в числе которых были не только коммунисты, но также и социал-демократы и беспартийные. 18–19 июня рабочие Вупперталя сообща оказали отпор попыткам гитлеровцев завладеть улицами и благодаря своей сплоченности вышли победителями. В Берлине

объединенными усилиями коммунистов и социал-демократов было отбито нападение на экспедицию центрального органа КПП «Роте фане» в районе Нейкельн. 25 июня коммунисты помогли рабочим — членам «Рейхсбаннера» отразить атаку фашистов на редакцию социал-демократической газеты «Форвертс», предпринятую в отместку за появившиеся в этом органе разоблачения гитлеровских бесчинств. А в конце июня отряд самообороны, созданный по инициативе коммунистов, обратил в бегство нацистов, напавших на отделение «Рейхсбаннера» в северном Берлине; результатом этих событий было присоединение многих берлинских социал-демократов и рейхсбаннеровцев к «Антифашистской акции».

Дружный отпор был дан фашистскому террору в Бреслау, где коричневорубашечники пытались провести шествие по улицам города. Даже социал-демократический «Форвертс» вынужден был написать по этому поводу: «Примечательно, что в момент опасности, созданной национал-социалистскими провокациями, стихийно проявилось твердое единство рабочих. Фашисты повсюду натолкнулись на решительную волю бреславских пролетариев к отпору». В рурском городе Гаттингене 30 июня фашисты совершили разбойничье нападение на дом Революционной профопозиции, во время которого было убито 2 и ранено около 50 рабочих. 5 июня здесь состоялась мощная антифашистская демонстрация, в которой, наряду с коммунистами, участвовали 800 рейхсбаннеровцев в форме. В одном из промышленных центров Рура, Дуйсбург-Гамборне, где фашисты убили рабочего Бишофа, похороны погибшего превратились в демонстрацию единства. За гробом шло свыше 40 тыс. пролетариев, на кладбище с гневными речами выступили представители КПП и «Железного фронта». В Любеке совместными усилиями рабочих, принадлежавших к различным партиям, было сорвано выступление Гитлера.

Это особенно хорошо можно проследить по дневнику Геббельса, в частности по записям, сделанным им во время поездки в Рейнско-Вестфальский промышленный район в середине июля 1932 г. В первом же городе — Хагене — машина Геббельса столкнулась с колоннами нескрываяемо враждебно настроенных людей, и фашистский главарь вынужден был под градом камней убраться. Даже на своей родине (в Менхен-Гладбахе) Геббельс был встречен ругательствами, проклятиями, плевками, и ему пришлось во избежание худшего ретироваться. В дальнейшем Геббельсу оставалось лишь передвигаться по Руру замаскированно, причем, как он писал, его машина повсюду шла мимо «коммунистических пикетов».

Приход к власти реакционного правительства Папена, антирабочая направленность которого была выражена значительно сильнее, чем при Брюнинге, и новая волна фашистского террора, развязанная декретом от 16 июня, создавали объективную основу для сплочения рабочих рядов. Единые действия вызывались самими событиями, и некоторые местные организации социал-демократии санкционировали их, как единственный способ справиться с общим врагом — обнаглевшими фашистами.

Усилившаяся тяга к единству не прошла незамеченной правящими кругами и вызвала у них нескрываемую тревогу. «Проводятся собрания, на которых обсуждаются методы сотрудничества рабочих партий, — говорилось в полицейском документе, датированном 26 июня 1932 г., — основываются единые антифашистские комитеты. Все учащаются дискуссии о создании единого фронта, в том числе и на более высоком уровне». В сводке от 16 июля речь шла о том же: «По всей стране продолжают единые действия. Социал-демократы — члены производственных советов появляются в качестве представителей своих коллег на коммунистических собраниях; в Дуйсбурге функционеры «Железного фронта» обсуждали в помещении комитета КПП мероприятия по объединению действий... Профсоюзные функционеры подвергают критике политику СДПГ и руководства профсоюзов». А в сводке от 18 июля, касавшейся положения в Тюрингии, даже было сказано следующее: «Сомнительно, будут ли рабочие-социалисты и далее следовать за своими вождями, ибо в этих кругах выход из существующих условий видят лишь в сплочении с коммунистами».

В связи со сменой правительства, знаменовавшей собой начало нового этапа фашизации страны, существенно менялось положение социал-демократии. Происходили сдвиги в социальной и политической опоре буржуазии, и приход к власти правительства Папена означал отказ от услуг социал-демократической партии даже в той ограниченной форме, в какой они использовались Брюнингом. Для лидеров партии не было секретом, что Папен, прокладывая дорогу гитлеровцам, готовит конец долголетнему преобладанию СДПГ в прусской администрации; правительством Пруссии управляли «сильные люди» партии — О. Браун и К. Зеверинг. На словах социал-демократия

выдавала себя за решительную и непримиримую противницу «правительства баронов». Фракция СДПГ в рейхстаге объявила Папену «решительную борьбу со всеми вытекающими отсюда парламентскими последствиями». Надеде, однако, партии не использовали те возможности, которыми они располагали.

Руководство СДПГ, как и прежде, отрицательно относилось к разворачиванию забастовочной борьбы, к чему звали коммунисты. В прессе СДПГ, на собраниях и митингах, созывавшихся ею, произносилось много правильных слов о страшных опасностях, которые несет с собой фашизм, но в итоге, как правило, следовали лишь заверения, что «в свое время» будет дан «решающий бой». Вот что говорилось, в частности, в передовой статье центрального органа СДПГ «Форвертс» от 17 июля: «Мы хотели бы совершенно спокойно и с полной определенностью заявить: в тот день, когда вооруженные бандиты Гитлера получают «свободу действия», с ними будет покончено, и три дня спустя в Германии не хватит щелей, куда бы могли спрятаться штурмовики и их покровители. Если кто-либо в Германии вбил себе в голову, что организации «Железного фронта» (создан в конце 1931 г.) и другие связанные с СДПГ организации равнодушно отнесутся к ликвидации республиканской конституции, тот глубоко заблуждается».

Подобные торжественные заверения вновь и вновь повторялись, обнадеживая массы сторонников СДПГ. Вот, например, слова главы «Рейхсбаннера» Гельтермана, которыми завершалось его обращение по поводу создания «Железного фронта»: «Мы не желаем ни одного дня, ни одного часа оставаться более в обороне — мы переходим в атаку! Нападение по всему фронту! Сегодня мы призываем — завтра мы нанесем удар!»

А момент «решающего боя» между тем вновь и вновь отодвигался. Лучшим же рецептом против фашистского террора, по мнению лидеров социал-демократии, было... отсиживание дома. Так 9 июля, в день нацистского митинга в берлинском Люстгартене, «Форвертс» напечатал воззвание руководства, заканчивавшееся словами: «Не выходите на улицы! Закройте окна!» Нетрудно понять, что эта тактика, воодушевлявшая фашистов на все более наглые провокации, приносила большой вред.

Политическая обстановка в стране, и без того напряженная, еще более обострилась началом предвыборной кампании. Для большинства немцев это были уже четвертые выборы в течение одного полугодия; они происходили в момент сильнейшего упадка германской экономики, когда она оказалась отброшенной на несколько десятилетий назад, а нищета народных масс достигла предела мыслимого. Такого же предела, казалось, достигло и ожесточение политической борьбы, далеко вышедшей за рамки словесных дискуссий и полемики. Фашисты сделали массовым гангстеризм в политической жизни; они не только превратили клевету и поношения в излюбленное орудие «идейной» борьбы, но и ввели в повседневную практику физическую расправу с политическими противниками. Гитлеровцы ставили себе целью срывать избирательные собрания и митинги других партий; нападения на такие собрания осуществлялись планомерно. Под давлением обстоятельств и не желая окончательно потерять авторитет в глазах своих сторонников, командование «Рейхсбаннера» вынуждено было вновь привести в состояние готовности свои боевые группы. Однако, как показали ближайшие события, эта мера мало что дала.

Правительство Папена чуть ли не с первого дня своего существования готовило «операцию» в Пруссии. Ее цель заключалась не только в овладении командными высотами этой земли, но и в прощупывании сил демократов, их готовности к отпору действиям реакции. Соответственно был выбран и момент устранения законного прусского правительства: это должно было произойти незадолго до выборов в рейхстаг, чтобы как можно сильнее снизить число голосов за левые партии и увеличить популярность тех, кто был инициатором вмешательства в прусские дела — Национальной и гитлеровской партий. В начале июля обсуждение правительством планов переворота в Пруссии приняло уже конкретные формы. Вначале предметом «изучения» являлось финансовое положение Пруссии, которое, как и во всех других землях, было тяжелым. Но от этого предлога для вмешательства пришлось отказаться, ибо даже для тех, кто замыслил устранение прусского правительства, он был малоубедителен.

Протоколы заседаний имперского правительства открывают картину беспримерного по своему цинизму сговора о том, как наилучшим образом представить перед общественным мнением готовящийся переворот. На заседании 13 июля царила растерянность, ибо накануне Зеверинг опубликовал приказ о мерах по «поддержанию порядка», выбивший, как признал министр внутренних дел Гайль, из рук имперского правительства повод для его устранения. Надо было искать

новый предлог. Между тем прусские власти делали все от них зависящее, чтобы не «прогневить» Папена.

16 июля Правление СДПГ заслушало сообщение Зеверинга и обсудило вопрос, допустимо и желательно ли использование полиции, поддерживаемой «Железным фронтом», в случае противозаконных шагов имперского правительства и рейхсвера. Было принято единодушное решение «не оставлять правовых основ конституции, что бы ни случилось». Уже это решение по существу определило собой исход событий. Лидеры СДПГ, видимо, сильно недооценивали стремление Папена — Шлейхера овладеть Пруссией, которую называли «сильнейшим бастионом республики».

Прусское правительство металось из одной крайности в другую. То оно рекламировало свою решимость сопротивляться и заявляло, что «никогда не допустит назначения имперского комиссара», то прикидывалось ничего не ведающим. Между тем о планах правительства Папена газеты писали давно, а 17 июля (когда чрезвычайный декрет о перевороте в Пруссии уже был подписан Гинденбургом, правда без определенного числа — его должен был проставить сам Папен!) в печати появилось сообщение, что оно вовсе не отказалось от плана назначения имперского комиссара для Пруссии. Правительство чувствовало свою силу, и главным ее источником была убежденность в бездействии руководства СДПГ, основанная на всей политике последнего, на пассивности прусских властей.

По мере того как нарастал отпор гитлеровскому террору и ширилась организованная кампания «Антифашистская акция», нацисты развертывали все более шумную кампанию, обвиняя прусское правительство «в потворстве коммунистам». Это было насквозь лживое обвинение. Фашистам, однако, нужна была полная «свобода рук»; они требовали устранения прусского правительства — и именно до выборов. 17 июля Гитлер направил из Кенигсберга, где нацисты организовали новые бесчинства, телеграммы на имя Гинденбурга, Папена, Шлейхера и Гайля; он выражал возмущение действиями прусской полиции и требовал, чтобы имперское правительство немедленно «положило конец этому безответственному поведению».

Договоренность о назначении правительственного комиссара в Пруссию в случае, если нацисты не войдут в состав прусского правительства, была достигнута во время беседы Шлейхера с Гитлером 4 июля. Окончательно же вопрос был решен во время их встречи 19 июля в Котбусе. По тому же поводу велась переписка между Папеном и президентом прусского ландтага фашистом Керлем. 18 июля последний направил рейхсканцлеру пространное послание, предложив «взять прусскую полицию в свои руки», используя для этого 48-ю статью конституции. Но наиболее весомым явилось требование «навести порядок» в Пруссии, исходившее от ряда крупнейших промышленников Рура, в том числе Круппа и Бранди.

Здесь необходимо сделать отступление в область, более подходящую для авантюрного романа, чем для исторического исследования. Этот сюжет связан с неким Рудольфом Дильсом, который в рассматриваемое время служил в министерстве внутренних дел Пруссии в должности советника и занимался изучением путей борьбы с фашистской опасностью. Он пользовался безусловным доверием министра Зеверинга, участвовал в важных совещаниях и постоянно находился в курсе того, чем жило министерство. В этом не было бы ничего особенного, если бы не одна «деталь»: Дильс являлся не только — и не столько — правительственным чиновником, сколько убежденным нацистом, приносившим гитлеровской партии огромную пользу тем, что передавал информацию о намерениях полиции. Неудивительно, что после своего прихода к власти нацисты назначили Дильса начальником тайной полиции; именно этот выученик и доверенное лицо Зеверинга был первым шефом гестапо, возглавляя его как раз в те месяцы, когда началась кровавая расправа с десятками тысяч борцов за народное дело. Но в середине 1932 г. Дильсу и не снилась такая карьера, он еще должен был «заслужить» ее. И он старался изо всех сил.

Дильс сыграл зловещую роль в «прусском деле». От него исходил донос, вызвавший подлинное ликование у членов правительства Папена. Согласно сообщению Дильса, чиновник прусского министерства внутренних дел Абегг (член Государственной [бывшей Демократической] партии) имел беседу с коммунистами — депутатом рейхстага Торглером и депутатом ландтага Каспером, в ходе которой обсуждались возможности сотрудничества прусских властей и КППГ против фашизма. Мы не располагаем документами об этой встрече; хорошо известно в то же время, что прусское правительство упорно придерживалось антикоммунистического курса, а КППГ в свою очередь резко и непримиримо разоблачала политику прусских властей. Если такая встреча состоялась, то она,

вероятно, была лишь плодом личной инициативы Абега, которого искренне заботила вплотную приближавшаяся фашистская опасность. Сообщение Дильса противоречило всему, что было характерно для правительства Брауна — Зеверинга за все годы его пребывания у власти, и потому безусловно нуждалось в серьезной проверке.

Но весь смысл доноса Дильса в том и заключался, что он содержал искомое, и будь он даже трижды вымышлен, и тогда его никто не стал бы ставить под сомнение и проверять. В донос сразу же «поверили» и превратили в обвинительный документ. Что же касается самого Дильса, то его функции в «операции» этим не ограничились. Как теперь известно из материалов правительственного архива, 19 июля, т.е. вплотную накануне государственного переворота в Пруссии, на квартиру Дильса прибыли статс-секретарь рейхсканцлера Планк («человек» Шлейхера, приставленный им к Папену) и обер-бургомистр Эссена Брахт, который должен был на следующий день заменить собой Зеверинга на посту министра внутренних дел Пруссии. «Двойник» Дильс информировал заговорщиков и консультировал их, как надо действовать; он исходил из того, что вряд ли следует опасаться со стороны Зеверинга сопротивления, какого ожидали от этого деятеля, слышавшего в течение многих лет «сильной личностью».

Между тем накал политической борьбы нарастал с каждым днем. В воскресенье, 10 июля, по всей стране имели место сотни нападений гитлеровцев на рабочие организации, предвыборные собрания, на отдельных антифашистов. В итоге лишь за один день 17 человек было убито и 191 тяжело ранен. Казалось, это максимум. Но следующее воскресенье, 17 июля, было еще более кровопролитным. Число жертв фашистского разбоя превысило 300 человек, из них 18 было убито. Наиболее ожесточенные столкновения произошли в рабочем пригороде Гамбурга Альтоне, где гитлеровцам, откровенно провоцировавшим пролетариев Гамбурга, вздумалось провести свою демонстрацию. Об ответственности нацистов за случившееся недвусмысленно заявил обер-бургомистр Гамбурга Петерсен, выступая 23 июля на совещании глав земель: «Все говорит против национал-социалистов».

Усиленно охраняемые полицией, еще находившейся тогда под командованием социал-демократа Эггерштедта, 5 тыс. штурмовиков двинулись в кварталы, населенные беднотой. Их шествие напоминало карательную экспедицию. Вскоре раздалась команда: «Стреляйте в красных собак!» Альтонские рабочие немедленно организовали оборону; на улицах быстро выросли баррикады. Вот как описывала события прогрессивная немецкая газета: «Город напоминал военную зону. Газы, бомбы, ручные гранаты и броневики господствовали на улицах... Развернулась уличная битва полиции, по существу объединившейся с национал-социалистами, против коммунистов. Туда, где не закрывали по приказу полиции окна, полиция стреляла».

А на следующий день Папен заявил, что альтонские события, как и другие столкновения, «вызваны провокациями и предательскими нападениями коммунистов». Можно понять, каково было возмущение рабочих, когда им приходилось сталкиваться со столь наглой ложью. «Кровь наших товарищей по классу, — говорилось в листовке, выпущенной на следующий день гамбургской организацией КПГ, — обагрила улицы, которые полиция, возглавляемая социал-демократом, очистила при помощи шквального огня, чтобы дать место разбойничьей гвардии Гитлера».

Кровавые столкновения произошли 17 июля не только в Пруссии, но и в остальных землях. Однако правительство Папена, ожидавшее «удобного» повода, решило, что он найден. Сразу же был введен запрет на любые демонстрации и уличные шествия. «Таинственные» переговоры правительственного чиновника с коммунистами и мнимое «потворство» коммунистам в Альтоне — таковы были прегрешения, которые 20 июля — в день, назначенный для государственного переворота, — решено было вменить в вину прусским властям. В своем выступлении 20 июля по радио Папен не постеснялся назвать разбойничью операцию, предпринятую его правительством в Пруссии и направленную в первую очередь против социал-демократии и Центра, — основной опоры смещенного кабинета Брауна, — исключительно антикоммунистической акцией. Это был один из ранних случаев применения жульнического приема, которым в дальнейшем так широко пользовались гитлеровцы, маскируя свои замыслы.

Наступило 20 июля 1932 г. — один из черных дней германской истории. Папен и его коллеги располагали хорошо подготовленным планом действий, который включал в себя объявление области Берлин — Бранденбург на осадном положении и передачу всей власти на ее территории в руки армейского командования. Но было нечто, не дававшее им покоя: страх перед возможностью объявления всеобщей забастовки. Рано утром 20 июля, накануне того, как развернулись события,

статс-секретарь президента Мейсснер явился к Папену, у которого уже находились имперский министр внутренних дел Гайль и «без пяти минут» министр внутренних дел Пруссии Брахт, и поставил вопрос, не целесообразно ли будет в случае провозглашения всеобщей забастовки распространить осадное положение на всю Германию. Соответствующее поручение было ему дано. А генерал рейхсвера Рундштедт (будущий фельдмаршал Гитлера), которому 20 июля была вручена исполнительная власть в Берлине, первым делом опубликовал приказ, озаглавленный «Против подстрекательства ко всеобщей забастовке». Генерал запрещал подобное «подстрекательство», угрожая каторгой. Нацисты также считались с большой вероятностью немедленного объявления всеобщей стачки, что видно из выступления Гитлера в Гамбурге в день переворота.

Утром 20 июля три прусских министра были приглашены в рейхсканцелярию, где Папен сообщил им содержание чрезвычайного декрета президента о смещении Брауна и Зеверинга со своих постов и назначении его, Папена, имперским комиссаром Пруссии. Как свидетельствует протокол этой беседы, Зеверинг был очень спокоен. Он лишь заметил, что человек, «в течение восьми лет связанный с жизнью полиции, могущий положиться на чиновников своего ведомства (он имел в виду самого себя. — Л. Г.), гораздо больше отвечает запросам нынешнего тяжелого времени, чем новое лицо». Зеверинг лишь для отвода глаз заявил, что «уступит только силе». Единственно, чем смещенные деятели были искренне возмущены, так это обвинением в потворстве коммунизму: в подобном «преступлении» они действительно были неповинны. Они громко кричали о допущенной «несправедливости», всячески рекламируя свои заслуги в борьбе против коммунистической партии. Так, выступая в имперском суде при обсуждении жалобы бывшего прусского правительства, представитель последнего заявил: «В действительности именно Зеверинг и Гезинский всегда сурово подавляли выступления коммунистов, и потому они принадлежали к числу самых ненавистных для коммунистов лиц».

«Все утверждения о каком-то сотрудничестве социал-демократии с коммунистической партией являются чистым вымыслом», — писал социал-демократический «Форвертс» в передовой статье на следующий день после переворота.

В течение всего дня 20 июля Правление социал-демократической партии распространяло листовки, призывавшие к «благоразумию», «дисциплине», а главное, к неучастию в политических забастовках, пропагандируемых «неуполномоченными на то лицами». Такого же рода листовки издавались и от имени руководства реформистских профсоюзов и «Железного фронта».

Многочисленные воспоминания рисуют трагическую картину гибели надежд сотен тысяч людей, породившей у них опаснейший скептицизм. Города Германии представляли собой в тот день бурлящий котел. Возмущение наглыми действиями правительства охватило рабочие массы. Возможности для отпора реакции были как нельзя более благоприятными. Призыв к борьбе прозвучал в обращении КПГ, но необходимой для этого подготовки не было проведено. Свидетельства тому — письма членов Политбюро ЦК КПГ в Москву, в Коминтерн. Ф. Далем писал: «Ярко обнаружила наши недостатки изолированность всего центрального аппарата [партии] от движения на предприятиях и на улицах 20 июля и в последующие дни. Мы не являемся в подобной ситуации оперативным руководством, это относится, таково мое убеждение, как к ЦК, так и к руководящим органам округов (например, Берлина, где мы 20 июля не сумели использовать настроения масс на предприятиях и на улицах и возможности для демонстраций и забастовок). Был, правда, выдвинут лозунг всеобщей забастовки, но конкретной подготовки к его осуществлению не провели нигде...»

Г. Реммеле описывал происходившее 20 июля 1932 г., когда он вместе с Далемом и членом ЦК КПГ В. Мюнценбергом провел весь день на улицах Берлина, так: «Никогда еще правительство и государственная власть не были столь бессильны, как именно в момент государственного переворота и чрезвычайного положения. Везде (Реммеле называл ряд улиц. — Л.Г.) толпы, живо обсуждающие события... и было очень легко, имея несколько красных знамен или транспарантов, организовать мощные массовые демонстрации. Почти во всех районах города, даже в западных (аристократических. — Л.Г.) личности со свастикой и коричневорубашечники, которые накануне мелькали повсюду, исчезли из поля зрения. 20 и 21 июля во всем городе преобладали те, на груди которых красовался значок Антифашистской акции... Во многих местах можно было видеть, как полицейские патрули оживленно дискутируют с собравшимися вокруг них рабочими и мелкими буржуа... 80% рядовых и свыше 50% офицеров полиции выражали готовность присоединиться к сопротивлению». Реммеле отметил, что первая реакция политбюро ЦК КПГ на происшедшее

последовала лишь 24 июля. «Хотя все члены политбюро и секретариата были в Берлине, в течение пяти дней — ни одного заседания или хотя бы совещания в более узком составе, т.е. никакого участия, а решение, принятое 24-го, никакого влияния оказать не могло».

Соотношение сил было вовсе не так неблагоприятно для защитников демократии, как изображали заправилы СДПГ. Известно, например, что в полицейских частях, находившихся в распоряжении прусского правительства, насчитывалось около 20 тыс. человек. Это значительно превышало численность войск, имевшихся 20 июля в Берлине; для использования же частей, расположенных вне Берлина, военное министерство не приняло никаких мер. Профсоюз железнодорожников изъявил готовность прервать сообщение, а это не только помешало бы переброске войск, но и крайне стеснило бы маневренные возможности правительства. Следовательно, все было за то, чтобы дать реакции открытый бой, имея хорошие шансы на победу.

Социал-демократ Г. Шютцингер писал, что бои полиции, рейхсбаннеровцев и членов профсоюзов (здесь намеренно пропущены рабочие-коммунисты), конечно, потребовали бы несколько сот жертв, но это совсем не значит, что победили бы войска. «Когда массы берлинцев затопили бы Унтер ден Линден, Вильгельмштрассе и т.п., тогда, весьма вероятно, пришлось бы убрать войска Рундштедта». Из биографии главы гессенского провинциального правительства социал-демократа Лейшнера известно, что он не допускал возможности эффективного использования рейхсвера против рабочих. Того же мнения придерживается уже упоминавшийся В. Хёгнер (после войны — премьер-министр Баварии). «Возможно, — пишет он, — что жертвы, которых стоила германскому народу вторая мировая война, стали бы излишними, если бы 20 июля 1932 г. было оказано вооруженное сопротивление Папену».

Даже полное поражение в открытой борьбе не было бы тяжелее, чем психологические последствия бездействия, — таково мнение западногерманского исследователя этих событий Э. Маттиаса.

Сам Рундштедт не преминул с похвалой отозваться о политике СДПГ: «Нужно благодарить социал-демократическую партию за то, что она не присоединилась к стачечному лозунгу, а наоборот, призвала к спокойствию и благоразумию, дабы не помешать нормальным выборам». Осадное положение не понадобилось не только в масштабе всей страны, но и в Берлине оно оказалось излишним. Столь безболезненного исхода своей противозаконной акции не ожидали ни Папен, ни Шлейхер, ни их единомышленники.

По-разному реагировала на переворот в Пруссии мировая общественность. Если демократически настроенные круги разных стран были охвачены глубокой тревогой за судьбы немецкого народа, то реакционеры, прежде всего в США и Англии, не скрывали своего удовлетворения. На нью-йоркской бирже наблюдался в те дни усиленный спрос на ценные бумаги. Это, как разъясняли газеты, свидетельствовало о том, что банкиры, занимающиеся кредитованием Германии, «весьма благожелательно оценивают резкий поворот в сторону диктатуры в Германии». Лондонская «Таймс», комментируя июльские события, восхищенно писала, что кабинет Палена показал себя «правительством, которое правит... Его методы безусловно властны, но ведь абсолютно ни из чего не следует, что Германии больше всего подходит либерально-парламентская конституция».

Таким образом, «политика силы» восторжествовала. Не менее, чем клика, осуществившая переворот, этому были рады гитлеровцы. Нацистская партия ликовала по поводу «ликвидации ноябрьского господства в Пруссии». «Начало сделано, — откровенно писал 21 июля «Фелькишер беобахтер», — мы же доведем это до конца. Необходимо освободить путь для национал-социалистского движения и для взятия им власти». На совещании глав земельных правительств нацисты Гранцов и Ревер, представлявшие соответственно Мекленбург-Шверин и Ольденбург, решительно поддержали акцию Папена. Гранцов заявил, что «просит правительство действовать и далее в том же духе», и в порядке саморекламы уверял, будто трудности управления в коалиции с нацистами вовсе не велики.

В действительности гитлеровцы все более тяготились связью с правительством Папена, ибо, не находясь у власти, они вынуждены были делить ответственность за его политику. «Утверждать, что мы поддерживаем правительство Папена и последний чрезвычайный декрет от 14 июня 1932 г., — лицемерие этой бесстыдной партии (СДПГ. — Л.Г.)», — говорилось в одной из предвыборных листовок фашистов. В дневнике Геббельса за июнь — июль имеется немало панических записей на этот счет: «Правительство приносит нам с каждым днем все больше вреда, — сказано, например, в

записи от 1 июля. — Можно почти по пальцам сосчитать, сколько миллионов голосов мы потеряли. Ко всему «Клуб господ» распространил циркуляр, в котором сообщается, что фюрер одобряет все мероприятия этого кабинета». Одна листовка была даже более безапелляционной: «Мы не имеем ничего общего с нынешним кабинетом. Мы жесточайшим образом боремся с правительством, ибо его мероприятия... наиболее несправедливы и антисоциальны из всего, что можно себе представить».

Берлинский орган нацистов «Ангриф», рупор Геббельса, выдвигая требование объявить мандаты КПП в рейхстаге недействительными, писал, что «вряд ли правительство Папена решится на это, хотя 20 июля показало, что подобную меру можно провести без особого риска». Фашистская газета в своем злорадстве сформулировала именно то, что было главным политическим уроком удавшегося государственного переворота в Пруссии. В итоге реакция почувствовала безнаказанность не только своих мелких и частичных покушений на демократические свободы, покушений, которыми заполнена вся история Веймарской республики. Этот вывод придал нацистам новые силы и энергию в борьбе за власть, укрепил их претензии.

В литературе, посвященной истории Германии тех лет, высказывается даже точка зрения, что 20 июля окончательно предопределило ход дальнейших событий вплоть до установления фашистской диктатуры в январе 1933 г.

Однако и после 20 июля вопрос об установлении фашистского режима оставался открытым; он решался в ходе напряженной борьбы. И после 20 июля имелись возможности преградить путь фашизму; но их необходимо было использовать. Последующие события подтвердили, что борьба с фашизмом отнюдь не бесперспективна, хотя поражение, понесенное 20 июля 1932 г., причинило всему антифашистскому движению весьма существенный урон.

Успех реакционных сил окрылил фашистов на дальнейшее усиление террора против политических противников. Кровавые столкновения — результат гитлеровских провокаций — еще более участились. В самых разных уголках Германии фашистские бандиты жгли и убивали, практикуясь на собственном народе в злодеяниях, которые они намеревались совершить в масштабах всей Европы. Кровью обагрились в эти дни улицы старинного баварского города Аугсбурга, пролетарского Дортмунда, Неймюнстера, Ганновера, Бунцлау и многих других мест. Усиливая террор, всемерно разнообразя и варьируя свою демагогическую пропаганду, опираясь на активную поддержку правительства, Гитлер и его клика надеялись получить на выборах в рейхстаг абсолютное большинство.

Фашисты рассчитывали использовать деморализацию и разочарование, охватившие часть приверженцев социал-демократии, они надеялись завоевать значительные слои рабочего класса. Нацисты намеревались отнять часть сторонников у коммунистической партии, сыграв на поражении, понесенном германским пролетариатом 20 июля, и получить на выборах от 17 до 20 млн голосов. По мысли фашистских главарей и тех, кто ими руководил — тиссенов, кирдорфов и т.п., 31 июля должно было стать днем триумфа гитлеровской партии, после чего Папену, как мавру, сделавшему свое дело, следовало уйти, уступив место Гитлеру. И уже в августе 1932 г. в Германии воцарилась бы фашистская диктатура.

Глава 5.

Рывок Гитлера к власти

Выборы 31 июля 1932 г. во многом не оправдали надежд крайней реакции и вызвали разочарование нацистских главарей. Число голосов, собранных НСДАП, — почти 13 750 тыс. — было безусловно очень велико, и опасность фашистской диктатуры отнюдь не уменьшилась. Но нацистам не только не удалось завоевать абсолютное большинство — они не сумели даже сколько-нибудь значительно расширить свое влияние по сравнению с апрелем 1932 г. 31 июля обнаружило приостановку роста влияния НСДАП; в некоторых же округах ее влияние уменьшилось. Особенно наглядно это проявилось в Руре, где нацисты понесли потери в 15 из 17 городов (в то время как КПП приобрела много новых сторонников). Газета «Вестфелише фолксцайтунг» писала: «Нацисты потерпели первое поражение; тем самым доказано, что они миновали свой зенит и находятся на нисходящей». Сказанное относится не только к наиболее промышленно развитым районам — то же было, например, в Мекленбурге, где нацисты потеряли голоса и по сравнению с выборами в ландтаг, состоявшимися в самом начале июня, т.е. когда еще не обнаружилась их тесная связь с «кабинетом баронов»; в округе Шверин число собранных ими голосов снизилось за это время с 18 966 до 13 219.

Таким образом, возможности расширения массовой базы фашизма были в основном исчерпаны.

Попытки НСДАП решительно вторгнуться в ряды рабочего класса и перетянуть на свою сторону значительную часть его избирателей и на этот раз не увенчались успехом. В одном из нацистских документов этого времени (он был составлен инспектором НСДАП по Средней Германии и Бранденбургу) говорилось: «Вообще мы не сумеем пропагандистски завоевать больше 12–14 млн человек. Остальные будут присоединены силой, а для этого необходима власть».

Подобная ситуация лишь увеличивала агрессивность фашистов. Каждый лишний месяц усиливал недовольство приверженцев НСДАП, большинство которых примкнуло к ней в надежде на быстрое завоевание власти и могло с той же легкостью отколоться.

Компартия получила 5,3 млн голосов — на 700 тыс. больше, чем на предыдущих выборах. Завоеванные избиратели прежде принадлежали в основном СДПГ, потерявшей более 600 тыс. голосов.

Итоги выборов сильно изменили расстановку сил в рейхстаге. Самой крупной фракцией впервые стала (вместо СДПГ) нацистская — 230 человек. Вместе с 68 депутатами партии Центра фашисты располагали теперь абсолютным большинством. Переговоры между обеими партиями насчет образования коалиционного правительства, прерванные на время подготовки к выборам, в августе возобновились. Но, конечно, более предпочтительным для нацистов был приход к власти в результате прямого соглашения с правящей верхушкой. Это и побудило главари НСДАП сразу же после выборов возобновить контакты с Шлейхером. То были подготовительные беседы к предстоящим затем переговорам «на высшем уровне» — между фашистским «фюрером» и Гинденбургом.

Гитлер упорно домогался поста канцлера, а также постов главы прусского правительства, имперского и прусского министров внутренних дел, министра сельского хозяйства и министра пропаганды, который нацисты намеревались учредить. Эти требования отражали настойчивость, с какой могущественная группировка монополистического капитала, выступавшая за форсированную подготовку нового передела мира, рвалась к власти. Тиссен, Кирдорф и их единомышленники стремились добиться ее, опираясь на сколоченную НСДАП массовую базу и оттесняя конкурентов на второй план.

Однако и группировка, державшая бразды правления, пока не собиралась сдавать позиции. Многие монополисты от всей души сочувствовали замыслам нацистов, но боялись последствий предоставления им всей полноты власти. Гинденбург придерживался того мнения, что Папен и другие члены «кабинета баронов» могут достичь тех же целей, даже с большим успехом, не уступая руководства нацистам, о диктаторских поползновениях которых президент был хорошо осведомлен. Такая точка зрения восторжествовала в ходе заседания правительства 10 августа, определившего тактику в дальнейших переговорах с нацистами.

Папен пробовал убедить Гитлера согласиться на посты вице-канцлера и имперского комиссара Пруссии, а также передачу ряда других министерств. Чуть ли не главным его доводом было при этом, что, продолжая находиться в оппозиции, главари НСДАП не сумеют долее сохранить контроль над столь большой партией. Однако никакого соглашения достигнуто не было, и это обусловило провал встречи фашистского главаря с президентом 13 августа. Беседа длилась недолго, ибо позиции сторон уже были известны заранее. Гинденбург заявил, что он «не может взять на себя ответственность перед Богом, своей совестью и отечеством, предоставив полноту государственной власти одной партии, к тому же такой, которая столь односторонне настроена по отношению к инакомыслящим». На вопрос одного из участников этих переговоров, хочет ли он повторения «казуса Маттеоти» (имеется в виду убийство итальянскими фашистами депутата-социалиста в 1924 г.), Гитлер ответил, что, когда он станет рейхсканцлером, будут умерщвлены минимум 5 тыс. Маттеоти. Он указал и на такие соображения, как опасения крупных беспорядков, отрицательной реакции за границей и др. Пожимая фашистскому фюреру на прощанье руку, Гинденбург сказал: «Мы ведь старые товарищи и останемся ими, ибо позднее наши пути все-таки могут встретиться».

Фашисты неустанно твердили, что стремятся прийти к власти легальным путем. Они могли вполне рассчитывать на это, хотя пользовались широкой свободой подрывной деятельности против республики. Тем не менее нацистская верхушка (или определенная часть ее) никогда всерьез не отказывалась устроить переворот, более удачный вариант «пивного путча». Фашисты располагали в 1932 г. значительно более многочисленными военизированными отрядами и гораздо большим числом сторонников вообще, а также прочными связями с рейхсвером. И готовясь к переговорам с Папеном и Гинденбургом, нацисты одновременно принимали меры, обычно предшествующие путчу.

Штурмовики в полном вооружении обосновались в пригородах Берлина, чтобы оказать давление на правительство, а в случае отказа удовлетворить претензии НСДАП — предпринять более активные действия. О планах путча сообщил в те дни корреспонденту английской газеты «Дейли экспресс» Делмеру начальник штаба штурмовых отрядов Рем. В письмах, направленных 6 и 9 августа заместителю имперского комиссара Пруссии Брахту председателем СДПГ О. Вельсом, содержались документы, подтверждающие намерения нацистов совершить «поход на Берлин». Однако, несмотря на то что Гитлер ушел от Гинденбурга ни с чем, путч так и не состоялся. Причиной этого, вероятно, был не только вывод о неблагоприятном соотношении сил, к которому пришли главарь НСДАП, но и твердая надежда на «законный» приход к власти в дальнейшем.

Исход августовских переговоров свидетельствовал, что противоречия в буржуазном лагере не только не смягчаются, но как будто даже обостряются. У значительной части монополистов не был преодолен страх перед рабочим классом и возможностью гражданской войны. Не было полного единства в правящем лагере и по вопросу о стратегии германского империализма — продолжать политику соглашения с западными державами или перейти к форсированной подготовке реванша. Именно эти противоречия имел прежде всего в виду Г. Димитров, делая важный вывод, что «фашизм приходит обыкновенно к власти во взаимной, подчас острой борьбе со старыми буржуазными партиями или с определенной частью их, в борьбе даже в самом фашистском лагере».

Но, как подчеркивала демократическая пресса, включение нацистов в правительство вовсе не было снято с повестки дня, а лишь отложено. Углубление политических противоречий толкало власть имущих к тому, чтобы все-таки привлечь фашистов к управлению государственными делами. «Для пролетариата, — писала газета «Роте фане» 14 августа, — такое развитие событий создает не меньшие опасности, чем если бы Гитлеру был уже поручен пост канцлера». Необходима была неусыпная бдительность ко всем проискам реакции.

Открытие вновь избранного рейхстага 30 августа 1932 г. ознаменовалось ярким событием — выступлением Клары Цеткин, являвшейся старейшим депутатом. Еще за некоторое время до этого буржуазная пресса во главе с фашистами начала разнuzданную травлю старейшей германской революционерки, пытаясь запугать ее. Но К. Цеткин не побоялась угроз и, преодолевая болезнь, выполнила свой долг. Стоя лицом к лицу с фашистами, она произнесла мужественную речь, в которой обрисовала положение в стране и выразила глубокую убежденность в победе над фашистским варварством и одичанием. «Веление времени, — сказала К. Цеткин, — это единый фронт всех трудящихся, призванный отбросить фашизм и тем самым сохранить организации угнетенных и эксплуатируемых, в конечном же счете — физическое существование последних. Перед лицом этой настоятельной исторической необходимости должны отойти на задний план все сковывающие и разделяющие факторы — политические, профсоюзные, религиозные и мировоззренческие». Даже ярые ненавистники, составлявшие большую часть аудитории, не посмели помешать старому революционному бойцу провозгласить с трибуны рейхстага слово правды.

Спустя пять дней, 4 сентября, правительство опубликовало новый чрезвычайный декрет, наиболее далеко идущий из всех, изданных в годы экономического кризиса. Во-первых, он выполнял одно из самых давних и самых неприемлемых для рабочего класса требований монополистов — ликвидировал тарифную систему зарплаты, которая предусматривала единые ставки в каждой отрасли производства. Далее декрет разрешал снижать зарплату в таких отраслях или даже на отдельных предприятиях, которые находились в особенно «тяжелом положении», чем допускался самый широкий произвол. Предусматривалось снижение зарплаты и иным путем — при принятии на предприятие новых рабочих сумма зарплаты не должна была повышаться. По некоторым подсчетам, на плечи рабочих взвалили новое колоссальное бремя в 3,3 млрд марок. Одновременно вводилась особая премия для предпринимателей: за каждого вновь принятого человека заводчик получал 400 марок. Еще более выгодной для предпринимателей была статья, предусматривавшая снижение налога на капитал и оборот.

Чуть ли не на следующий день началось еще невиданное, даже в условиях экономического кризиса, наступление предпринимателей на нищий жизненный уровень трудящихся. Но чрезвычайный декрет оказался каплей, переполнившей чашу терпения многих пролетариев, которые прислушивались раньше к пропаганде реформистских лидеров о «необходимости» воздержаться от борьбы. В 1931 г. количество участников забастовок упало с 234,5 тыс. до 177,6 тыс., число потерянных в результате приостановки работы человеко-дней составило всего 1939 тыс. против 4489 тыс. в 1929 г.

Понадобился суровый опыт антирабочих законов Брюнинга и профашистских мероприятий Папена, чтобы сотни тысяч колеблющихся и инертных пролетариев начали понимать, что дело идет о самом их существовании. В этом отношении чрезвычайный декрет от 4 сентября не оставлял никаких сомнений, и неудивительно, что на следующий день после его опубликования наступил определенный перелом в ходе забастовочного движения, особенно когда речь шла о сравнительно мелких или средних по величине предприятиях.

Настроение рабочих повсюду было боевое. На заводах и фабриках Берлина проходили митинги, где принимались решения объявить забастовку в случае снижения заработной платы. Этих решений кое-где оказалось достаточно, чтобы заставить владельцев сохранить прежние ставки. Таких предприятий насчитывалось около 80.

Осуществить грабительские требования монополий на деле оказалось неизмеримо труднее, чем на бумаге. Мощный отпор пролетариата (даже несмотря на то что большинство крупных предприятий не было охвачено стачечной волной) безусловно провалил правительственную программу (после отставки Папена от нее пришлось отказаться и формально).

Множились симптомы определенного перелома в ходе политической борьбы. А это в свою очередь вело к изменениям в соотношении сил на политической арене. «Возросшая активность пролетариата — писал позднее В. Пик, — увеличила его притягательную силу для остальных слоев трудящихся и привела к тому, что подъем гитлеровского движения сменился застоєм и даже, впервые, серьезным попятным движением».

Как обычно, это особенно явно проявилось среди коричневорубашечников, крайне недовольных неопределенностью положения, неуверенностью в том, придет ли когда-нибудь фашистская партия к власти. А после 13 августа перспективы такого прихода казались значительно уменьшившимися. Печать сообщала о многочисленных фактах брожения в штурмовых отрядах. Так, в начале сентября из отряда № 31 в Альтоне ушел 21 человек. В Кёльне нацистам пришлось распустить взбунтовавшийся отряд района Альштадт. Вскоре, по признанию общегерманского командования СА, было распущено еще четыре отряда — в Эшвейлере, Ганновере, Берлине и Кенигсберге. В Крефельде (Нижний Рейн) дело дошло до побоища между штурмовиками и эсэсовцами. Брожение среди сторонников нацистской партии происходило и в других городах, причем кое-где оно вело к весьма неприятным для нацистов результатам; в Вуппертале, например, 18 штурмовиков перешли в «Союз борьбы против фашизма». Именно этого больше всего боялась верхушка нацистов и те, кто их поддерживал.

Главарь НСДАП в демагогических целях стремились использовать возмущение народных масс политикой Папена. Они не видели более необходимости в сохранении у власти правительства, с которым им не удалось договориться. Отсюда и тактика нацистов во время заседания 12 сентября — последнего в краткой истории рейхстага, избранного лишь 31 июля. Сразу же после открытия заседания состоялось голосование вотума недоверия правительству. Результаты были для Папена и его клики сокрушительными: за правительство — 42 голоса, против 530. В ответ Папен распустил рейхстаг. Новые выборы были назначены на 6 ноября.

С нарастающим успехом проходила избирательная кампания КПГ, свидетельствуя о том, что партия завоевывает много новых сторонников. Коммунисты вели активную борьбу против подготовки реваншистской войны, шовинизма и человеконенавистничества фашистов и их покровителей. Лозунг этой борьбы был таков: «Фашизм — это война!»

В начале ноября предвыборная борьба обострилась благодаря событию, всколыхнувшему всех жителей Берлина. Назрел конфликт на одном из крупнейших предприятий — Берлинской транспортной компании, где было занято 28 тыс. рабочих; от ее бесперебойной работы зависела вся жизнь столицы. С мая 1931 г. заработная плата снижалась здесь 5 раз, а теперь предстояло новое снижение.

Утром 3 ноября берлинцы, выйдя на улицу, не увидели ни трамваев, ни автобусов. Перед всеми депо были выставлены забастовочные пикеты. Стачка транспортников, ставшая одним из важнейших событий классовой борьбы этих лет в Германии, охватила самый большой город страны.

В своем развитии она не могла не принять особенной остроты именно как политическое выступление: ведь ареной борьбы была резиденция реакционного правительства, которое считало себя безусловно хозяином положения и только три месяца назад торжествовало бескровную победу над берлинскими рабочими. А теперь вся жизнь в столице была дезорганизована, и попытки полиции наладить какое-то подобие движения кончались провалом. В первый день стачки было арестовано

420 человек, в один из последующих — более 1000. Но транспортники не дали себя запугать. Они ощущали солидарность трудящихся всей Германии, оказавших им материальную и моральную поддержку.

Об атмосфере, в которой проходила забастовка, свидетельствует и такой факт, что к ней вынуждены были примкнуть нацисты. О причинах этого Гитлер вскоре говорил Гинденбургу следующее: «Люди очень недовольны. Если бы я удержал моих людей от участия, то стачка все равно состоялась бы, но я потерял бы своих сторонников среди рабочих».

Фашисты с самого начала стремились подорвать единство бастующих, создав собственный стачечный комитет, выступили против распространения забастовки на газовые заводы и водопровод, заявляя, что это придаст борьбе политический характер. А на следующий день после выборов в рейхстаг фашисты штрейкбрехерски отошли от забастовки. «Стачка на берлинском транспорте... стала безнадежным делом, — записал Геббельс в своем дневнике 7 ноября. — Речь идет только о том, чтобы каким-нибудь образом закончить ее». Участие в забастовке не принесло нацистам популярности; именно в Берлине их потери на выборах оказались едва ли не максимальными.

Фашисты поддержали берлинскую забастовку исключительно по предвыборным соображениям. Уже в ходе кампании обнаружилось падение популярности НСДАП. Созывавшиеся ею митинги даже в Баварии посещались плохо. Не помогало подчас и присутствие фюрера. Впечатляющее описание отъезда Гитлера из Галле после его выступления там в октябре 1932 г. содержится в воспоминаниях бывшего гауляйтера этого по преимуществу пролетарского округа Иордана. Несмотря на усиленные наряды полиции, в том числе конной, рабочие вплотную подошли к машине нацистского главаря, и тот еле унес ноги. Примерно так же встретили Гитлера в Магдебурге, когда он 22 октября прибыл туда; уже на аэродроме его забросали камнями. Симптомы того, что нацистская партия теряет сторонников, множились, а результаты выборов лишь подтвердили это.

Выборы 6 ноября 1932 г. выявили существенные изменения в соотношении политических сил.

По итогам выборов нацисты собрали на два с лишним миллиона голосов меньше, чем 31 июля. Позорно провалилась похвальба, на которую были так щедры фашисты. В их пропагандистских материалах, распространявшихся в ходе избирательной кампании, говорилось, что НСДАП добьется наибольшего успеха за всю ее историю. И хотя нацистская фракция оставалась наибольшей в рейхстаге, престижу фашистов был нанесен существенный урон. Впервые за ряд лет прекратилось их неумное восхождение и начался отток избирателей. НСДАП потеряла много сторонников, в том числе — а это было особенно важно — в самом Берлине. Если 31 июля она сумела собрать здесь наибольшее количество голосов, потеснив компартию, то на осенних выборах КПГ вновь вышла на первое место, а фашисты недосчитались нескольких десятков тысяч голосов; то было следствием штрейкбрехерства нацистов во время стачки транспортников Берлина, озверелого нацистского террора, который вновь и вновь разгорался, несмотря на энергичный отпор со стороны антифашистов, и т.п. Но нацисты начали утрачивать влияние и на крестьянство. Так, в Мекленбурге их потери составили в среднем 25%, в сельских районах Восточной и Южной Германии — 21 % и т.д. Крупнейшего успеха добилась компартия, вновь завоевавшая на свою сторону сотни тысяч сторонников и собравшая в общей сложности почти 6 млн голосов. В новом рейхстаге компартия имела 100 депутатов.

6 ноября еще резче, чем в ходе ряда предыдущих выборов, обнаружился упадок социал-демократии, которой не могла помочь даже оппозиция по отношению к правительству. Многие члены партии видели, что курс, которого придерживается руководство, завед партию в тупик.

Итоги выборов в ноябре 1932 г. породили у всех поборников демократии, у всех противников реакции и фашизма надежды на благоприятный исход политического кризиса. Но одновременно они — и направление развития событий в целом — встряхнули реакционный лагерь, активизировали поиски им путей к консолидации ультраправых сил. «100 коммунистов в германском рейхстаге, — писала «Дойче альгемайне цайтунг», — это грозное предзнаменование для государственного руководства». А это создавало грозную опасность для всего, что с таким упорством отстаивали сторонники республики.

«Общее стремление промышленников, — рассказал после Второй мировой войны банкир Шредер, одна из колоритнейших фигур международного капитала, эсэсовец и глава германо-англо-американского банка, — заключалось тогда в том, чтобы увидеть у власти в Германии

сильного фюрера... Когда 6 ноября 1932 г. нацистская партия потерпела первую неудачу и тем самым перешагнула свой зенит, поддержка со стороны тяжелой промышленности стала особенно неотложной». Уже через несколько дней после выборов Папена посетил председатель наблюдательного совета одной из крупнейших металлургических компаний Рура Хеккер, входивший в «кружок друзей» нацистской партии; от него Папен узнал, что два других члена кружка — Шахт и Шредер — заняты подготовкой коллективного обращения индустриальных магнатов к Гинденбургу с требованием призвать нацистов к власти. Из архивных материалов, сравнительно недавно ставших достоянием гласности, видно, что фашисты и сами активно участвовали в подготовке этого обращения.

Автор биографии Шахта, опубликованной в фашистские времена, не преувеличивал заслуги своего «героя», утверждая, что его доля в окончательной победе НСДАП весьма велика. Действительно, Шахт развил в эти дни лихорадочную активность в пользу нацистов. Уже 19 ноября петиция крупнейших промышленников, адресованная Гинденбургу, поступила в канцелярию последнего. Чтобы придать документу большую значимость, он был оформлен как ряд отдельных писем, содержащих одинаковый текст.

«Мы видим в национальном движении, охватившем наш народ, — говорилось в письмах, — многообещающее начало эры, в ходе которой, благодаря преодолению классовых противоречий, будут созданы необходимые основы для возрождения немецкой экономики». И далее выдвигалось требование предоставить «крупнейшей группе этого национального движения (речь шла о НСДАП. — Л.Г.) руководящее участие в правительстве». Петицию в числе других подписали Тиссен, Шредер, директор «Немецкого банка» Рейнгардт, один из крупнейших монополистов Рура Ростерг, владельцы пароходных компаний Верман и Бейндорф, председатель союза юнкеров «Ландбунд» Калькрейт и др. К документу присоединились такие «акулы» тяжелой промышленности Рура, как Феглер, фактически управлявший крупнейшей металлургической монополией Германии — «Стальным трестом», Рейш и Шпрингорум; об этом было сообщено Гинденбургу отдельным письмом.

Сильные мира сего, не ограничиваясь обычными методами воздействия на главу государства, решили, таким образом, что настало время для экстраординарных мер. Нет сомнений, что обращение от 19 ноября оказало огромное влияние на дальнейший ход событий. Из разных источников известно, что письма промышленников произвели на Гинденбурга сильное впечатление.

К концу 1932 г. существенно изменилась в пользу нацистов позиция крупнейшего германского концерна — «ИГ Фарбениндустри». Взаимопонимание главной химической монополии Германии с фашистами было результатом совместной заинтересованности в расширении военных приготовлений. Речь шла о целесообразности дальнейших (весьма дорогостоящих) работ по промышленному производству синтетического горючего, которые проводила «ИГ Фарбен». В условиях глубокого экономического кризиса кое-кто из руководителей треста был склонен прекратить эти работы; продолжать их имело для монополии смысл только в том случае, если бы Германия приступила к форсированному вооружению. В ноябре 1932 г. эмиссары «ИГ Фарбен» Бютефиш и Гаттино отправились в Мюнхен, чтобы обсудить свои затруднения с фюрером. Из Мюнхена они вернулись окрыленные, а эксперименты с синтетическим бензином не только не были свернуты, а, наоборот, еще до прихода нацистов к власти расширились. Показания обвиняемых на судебном процессе «ИГ Фарбен» и документы подтвердили, что то было результатом заверений Гитлера в энергичной поддержке мероприятий, направленных на подготовку Германии к войне. Вскоре после мюнхенской встречи глава «ИГ Фарбениндустри» Р. Бош посетил Гитлера и обсудил с ним программу перестройки предприятий концерна на военные рельсы.

Между тем к середине ноября правительство Папена окончательно оказалось в тупике. Противоречия в лагере крупного капитала были по-прежнему остры, в стране же нарастало массовое движение против реакции и фашизма. «Кабинет баронов» был взорван стремительно нараставшей классовой борьбой, а также разногласиями между различными группировками монополистического капитала по вопросу о привлечении НСДАП к участию в управлении. 17 ноября Папен ушел в отставку.

Во время новых переговоров с главарями НСДАП в конце ноября 1932 г. президент впервые предложил им пост рейхсканцлера, но поставил ряд условий; главным из них было требование о коалиционном характере будущего правительства с тем, чтобы ряд важных постов оставался в руках представителей конкурирующих групп финансового капитала и чтобы можно было изобразить фашистскую диктатуру как правительство «национальной концентрации». Переговоры вновь

закончились ничем ввиду того, что Гитлер и его приспешники все еще отказывались принять эти условия. Но лозунг «национальной концентрации» остался на повестке дня.

Покровители НСДАП в эти недели буквально удесятерили свои усилия. Многие газеты как по-команде развернули кампанию в пользу нацистов, доказывая, что НСДАП «не должна погибнуть».

Сформированный в декабре 1932 г. кабинет генерала Шлейхера — он и сам не скрывал этого — носил переходный характер и имел целью лишь создать передышку, которая была бы использована для возобновления переговоров о включении фашистов в правительство на условиях, приемлемых для различных группировок монополистического капитала.

Еще до вступления в новую должность Шлейхер направил своего эмиссара к Гитлеру. Фашистскому главарю были предложены пост вице-канцлера и несколько министерств, но тот вновь отказался принять подобные условия. Это означало, что монополистические группировки, опиравшиеся на НСДАП, несмотря на потери, понесенные ею, продолжали домогаться полноты власти. Тогда, чтобы склонить Гитлера к компромиссу, Шлейхер предпринял попытку раскола нацистской организации. Лицом, которое генерал избрал для этой цели, был Г. Штрассер, руководивший организационным отделом НСДАП. Опасаясь взрыва негодования членов партии при дальнейшей оттяжке ее прихода к власти, Штрассер высказывался за вступление в правительство на предложенных условиях.

Штрассер был закоренелым, отъявленным фашистом, единомышленником Гитлера во всем, кроме вопроса об участии в правительстве. Он прославился своими погромными кровожадными выступлениями в рейхстаге и вне его, а роль Штрассера в разработке человеконенавистнических замыслов была весьма велика. Выступая в мае 1932 г. в Мюнхене, Штрассер заявил: «Я возмущен, что мое имя связывают с неким мнимым «направлением» в партии. У нас нет никаких направлений, есть лишь одна партия — ею руководит А. Гитлер, а все мы — его последователи». Что касается социалистических идей Штрассера, то они были таковы: «Социализм — это не что иное, как пруссачество в действии».

В середине ноября Геббельс записал в своем дневнике, что Штрассер завязал сепаратные связи с правительством. После того как Шлейхер возглавил правительство, эти связи стали очевидными. Бывшему главе прусского правительства О. Брауну, посетившему рейхсканцлера в декабре, Шлейхер сказал, что сделано все для избрания Штрассера премьер-министром Пруссии, а затем он будет назначен имперским вице-канцлером. «Штрассера, — заявил генерал, — разделяют с Гитлером острейшие противоречия. Если он отделится от партии вместе с наиболее ценными в национальном отношении элементами, которые, конечно, имеются в ней, то произойдет раскол». По некоторым сведениям, Штрассера поддерживало более $\frac{1}{3}$ нацистской фракции рейхстага. Если верить бывшему статс-секретарю Гинденбурга Мейснеру, тот согласился предоставить Штрассеру пост вице-канцлера.

В это время положение нацистов было безусловно тяжелым, ибо к неуклонному падению влияния НСДАП и опасности раскола присоединились серьезные финансовые трудности. «Денежные заботы делают какую-либо целеустремленную работу невозможной», — записал Геббельс 8 декабря. А возглавлявшийся им отдел пропаганды НСДАП считал финансовое положение безнадежным. Подтверждением тому могут служить секретные донесения, поступавшие к министру внутренних дел из центра Рурского промышленного района и относящиеся ко второй половине ноября. «Национал-социалистская партия, судя по всему, — говорилось в одном из них, — испытывает в Западной Германии чрезвычайно большие материальные трудности. Представители партии пытаются повсюду получить деньги, но значительная часть промышленников воздерживается от финансирования». А несколькими днями позже из того же источника сообщалось: «Финансовое положение западногерманских национал-социалистов все более обостряется. Штурмовики практически не получали денег со дня выборов. В настоящее время происходят переговоры отдельных гауляйтеров с промышленниками. Представители национал-социалистов готовы сделать любые обещания в обмен на поддержку».

Резко возросла задолженность НСДАП — по самым минимальным подсчетам она составляла 10–12 млн марок. Известный историк Г. Хальгартен оценивает долги нацистской партии даже в 70–90 млн В начале января представитель нацистов официально объявил о невозможности внести причитающиеся с партии налоги. На улицах появилось множество штурмовиков с кружками для пожертвований в пользу фашизма. На каждых местных выборах, происходивших в ноябре —

декабре, НСДАП катастрофически теряла сторонников.

Множились сообщения о неповиновении, протесте и уходе коричневорубашечников из штурмовых отрядов. Наиболее заметным из фактов такого рода был развал организации штурмовиков в Нюрнберге и во всей Франконии (Северная Бавария) в начале января 1933 г. Часть членов тамошних штурмовых отрядов — а дело происходило на родине германского фашизма — провозгласила себя самостоятельной и объявила войну партийной бюрократии. Были распущены отряды в Зефтенберге и некоторых других местах.

Открытый кризис в НСДАП разразился 8 декабря, когда произошел разрыв между Г. Штрассером и Гитлером. Сенсационное сообщение об этом появилось на следующее утро в органе Шлейхера «Теглихе рундшау». Здесь говорилось, что Штрассер подал в отставку со всех постов, которые он занимал в партии, заявив о нежелании нести и далее ответственность за «политику исключительности», проводимую руководством и ставшую причиной изоляции, в какой очутилась НСДАП. Газета посвятила этому событию большую передовую статью, в которой проводилась мысль, что отставка Штрассера — сигнал для всей нацистской партии.

Дневник Геббельса хорошо отражает панические настроения, овладевшие в этот момент фашистскими главарями. 6 декабря он записал: «Положение партии катастрофично». Двумя днями позже: «В организации царит тяжелая депрессия». Затем читаем: «Мы все очень подавлены, прежде всего из-за опасения развала партии и из-за того, что вся наша работа была напрасной». В наибольшей растерянности оказался сам фюрер. Он часами ходил по номеру гостиницы, не зная, что предпринять. «Один раз он остановился и сказал: «Если партия распадется, то я в течение трех минут кончу дело при помощи пистолета»».

Но фюрер рано предавался отчаянию: его могущественные покровители не собирались в создавшихся условиях допустить уход нацистов с политической арены. Прибыли монополии в годы кризиса упали до минимума. Даже такой гигант, как «Стальной трест», задолжал 800 млн марок, и его заправила видели выход лишь в получении крупных правительственных заказов, которые наверняка обеспечили бы им нацисты, придя к власти и развернув активную военную подготовку.

Касаясь предполагаемого краха нацистской партии, «Дойче альгемайне цайтунг» — признанный рупор тяжелой промышленности — 6 декабря писала: «Это было бы национальным бедствием. Она еще не выполнила своей задачи. Государство нуждается в ней, как в защите от большевизма». Буквально то же самое заявил Папен английскому послу в Берлине. «Было бы катастрофой, — сказал он, — если бы гитлеровское движение развалилось или было разбито, ибо нацисты — это последний оплот против коммунизма в Германии». Как видим, одни и те же «идеи» использовались и для внутреннего употребления, и для привлечения правящих кругов Англии и США. То была игра на так называемой «угрозе коммунизма», которой в Германии начала 30-х годов на деле не было.

Шло наступление самой крайней реакции, причем она сумела повести за собой миллионные массы мелкой буржуазии и даже небольшую часть рабочего класса. В отчаянной кровопролитной схватке с фашизмом его противникам удалось добиться определенного сдвига в развитии событий. Тем не менее фашизм оставался смертельной опасностью, и намеренным обманом были в этой обстановке утверждения об «угрозе коммунизма». Существовала лишь одна реальная опасность — фашистская, и она была тем более велика, что покровители нацизма — монополии — не собирались допустить потери огромных средств, вложенных ими в «предприятие», которое еще не принесло главных доходов.

Могущественные покровители не собирались допустить исчезновения нацистов с политической арены. Об этом свидетельствовало выступление влиятельного органа крупных промышленников «Дойче фюрербрифе» в пользу передачи власти НСДАП. «Гинденбург должен довериться Гитлеру!» — провозгласил этот бюллетень во второй половине ноября, и это произвело большое впечатление на многих сильных мира сего. Ту же позицию, как было 26 ноября сообщено Брахту, заняли монополисты, собравшиеся в Дюссельдорфе на сессии известного «Объединения по охране общих интересов». Суть дела максимально лаконично сформулировал один промышленник, сказавший: «Мы уже инвестировали в НСДАП слишком много, чтобы оставить ее теперь без средств».

К концу года дела нацистского руководства стали поправляться. Гитлеру удалось энергичными мерами предотвратить раскол партии и локализовать опасность, созданную Штрассером. Г. Штрассера, который сделал так много для возвеличения нацистской партии, вынудили уйти со всех постов, которые он занимал в ней. В последующем он занялся коммерцией и не участвовал в

деятельности НСДАП. Но о нем не забыли в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г., когда Гитлер расправился со своим первым покровителем Э. Ремом и его коллегами по командованию штурмовых отрядов, нацисты свели счеты с рядом политических деятелей, которые в прошлом доставили им какие-либо неприятности. Среди них были «генеральный комиссар» Баварии 1923 г.

Кар, генерал Шлейхер, предшественник Гитлера на посту рейхсканцлера, и Г. Штрассер, зверски убитый своими соратниками по политическому разбою, которых именно он — может быть — обучил тому, как расправляться с теми, кого следовало «убрать».

Отпала также серьезная угроза, нависшая над фашистами в виде возможного роспуска рейхстага и новых выборов, которые могли принести им только новые крупные потери. Главная забота заключалась теперь в скорейшем воссоздании Гарцбургского фронта — власть имущие полагали, что такие лица, как Папен, Гугенберг и другие, будут действовать на нацистов «умеряюще».

В ноябре, а еще более в декабре Папен оказался не у дел; то, что Шлейхер сменил его на посту рейхсканцлера, крайне озлобило его, хотя в мемуарах он уверял, будто сохранил лояльность по отношению к своему бывшему покровителю. Поэтому Папен был идеальной фигурой для участия в любых интригах против Шлейхера с целью свалить его. Он был в курсе интенсивной переписки представителей делового мира с окружением Гитлера, в которой обговаривались оптимальные способы передачи власти нацистскому фюреру. Конкретное же участие в этом Папен принял после своей встречи 16 декабря в берлинском «Клубе господ», где он выступил с речью, с К. фон Шредером. Они договорились, что последний устроит свидание Папена с Гитлером, для чего предоставит свой кельнский дом. Деятельным участником «операции» был и Г. Гиммлер, который взял на себя задачу убедить Гитлера встретиться с Папеном; после холодного душа, полученного фюрером дважды — в августе и ноябре 1932 г., его отношение к Папену, которого он ошибочно считал виновником случившегося тогда, было далеко не дружественным.

В наше время обнародована переписка, которую вели в последние недели 1932 г. Шредер, его контрагент в руководстве гитлеровской партии В. Кеплер, непосредственно общавшийся с Гитлером, и Я. Шахт, отработывавшие детали, время, другие обстоятельства встречи Гитлера с Папеном; она замышлялась и должна была состояться в глубокой тайне. Программа предстоявшей беседы в переписке не рассматривалась, но для посвященных не могло быть сомнений, что кроме создания правительства с участием бывшего рейхсканцлера и нацистского главаря особо говорить было не о чем. Учитывая, что Гитлер на протяжении долгого времени отказывался играть вторые роли, можно с полным основанием полагать, что Папен солидаризировался со стремлением Гитлера стать рейхсканцлером.

«Историческая» встреча Папена с Гитлером состоялась 4 января 1933 г. Из воспоминаний сопровождавших фюрера лиц известно, как конспиративно была обставлена поездка в Кёльн, со сменой машины в Бонне, оставлением «свиты» в условленном месте и т.п. Но участников встречи ожидало глубокое разочарование: конфиденциальность ее была грубо нарушена Г. Церером — редактором газеты «Теглихе рундшау», являвшейся рупором Шлейхера: Церер узнал о происшедшем и прислал в Кёльн фотографов. Сведения о свидании Гитлера с Папеном уже на следующее утро появились в печати. Это вынудило Папена обратиться к Шлейхеру, против которого и был направлен намечавшийся сговор, с письмом, где он утверждал, будто цель его встречи с Гитлером заключалась в том, чтобы убедить последнего вступить в правительство, возглавлявшееся генералом. Большого абсурда трудно себе представить, однако Папен пытался повторить его и на Нюрнбергском процессе и, конечно, в мемуарах.

В Нюрнберге несостоятельной версии Папена о цели его встречи с Гитлером 4 января 1933 г. противостоял affidavit (письменное показание под присягой) Шредера, составленный в заключении. После разгрома гитлеровской Германии отдельные представители нацистской верхушки и делового мира полагали, что лишь откровенные признания могут облегчить их участь. Так возник и affidavit Шредера, где давалось адекватное представление о ключевой для последующих событий встрече в Кёльне. Поэтому защита Папена всячески пыталась воспрепятствовать приобщению этого affidavit к делу в качестве официального документа трибунала; ей это, однако, не удалось.

Весьма сомнительно, чтобы Шлейхер, опытный политик, поверил папеновской версии его встречи с Гитлером, тем более что о готовившемся против него заговоре он знал и до 4 января, в частности, из донесения одного из информаторов кронпринца, пересланного им генералу. Но Шлейхер не оказал необходимого противодействия козням своего бывшего ставленника.

Сразу же после кёльнской встречи был образован консорциум крупных промышленников во главе с Феглером и Шпрингорумом. Они выдали нацистам 1 млн марок для распределения среди штурмовиков и ээсовцев, а также уплатили наиболее срочные долги НСДАП. Уже в годы войны Гитлер, ссылаясь на Геринга, утверждал, что в этой обстановке удалось добыть в США 100 тыс. дол. с тем, чтобы нацисты нагнали страху на Францию и побудили ее активнее платить США военные долги. А за кулисами завершался сговор монополистических кругов, результатом которого стало назначение Гитлера рейхсканцлером.

Но исход напряженной политической схватки, развернувшейся в Германии начала 30-х годов, зависел в конечном счете не только от воли монополистов, не от того или иного соглашения Тиссена и Феглера. Их планы могли быть сорваны решительным, сплоченным сопротивлением трудящихся масс. Хотя после 20 июля 1932 г. реакция уже не испытывала прежнего страха перед возможностью объявления всеобщей забастовки.

Города Германии стали свидетелями огромных народных манифестаций, направленных против фашистских бандитов и их единомышленников в правительстве. Так, в Гамбурге 3 января демонстрировало свыше 60 тыс. антифашистов, в Берлине 4 января — более 200 тыс.; многочисленные демонстрации состоялись также в городах промышленного Рура и др. Традиционный митинг 15 января на могиле К. Либкнехта и Р. Люксембург был наиболее многолюдным, несмотря на сильный мороз, за все годы, прошедшие после их убийства.

С особенной силой проявили немецкие пролетарии свою волю к борьбе против фашизма во время демонстрации 25 января 1933 г. в Берлине. Она была ответом на провокационное шествие, устроенное фашистами несколькими днями ранее, под защитой огромных нарядов полиции, мимо помещения ЦК КППГ — дома им. К. Либкнехта. Более 130 тыс. трудящихся столицы приняли участие в антифашистской манифестации 25 января, длившейся — и вновь при сильнейшем морозе — свыше четырех часов. Все ее значение можно уяснить себе вполне, если учесть, что лишь пять дней отделяло ее от установления в Германии кровавой фашистской диктатуры.

В течение января 1933 г. закулисные встречи с нацистскими главарями продолжались, теперь уже в Берлине, главным образом в доме И. Риббентропа. 22 января вступили в действие ближайшие советники президента — его статс-секретарь Г. Майсснер и сын Гинденбурга, его адъютант Оскар, имевший на 85-летнего старца большое влияние. Со слов Риббентропа известно, что когда оба последних — вновь под покровом тайны, незаметно покинув оперу и взяв такси, — прибыли в его дом, то Гитлер надолго уединился с О. Гинденбургом. Папен коротал все это время в светской беседе с Герингом, с которым не так давно скрещивал шпаги на памятном заседании рейхстага. Для Гитлера было чрезвычайно важно добиться расположения Гинденбурга, для чего очень существенна была помощь Папена — об этом недвусмысленно говорилось в письме Кеплера Шредеру, датированном декабрём 1932 г. и уже упоминавшемся выше, но и поддержка со стороны сына президента была совсем нелишней.

Сближение позиций шло достаточно быстро. Для Папена и других представителей президентской стороны вопрос о назначении Гитлера рейхсканцлером был уже решен, но сам Гинденбург все еще продолжал сомневаться. Имелись и нерешенные вопросы, в частности, о том, кто займет пост государственного комиссара Пруссии; на него претендовали Папен и Геринг. Этот вопрос был решен в пользу Папена: Гитлер был абсолютно уверен, что все равно добьется своего, пусть на 1–2 месяца позже. Другой спорный вопрос касался роспуска рейхстага: этого требовал Гитлер, нуждавшийся в реванше на выборах и хорошо понимавший, что после взятия власти у него будут несравненно большие возможности добиться избирательных «побед». Гинденбург по тем же причинам высказывался против роспуска, но особенно упорно против новых выборов возражал председатель Национальной партии А. Гугенберг — он согласился на это только после того, как Гитлер дал «честное слово», что результаты выборов никак не повлияют на состав нового правительства.

Чтобы побудить президента назначить Гитлера главой последнего, участники переговоров замыслили изобразить нечто вроде «национального фронта», куда, кроме НСДАП, вошли бы Национальная партия — Гугенбергу обещали ключевой пост в области экономической политики — и «Стальной шлем». Гугенберг потребовал, однако, своего назначения сразу на два министерских поста — экономики и сельского хозяйства, на что Гитлер также согласился: он не сомневался, что пребывание Гугенберга в правительстве будет кратковременным. Одновременно развивалась агония кабинета Шлейхера, которому Гинденбург отказал в полномочиях на роспуск рейхстага; Гитлеру

спустя несколько дней он дал их. 28 января 1933 г. Шлейхер подал в отставку, а в это время шел к концу торг насчет министерских портфелей. Папен развеял сомнения президента, и 30 января 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером.

В том, что это произошло, роль, сыгранная фон Папеном, была поистине исключительной. Он имел полное право заявить позднее: «Я был избран благосклонной судьбой, чтобы соединить руки нашего канцлера и фюрера и нашего любимого фельдмаршала».

Безответственными были заверения Папена о том, что он быстро обуздает Гитлера, столкнув этого «фантазера» с реальной действительностью. Такая уверенность как нельзя лучше характеризует политическую слепоту Папена и его единомышленников, их неспособность разобраться в ситуации, в людях, с которыми им приходилось иметь дело. Между тем речь шла о судьбах страны, и камарилья, орудовавшая за кулисами, готовила соотечественникам худшую участь из всех возможных.

1 февраля 1933 г. Людендорф, находившийся в конфликте с гитлеровцами, направил Гинденбургу письмо: «Назначив Гитлера рейхсканцлером, Вы выдали наше немецкое отечество одному из величайших демагогов всех времен. Я торжественно предсказываю, что этот человек столкнет наше государство в пропасть, ввергнет нашу нацию в неопишное несчастье. Грядущие поколения проклянут Вас за то, что Вы сделали это».

Страх перед собственным народом, осознание прогрессирующей слабости своих позиций побудили германскую буржуазию временно отодвинуть в сторону противоречия отдельных монополистических групп с целью создания правительства, которое объединяло бы все реакционные силы. Курс фашистов на «легальный» приход к власти оправдался. Буржуазно-демократический строй, основанный на веймарской конституции, позволил стать у руля управления страной клике ставленников крайней реакции, не скрывавших, что их целью является ликвидация какой бы то ни было демократии. События начала 30-х годов в Германии вновь продемонстрировали пороки строя, который не обеспечивал гарантий против торжества яростных врагов прогресса, какими проявили себя фашисты и в самой Германии, и для того момента в еще большей степени в Италии.

Судьба острейшего противостояния фашизма и антифашизма в Германии начала 30-х годов, в ходе которого первый добился значительных успехов в завоевании сторонников и мог рассчитывать на значительную поддержку со стороны правящих кругов, а главное — со стороны промышленных и финансовых властителей страны, могла бы сложиться не так, как это произошло в действительности. Но это могло случиться только в том случае, если бы в антифашистском лагере существовало единство взглядов и действий. Этого, к величайшему сожалению, не было, и хотя наступление фашизма растянулось в Германии на долгие годы, добиться сплочения антифашистских сил так и не удалось. Главной причиной этого была не только недооценка смертельной фашистской опасности, но непримиримая вражда между рабочими партиями — Коммунистической и Социал-демократической, за которыми шел практически весь многомиллионный рабочий класс Германии.

Корни этого противостояния восходят к первым послеоктябрьским годам, когда одно крыло международного пролетариата сделало ставку на насильственные методы борьбы, которые противоречили реформистским убеждениям лидеров и основной массе приверженцев социал-демократической партии. Борьба между двумя течениями рабочего движения прошла через всю историю Веймарской республики, то затихая, то разгораясь и приобретая предельную остроту. Бывали и кратковременные моменты сотрудничества. В основном же отношения между коммунистами и социал-демократами, как правило, оставались враждебными, чему способствовали постоянные случаи вмешательства коммунистических властей Советской России во внутренние дела Германии, которая рассматривалась, как наиболее «слабое звено» капиталистической системы, особенно пригодное для инициирования мировой революции; наглядным примером этого были события осени 1923 г., когда многочисленные эмиссары Москвы вели в Германии активную подготовку коммунистического переворота, используя тяжелый экономический и политический кризис, вызванный оккупацией Рурской области франко-бельгийскими войсками. Хотя приготовления к задуманной акции зашли далеко, от нее пришлось отказаться, ибо выяснилась практически полная изоляция коммунистов.

Но идея дать толчок мировой революции в самом слабом звене — Германии — не оставляла советских руководителей, и последствия мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. как будто способствовали подобным замыслам. Тяжелое положение масс вызывало рост влияния коммунистической партии на определенные прослойки трудящихся, на некоторые прослойки

интеллигенции. Но с конца 20-х годов популярность фашистской партии росла значительно большими темпами, и это должно было насторожить руководство КПП и вождей Коминтерна.

Но этого не произошло. Руководство КПП, действовавшее несамостоятельно, сильнейшим образом недооценило фашистскую опасность, ибо не видело принципиального отличия диктаторского режима, который намеревались установить Гитлер и его последователи, от демократического строя, существовавшего в Веймарской Германии, который, хотя ему и были свойственны определенные недостатки, обеспечивал важнейшие права и свободы. На словах руководители КПП говорили о фашистской угрозе много и охотно; приверженцы КПП оказывали жесткий отпор нацистским молодчикам. Конкретные примеры отпора, который эти намерения и действия гитлеровцев встречали со стороны коммунистов, приводились на страницах нашей книги. Но всего этого было мало, ибо неверна была стратегическая установка компартии, продиктованная из Москвы и нацеленная на борьбу за власть, хотя необходимых условий для этого ни в 20-х, ни в начале 30-х годов не было. Огромный вред общему делу наносила сопутствовавшая указанной стратегической линии борьба не на жизнь, а на смерть против социал-демократической партии, которую руководители КПП, следуя утвержденному VI конгрессом Коминтерна (1928 г.) курсу, провозгласившему решительную борьбу против социал-демократии и определявшему ее не как часть рабочего движения, а как вариант фашизма (отсюда термин «социал-фашизм», вошедший в те годы в обиход коммунистических главарей и возглавлявшихся ими органов печати).

Правда, продолжали много говорить о едином пролетарском фронте, но это был бы такой «единый фронт», в котором руководство всецело принадлежало коммунистам, а мнения социал-демократов по ряду насущных вопросов, расходившиеся с позициями коммунистов, совершенно не учитывались.

Справедливости ради надо сказать, что однажды руководители КПП сделали попытку осудить ультралевые взгляды в своих рядах. Весной 1930 г. с подобными взглядами выступил П. Меркер, «курировавший» политику КПП по отношению к профсоюзам; против этого категорически высказался один из руководителей КПП Э. Реммеле. Меркер подал жалобу в Исполком Коминтерна и там, хотя прямо и не одобрили позицию Меркера, но взяли его под защиту, не применив к нему какие-либо санкции. Как показывают документы, такое решение было принято по инициативе Сталина и Молотова. Удивляться здесь нечему, ибо Сталин уже в 1924 г. пытался пустить в оборот формулу о том, будто фашизм и социал-демократия — близнецы-братья, но тогда здравый смысл взял верх и понадобилось несколько лет, пока Сталин оттеснил от руководства Коминтерна Зиновьева, а затем Бухарина и узаконил свою роковую точку зрения. Для лидеров же КПП во главе с Тельманом попытка отмежеваться от ультралевого курса в начале 1930 г. была последней. А в конце того же года руководство партии применило ультралевую, сектантскую установку на практике. В ряду чрезвычайных, т.е. принятых по воле президента, без одобрения рейхстага, в декабре 1930 г. был издан чрезвычайный декрет, снижавший социальные расходы. Этому весьма неприятному для трудящихся, но не экстраординарному факту — в дальнейшем аналогичные декреты будут приниматься еще не раз — руководство КПП придало поворотное значение, провозгласив тезис о том, что в Германии уже установилась фашистская диктатура. Главное следствие подобного искажения действительности заключалось в полной дезориентации членов и сторонников КПП в отношении и существа и характера фашистского господства.

В докладе на пленуме ЦК КПП в январе 1931 г. Э. Тельман к словам «фашистская диктатура» добавил слово «проведение»: «Правительство Брюнинга осуществляет проведение фашистской диктатуры». Однако подобная формулировка еще больше запутывала дело, ибо уловить разницу между «фашистской диктатурой» и «проведением фашистской диктатуры» было дано немногим. Вред же, приносимый подобными словесными играми, был огромным, ибо дезориентировал в том, что же такое фашизм.

Подобные ошибки в установках КПП были основаны на решениях Коминтерна, которые, теперь это полностью подтверждено ставшими достоянием науки архивными документам, диктовались Москвой. Так, в решениях XI пленума Исполкома Коминтерна, заседавшего весной 1931 г., содержалось требование «быстрого и решительного исправления ошибок, в основном сводящихся к либеральному противопоставлению буржуазной демократии и парламентских форм диктатуры буржуазии ее фашистским формам». Если то и другое идентично, то о какой борьбе вообще может идти речь? И вполне закономерен шаг, который вскоре — летом того же года сделал ЦК КПП, приняв решение о поддержке референдума, затеянного фашистами с целью отстранения от власти прусского

правительства, которое возглавлял лидер СДПГ О. Браун и в котором ведущие позиции занимали другие лидеры социал-демократии (в их ведении находилась, в частности, полиция Берлина и ряда других крупных городов Германии). Это решение, как показывают засекреченные десятки лет документы, было принято по указке из Москвы и кардинально противоречило отрицательной позиции партии по отношению к нацистской затее, которую она заняла за несколько месяцев до того. При этом руководство КПП пыталось изобразить дело так, будто пролетарии Германии поддерживают участие партии в плебисците. В этом духе, например, В. Пик информировал Коминтерн. На деле все было наоборот: многие рабочие были дезориентированы участием партии в фашистском «проекте» и не приняли в нем участия. Плебисцит провалился, партии, собравшие на выборах в рейхстаг 1930 г. около 12 млн голосов, не добрали теперь даже требовавшихся 10 млн. Отрицательные же последствия не замедлили сказаться сначала в июле 1932 г., когда имперские власти осуществили государственный переворот, сместив то самое правительство Пруссии, против которого был направлен фашистский плебисцит с участием КПП — об едином выступлении трудящихся против реакции уже нельзя было и думать.

Отдельные пробоины в политическом курсе КПП, например, противодействие весной 1932 г. замыслам фашистов овладеть контролем над прусским ландтагом, в виду предстоявших тогда выборов в прусский парламент. Примечательно, что речь шла о контроле над тем самым учреждением, которое меньше чем за год до того КПП стремилась — в сотрудничестве с фашистами — распустить! Но этот пример разумного подхода не стал в политике КПП переломным, и общеполитический курс партии оставался прежним. Как показало ближайшее будущее, он был для партии гибельным.

Как ни странно, успехи на выборах, которые имели место во второй половине 1932 г., не пошли КПП на пользу. Они вызвали определенную эйфорию.

Упомянутые успехи вскружили голову лидерам партии, и они фактически потеряли представление о подлинном положении в стране и вероятных вариантах развития событий. Ведь неуспех на выборах нацистской партии совершенно не исключал других путей ее прихода к власти. Гитлер мог попытаться сделать это силовым путем, используя свои связи с генералитетом, он мог реализовать планы сговора с правящими кругами, что собственно и произошло (об этом компартия обязана была знать заранее — тогда она не была бы захвачена врасплох и была бы гораздо лучше подготовлена к работе в подполье, чем это произошло в действительности).

О том, что приход Гитлера к власти 30 января 1933 г. оказался для руководства КПП полной неожиданностью, наглядно свидетельствует письмо Тельмана в Коминтерн, датированное 27 января (а полученное там уже в феврале 1933 г., т.е. после установления гитлеровской диктатуры). Оно выдержано в сугубо оптимистическом духе, в нем идет, в частности, речь о мероприятиях, намеченных на весну 1933 г., и вообще в письме Тельмана нет ни одного слова, которое бы свидетельствовало о каких-либо возможных вариантах развития событий. Это письмо оказалось последним.

Политика руководства социал-демократии в годы, предшествовавшие установлению фашистского господства, также была далека от идеала. Она также, как уже можно было понять в свете фактов, приведенных выше, несет серьезную историческую ответственность за катастрофу, постигшую немецкий народ в январе 1933 г. Главная вина лидеров СДПГ заключается в том, что они не сумели преодолеть своей враждебности по отношению к коммунистам, не сумели понять, что раскол рабочего класса, независимо от его причин, представляет огромную опасность не только для него, но и для судеб республиканского строя в Германии. Конечно, курс КПП на ликвидацию «социал-фашизма» не мог вдохновить социал-демократов на активные усилия с целью создания единого фронта, но сумели же французские социалисты, наученные горьким германским опытом, уже в феврале 1934 г. забыть о ругани в свой адрес со стороны коммунистов и объединив усилия с ними преградить путь «отечественным» фашистам.

Навряд ли можно назвать оправданным решение о проведении политики «меньшего зла» по отношению к правительству Брюнинга. Конечно, по сравнению с Гитлером Брюнинг был меньшим злом, но поддержка кабинета, основным методом правления которого были чрезвычайные декреты, ненавистные народным массам, вела к неуклонному падению популярности СДПГ, существенному уменьшению числа поданных за нее голосов на выборах. Кроме того, политика «меньшего зла» была лишена сколько-нибудь твердой перспективы, ибо Брюнинг мог быть в любой момент уволен в отставку (что, собственно, и произошло). В партии росло недовольство, и осенью 1931 г. это привело

к отколу левонастроенных социал-демократов, которые создали самостоятельную Социалистическую рабочую партию.

Один из наиболее неприятных для имиджа СДПГ рассматриваемого времени фактов — решение правления партии от 29 июня 1932 г., запрещающее местным организациям партии проводить единые действия с коммунистами. Это решение положило конец единым действиям обеих партий, которые, несмотря на позицию партийного руководства, все же происходили явочным порядком, прежде всего в отражении фашистского террора. Что касается самостоятельной борьбы СДПГ против фашистской угрозы, то для нее была характерна — это уже отмечалось выше — определенная пассивность, более «терпимое», чем это было необходимо, отношение к действиям НСДАП. Прегрешения партии были осуждены лидерами СДПГ в т.н. Пражском манифесте 1934 г.

В рассматриваемые годы имелись политические деятели, полностью осознавшие, какую огромную опасность не только для Германии, но и для всего мира представляет германский фашизм, и средствами публицистики пытавшиеся противодействовать его победе. Одним из них был известный журналист К. фон Осецкий, в рассматриваемые годы являвшийся главным редактором весьма популярного журнала «Вельтбюне». Он упорно доказывал необходимость сплочения всех антифашистов (не отлучая от него коммунистов), чем снискал жгучую ненависть гитлеровцев. Приход Гитлера к власти он встретил в заключении, куда попал за антивоенные выступления, а затем был брошен в концлагерь, во время пребывания в котором в 1936 г. был удостоен Нобелевской премии мира. Нацисты вынуждены были после этого освободить Осецкого, но он вскоре умер (естественно, не получив свою Нобелевскую премию).

Другим человеком, который активно участвовал как публицист в идейной борьбе против фашизма в Германии, был Л.Д. Троцкий. В издававшемся им «Бюллетене оппозиции» Троцкий энергично выступал за единство рабочего класса Германии, всех демократических сил в борьбе против фашизма. Выступления Троцкого на эту тему составили большой том. Он решительно высказывался за сотрудничество коммунистов с социал-демократами, подвергая самоубийственный курс КПГ и Коминтерна бичующей критике. Выступления Троцкого в подобном духе заслуживали особого внимания в связи с тем, что усилиями сталинистов он изображался как деятель, якобы стоявший на левацких позициях.

Заключение

Перед читателем прошла история ранних лет германского фашизма — его возникновения, как реакции на Ноябрьскую революцию 1918 г., ответ на нее тех, кто был уверен в победе германского оружия в Первой мировой войне, но кого ждали горькое разочарование и материальные невзгоды, моральные унижения Версальского договора. Эти круги с самого начала мечтали о реванше; буржуазно-демократический строй, который установился в Германии, никак не устраивал их, и они начали борьбу за его свержение еще до того, как он успел утвердиться. Фашистская партия в первый период своего существования, как мы видели, была мало кому известна, и лишь глубокий экономический и политический кризис 1923 г. позволил ей завоевать некоторое количество сторонников и устроить опереточный путч. Можно предположить, что в любой другой современной стране подобная партия, потерпевшая такое сокрушительное поражение, уже не возродится, но в Германии, с ее тогдашним культом военной силы подобное стало возможным. А произошло это главным образом благодаря тому, что и земельные власти, и общегерманские правительства, уверенные, что с фашистами можно договориться, не сделали необходимых выводов, чудовищно недооценили гитлеровскую опасность. Этой стороне дела в книге уделено много внимания; она особенно существенна, ибо может помочь распознать аналогичную опасность в современных условиях.

Другой урок событий 1920-х — начала 1930-х гг. в Германии заключается в необходимости гораздо более критически воспринимать демагогическую пропаганду, исходящую от тоталитарных организаций, не верить на слово тем, кто беззастенчиво обманывает людей и в погоне за популярностью готов на все. Пример Германии 1920–1930-х гг. подтверждает этот вывод. Важно вновь и вновь возвращаться к усвоению того, каковы были способы и методы, при помощи которых германский фашизм сумел прийти к власти.

Фашизм не ушел в прошлое навсегда, как могло показаться после его поражения во Второй мировой войне. Конечно, таких благоприятных условий для его успехов, какие были в Германии 1920— начала 1930-х гг., в современном мире (имея в виду высокоразвитые страны) нет, но фашизм умело паразитирует на недостатках и противоречиях всякого рода, особенно национальных, и

возрождение фашизма вовсе не исключено.

Как уже отмечалось, 14-летняя история борьбы нацистской партии за власть изучена значительно меньше, чем период ее пребывания у власти. Понять, что такое германский фашизм, как и когда сложились его главные отличительные черты, не зная досконально пути развития его, нельзя. Поэтому изучение этого достаточно длительного периода необходимо.

Выводы, которые следуют из знакомства с данным сюжетом, просты. Победить фашистскую угрозу, предотвратить ее торжество можно только с помощью жесткой политики в отношении носителей подобной угрозы. Демократия — это не вседозволенность, как полагают некоторые. Надо постоянно помнить, что фашизм умело использует демократические свободы для достижения своих целей. Непримируемость к фашизму, в какие бы привлекательные одежды он ни рядился, вот к чему должно призывать каждое исследование о тоталитарных движениях и режимах. Именно эту цель преследует данная книга.

Приложения

№ 1

Адольф Гитлер — предатель? (листочка конца июля — начала августа 1921 г.)

После шестинедельной поездки в Берлин, о целях которой г-н Гитлер до сих пор не высказался, его обуяли опьянение властью и личные амбиции, побудившие к действию. По поручению своих темных покровителей — евреев, он желает внести разброд в наши ряды. Становится ясно, что его целью было не что иное, как использование национал-социалистической партии в качестве трамплина для полного захвата власти, а далее, в подходящий момент, направление ее на иной путь. Лучше всего это доказывает ультиматум, который он несколько дней назад предъявил партийному руководству и в котором он потребовал полной единоличной власти и отставки Комитета, и вместе с ним основателя и руководителя партии — инструментального слесаря Антона Дрекслера, первого председателя партии. Далее он потребовал, чтобы в течение следующих шести лет не предпринимались попытки объединения с социалистами и национал-социалистами Германии и других стран. Уже эти требования свидетельствуют о стремлении Гитлера сохранить партию, как небольшую организацию и сделать невозможным ее дальнейший рост в будущем. Какие силы будут ее тогда финансировать, неясно. Фактом является лишь то, что Гитлер, по национальности австриец, ищет связи с кругами вокруг бывшего кайзера. В прошлом он уже был назван «карлистом», подал жалобу в суд, но позднее отозвал ее.

Другой пункт — это профессия и доходы Гитлера. Когда отдельные члены партии задают ему вопросы: на какие средства он живет и какова его прежняя специальность, его охватывают возбуждение и гнев. Ответ на эти вопросы не получен до сегодняшнего дня. Его совесть, следовательно, не может быть чистой, тем более, что его чрезмерное общение с дамами, которые называют его «королем Мюнхена», обходится недешево.

Еще один сюжет — это его давняя борьба против основателя и руководителя партии Антона Дрекслера. Хотя Гитлер прекрасно знает, какими идеалами вдохновляется Дрекслер, что Дрекслеру нельзя ничего инкриминировать, он в последнее время все чаще называет его «бесхарактерным», «подлой собакой», «идиотом» и т.п. Почему? Потому, что Гитлер хорошо понимает — движение будет здоровым до тех пор, пока им руководит Дрекслер. Гитлер знает, что его предательская игра будет бесполезной, ибо Дрекслер человек крепкий.

Для своих махинаций Гитлер нашел Эссера. Этот человек, как доказано, является шпионом социал-демократии, которого даже сам Гитлер неоднократно характеризовал, как вредителя движения. Асам Эссер, в свою очередь, неоднократно требовал убрать Гитлера, который привел «Фелькишер беобахтер» к запрету, несмотря на неоднократные полицейские предупреждения в вызывающем тоне Национал-социалисты! Судите сами о подобных людях! Не давайте ввести себя в заблуждение. Гитлер — демагог, и опирается он только на свое ораторское дарование. Он надеется обмануть немецкий народ и внедрить в его сознание все, что угодно, но только не правду.

Протестуйте, покажите, что еще есть честная немецкая политическая партия, которая обладает мужеством, чтобы признать свои ошибки и устранить вредителей, прежде считавшихся честными людьми!

Только таким образом удастся вновь пробудить в немецком народе доверие, которое он утратил благодаря таким личностям, как Гитлер.

С немецким приветствием, национал-социалисты Мюнхена.

№ 2

Письмо Э. Ганссера директору электротехнической фирмы Сименса в Берлине (Мюнхен, 2 августа 1922 г.)

Глубокоуважаемый г-н директор!

Если баварское правительство не сумеет опереться на значительную часть сравнительно интеллигентных рабочих, то изменение его позиции по отношению к еврейскому правительству в Берлине неизбежно. Тогда мы в короткий срок уподобимся Тюрингии, где уже сейчас с безусловного согласия имперского министра почт Гисбертса был отменен почтовый запрет и составляются списки тех, кто еще решается издавать «реакционную», т.е. антиреспубликанскую прессу в стране новогерманской «свободы». С другой стороны, Гитлер предоставляет очевидное доказательство того, что при твердой власти рабочие будут счастливы освобождению от красного террора еврейских профсоюзов. И это в то время, когда национальное, в том числе национал-социалистическое, движение в ближайшее время еще экономически слишком слабо, чтобы предложить своим сторонникам сильную опору. Так что в ближайшее время побудить рабочих к политической переориентировке могут только величайшая готовность к самоотвержению и подлинный идеализм! Сбор пожертвований на последнем собрании Гитлера принес примерно 33 тыс. марок — подлинные «рабочие гроши»! Но одни эти рабочие не могут решить задачу!

Я хорошо знаю, что Вы не пожалеете усилий, чтобы обеспечить решение вопроса о патентах (имелось в виду способствовать успехам НСДАП в Берлине. — Прим. пер.). Rati Бог, чтобы Ваши дружеские усилия принесли вскоре полный успех.

№ 3

Письмо Г. Федера Гитлеру от 10 августа 1923 г.

Дорогой г-н Гитлер!

Глубокая тревога за наше дело — немецкое освободительное движение, национал-социализм, чьим прославленным вождем мы все без зависти признаем вас, побуждает меня искренне кое-что Вам сказать, о чем уже отчасти у нас с Вами был разговор.

Вы знаете сами, что наше движение возростало так скоро и значительно, что его внутреннее развитие не поспевало за внешним ростом. Вы сами жаловались мне на недостаток помещений для некоторых подразделений, которые необходимы, если мало-мальски задумываться о возрождении смертельно больного государства и экономики. Конечно, вопрос о помещениях не легкий, но все же его лучше скорее решить, нежели другой вопрос — персональный. Еще отсутствует действительно способный круг сотрудников для использования на предстоящих государственных должностях. Конечно, в лице Розенберга мы располагаем первоклассной силой для нашей газеты, подобное же впечатление оставляет капитан-лейтенант Гофман. Если я далее не называю ни одного имени, то это не означает отрицательного суждения о других наших сотрудниках. Но другой вопрос — не диктует ли круг важных задач, стоящих перед нашим движением, необходимость в тех или иных случаях заменять те или иные персоны? Этого требует сложность задач. Здесь я думаю прежде всего о Крист. Вебере.

В самой общей форме следует констатировать разницу между Вами лично, конгениально выросшем для своих целей, и лицами вашего прежнего ближайшего окружения. Почему Вы охотно позволили мистеру Ханфштенглю ввести себя в «общество»? Я ни в коей степени не рассматриваю Ханфштенгля как некую «опасность» или «камарилью». Нечто иное — в том, что я не могу освободиться от неприятного ощущения, что Вы совершаете ошибку. «Общество» — такая вещь или такое чудовище, которое не имеет ничего общего с Вашей нынешней миссией. Конечно, Вы можете подчас найти в «обществе» ценного человека, но, в общем и целом, это маловероятно. При Вашем напряженном труде я учитываю необходимость разрядки в кругу красивых женщин и деятелей искусств. Но что теперь необходимо, так это, прежде всего, заполнить брешь между Вами, как вождем, и теми, кто хочет следовать за Вами по пути немецкой свободы.

Я говорил Вам как-то, что я рассматриваю бессистемность расходования Вашего времени, как очень неблагоприятное явление для всего движения. Вы обязаны постоянно иметь время для решения всех важных вопросов. Именно в этом проявляется искусство великого человека, сразу же отличающего важное от второстепенного и потому экономящего очень много времени, благодаря своему выдающемуся знанию людей. (Читали ли Вы в издании «Молот» статью о Генри Форде?) Вы должны быть всегда доступны, и в Ваше отсутствие мы должны иметь первоклассную замену.

Вы знаете сами, как неустойчива людская масса и как она подыгрывает тем, кто стоит в центре

общественного внимания и дает повод для слухов. Вы знаете также, что армия не может отправиться в поход без генерального штаба, в котором собраны все нити управления.

Нам не хватает Вашего более тесного общения с сотрудниками и союзниками. Тем, кто способен обращаться к народу и знает себе цену, не пристало навязываться. Подобные действия могут быть оправданы, если они одобрены единомышленниками и служат общему делу.

Все мы хотим быть слугами государства в духе Фридриха Великого. Мы охотно предоставляем Вам первое место, но не согласны терпеть любые проявления тирании.

№ 4

Из протокола судебного процесса над Гитлером и другими участниками путча 8–9 ноября 1923г.

Вопросы, заданные Г. Кару Гитлером на закрытом заседании И марта 1924 г.

Гитлер: Разрешите поставить только один вопрос. Считает ли Его превосходительство проведенные для мобилизации баварского рейхсвера в масштабе трех дивизий, финансовую подготовку и обеспечение соответствующих частей вооружением — законным или противозаконным мероприятием? Является ли это делом, которое заслуживает высокой оценки, действием рутинным?

Кар: Я должен повторить, что я не был в курсе того, в каком объеме производились эти приготовления; это определялось соображениями баварского командования, как я полагаю, в контакте с имперским военным министерством.

Гитлер: Его превосходительству было все же известно, что военное министерство в Берлине не предлагало и не желало усиления (баварского) рейхсвера на 3 дивизии. Его превосходительство должно ведь было знать об этом деле, которое было совершенно нежелательно для имперского военного министерства.

Кар: Мне вообще не было известно, каков был масштаб этого усиления, как далеко оно зашло.

Гитлер: Но Его превосходительство должно было, как минимум, знать об укреплении пограничной полиции.

Кар: Я уже говорил, что имел информацию о пограничной полиции; я знал, что если рейхсвер будет использован за пределами Баварии, необходимо будет соответственно усилить его, но я не занимался дальнейшими обстоятельствами, дальнейшими мероприятиями (в этом направлении).

Гитлер: Усиление пограничной полиции, о котором Его превосходительство, по собственному признанию, было осведомлено, представляет собой смехотворную мелочь по сравнению с мобилизацией, которая охватывала 3 дивизии и держалась в строгом секрете прежде всего от Берлина.

Кар: Об усилении рейхсвера вообще нельзя говорить, речь шла только о пограничной полиции.

Гитлер: И об этом почти нормальном событии Его превосходительство было осведомлено! Оно полностью же ненормальным созданием в Баварии новой армии силой в 3 дивизии со всем военно-техническим оснащением, которое не является необходимым для Баварии, Его превосходительство ничего не знало?

Как далеко зашли эти мероприятия, мне неизвестно; об этом даст подробные разъяснения генерал Лоссов. Какое оснащение при этом использовалось, я не знаю: я этим не интересовался.

Гитлер: Несет ли Его превосходительство фон Лоссов личную ответственность за подобные мероприятия или должен все же Его превосходительство нести политическую ответственность?

Кар: Я был убежден, что Лоссов не сделает никаких шагов, которые нельзя оправдать политически.

Гитлер: Считает ли Его превосходительство возможным, чтобы в Германской империи военный министр самостоятельно объявил мобилизацию без того, чтобы предварительно достичь подробнейшей договоренности с рейхсканцлером — политическим главой империи?

(Ответа не последовало).

Председательствующий: Есть ли еще вопросы, которые необходимо поставить в закрытом заседании?

№ 5

Протокол заседания правительства Баварии от 4 марта 1924 г. по поводу хода суда над Гитлером и его сообщниками.

Министр внутренних дел Швейер сообщает о жалобах полицей-президента Мюнхена Мантеля и полковника полиции Банцера на то, что на процессе рейхсвер и полиция ежедневно подвергаются оскорблениям, председательствующий же на это никак не реагирует. Если это будет продолжаться

еще хотя бы пару дней, то они не могут гарантировать отсутствие ответной реакции. В аналогичном смысле от имени рейхсвера обратился к министру д-ру Матту генерал барон фон Кресс .

Имеются большие сомнения по поводу ведения процесса председательствующим. Еще до суда он заявил советнику министерства Цейтлмайеру, что Людендорф является единственным достоянием, которым располагает Германия. По слухам он высказал мнение, что тот будет оправдан.

Подсудимых не допрашивают, они выступают с речами. Они могут говорить о чем им заблагорассудится. Относительно утверждений генерала Людендорфа министр Швейер поместит опровержение в печати.

Подсудимым предоставляются максимальные послабления; так, д-р Вебер, хотя он находится под арестом, получил в воскресенье отпуск и отправился в город.

Министр д-р Крауснек сообщает, что то, как ведется процесс, вызывает в серьезных кругах, в том числе в Берлине, величайшее беспокойство.

Министр д-р Майнель отметил, что председательствующий в своих высказываниях еще ни разу не показал, что государство придерживается других взглядов на тяжкие преступления, о которых идет речь... Он обратил внимание на то, что суд ни разу не продемонстрировал, что он оценивает содеянное иначе, чем подсудимые.

Министр Матт отмечает, что председательствующий ведет допросы в форме, выгодной для подсудимых. Например, он спрашивает: «Не правда ли, о применении силы Вы и не думали?» Министр юстиции Гюртнер сообщил, что он поддерживает постоянный контакт с председателем суда. Последнему было сообщено о неприятном впечатлении, вызванном тем, что он позволил Гитлеру произнести 4-часовую речь. Председатель суда ответил, что прервать речевой поток Гитлера невозможно.

№ 6

Отзыв директора крепости Ландсберг Лайбольда о поведении заключенного Гитлера от 15 сентября 1924 г.

Гитлер показал себя человеком порядка, дисциплины не только в отношении собственной персоны, но и в отношении своих товарищей по заключению. Он неприхотлив, скромн. Не предъявляет никаких претензий, спокоен и серьезен, лишен какого-либо выпячивания, старается подчиняться ограничениям исправительного режима. Это человек, лишенный личных амбиций, он доволен условиями заключения, не курит и не пьет и при всем дружеском отношении к своим товарищам по заключению умеет обеспечивать определенный пиетет с их стороны. Как холостяк, который на свободе не предъявляет претензий на оптимальный образ жизни, он легче переносит лишение свободы, чем его женатые товарищи. Он не проявляет никакого влечения к женщинам, к тем из них, с которыми он встречается здесь во время посещений. С ними он общается с максимальной любезностью, не вступая в серьезные политические беседы. К персоналу крепости он относится постоянно очень вежливо и никогда не обращается к ним в оскорбительной форме. В последние месяцы Гитлер ограничивает посещения политического характера. Он пишет мало писем, главным образом благодарности. Он ежедневно по многу часов работает над своей книгой, которая должна выйти в ближайшие недели и будет содержать его автобиографию с размышлениями о бюргерстве, еврействе и марксизме, германской революции и большевизме, о национал-социалистическом движении и предыстории 8 ноября 1923 г.

За 10 месяцев предварительного заключения и пребывания в крепости он без сомнения стал более зрелым и спокойным человеком. Он не будет, выйдя на свободу, прибегать к угрозам и стремиться к мести по отношению к находившимся в противоположном лагере государственным служащим, которые в ноябре 1923 г. перечеркнули его планы.

Он не будет выступать против правительства, не будет врагом партий, которые мыслят национально.

№ 7

А. Гитлер «Майн кампф». Жизненное пространство немецкого народа — на Востоке.

Внешняя политика государства фёлькише должна обеспечить существование расы, охваченной этим государством на нашей планете, благодаря созданию здорового, жизнеспособного, естественного соотношения между численностью и ростом народа и величиной и качеством почвы.

При этом следует в качестве здорового соотношения рассматривать только такую ситуацию, которая гарантирует питание народа при помощи собственной почвы.

Любая иная ситуация, пусть бы она даже сотни или тысячи лет, нездорова и рано или поздно

станет причиной упадка, если не уничтожения соответствующего народа.

Свободу существования обеспечивает народу только достаточное пространство на этой земле.

При этом нельзя определять необходимую величину территории поселения исходя исключительно из современных потребностей, даже из величины пространства, соответствующего численности народа. Ибо, как я уже изложил это в первом томе в разделе «Политика союзов Германии перед войной», размеры земли того или иного государства, помимо ее значения, как прямого источника питания народа, существенны и в другом отношении — военно-политическом.

Тем самым мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под предвоенное направление нашей внешней политики. Мы возобновим то, что оборвалось 6 столетий назад. Мы прекратим вечное движение германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взгляд на земли на востоке. Мы прекращаем наконец предвоенную колониальную и торговую политику и переходим к политике будущего.

Но когда мы говорим сегодня о новой земле в Европе, то мы можем в первую очередь думать только о России и подвластных ей окраинных государствах.

№ 8

А. Гитлер «Майн кампф». Франция — неумолимый, смертельный враг немецкого народа.

Должно быть наконец совершенно ясно: Франция является (и будет им) неумолимым, смертельным врагом немецкого народа. Независимо от того, кто правил или будет править во Франции, бурбоны или якобинцы, потомки Наполеона или буржуазные демократы, клерикалы-республиканцы или красные большевики, конечной целью их внешнеполитической деятельности всегда будет попытка обеспечения границы по Рейну и овладения этой рекой посредством расчленения и разрушения Германии.

Англия против превращения Германии в мировую державу, Франция же — против государства, которое называется Германией: весьма существенное различие. Сейчас, однако, мы не боремся за положение мировой державы, а вынуждены бороться за целостность нашего отечества, за единство нашей нации и за хлеб насущный для наших детей. Если мы с этой точки зрения подойдем к вопросу о возможных союзниках в Европе, то останутся только 2 государства: Англия и Италия.

Целью нашей будущей внешней политики должна быть не западная или восточная ориентация, а восточная политика в смысле приобретения необходимого для немецкого народа пространства. Ввиду того, что для этого необходима сила, смертельный же враг нашего народа, Франция, непримиримо душит нас и отнимает у нас силы, мы вынуждены принести любые жертвы, которые могут способствовать срыву гегемонистских устремлений Франции в Европе. Нашим естественным союзником является сейчас любое государство, которое, как и мы, считает невыносимым стремление Франции к господству на континенте. Для нас не должны быть тяжки новые обращения к такому государству, и отказ (от чего-либо) казаться невыносимым, если только конечным результатом может оказаться ниспровержение нашего яростнейшего ненавистника.

№ 9

Запись из дневника Й. Геббельса от 14 февраля 1926 г: о заседании в Бамберге, посвященном позиции в вопросе о возмещении конфискованного княжеского имущества.

...Затем — по Бамбергу. Восхитительный город. Старый, иезуитский. Гитлер мчится мимо в автомашине. Ага! Шланге—Берлин, Штрейхер, Эссер, Федер. Затем за работу. Гитлер говорит. Я как будто побит. Что это за Гитлер? Реакционер? Баснословно неуклюж и ненадежен. Русский вопрос: полностью на задворках. Италия и Англия естественные союзники. Чудовищно! Наша задача — уничтожение большевизма. Большевизм — это еврейское творение. Мы должны наследовать Россию! 180 миллионов!!! Возмещение князьям! Право должно оставаться правом. Так же и для князей. Но право собственности нельзя нарушать! Убийственно! Программа достаточна! Он доволен ею. Федер кивает. Лей кивает. Штрейхер кивает. Эссер кивает. У меня боли, когда я вижу тебя в этой компании!!! Короткая дискуссия,— говорит Штрассер. Запинаясь, дрожа, неловко, хороший, честный Штрассер. Ах Боже, как недостаточно мы поравнялись с этими свиньями там внизу!

Послезавтра мы снова увидимся в Берлине. Мне хочется плакать! Дорога домой, трагическая дорога домой! Без сомнения, одно из серьезнейших разочарований моей жизни. Я уже не верю столь безоговорочно Гитлеру. Это самое чудовищное: я лишился внутреннего стержня.

№ 10

«Призыв к ненависти» (листочка «Стального шлема», сентябрь 1928 г.).

Мы ненавидим всей душой нынешнюю государственную систему, ее форму и ее содержание, ее

происхождение и ее существо. Мы ненавидим эту государственную систему не потому, что ею руководят не лучшие немцы, а потому, что в ней господствует парламентаризм, который делает невозможным какое-либо ответственное руководство. Мы ненавидим эту государственную систему, ибо в ней самоцелью и правом стала классовая и партийная борьба. Мы ненавидим эту государственную систему за то, что она, вопреки всем широкообещательным обещаниям, ставит немецким рабочим препятствия в их справедливых требованиях подъема. Мы ненавидим эту государственную систему, ибо она закрывает перспективу на освобождение нашего поработанного отечества и снятие с немецкого народа вымышленной вины за войну, приобретение необходимого немецкого жизненного пространства на востоке, защиту сельского хозяйства, промышленности, ремесла от вражеской экономической войны и возвращение им жизнеспособности. Мы нуждаемся в сильном государстве, в котором ответственное руководство принадлежало бы лучшим, а не безответственным бюрократам и болтунам.

Мы требуем от наших христианских церковных общин придерживаться соответствующего немецкому духу воинствующего христианства, чтобы проложить путь к свободе немецкого народа. Мы ставим эти требования в ясном сознании того, что освободительная борьба может увенчаться успехом только в том случае, если борющейся церкви удастся вернуть массу немецкого народа к высшим принципам Бога и христианства.

№ 11

Беседа Гитлера с О. Штрассером (21–22 мая 1930 г.).

Штрассер: Г-н Гитлер, если Вы намерены сохранить капиталистическую систему, то Вы не должны говорить о социализме! Ибо приверженцы нашей партии в первую очередь социалисты, и они ссылаются при этом на программу партии, где идет речь о социализации предприятий, перешедших в общественную собственность.

Гитлер: Термин «социализм» сам по себе плох, соответствующие предприятия не могут быть социализированы, если они не нарушают интересы нации. Если же нарушений нет, то было бы преступлением разрушать хозяйство.

Штрассер: Еще никогда не видел капиталиста, который бы не заявил, что он «делает все для блага нации». Каким образом Вы намереваетесь определять это объективно? Как Вы собираетесь закрепить право вмешательства со стороны государства без того, чтобы установить в экономике безграничный произвол чиновников, что принесет с собой гораздо большую степень беспокойства, чем любой социализм?

Гитлер: Ведь мы имеем здесь образец, который можем сразу же принять: фашизм! Точно так же, как фашисты уже осуществили это, и в нашем национал-социалистическом государстве будет равноправно соседствовать, а в случаях конфликтов государство примет решение и позаботится о том, чтобы экономические споры не нарушали жизнь нации.

Штрассер: Фашизм, однако, вообще не нашел решения противоречия между трудом и капиталом, даже не пробовал сделать это, он довольствуется сдерживанием борьбы между ними, и при этом преобладание капитала над рабочими остается в силе. Фашизм ни в малейшей степени не является преодолением капитализма, наоборот, он оставил капиталистическую систему нетронутой — точно так же, как собираетесь это сделать Вы.

Гитлер: Это все теория. На практике в действительности в экономике есть лишь одна система: ответственность перед более высокими структурами, авторитет по отношению к нижестоящим.

№ 12

Генерал К. Шлейхер о позиции рейхсвера по отношению к НСДАП (октябрь 1930 г.)

Что касается социальной части программы НСДАП, то здесь какой-либо оптимизм, вообще говоря, неприемлем. Следует отвергнуть точку зрения, будто социалистические требования нацистов «выдвинуты не всерьез». Они конечно вполне серьезны, и их смысл не представляет собой ничего иного, кроме чистого коммунизма (уравнивание зарплаток, конфискация всех доходов, полученных за время с 1914 г., огосударствление банков и т.п.).

Нет сомнения, что Москва уже давно обнаружила свою духовную, идейную близость с нацистами и поддерживает их.

Свою позицию по отношению к армии Гитлер на Ульмском процессе определил так: «Мы хотим, чтобы армия находилась в порядке», это ново. До сих пор они целеустремленно и планомерно действовали с целью политизирования армии и при этом постоянно пытались создать пропасть между командирами и подчиненными, между старшими и младшими офицерами.

Не подлежит сомнению, что Москва, чьи попытки разложения вермахта при помощи коммунизма на данный момент безнадежно провалились, пытается добиться того же при посредстве национал-социализма.

№ 13

Воспоминания бывшего президента Рейхсбанка Я. Шахта о его первых встречах с Герингом и Гитлером (декабрь 1930 — январь 1931 гг.)

В декабре 1930 г. мой давний друг фон Штраус, который с 1915 г. входил в правление Немецкого банка, пригласил меня на ужин с участием и Германа Геринга. Само собой разумеется, что я принял приглашение с одним из главных вождей национал-социалистического движения. Этот ужин на троих сопровождался разговорами на горячо обсуждавшиеся тогда темы об экономической ситуации, о росте безработицы, о пассивности внешней политики Германии во всех связанных с этим вопросах. Геринг показал себя как сведущий, приятный собеседник.

Когда спустя короткое время я получил приглашение на ужин от Геринга и его супруги, у меня не возникло никаких сомнений в вопросе, принимать ли приглашение, тем более что оно сопровождалось сообщением, что приглашен и Адольф Гитлер.

Он появился после ужина. Наш разговор очень скоро обратился к политическим и экономическим проблемам.

Под впечатлением этого вечера я в последующие недели обратился к рейхсканцлеру и другим политикам, с которыми был связан, чтобы побудить их как можно скорее включить национал-социалистов в правительственную коалицию. Мне казалось, что лишь таким способом можно предотвратить тотальный переход власти в руки этого радикального правого движения. В подобной коалиции, как представлялось, национал-социализм еще мог быть направлен в необходимое русло. Когда спустя год наконец восприняли эту идею, время было уже упущено.

№ 14

Из бесед Гитлера с редактором газеты «Ляйпцигер Нойесте Нахрихтен» Брайтингом (май — июнь 1931 г.)

Марксизм будет искоренен. Вы думаете, что во время революции я пойду на компромисс с марксизмом? Никаких компромиссов не будет, никаких. Если я пойду на компромисс, то марксизм в течение 30 лет возродится вновь. Марксизм должен быть уничтожен. Это зародыш большевизма.

В тот день, когда консервативные силы Германии поймут, что только я со своей партией могу завоевать немецкий пролетариат для государства и что нельзя вступать с марксистскими партиями в парламентские игры, Германия будет спасена на все времена и мы сможем основать немецкое народное государство. Убедите в этом, пожалуйста, господ Гугенберга, фон Папена, также д-ра Гуго, особенно же президента республики.

Я не являюсь другом «массы». Я противопоставляю ей личность. Историю делают только личности, не массы. Массу необходимо вести. Без строгого руководства массами невозможны крупные исторические достижения. Народ необходимо включить в авторитарную систему.

Диктатура? (В ответ на замечание собеседника, что это неизбежно приведет к диктатуре.) Называйте это, как хотите. Я не знаю, следует ли так обозначать это, но я — не поклонник аморфной массы, я смертельный враг демократии, которая ввергла нас в несчастье. Я также не сторонник избирательного права для женщин; я противник всеобщего, равного и тайного избирательного права. Если и придерживаться этой чепухи, то мы обязаны получить выгоду от демагогии. Можете не сомневаться, женщины будут всегда голосовать за порядок и (военную) форму. Какая глупость: у избирательной урны профессор и уборщица конюшни имеют равные права!

№ 15

Из речи главы электротехнической фирмы К. Сименса, произнесенной на завтраке в офисе компании «Дженерал моторе» в Нью-Йорке 17 октября 1931 г.

Коммунизм и движение Гитлера быстро растут, но между ними имеется следующее принципиальное различие: первый стремится добиться своих целей революционными методами, т.е. при помощи баррикад и гражданской войны, второй намеревается достичь своей цели при помощи законных средств, т.е. избирательного бюллетеня. В то же время это движение хочет предотвратить повторение ноябрьских событий 1918 г., когда революционеры не встречали на улицах никакого сопротивления.

Гитлеру недостаточно воздается за то, что благодаря самоотверженности его движения и высоким национальным идеалам под его знаменами собирается молодежь, принадлежащая ко всем

классам. Национал-социализм — не против безудержного господства парламентаризма, что, к сожалению, предписала наша конституция. Немецкий народ не дорос до этой формы демократии.

№ 16

«Боксгеймские документы» НСДАП от 25 ноября 1931 г.

Проект первого объявления нашего руководства после устранения прежних высших органов власти и ликвидации коммуны в районе, подлежащего единому управлению:

Неслыханная опасность требует применения чрезвычайных мер, чтобы обеспечить прежде всего само существование народа. Только строжайшая дисциплина населения и беспощадные действия вооруженных сил могут сделать это возможным.

В качестве командира (штурмовых отрядов, отрядов самообороны и т.п.) в (Штаркенбурге, Прирейнском Гессене, Верхнем Гессене) приказываю всему населению:

Немедленно повиноваться каждому распоряжению (штурмовых отрядов, отрядов самообороны и т.п.) независимо от звания того, кто их отдает. Сопrotивление принципиально карается смертью. Полевые суды имеют право при наличии особых обстоятельств выносить и другие приговоры.

Огнестрельное оружие должно быть в течение 24 часов сдано (штурмовым отрядам, отрядам самообороны и т.п.). Те, у кого по истечении этого срока будет обнаружено огнестрельное оружие, будет расстрелян на месте, как враг (штурмовых отрядов, отрядов самообороны и т.п.) немецкого народа.

Каждый чиновник, служащий и рабочий общественных органов или транспортных служб обязан немедленно возобновить свою деятельность. Сопrotивление и саботаж караются смертью.

Место высших государственных органов займут (штурмовые отряды, отряды самообороны и т.п.) в моем лице...

4. Изданные (штурмовыми отрядами, отрядами самообороны и т.п.) чрезвычайные декреты имеют силу закона с момента их вывешивания на стенах. Нарушения этих чрезвычайных декретов будут в особенно тяжелых случаях наказываться смертью, хотя в обычных условиях за те же проступки полагались бы более легкие наказания.

№ 17

К. Осецкий «Кто против кого?» («Вельтбюне», 1931 г., № 47)

Партия могла выступить дважды: 14 сентября 1930 г. и в день Гарцбургской конференции. Германия была готова к штурму. Но Гитлер не перешел к действию: хотя он не слишком много знает, но одно усвоил прочно — он может поднять лишь пару своих мобильных частей, большинство же их не терпит движения. И его соображения имеют основания. Ведь то, что для него делают Брюнинг и Тренер, ему незачем делать самому. Он не правит, однако он господствует. Но на длительное время все еще растущая партия не может ограничиться этим. В этой партии нет ничего творческого, все заимствовано. Она не имеет собственного духовного багажа и собственной идеи; ее программа — это заимствованная откуда угодно бессмыслица. Ее внешняя форма и словарный запас взяты частью у левых партий, частью у Муссолини, частью у «Пробуждающейся Венгрии». Только лозунг — «Еврей, погибни!», пожалуй, продукт собственной культуры. Эта миллионная партия, располагающая солидными субсидиями промышленников, при своих вылазках в область духа всегда обзаводилась только самыми старыми и худшими идеями.

Что касается ее теоретиков Федера и Розенберга, то какое-либо общение с ними невозможно, но в то же время с таким практиком, как Геббельс, все еще можно дискутировать с помощью носков ботинок. В этой партии все подражание, все плагиат. Даже газеты по своему формату и графическому оформлению копируют известные издания и могут быть по ошибке приняты за последние. Все вокруг национал-социалистической партии собрано в бору по сосенке, все краденое: материал для пустых голов, но крепких пальцев. Но господа вожди заимствовали нечто им несвойственное. Они прибрали к рукам с самого левого фланга также социальную революцию и бросили ее своим людям. Теперь они жонглируют этим, как обезьяна бритвой, и этим же они в конце сами перережут себе горло.

№ 18

К.Осецкий «Победит ли все же Гитлер?» («Вельтбюне», 1931 г., № 56).

Если бы правительство действительно хотело продемонстрировать национал-социалистам свой авторитет, оно должно было бы арестовать Гитлера как государственного изменника в тот день, когда он принимал, изображая из себя главу параллельного правительства, парад в «Кайзерхофе»... В этом случае не мог бы остаться на свободе и Грегор Штрассер, который только что в Штутгарте

вновь гремел: «И если нам придется во имя Германии стоять в крови до лодыжек, то мы этого и желаем». Тогда не мог бы более находиться на своем посту имперский генеральный прокурор, который, согласно сообщению «Берлинер тагеблат», принял меры для выведения из-под удара создателей боксгеймских планов массового убийства. И от этого господина Вернера, обладателя самой длинной руки в государстве, можно ожидать, что он примет меры против фашистов? Бедный «Рейхсбаннер», он прежде всего возьмется за тебя и отнесется к тебе не так снисходительно, как Бест и его кровавые собаки.

№ 19

Аффидавит от 27 сентября 1946 г. советника Гитлера по экономике В. Кеплера о создании и деятельности «Кружка друзей СС».

Кружок друзей, первоначально именовавшийся «кружком Кеплера», а позднее «кружок друзей рейхсфюрера СС Гиммлера», представлял собой круг ведущих персон германской экономики, который я собрал по распоряжению фюрера.

Во время одного разговора в декабре 1930 г. фюрер сформулировал это пожелание. Он сказал: «Постарайтесь заполучить пару хозяйственных руководителей. Они должны быть членами партии,— которые находились бы в нашем распоряжении, когда мы придем к власти». Фюрер хотел располагать экспертами, которые зарекомендовали себя на практике.

Насколько я помню, фюрер не назвал каких-либо имен, кроме Шахта, а возможно и Феглера, и предоставил мне подбор кандидатур. Сам беседовал с членами кружка преимущественно во время своих поездок.

Целью кружка друзей было обсуждение планов национал-социалистического руководства относительно германской экономики.

В мае 1932 г., после того как я неоднократно встречался с господами, входившими в «Кружок друзей», я спросил фюрера, не может ли он как-нибудь встретиться с ними. И 18 мая 1932 г. такая встреча состоялась в малом зале гостиницы «Кайзерхоф». Насколько я помню, на этом приеме присутствовали все господа, входившие тогда в «Кружок друзей».

Фюрер произнес короткую речь, в которой изложил в качестве пунктов своей программы ликвидацию профсоюзов и всех партий за исключением НСДАП. Никто не выразил несогласия.

Эти пункты программы фюрера нашли полную поддержку членов «Кружка друзей», но они выразили озабоченность тем, удастся ли ему это.

В 1932 г. членами кружка были банкиры: К. фон Шредер, Э. Майер (Дрезденский банк), О. Шбейнбринк (концерн Флика), Э. Хеккер (Объединение германских железно- и сталепромышленников) — наиболее видные представители крупного капитала страны.

№ 20

Письмо Я. Шахта Гитлеру от 12 марта 1932 г.

После того как Вы снискали славу во втором сражении (имеется в виду второй тур президентских выборов, в ходе которого НСДАП добилась внушительного успеха — Ред.), я позволяю себе вернуться к нашей последней беседе. Если мне и до сих пор не удалось склонить всемогущих господ с Запада к открытому выступлению в Вашу пользу, то я все же могу констатировать очень много симпатий с их стороны. Я постоянно встречаюсь с двумя сомнениями (с их стороны). Первое — это опасение испортить отношения с правительством, расположение которого, в тех или иных обстоятельствах, необходимо. Второе — неясность в отношении экономической программы национал-социализма. Что касается последнего, то я могу зафиксировать успех в том, что некоторые из господ заявили о готовности финансировать вместе со мной инстанцию, задачей которой будет изучать хозяйственно-политические концепции национал-социализма и проводить их в соответствие с тем, что необходимо для процветания частного предпринимательства. Я твердо убежден в том, что при совместной работе может быть достигнуто согласие между основными воззрениями национал-социализма и возможностями частного хозяйства, ибо альтернатива не социализм и капитализм, а индивидуализм и коллективизм.

По договоренности с моими западными друзьями я изъявил готовность взять на себя наблюдение за работами планируемой группы.

№ 21

«Террор и страх» (из бесед Гитлера с президентом данцигского сената Г. Раушнинггом, проходивших с 1932 г. по начало 1933 г.)

Видели ли Вы, как сбегается множество людей, когда двое дерутся на улице? Жестокость

импонирует. Жестокость и грубая сила. Простому человеку с улицы импонируют только грубая сила и беспощадность. Это относится и к женщинам и к детям. Люди нуждаются в спасительном страхе. Им хочется чего-либо бояться. Им нравится, когда их пугают, и они, содрогаясь подчиняются кому-либо. Опыт свидетельствует, что повсюду, после происходящих в залах драк, в партию (НСДАП) вступают в первую очередь побитые. Что там болтают о жестокости и возмущаются мучениями. Масса хочет этого. Ей необходимо нечто ужасное.

Я против того, чтобы превращать концлагеря в пансионы. Террор является наиболее действенным политическим средством. Я не откажусь от него только потому, что это не нравится каким-то глупым буржуазным ничтожествам. Мой долг — использовать любое средство, чтобы воспитать в немецком народе жестокость и подготовить его к войне.

Мы должны быть жестокими. Мы должны возродить вкус к жестокости. Только так можем мы ликвидировать мягкосердечие и сентиментальное филистерство нашего народа. У нас больше нет времени для красивых чувств. Мы должны принудить наш народ к величию, если он намеревается выполнить свою историческую миссию.

Я знаю, что я должен быть жестким воспитателем. Моя задача труднее, чем та, которая стояла перед Бисмарком или кем-либо другим, кто руководил Германией. Я должен создать народ прежде, чем я смогу подумать о том, чтобы решать задачи, которые ныне поставлены перед нами, как нацией.

Мы должны освободиться от всех сентиментальных чувств и стать твердыми. Когда я в свое время объявляю войну, я не буду думать о 10 миллионах молодых людей, которых пошлю на смерть. Смешно требовать от меня, чтобы я наказал только действительных преступников из числа коммунистов. Это трусливая буржуазная непоследовательность успокаивать совесть при помощи правовой процедуры. Есть лишь одно право — это право на жизнь нации.

№ 22

Из документов Нюрнбергского процесса.

В ходе допроса Шахта, проходившего в 1946 г., было оглашено признание, ранее сделанное фон Папеном следователям: «Когда я был канцлером Германии в 1932 г., ко мне зашел Шахт, это было в июле или августе, я был дома. Он сказал мне: «Отдайте ему Вашу должность. Отдайте Вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию».

Среди документов обвинения, представленных трибуналу, находилась и книга Ф. Райтера «Шахт», изданная в Берлине в 1937 г. В ней, в частности, говорилось: «Словами и делами, используя свою личность, чтобы оказать влияние на круги и персон, у которых он пользовался авторитетом, Шахт после встречи с Гитлером становится сознательным проводником национал-социалистического движения и одним из тех, кто сыграл ценную роль в его конечном успехе». Далее речь идет о важных выступлениях Шахта в пользу НСДАП за пределами Германии — в декабре 1930 г. в Копенгагене, в марте 1931 г. в Стокгольме, в США и т.д.

№ 23

Допрос на предварительном следствии министра экономики гитлеровской Германии В. Функа (июнь 1945 г.)

Вопрос: Кто (из числа промышленников) интересовался нацистской партией?

Ответ: Феглер. Кнеппер... все горнодобывающие компании... Клекнер, Ромтерг...

Когда я был главным редактором газеты «Берлинер берзенцайтунг», ко мне обращались лица (из этого круга), желавшие оказать определенное влияние на экономические и политические позиции новой партии, которая, по их мнению, в будущем встанет во главе Германии. Я был в контакте с некоторыми деятелями НСДАП в Мюнхене. (В НСДАП Функ вступил летом 1931 г. и стал одним из главных ее авторитетов в вопросах экономики. Стать членом НСДАП его побудили крупные промышленники, стремившиеся иметь «своего человека» в руководстве партии.)

№ 24

Из брошюры концерна «ИГ Фарбениндустри» — «15 лет на заводах Лейна» (1943 г.).

Летом 1932 г. царило большое экономическое напряжение В этой тяжелой ситуации директор д-р Бютефиш решил уточнить позицию национал-социалистического движения по отношению к немецкому синтетическому бензину. При посредстве д-ра Гаттино он обратился в личный штаб фюрера с просьбой о встрече с ним для беседы, на что было дано согласие. Бютефиш сообщает об этом: «Фюрер убедительно описал экономические цели. Он заявил: «Экономика без горючего в наше время в Германии, которая хочет быть политически независимой, немыслима. Поэтому немецкое (синтетическое) горючее должно стать реальностью, даже если это потребует жертв. Поэтому

настоятельно необходимо, чтобы гидрирование угля продолжалось».

Прощаясь с нами, фюрер сказал: «Техническую сторону я предоставляю вам. Это ваша профессия. Но наш путь совпадает, и я надеюсь, что этот путь в ближайшее время приведет к колоссальному усилению Германии».

Результат встречи с фюрером стал в тот момент сильнейшей поддержкой для заводов Лейна. После этого гидрирование угля могло быть беспрепятственно продолжено.

№ 25

Обращение крупнейших промышленников, банкиров и землевладельцев от 19 ноября 1932 г. к президенту П. Гинденбургу с рекомендацией передать власть Гитлеру ².

Подписавшие это письмо воодушевлены, подобно Вам, горячей любовью к немецкому народу и отечеству, с надеждой приветствуют тот коренной сдвиг в руководстве государственными делами, который Вы инициировали. Подобно Вам мы поддерживаем необходимость независимого от партийного давления правительства, каким оно предстает в сформулированной Вашим превосходительством идее президентского кабинета.

Мы усматриваем в национальном движении, которое имеет место в нашем народе, многообещающее начало того времени, которое благодаря преодолению классового противостояния создает необходимую основу для нового подъема немецкой экономики. Мы знаем, что этот подъем еще потребует многих жертв. Мы верим, что эти жертвы могут быть оправданы, если в правительстве будет участвовать небольшая группа этого национального движения.

Передача руководства президентским кабинетом вождю наибольшей национальной группы будет способствовать очищению этой группы от шлаков, которые неизбежно появляются в каждом массовом движении, и сплочению миллионов людей, которые сегодня стоят в стороне.

№ 26

Записи из дневника Й. Геббельса (последние месяцы 1932 г.)

Неимоверно трудно с деньгами (15 октября). Отсутствие денег превратилось в хроническую болезнь. Нам не хватает средств, чтобы вести по-настоящему широкую компанию (1 ноября). Последняя атака. Последняя отчаянная попытка избежать поражения партии. В последнюю минуту нам удалось раздобыть 10 000 марок Мы сделали все, что можно. Пусть теперь решает судьба (15 ноября). Если в партии не произойдет раскола, то мы определенно выиграем игру (27 ноября). Положение партии катастрофическое. В Тюрингии мы потеряли с 31 июля около 40% (6 декабря). В организации царит тяжелая депрессия. Нехватка денег делает какую-либо целеустремленную работу невозможной (8 декабря). Все мы прежде всего подавлены, и вся наша работа окажется напрасной. Гитлер часами ходит по комнате. Однажды он остановился и сказал мне: «Если партия развалится, я в течение 3 минут окончу все при помощи пистолета»(9 декабря). Благодаря удачной финансовой операции удалось несколько уменьшить наши денежные заботы (15 декабря). Появились в ближайшие дни возможность встречи с фюрера с Папеном. (19 декабря). Тем самым открывается новый шанс (29 декабря).

№ 27

Письмо экономического советника Гитлера В.Кеплера банкиру К.Шредеру от 19 декабря 1932г.

Я в высшей степени приветствую Ваше решение воспользоваться возможностью встретиться для беседы с господином Папеном с целью способствовать прояснению ситуации Я рад, что в ноябре не состоялось назначение нашего фюрера рейхсканцлером, ибо тогда оно наверняка не принесло бы положительных результатов. Идея устроить встречу Папена с Гитлером представляется в существующей обстановке мне чрезвычайно важной. Ведь г-н фон Папен может лучше всех судить, каково теперь настроение старого г-на Гинденбурга и как лучше всего можно преодолеть все еще осязаемое там сопротивление (назначению Гитлера рейхсканцлером). Если Вы будете во время встречи с Папеном в своем доме в Кельне, что было бы безусловно желательно, необходимо время встречи выбрать так, чтобы и час приезда, и час отъезда фюрера пришелся на темное время, так как важно, чтобы об этой встрече никто не узнал.

² Обращение было оформлено в виде серии писем к П. Гинденбургу. В числе подписавших эти письма были: Я. Шахт, Берлин, барон фон К. Шредер, Кельн, Ф. Тюссен, Мюльгейм, Э. Гельферих, Гамбург, А. Ростерг, Берлин, Э. Хеккер, Ганновер и др. — всего 19 крупнейших глав промышленных банковских компаний, владельцев земельных латифундий. Идеи, высказанные в обращении к П. Гинденбургу поддержали также глава «Стального треста» А. Феглер, а также П. Рейш (Тутехофнунгсхютте) и Ф. Шпрингорум (концерн Хеша).

№ 28

Письмо В. Кеплера К. Шредеру от 26 декабря 1932 г.

Г-н фон Папен мог бы совершить великую историческую миссию. Я надеюсь, что Ваше мастерство поможет устранить в ходе беседы последние препятствия для назначения Гитлера главой правительства.

№ 29

Из аффидавита К. Шреера о встрече фон Папена с Гитлером 4 января 1933 г. в Кельне, составленного по требованию следователей Нюрнбергского процесса.

4 января 1933 г. мой дом в Кельне посетили Гитлер, фон Папен, Гесс, Гиммлер и Кеплер.

Папен указал, что он считает наилучшим создать правительство, в котором были бы представлены консервативные и национальные элементы, поддерживающие его, вместе с нацистами. После этого Гитлер произнес длинную речь, в которой сказал, что если он будет назначен канцлером, то сторонники Папена смогут участвовать в его правительстве в качестве министров, если они будут готовы поддержать его политику. Имелось в виду, в частности, устранение всех социал-демократов и евреев с руководящих должностей в Германии и восстановление общественного порядка. Фон Папен и Гитлер достигли принципиального согласия по этому вопросу.

Эта встреча была организована мною после того, как Папен примерно 10 декабря 1932 г. попросил меня об этом. Пред тем, как я устроил встречу, я побеседовал с рядом господ из экономики, обзавелся информацией о том, как экономика отнесется к сотрудничеству названных сил. Общие устремления хозяев экономики сводились к необходимости прихода к власти в Германии сильного руководителя, который создал бы правительство, способное остаться у власти долгое время. Когда 6 ноября 1932 г. НСДАП понесла первое поражение и обнаружилось, что она перешагнула свой зенит, стало ясно, что срочно необходима экономическая помощь. Общий интерес экономики определялся страхом перед большевизмом и надеждой, что национал-социализм, добившись власти, восстановит в Германии стабильную политическую и экономическую ситуацию. В этой связи следует назвать предусмотренное Гитлером расширение германской армии со 100 тысяч до 300 тысяч человек, строительство автотрасс, заказы с целью улучшения транспортного сообщения вообще, особенно железных дорог, и расширение таких производств, как автомобиле- и самолетостроение.

Было общеизвестно, что одним из важнейших программных пунктов Гитлера являлась отмена Версальского договора и возрождение сильной, как в военном, так и в экономическом отношении, Германии.

Экономическая программа Гитлера была руководителям экономики хорошо известна, и они приветствовали ее.

№ 30

Из воспоминаний сопредседателя «Стального шлема» Т. Дюстерберга.

Не подлежит сомнению, что при серьезном анализе этот акт был бы оценен как антиконституционный и открывающий дорогу Гитлеру. Если бы тогда поднялся массовый протест во главе с устраненными министрами и протестующие прошли бы по Вильгельмштрассе, если бы развернулась всеобщая забастовка, исход политической борьбы начала 30-х годов был бы иной.

30 января 1933 г. автор присутствовал на церемонии передачи власти Гитлеру в кабинете Гинденбурга. Гитлер подошел к Гинденбургу и сказал: «Господин президент! Даю Вам торжественно честное слово, что я никогда ни с кем из здесь присутствующих не расстанусь, несмотря на любой результат выборов в рейхстаг». Это, однако, не убедило президента. Тогда заговорил Папен: «Вы не можете ведь сомневаться в торжественном честном слове немца». Но результат был тем же. Лишь после дальнейших уговоров Гинденбург окончательно согласился назначить Гитлера рейхсканцлером. О том, что Гитлер нарушит любое честное слово — сразу или спустя время, даже любую присягу, если это принесет ему пользу, мог уже в 1932 г. понять каждый, способный глубже разбираться в людях. «Честное слово» было нарушено уже летом того же года, когда Гугенберг был устранен с двух министерских постов, которые он занимал. Спустя год та же участь постигла Папена, который был заместителем Гитлера.